

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

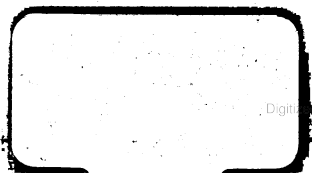
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07854609 4

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Въ томъ числѣ, что и въ томъ —

въ томъ числѣ, что и въ томъ

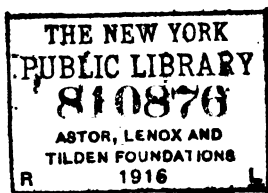
Оксенштирне

10
ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ:

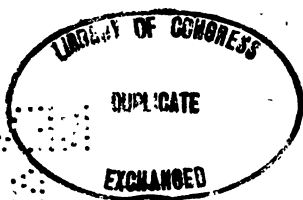
МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1826.

Печатаише дозволяется съ шѣмъ, чшобы по оппечатаии, до выпуска въ продажу, предспавлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департаментна Министерства Просвѣщеня, два экземпляра для Императорской Публичной Библиотеки и одинъ для Императорской Академии Наукъ. Москва, Августа 12 го дня, 1826 года. Экстраординарный Профессоръ Дмитрйи Перевощиковъ.

**МОСКОВСКИЙ
ТЕЛЕГРАФЪ.**

Ч А С Т Ъ X.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

- I. НАУКИ И ИСКУСТВА.**
 - II. КРИТИКА.**
 - III. БИБЛИОГРАФІЯ.**
 - IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.**
-

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ И ИСКУСТВА.

Объ утрежденіи обществъ для сподвиженія всеобщему благосостоянію и успѣхамъ промышленности, съ объясненіемъ предметовъ, на которые могутъ они обратитъ свои дѣйствія ().*

Когда нашъ знаменитый Колбертъ хотѣлъ возвести Французскую промышленность на высокую степень благосостоянія, первымъ стараніемъ его было то, чтобы людямъ промышленнымъ доставляли денежныя вспоможенія, при-

(*) Сочиненіе Г. Монжери, изобрѣшателя подводныхъ судовъ и многихъ важныхъ механическихъ орудій. Въ наше время, когда узнали великое дѣйствіе непосредственнаго вліянія обществъ, составленныхъ для успѣховъ земледѣлія, промышленности, науки и искусствъ, оказалось вообще стремленіе къ составленію оныхъ во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ свѣта. Г. Монжери написалъ свое разсужденіе по поводу обнаруженнаго проекта о составленіи въ Парижѣ новаго общества, принявшаго названіе: la Société commanditaire de l'Industrie. Общество сіе, Ч. X. No 13. А

влекать изъ иностранныхъ земель искуснѣйшихъ работниковъ, ободряя приложеніе новыхъ, или еще неизвѣстныхъ у насъ, производствъ искусственныхъ, а болѣе всего распространяя ученіе, какъ главную причину успѣховъ всякаго рода.

для рѣшительнаго дѣйствія своего, ожидаетъ только королевскаго утвержденія. Цель его вообще: *сло- слѣдствовать и участвовать въ успѣхѣхъ всякаго предпріятія, всякаго изобрѣтенія и всякаго усовершенствованія, относительно земледѣлія, промышленности и торговли.* Участіе общества будетъ производиться капиталами онаго, въ видѣ товарищества. Оно будетъ входить въ сношенія и даже въ товарищество съ частными людьми и со всеми другими обществами. Капиталь онаго состоятъ изъ *ста милліоновъ франковъ*, раздѣленныхъ на акціи, *каждая въ тысячу франковъ.* Общество управляемо будетъ общимъ совѣтомъ, состоящимъ изъ тринадцати директоровъ и пяти цензоровъ. Списокъ основателей, напечатанный въ концѣ акта общества, содержитъ въ себѣ имена, способныя внушить полную довѣренность. Изъ числа ихъ назовемъ Гг-да Ж. Лафитта, Терно старшаго, Казимира Перрье, Ларрега, Вишала - Ру, Вилькинсона, изъ Лондона; Гентша, изъ Женевы; Бемманна, изъ Франкфурта на Майнѣ. Можеть бытъ многіе назовуть мысли Г. Мюшжера мечтою, но мы такъ не думаемъ. Благородная ревность друзей человечества стремится осуществить, а изобрѣтательный гений новѣйшаго образованія непрерывно осуществляетъ то, что донныя казалось невозможнымъ. По крайней мѣрѣ мы починаемъ долгомъ сробдаться соотечественникамъ нашимъ по возмож-

При основаніи *Академіи наукъ* главная цѣль Колберта была обращена на пользу промышленности и искусства. Ученому сословію сему поручено было дѣлать подробное описаніе способовъ, употребляемыхъ по всѣмъ отраслямъ промышленности; возбуждать, укоряя улучшение сикъ способовъ, или собственными трудами, или наградами назначаемыми за полезныя изобрѣшенія.

Сообразно съ цѣлію основателя, Академія описывала производства искусства; разсматривала и испытывала новыя машины и другія изобрѣженія. Ученость способствовала мубліямъ теніи искусства, отдавала дерзкое незнаніе и хвастливоснѣ и представляла полезнымъ трудамъ защиту отъ сихъ двухъ непріятелей. Удовлетворивъ сей части своихъ обязанностей, можетъ быть Академія наукъ, иногда увлеклась прелестію ошвлеченныхъ теорій, не обращая вниманія на приложенія наукъ; но если искусства и промышлен-

ности извѣстіе о каждомъ новомъ порывѣ человѣчества къ усовершенствованію. Замѣшимъ дѣятельное учрежденіе и въ надеждѣ опечеснѣ обществъ для благошворенія и споспѣшествованія всѣмъ отраслямъ человеческой промышленности, наукъ и искусства. Намъ обѣщано отъ одной почтенной особы извѣстіе о всѣхъ вновь учредившихся въ Россіи съ сею цѣлію обществахъ и заведеніяхъ, которое немедленно по доставленіи будетъ представлено чинашаламъ Телеграфа. *Изд.*

ности дѣйствительно были въ пренебреженіи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, забвеніе оіе заглажено нынѣ — и въ японскихъ промышленности находящаяся многія имена людей, знаменитыхъ въ японскихъ наукахъ (*).

Хранилище художествъ и ремеселъ, основаніе котораго должно приписать Генрику IV (**), доставлялъ промышленностямъ важныя услуги, а особенно съ того времени, какъ ученые профессоры Экономіи, Механики и Химіи опредѣлены къ сему заведенію и начали распространять между избранными художниками и мануфактурщиками свѣтъ теор-

(*) Не лзя забыть изобретеній Бартолмеа, Шапала, химическихъ процессовъ и препаратовъ, которыми мы обязаны Тенару и др. Гг. Вокеленъ, Ге-Люссакъ, Д'Арсесть, Прони, Жираръ, К. Дюпень, Навье и многіе другіе отличные ученые отчасти занимались разными отраслями промышленности, устройствомъ мостовъ и дорогъ, основаніями общественной сѣли и шель распространяли вснѣйшія познанія на дѣйствія, предоставляемыя прежде сальному навыку. *Пржл. Фр. Жур.*

(**) Сюдамъ ижесть, что многія нижнія залы Лувра были опредѣлены для храненія моделей машинъ всякаго рода. Денаршъ представлялъ также планъ для заведенія сему подобнаго. Знаменитый Вокасонъ устроилъ на свой счетъ дело машинъ, которое послѣ отказалъ Людовику XVI. Сіе дело, умноженное и переведенное въ древнее аббатство Св. Мартина, послѣ многихъ улучшеній, сдѣлалось богатѣйшимъ заведеніемъ сего рода. *М.*

рін, присвятивши къ ней уроки практики. Но сіе превосходное заведеніе, основанное для еокраенія и распространенія, а не для изобрѣтенія, собираетъ то, что уже существовало и не можетъ привнести въ дѣйствіе того чтобы должно было: ограниченное въ своихъ средствахъ и правахъ, оно движется промышленностію, и не можетъ само дать ей сильнаго возбужденія. Тоже самое можемъ мы сказать о *ареденныхъ выставляхъ ответственной промышленности*, о сихъ блестящихъ праздникахъ, характеристическихъ памятниккахъ стремленія въка; коихъ главная польза состоитъ въ представленіи живой Спашистики приобретеннаго нами богатства познаній.

Около 1804 г., нѣкоторые любители народной промышленности думали, что приближилось время для составленія во Франціи общества, способнаго къ поощренію и къ помощи изобрѣтателей. Подъ начальствомъ знаменитаго Шапюталя составили они *Общество поощренія народной промышленности*, въ которое принимали всѣхъ людей доброжелательныхъ, занимающихся и незанимающихся производельными работами, но ревностно желавшихъ видѣть раскрывающееся народное благосостояніе. Единственными средствами дѣйствій, данными имъ основателямъ обществу, были задачи съ награжденіями, раздача медалей и повремен-

ныя обнародованія: кнѣзь, Основателемъ думали поддержать новое: сѣ заведеніе одними добровольными подписками и не лагали, что оно не должно входить посредственно ни въ какія предпріятія. Не взирая на сіи ограниченія и значительныя благоприятныя обощительныя общія немъкою обществу: въ самаго перво основанія, оно оказало искусствомъ и ремесламъ важныя услуги. Оно поддерживало вкусъ къ мирнымъ и производительнымъ работамъ, посреди жестокой системы завоеваній и разрушеній и сильно способствовало къ усовершенствованіямъ мануфактуръ во Франціи въ теченіе двадцати пяти лѣтъ.

Однакожь, по своему образованію и по сущности средствъ и способовъ дѣйствія, общество поощренія имѣетъ болѣе характеръ благотворительнаго заведенія, нежели учрежденія въ пользу промышленности. Успѣхи его всегда зависели болѣе отъ поспѣшной и дѣятельной рожности и конкорныхъ членовъ, нежели отъ самой сущности общества. Должно опасаться, что по удаленіи сихъ великодушныхъ людей, или даже и прежде, общество, потерявъ изъ виду важность своей цѣли, мало по малу потеряетъ свой характеръ, хотя число членовъ и денежныя средства безпрестанно у него увеличиваются, однимъ словомъ: должно опасаться, что уступя посредственности, конф-

рая вездѣ распространяются владычество свое, общество сіе, споль почтенное въ своемъ основаніи, станеть заниматься, какъ уже нѣсколько разъ и дѣлало, единственно предметами маловажными и награды. будутъ раздаваемы за мѣлкія ршенія вопросовъ, не имѣющихъ почти никакого вліянія на общеншвенное благосостояніе (*).

Замѣтимъ между прочимъ, что съ самаго основанія, усилія его особенно обращены были на мануфактуры, очень мало на земледѣліе и торговлю, и еще менѣе на усиліе мостовъ и дорогъ, на мореходство и военное искусство, которыя также соспавляютъ великія вѣтви промышленности. И потому, общество сіе, для достиженія цѣли, назначаемой

(*) Опасенія сія кажутся намъ неосновательными.

Общество поощренія должно было ограничить себя, какъ оно уже и сдѣлало, и заниматься единственно мануфактурною промышленностію. Земледѣліе вверено было *Центральному обществу*, вспомошествовавшему всѣми обществами во Франціи. Мосты и дороги, военное искусство въ нынѣшнемъ его положеіи, существованіе и выдѣлка оружія и мореходство, поручены ученымъ заведеніямъ, копорыхъ не лзя упрекнутьъ въ томъ, что они занимающа сими частями безъ ревности и безъ усилія. Если-бы общество поощренія захотѣло всѣмъ заняться, то не было-ли-бы оно слишкомъ для сего слабымъ, и могло-ли бы оно оказать какую-либо услугу? *Пр. Фр. Жур.*

назначеніемъ онаго, не обнимало общаго и полнаго плана; да если-бы оно и обняло планъ сей, то слабѣя капиталныя средства его, воспрепятствовали-бы приведенію онаго въ дѣйствіе.

Подобныя заведенія, существующія въ Англіи и вновь учрежденныя во многихъ областяхъ Германіи и Америки, предсправляютъ болѣе совершенсва въ своей организаціи, хотя вообще они имѣютъ гораздо менѣе средствъ всякаго рода, нежели общество Паризское. Они только слѣдуютъ за промышленностью, не въ состояніи будучи ни направлять ее, ни дать ей смѣлаго и непреклоннаго движенія.

Замѣчаніе это должно также приложиться къ споль известнымъ вспомогательнымъ обществамъ основаннымъ Г-мъ Оуэномъ въ Англіи. Человѣколюбивая ревность ихъ хочетъ сначала улучшить положеніе людей немущихъ и намѣрена утвердить благосостояніе всего человѣческаго рода, какъ воспитаніемъ и нравами, такъ и полнымъ развитіемъ промышленной дѣятельности, почитаемой за средство для предупрежденія нищеты и для приращенія благосостоянія работниковъ. Превосходныя слѣдствія должны бытъ нѣкогда плодомъ старанія сихъ обществъ, но кажется, что дѣйствіе ихъ не должно сдѣлаться просиращающимся на высшіе классы, копорые едва-ли согласятся соединить въ

общую массу свои богатства, свои палаты, свои знанія и получаешь ошь естественныхъ или приобретенныхъ выгодъ своихъ пользыгъ не болѣе тѣхъ людей, которые оныхъ не имѣютъ.

Нѣкоторые люди опасаются, что сія система обществъ, вмѣсто того что-бы придашь новую дѣятельность умственнымъ или физическимъ силамъ человека, не замедлишь-ли, напрошивъ того, ихъ развитія и не ослабишь-ли нѣкоторымъ образомъ напряженія промышленности; но должно полагать, что шакіе приговоры произносятся подѣ влияніемъ предразсудковъ, безъ разсужденія объ усиліяхъ генія народа, раждаемыхъ въ нѣкоторыя эпохи любовью къ отечеству и не признавая того, что отечество само по себѣ для всѣхъ людей есть истинное споспѣшествующее общество.

Пусть вообразятъ себѣ блаженство, которымъ наслаждалось-бы великое семейство человеческого рода, если-бы всѣ члены онаго, въ сльдствіе усовершенствованнаго воспитанія и благоустроенныхъ обычаевъ, спарялись безпрестанно о счастіи одинъ другаго, починая все то, что могутъ произвествъ природа или искусство, общею собственностию, въ которой всякій имѣеть долю. Выдумки эгоизма и самолюбія перестали-бы вредить произведенію шруда; не было-бы болѣе ни банкротствъ, ни раззорительныхъ спе-

куляцій, ни неурожаевъ. Всѣ таланты, всѣ промыслы, поощряемые публичнымъ уваженіемъ и поддерживаемые взаимнымъ споспѣшествованіемъ, произвели бы безпримѣрное изобиліе. Ни одинъ народъ, ни одинъ человекъ не былъ бы чуждъ другому; весь шаръ земной сдѣлался бы великимъ отечествомъ каждаго и путешественникъ былъ бы увѣренъ, что съ желаніемъ быть полезнымъ, вездѣ найдеть онъ брагскій пріемъ. Оплячія, которыя природа расщочаетъ нѣкоторымъ своимъ любимцамъ, оставались бы уважаемыми и почтенными вполне, ибо прекрасная женщина не перестала бы привлекать на себя взоры, также какъ сильный человекъ не потерялъ бы способности поднимать тяжести, и существо оспроумившія, любезившія, добродѣтельвѣйшія были бы тѣмъ болѣе уважаемы, ибо ничто не затемняло бы въ нихъ блеска истиннаго и личнаго достоинства. Простые и тихіе нравы произвели бы то, что никто не гордился бы дарами природными или приобретенными и люди худаго образованія, какъ въ физическомъ, такъ и въ моральномъ отношеніи нашли бы состраданіе и снисхожденіе. Поистинѣ, никакая Утопія не представляла никогда такой лестной картины, особливо, если присоединить къ сему чудеса, могущія произойти отъ ежедневныхъ успѣховъ Механики и всѣхъ

человѣческихъ познаній! Но, предполагая, что эпоха, въ которой люди будутъ содѣйствовать величайшему и возможно-обширнѣйшему всеобщему благосостоянію, еще не приближилась, не уже ли совершенно бесполезно будетъ, если имъ постараемся указать на средства къ оному?

Можетъ быть Г-ну Оуэну должно-быть съ большимъ искусствомъ скрыть свои мнѣнія о разныхъ сектахъ вѣроисповѣданій. Средства его къ соединенію ихъ конечно благотворны и миролюбивы; но при всемъ томъ можно видѣть, что его учрежденіе имѣетъ цѣлю уничтоженіе секталорскихъ разногласій. Нашедъ препятствія и весьма мало вспомошествованія въ Англіи, хотя онъ весьма тамъ уважаема, Г. Оуэнъ перенесъ планы и проѣзды свои въ Новый свѣтъ. Намъ извѣстно, что правительство Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ приняло его съ отличными уваженіемъ; но можетъ быть ему должно будетъ побѣдить гораздо болѣе трудностей, нежели сколько можно предполагать изъ столь счастливаго начала. Люди вездѣ привязаны къ своимъ мнѣніямъ, обыкновеніямъ, а всего болѣе къ своимъ преимуществамъ. Въ этомъ случаѣ надобно поступать весьма осторожно.

Не смотря на препятствія, усиліе Г. Оуэна для улучшенія участи человѣче-

скаго рода, оставило въ Англіи неизгладимыя слѣды, хотя приверженцы его признали необходимымъ смягчить систему основателя. Они составили общество, которое, не утвердивъ еще ничего окончательно, требуетъ нынѣ мнѣній ошъ своихъ поварихей и ошъ публички для усовершенствованія предлагаемаго плана. *Отлїтїе нашей споспѣшествовательной системы*, сказано въ объявленіи общества, *состоитъ въ томъ, чтобы согласить произведеніе и распредѣленіе богатствъ съ счастьемъ цѣлаго человѣческаго рода, а не части онаго.*

Не останавливаясь на сей системѣ, замѣтимъ, что многочисленныя общества, состояющіяся вездѣ для исполненія предпріятій промышленности или челоувѣколюбія, находятся въ положеніи гораздо благопріятнѣйшемъ, нежели прежнія общества искусствъ и ремеслъ: сіи послѣднія учреждаемы были единственно для защиты лицъ и собственности ихъ членовъ; нынѣ же, не спрашась болѣе насилій феодализма, общества посвящаютъ время и силы свои къ распространенію средствъ и способовъ дѣйствія, хотя и занимаются только мѣстными дѣйствіями, опносящимися къ одной какой-либо изъ многочисленныхъ нуждъ общественныхъ. Они немало не помышляютъ объ общности успѣховъ промышленности, ни о средствахъ къ исполненію сего важнаго

для: сколь можно обширнее. Силы мощныя дружны объединеннаго механизма и народного благосостоянія поисте еще совершеннее чужды банкирамъ, купцамъ и прочимъ капиталистамъ.

Если судить и по тому только, что видимъ въ Европѣ, то суровыиъ покажется, на первый, маде стараніе, прилагаемое Англискимъ правительствомъ къ усовершенствованію своего флота и другихъ предметовъ промышленности; но при семъ должно вспомнить обитія войны въ 1812—1815 года, между Англіею и Соединенными Штатами Сѣверной Америки. Морская сила сихъ послѣднихъ состояла изъ 20 фрегатовъ, 50 лининыхъ судовъ и изъ флотиліи пенишей и ламонёрскихъ шлюпокъ. Морская военная сила Великобританіи состояла болѣе нежели изъ 1000 судовъ, въ числѣ коихъ была, по крайней мѣрѣ, 200 линейныхъ кораблей и столько же фрегатовъ, почитаемыхъ лучшими во всемъ свѣтѣ. Однако же Американцы взяли военныхъ и купеческихъ кораблей гораздо болѣе, нежели сколько потерѣли; и мирнымъ трагическимъ образомъ они въ себя выгоды, которыхъ прежде требовали отъ Англій.

Несправедливо было бы приписывать успѣхи сіи, единственно геополитическому положенію Соединенныхъ Штатовъ и энтузіазму жителей оныхъ. Сами Англичане признали превосходство вооруженія де-

пришельскихъ кораблей, ибо по заключе-
 ніи мира, они успѣли подражать усо-
 вершенствованіямъ, введеннымъ при по-
 стройкѣ и устройствѣ военныхъ кораблей
 Соединенныхъ Штатовъ. Но они еще очень
 не много успѣли въ сужденіи въко-
 шорныхъ орудій, недавно принятыхъ въ
 Америкѣ: они не построили даже ни одно-
 го пароваго фрегата, ни одного изъ сокру-
 шительныхъ орудій или кораблей, удоб-
 ныхъ для подводной войны. Весьма стран-
 ная ирраціональная причина относительно этихъ
 людей, которые не въ состояніи совершить
 оцѣнокъ въ дѣлѣ сей новый образъ вой-
 ны. Имъ давно не болѣе пенно для того,
 чтобы они никакъ не могли своихъ опы-
 товъ. Такимъ образомъ государство еіе
 будетъ никогда единственно, у кото-
 раго въ саронѣ положеніи останется
 морская сила уже вѣдѣвшая спрашивать у
 другихъ государствъ и могущая сдѣлаться
 еще спрашивать, нежели какъ обыкновенно
 предполагалось. Гораздо благоразумнѣе по-
 ошупая въ своихъ предпріятіяхъ. Соеди-
 ненные Штаты почитаютъ паровые су-
 да главными средоточіемъ своей защиты.
 Они начинаютъ признавать важность под-
 водной войны и флотъ Американскій без-
 прерывно приобретаетъ перевѣсъ надъ
 флотомъ Британскимъ, коего бюджетъ
 никогда не былъ менѣе 160 милліоновъ въ
 годъ время, какъ Американскій ограниченъ
 12 милліонами.

Вотъ другое доказательство въ подтвержденіе того, что я осмѣлюсь назвать равнодушіемъ къ промышленности въ Англійскомъ правительствѣ: въ тавернахъ его и въ арсеналахъ, превосходныхъ величиною и расходами всякія другія заведенія или мануфактуры, большая часть работъ производится, по прежнему, руками человеческими, вмѣсто того чтобы производилась оной паровыми машинами, въ совокупности со всеми усовершенствованными способами дѣйствія, которыми по справедливости должно удивляться въ частныхъ заведеніяхъ Великобританіи. Можете полагать, что почти весь купеческій суд сей державы превратится въ паровые корабли, прежде нежели одинъ изъ кораблей правительства подвергнется такому превращенію, хотя впрочемъ и легко повѣрить, что быстрое плаваніе, независящее отъ произвола вѣтровъ, составляетъ выгоду гораздо важнѣйшую для военныхъ кораблей, нежели для частныхъ судовъ купеческихъ.

Разсматривая постепенно успѣхи промышленности каждаго народа, можно наблюдать особенныя расположенія нѣкоторыхъ; но нигдѣ не встрѣчаемъ мы системы непосредственнаго соединенія всѣхъ способовъ физическихъ и моральныхъ къ пользѣ общественной.

Одинъ Французскій философъ, замѣчательный оригинальностію своего гениа и дѣятельностію къ наукамъ, болѣе нежели техническими познаніями и литературными талантами, Г. Сень-Симонъ (котораго раниюю кончину мы должны оплакивать), долгое время занимался изысканіемъ общественной системы, благоприятнейшей для произведенія. Изъ многочисленныхъ сочиненій его можно извлечь основанія слѣдующія :

Вся производительныя силы общественнаго шѣла существенно находящіяся въ промышленности, наукахъ и искусствахъ,

въ слѣдствіе сего, должно-бы составили обширное общество изъ людей, оказавшихъ наиболее способностей или въ умозрѣніяхъ или въ предложеніяхъ оныхъ къ практикѣ. Общество сіе представляло-бы, разсматривало и приводило въ дѣйствіе всякія общія или частныя предложенія, полезныя промышленности, наукамъ и искусствамъ ; оно было-бы раздѣлено на многія отдѣленія, именно : комитетъ промышленниковъ, коллегію ученыхъ и коллегію художниковъ. Предложенія, по существу ихъ, были-бы подвержены разсмотрѣнію котораго нибудь изъ двухъ послѣднихъ отдѣленій ; потомъ поступали бы въ комитетъ промышленниковъ, занимающійся исключительно исполненіемъ ; наконецъ принимались-бы въ четвертое отдѣленіе, называемое колле-

гія *философическая*, состоящее, какъ видно по названію, изъ философовъ или людей энциклопедическихъ, равно глубокихъ въ испианыхъ разысканій, въ познаніяхъ ученыхъ и въ искусствахъ входящихъ въ область воображенія.

Люди просвѣщенные и разсудительныя конечно признають полезны Дана Сень-Симона благонамѣренныя, удобныя къ приведенію въ дѣйствіе во Франціи и притомъ могущія привести важныя и великія выгоды.

Но даже и самаго робкаго человека не можетъ обезножить учреждающееся нынѣ въ Парижѣ *Окладное общество промышленности*. Дѣйствія его, ограниченныя кругомъ промышленныхъ искусствъ и благопріятныя произведенію, конечно въ скорости умножатъ средства для самаго увеличенія государственной казны. Общество сіе намѣрено споспѣшествовать и участвовать въ успѣхъ всякихъ предпріятій, всякаго изобрѣненія, всякаго усовершенствованія, относительно къ земледѣлію, мануфактурамъ и торговлѣ, снабжая всею суммою или частію оной, нужною для приведенія проэкта въ дѣйствіе. Для сего основатели намѣрены составить капиталъ во сто милліоновъ франковъ, раздѣляя оный на именные или бланковые акціи, въ тысячу франковъ каждая. Принятіе предложеній и проэктвовъ разсматриваемо будетъ совѣтомъ общаго управ-

ленія, состоящимъ изъ тринадцати членовъ, разделенныхъ на пять комисій: земледѣлія, фабрикъ и мануфактуръ, рудниковъ и горныхъ заведеній, общественныхъ работъ, опгетовъ.

Мы не будемъ входить въ подробности о спавшукыхъ него: организаціи: достиженіе: показывающъ ходъ движеній, принятой основателями: изъ нихъ видно, что цель Общества будетъ состоять въ томъ, чтобы насобратьеиъ приводить непосредственно въ сношеніе съ капиталястами и съ ихъ способами восполненія, следовательно, осуществляющъ сколько можно скорее все старыи и улучшенія.

Въ отношеніи финансовомъ, организація складочнаго общества, кажется намъ, хорошо устроеною; но, можетъ быть, не столь хорошею она окажется, если разсматривать ее въ отношеніи ученомъ. Для приличной оцѣнки новыхъ проектовъ, должно прежде долго и глубоко изучать отрасли промышленности, къ которымъ они относятся, и даже многія другія искусства и многія другія науки, соединяющіяся съ ними болѣе или менѣе непосредственно. Но въ числѣ двадцати, уже назначенныхъ членовъ общаго Совѣта находимъ весьма немного людей, извѣстныхъ въ области искусствъ. Впрочемъ Совѣтъ сей, для вспоможенія своего, можетъ принять число директоровъ,

Будемъ надѣяться, что она выйдетъ благо-
 разумно избиратьъ не только изъ отличныхъ
 инженеровъ, ученыхъ, художниковъ и лю-
 дей промышленности. Въ семь будеть со-
 исполнить лучшее изъ его речей, а именно въ
 собственныя изысканія и въ доверенности
 дублики.

Изъ названія цѣли Кошаченковъ видно,
 что ни одинъ изъ нихъ не будеть частно
 заниматься *экономикой* и *вѣдѣ-
 ниями судогодотомъ*, отраслю промыш-
 ленности, а именно важную, которая
 пребудеть въ осуществленіи теоріями
 тѣмъ болѣе, что, въ нашей спеціалі (*)
 взоры и умы совершенно опаряченны
 отъ мореплаванія. Кажется также, что
 основатели Складочнаго общества не ду-
 мають принять мѣръ для полученія въ
 большомъ количествѣ матеріальныхъ из-
 дѣлій военныхъ, коихъ производство на-
 чинають доверять частнымъ людямъ въ
 Англии, въ Соединенныхъ Штатахъ и
 даже во Франціи.

Не ограничивался показаніемъ только
 того, что несправедливо было бы не
 взять на себя Складочному обществу, мы
 осмѣлимся представить нѣкоторыя новыя
 виды о средствахъ употреблять капита-
 лы его самымъ искуснымъ и самымъ при-
 быльнымъ образомъ.

До утвержденія рѣшительной органи-
 заціи, основатели должны, по нашему мнѣ-

(*) Соч. разумееть Паракъ. Н. Т.

мію, значають награду за обчисленіе об-
 ективной таблицы всѣхъ частей про-
 мышленности. Энциклопедія, изданныя
 уже въ свѣтъ, не вырала на безвѣрную
 ихъ обширность, очень недостаточная
 дѣляна, прайкой таблица, искусно начер-
 панной. Онъ слишкомъ многопошны для
 чпенія капиталыспана, (нивыспрмъ много
 дѣль. Достаточнн было-бы помѣстити въ
 библиотеку общества только лучшія кни-
 ги и повременныя собранія по части
 искусствъ, ремеслъ и наукъ, конкъ число
 и достоянство значительнаго увеличивае-
 съ нѣкотораго времени, по мѣрѣ нужды и
 познаній производительнаго класса.

Вонъ нѣкоторыя предметы, заслу-
 живающіе особенное вниманіе благодѣянаго
 общества промышленности: усовершен-
 ствованіе и приспособленіе паровыхъ ма-
 шинъ; также машинъ, приводимыхъ въ
 движеніе водою и вѣтромъ, и болѣе эко-
 номическихъ, въ нѣкоторыхъ частныхъ
 приложеніяхъ; устрѣженіе машинъ движи-
 мыхъ расширенными воздухомъ, водород-
 ными газомъ, еремдцмъ порохомъ, ко-
 торыя еще въ младенчествѣ.

Не возможно въ достаточной степе-
 ни признавать важности открытія силъ,
 приводящихъ механизмы въ движеніе: умно-
 женіе ихъ не имѣетъ границъ, ибо онѣ
 частію могутъ производиться одна дру-
 гою и быти приспособляемы ко разнымъ
 работамъ, особенно къ шпмъ, для конкъ

по потребности великая сила и неограниченное движение.

Ихъ же машины единственно должно употреблять для чесанія и приданія хлопчатой бумаги, шерсти, вельки и проч., для окончательной отдушки всякъ тканей, для приготовления войлоковъ и кожъ, для лѣзненія спрессоваго глыбу и дровъ, для вымыванія и распиливанія камней, для приготовления цементовъ, известковыхъ растворовъ и кирпичей, для молотія хлѣба, къ чему недооптаточны однѣ водяныя и паровыя машины; но необходимость паровыхъ или какихъ нибудь другихъ огненныхъ машинъ въ особенности ощущается при сожженіи хлѣба, которое вездѣ производится еще столь употребительнымъ образомъ для работниковъ и столь опротивительнымъ для потребителей. Предпріятіе такого рода принесло-бы великую прибыль и сделало-бы капиталпромысловымъ, если-бы прибавляя кирмофельный заводъ, считали дватѣ дешевой и вкусной хлѣбъ для небогатыхъ семействъ.

Ощущительно, что послѣ сильнаго привода дѣйствительнаго механизма въ движение, полезныя предметы должны быть средоточіемъ сообщенія и проводовъ, ибо, если они не совершенны, то произведенія естественныя или мануфактурныя сползающія въ рукахъ земледѣлца или фабриканта, перестаютъ цѣнность свою по причинѣ избытка на землѣ своего образованія и

дѣлаются дѣшево, дорогими и рѣдкими по мѣрѣ того, какъ отвозятся далѣе: произведеніе умерна дѣется, когда эти средства къ свободному его сбытку.

Новая эпоха наступилъ нынѣ для перевоза товаровъ и путешественниковъ. Къ средствамъ до сего времени употребленнымъ, присоединяются паровыя, паровыя, чугунныя дороги, каналы; поднимающіе такія суда, которыя плаваютъ въ открытомъ морѣ.

Хотя еще въ 1763 году, Кюньо съ успѣхомъ дѣлалъ паровыя машины въ Парижѣ, но сіе великое и пресокромное изобрѣтеніе было осмѣяваемо, какъ и все новое, которыя выше той эпохи, въ исторіи оныя появляются. Англія и многія другія государства скоро будутъ наслаждаться симъ новымъ благодѣлнѣемъ: механики, употребленіе коего дѣлаетъ несравненно удобнымъ посредствомъ чугунныхъ дорогъ. Скоро увидимъ, можетъ быть, и то изобрѣтеніе: переносить, поманъ съ волшебнаго скоростію, вдругъ до сама путешественниковъ и безжизное животное: товаровъ. Впрочемъ, не одинъ паръ хотѣлъ употребленія нынѣ для дѣланія самоходныхъ машинъ: Лондонскій механикъ, Г. Броунъ, надѣясь съ успѣхомъ замѣнить его неоднороднымъ газомъ. Сомнѣваемся: илюбаз оныя скорѣе приобрѣлъ полный успѣхъ, не покушенія какого рода произведуть, можетъ быть,

иногда счастливые слѣдствія. Не возможно въ доспапочной степени пронайти разнообразія и умноженія механическихъ способовъ и силъ, Изобрѣшенія, кажушіяся сначала невозможными для приведенія въ дѣйствіе, часто приобретаютъ въ послѣдствіи высокую степень совершенства и пользы.

Въ Швеціи, въ царствованіе Густава Вазы, кончили избавить корабли отъ прохода чрезъ Зундъ, прорывъ каналъ между Готтшенбургомъ и Спокгольмомъ, который соединилъ бы море Балтійское съ Нѣмецкимъ. Предпріятіе сіе, нѣсколько разъ начинаемое и останавливаемое, будетъ наконецъ приведено къ исполненію въ 1828 году, просвѣщенными стараніями Короля Карла Іоанна. Въ Англіи каналъ Каледонскій, имѣющій 20 ф. глубины и 140 ф. ширины, конченъ весьма скоро, и искусство воспроизрествовало, надъ всѣми предпріятствіями природы. Въ Голландіи кончили каналъ въ 25 ф. глубины, 120 ф. ширины и 30 миль длины, для проведенія изъ Гелдера въ Амстердакъ, величайшихъ военныхъ и купеческихъ кораблей. Перенескъ Суэзскій и Панамскій, впрочемо будущъ прорыты Англицкими капиталистами; многія Французскія компаніи, изъ коихъ одна избрала себѣ инженеромъ Г-на Карла Дюпона, намѣреваются сдѣлать Парижъ, посредствомъ водянаго сообщенія, морскою гаванью. Много другихъ предпріятій такого-же рода начинающъ ссшавдаться, и

скоро увидимъ, что корабли, пришедшіе изъ Америки, изъ Индіи, изъ Китая, изъ Южнаго океана, будутъ плавать въ областяхъ государствъ, далеко отстоящихъ отъ моря.

Франція занимаетъ наилучшее географическое положеніе, для доставленія Европы сего безмѣрнаго благодѣянія и для полученія отъ сего особенныхъ выгодъ. Вся торговые и мореплавательные народы сдѣлались-бы нашими добровольными данниками, если-бы мы сдѣлали истинныя морскія дороги отъ пролива Британскаго до Рейна, отъ Шельды до Средиземнаго моря и если-бы мы при Лангедокскомъ каналѣ произвели нужныя работы, дабы онъ принималъ по крайней мѣрѣ большіе паровые корабли, сидящіе въ водѣ только на 7 или 8 футовъ. Кромѣ перевозовъ чрезъ Британскій проливъ и Атлантическій океанъ, такіе корабли ходятъ уже изъ Англіи въ Египецъ; намъ вѣроятна также пройди на нихъ въ Индію, обогнувъ мысъ Доброй Надежды. По сей послѣдній путь будетъ оставленъ, если откроется перешеекъ Суэскій, а для перевоза изъ Британскаго пролива въ Средиземное море, корабли стали бы проходить черезъ каналъ Лангедокскій, если-бы онъ прилично былъ расширенъ и продолженъ. Путешествія въ Индію или въ Средиземное море не только сдѣлались-бы короче, но и пріятнѣе, и почти не

были-бы подвержены опасностямъ обыкновеннаго плаванія.

Корабли Голландскіе, Датскіе, Шведскіе находили-бы также большую выгоду проходитьъ черезъ каналъ, соединяющій Шельду или Рейнъ съ Средиземнымъ моремъ, въ случаѣ, если бы они хотѣли пройти въ сіе послѣднее или въ Черное море, или перѣхатъ перешеекъ Суэзскій. Легко себѣ представить, что корабли большей части народовъ средней Европѣ достигали-бы до Океана только черезъ наши морскія дороги; то же самое было бы и съ другими обитателями земнаго шара, которые захоули-бы торговать съ среднею Европою.

Пароходы, столь быстро умножающіеся, дѣлаются съ килемъ неоспоримъ и пребуютъ вдвое или втрое менше воды, при равномъ грузѣ, противъ обыкновенныхъ кораблей, следовательно, они чрезвычайно облегчаютъ различныя отношенія внутренняго судоходства съ внѣшнимъ. Такимъ образомъ почти всегда одинъ успѣхъ промышленности раскрываетъ въ сколько другихъ.

Замѣненіе камня и дерева желѣзомъ во многихъ строеніяхъ, составляетъ также одну изъ обильнѣйшихъ матерій всеобщаго благосостоянія. Внимаіе публики обращено уже на всякіе мосты, ворота, шлюзы, своды, пиластры, канаты желѣзные и проч.; при всемъ томъ удивитель-

но, члнб приморскіе народы, особливо Англичане, почитаютъ весьма маловажнымъ строеніе кораблей изъ сего металла. Однакоже бытъ уже показало, что при разныхъ вышнихъ размѣрахъ, желѣзныи корабль легче, вмѣстительнѣе, крѣпче и несравненно прочнѣе деревяннаго. Имѣя отсюда преимущественно для торговаго и военнаго судоходства, великая перемѣна сн, нѣкошерыи образыи необходима для сего послѣдняго, ибо въ морскихъ сраженіяхъ вѣроятно скорѣ станути употребити таубицы и фузей, или усовершенствованныи ракеты, которыи произведутъ въ деревянныхъ смѣнахъ ужасныи поврежденіи, отъ которыхъ можно предохранити сн только крѣпкими желѣзными покрывками.

Въ вѣкѣ просвѣщенномъ не лзя скорѣ не признати основаннн истинно полезныхъ и употребленіе желѣза при постройкахъ гражданскихъ, военныхъ и морскихъ, по всему Европнн, чрезвычайно умножилсн. Изъ нѣдръ земли извлекаютсн новыи богатства, не оппмаи ничего съ еи поверхности; употребленіемъ желѣза замѣнились многіи большіи постройки изъ дерева, коего рѣдкость и дороговизна начинаеть двлаться важнымъ неудобствомъ для многихъ народовъ.

Дѣятельная разработка желѣзныхъ рудниковъ откроетъ рудники каменнаго угля и придаеть новую важность сред-

справъ перевозки транспортовъ, также дѣланію паровыхъ машинъ и всякихъ другихъ неодушевленныхъ двигателей.

Должно помнитъ правиломъ, что бы впередъ не предпринимать никакихъ разработокъ, никакихъ важныхъ работъ, не употребляя, сколько можно больше, такого рода механическихъ силъ. Всякое челоуколюбивое спасеніе по сему случаю неуспешно, ибо умноженіе богатствъ и безчисленное множество предприятий доспавляющъ нынѣ трудолюбивымъ классамъ боише занятой и средствъ въ жизни, нежели когда-либо прежде.

Правило сіе относится не къ одной мануфактурѣ. Не опасаясь повредить земледѣльцамъ, должно стараться, къ великимъ земледѣльческимъ операціямъ приспособлять механическія силы. Земля почвы еще не воздѣлана въ сравненіи съ нѣмь, что она могла бы приносить, если бы прилично была обрѣботана. Мало касаясь до произведеній, но оне никогда не будешь такъ велико, чтобы крестьянскія или производители были въ состояніи потреблять каждый столько, сколько теперь потребляютъ въ некоторомъ бездѣйственные или привилегированные люди.

Болѣе дѣятельная и болѣе экономная снешема земледѣлія заставляла бы вывѣстивъ въ капиталыныя земли всѣ неудобныя обширныя Бордосскія и Солоньскія степи и болота; которыя во мно-

гихъ провинціяхъ не только о бесполезны, но даже вредны народонаселенію. Складочное общество промышленности можетъ, заставивъ тщательно издѣлывать труды и цѣль *Общества*, основаннаго графомъ Раухомъ, для общаго оладотворенія Франціи. Основатель, съ нѣкоторыми правилами (подверженными впрочемъ опору) предсказываетъ всю доштую приведенія въ дѣйство, а именно: доставить паровъ земли все плодородіе, къ коларамушка, способна.

Должно, безъ сомнѣнія, въ способствованіе распаханію, принявъ для разрабѣтки землѣи мущія системы земледѣлія и раздѣленія полей, соединивъ ихъ съ средствами выходящихъ верховодовъ жазнь и удобренія. Такими великими примѣрами, равно какъ примѣрыми и смѣтными, Жуиерами, въ родѣ Гоблавоича въ Швейцаріи и Ронильскихъ близъ Нанси во Франціи, должно быстро распространять производствъ, показываемая искусными агрономами.

Общество, равномерно должно будеть способствовать заведенію новыхъ училищъ промышленности, по примѣру *Метталеснага Института*. Великобританскихъ и усиленія искусствъ и ремеслъ или частныхъ училищъ, торговля, уже образовавшихся во Франціи. Стараясь, такъ же образомъ распространять познаніе, теорій въ трудящемся классѣ, оно обра-

зуютъ людей, которые действительно будутъ вспомоществовать его усиленію и распространяють сферу его предпріятій. Впрочемъ, основанное на долгое время, оно вѣкогда будетъ въ состояніи собирать и плоды просвѣщенныхъ своихъ сѣмянъ.

Для сихъ же самыхъ причинъ всеобщей и частной пользы, общество должно будетъ споспѣшествовать изданію сочиненій и повременныхъ извѣстій объ искусствахъ и ремеслахъ, составленію библиотекъ промышленности, учрежденію музеевъ, машинъ и образцовъ, наконецъ всѣмъ заведеніямъ, способнымъ увеличить познанія и понятія людей трудящихся.

Наконецъ, общество должно бы, можетъ быть, увеличать въ сѣбѣ заведенія, состоящія изъ ученыхъ и новъ изобретателей съ которыми должно сотрудничать, не преминувъ Академію промышленности на обширномъ и доволнѣ основаніи. Это было-бы новымъ средствомъ приращивать въ нее людей только истиннаго достоинства и истинной ревности. Ученое общество, такимъ образомъ составленное, можетъ доставить ему высшащее уваженіе. Великій человекъ съ талантомъ, который бы захотѣлъ споспѣшествовать усиленію общества и развитію промышленности, принятое въ сѣбѣ сословіе почиталъ-бы желаннымъ для себя наградою. Ученые могли-бы тогда встрѣ-

ничивалъся спрдашельною ролею испы-
ташелей, но могли-бы содѣйствовать
общей цѣли, предлагая новые виды и обо-
зрѣнія для изслѣдованій, кошорыя должно
сдѣлать, и въ поже время занимаясь
другимъ, кошорыя не могутъ служить
предметамъ и средствами спекуляцій.

Вспомоществуемо будучи свѣдѣніями
совѣта, столь-же непристрастнаго, какъ
и просвѣщеннаго, Общество произносило-
бы рѣшенія, носяція на себѣ отпечатокъ
мудрости и зрѣлаго сужденія. Наконецъ
оно могло-бы приобрести такую довѣ-
ренность, что съ малымъ участіемъ его
въ какомъ-либо предпріятіи, публика спа-
ралась-бы дополнить остальную часть
непробитыхъ акцій. Придавъ также напра-
вленіе, общество дѣйствовало-бы не подѣ-
же своимъ собственнымъ капиталами, но
управляло-бы, такъ сказать, развѣщені-
емъ большей части производительныхъ
капиталовъ Франціи и — даже другихъ госу-
дарствъ.

Въ то же время, какъ во Франціи со-
ставлялось Сладочное общество, въ Англїи
для такой-же цѣли занимались сдѣлани-
емъ общества, названнаго: *Ассигнац-
ское Общество изобрѣтеній и открытій*,
для поощренія и покровительства при-
роднымъ силамъ и для прибыльнаго упот-
ребленія капиталовъ, приседеніемъ, а дѣй-
ство открытій и изобрѣтеній, утмненныхъ
гражданами Англіи. Капиталъ Общества

простирается до 750,000 ф. стер. (около 19 милліоновъ франковъ). Онъ раздѣленъ на 15,000 акцій, въ 50 ф. стер. каждая.

Названіе сего Общества показываетъ, что оно будетъ заниматься единственно изобрѣщеніями и капиталами *Англичанъ*: въ такомъ отношеніи, оно не могло возвыситься до идей споль общихъ и споль великодушныхъ, какъ общество Французское, готовое покровительствовать и принять къ себѣ всѣхъ иностранцевъ, и которое хочешь поощрять и поддерживать гений, въ какомъ-бы мѣстѣ онъ ни явился. Въспомни того, чѣмъ совершенно олдѣвлялись нѣмъ духомъ народнаго эгоизма, которымъ упрекаютъ Англію Лондонское Общество должно-бы сдѣлать воззваніе ко всемъ людямъ имѣющимъ денежныя или умственныя способы и удостовѣриться, что народы, равно какъ и люди въ особенностяхъ, много выигрываютъ отъ умноженія отношеній, долженствующихъ существовать между ними. Для обоихъ государствъ было-бы гораздо выгоднѣе, если-бы общества Англическое и Французское соединили усилія свои и чрезъ то сдѣлали ихъ дѣйствительнѣе и обширнѣе. Это было-бы истиннымъ средствомъ заславить сколь можно скорѣе участвовать въ успѣхахъ всеобщей промышленности два народа; которые также различествуютъ между собою своими способами, какъ и умственными или

нравственными качествами² и соединеніе коихъ образовало-бы народъ почти совершенный, по крайней мѣрѣ до такой степени, сколько природа позволяетъ чело-вѣку.

(Изъ Р. Е.)

II. КРИТИКА.

Nouvelle théorie de la Balance du Commerce, etc. Новая теорія баланса торговли, соч. Н. Демидова, Дѣйствительнаго Спасскаго Совѣтника и проч. Спб. 1826 г. in 4. VI и 29 стр.

Въ началѣ книги Авторъ говоритъ, что въ одномъ сочиненіи его, которое, по нѣкоторымъ причинамъ, еще не издано, раскрытія имъ *новая теорія баланса торговли*. Въ примѣчаніи находимъ, что сіе, неизданное Авторомъ, сочиненіе есть *Критическія замѣчанія на книгу: Опытъ теоріи налоговъ*, изданную въ Спб. въ 1818 и 1819 гг. — Недавно видѣли мы начатые въ *Отечественныхъ Запискахъ* (№ 74, Іюнь, 1826 г.) замѣчанія Г. Демидова на сію книгу: полагаемъ, что сіи замѣчанія есть то самое неизданное сочиненіе, о которомъ говоритъ онъ. Мы читали замѣчанія его съ особеннымъ вниманіемъ и осмѣливаемся пред-увѣдомишь читателей, что касательно того что нашли мы въ первой главѣ замѣчаній, мы не согласны съ Г-мъ Рецензентомъ. Мы намѣрены въ свое время доказать это особенною антикрикою. Но шеперь должно обратиться къ опдѣльно-изданной Г. Демидовымъ *новой теоріи баланса торговли*,

кошарая, какъ онъ говоритъ, извлечена имъ изъ замѣчаній на Опытъ теоріи налоговъ и кошорую, по просьбѣ нѣкоторыхъ друзей своихъ — «ревнующихъ» усидѣкамъ Политической Экономіи и славы Сочини-
 «шеля,» выдаетъ онъ нынѣ особо, приглашая про-
 «свищенную нубанку къ сужденію о предметѣ, по
 мнѣнію Автора,» «одномъ изъ важнѣйшихъ, по слѣд-
 «спвіямъ его на благосостояніе, богатство и могу-
 «щество народовъ.»

Балансъ торговли принимается въ Политиче-
 ской Экономіи двояко. Онъ составляетъ основаніе,
 такъ называемой, *меркантильной* или торговой
 системы. Известно, что система меркантильная
 идетъ путемъ совершенно противоположнымъ съ
 основаніями Политической Экономіи. Меркантиль-
 ная система основывается на разсчетѣ отпуска
 произведеній съ привозомъ оныхъ. Она смотритъ
 на то, чтобы *отпускать больше, получать*
меньше. Противъ выгоды сего положенія и спо-
 ритъ нѣчего, но слѣдствія, выводимыя изъ негѣ
 меркантистами, несправедливы. Опишемъ сію си-
 стему словами одного изъ новѣйшихъ защитниковъ
 оной (*) (ибо къ сожалѣнію донынѣ не всѣ еще
 убѣдились въ ея несправедливости): «Вѣришь, что
 «государство обогащается, когда оно привлекаетъ
 «въ себя золото идоотранцовъ, и что оно бѣднѣетъ,
 «когда его золото идетъ въ чужія земли; брашь, аъ
 «слѣдствіе сего, всѣ мѣры, чтобы изъ двухъ тор-
 «гующихъ между собою земель, наша отпускала шо-
 «варовъ болѣе, нежели получаетъ, и добирала за из-

(*) Du système d'impôt fondé sur les principes de l'économie politi-
 que, соч. Виконша Сень-Шамана. Парижъ. 1820.

«лишекъ деньги; употреблять всѣ усилія, запрещать ввозъ иностранныхъ товаровъ, запрещать вывозъ золота и серебра, для того чтобъ вывозъ нашихъ товаровъ превзошелъ ввозъ иностранныхъ и шѣмъ сохранилъ въ нашу пользу перевѣсъ торгового баланса. — вошъ выводы системы меркантильной!

Со времени Адама Смита, сія система опровергнута во всѣхъ ея частяхъ. Великій Смитъ, первый ясно раскрылъ, что какъ меркантисты, такъ и фізіократы (полагавшіе богатство государствъ единственно въ земледѣльческихъ произведеніяхъ), равно ошибались. Онъ показалъ, что должно заниматься *тѣмъ, чего балансъ торговый есть слѣдствіе, т. е. произведеніемъ*, которое опредѣляется *трудомъ народа* и слѣдственно, что *трудъ народа, какъ основаніе богатствъ, долженъ составлять предметъ Политической Экономіи*, при чемъ естественнo развились два отдѣла науки: *произведеніе богатствъ* и *употребленіе богатствъ*. Далѣе произошли подраздѣленія сихъ отдѣловъ, въ слѣдствіе коихъ рѣшены были важнѣйшіе вопросы касательно государственнаго хозяйства.

Поставленный такимъ образомъ въ настоящемъ своемъ мѣстѣ, въ Пол. Экон. балансъ торговли значить только *сравненіе цѣнности произведеній привезенныхъ съ цѣнностію произведеній вывезенныхъ*. Онъ составляетъ статистическій фактъ, а собою не признакъ народнаго богатства или благосостоянія и не можешь вести самъ по себѣ, безъ соображенія другихъ обстоятельствъ, ничего важнаго.

Послѣ сего, шѣмъ съ большимъ недоумѣніемъ пожелали мы знать, въ чемъ состоятъ *новая теорія* баланса торговли, которую раскрылъ Г. Демидовъ, находящій въ торговомъ балансѣ *un objet, qui est des plus importants par ses conséquences immédiates sur la prospérité, la richesse et la puissance des nations.*

Авторъ прежде всего сказываешь намъ, что касательно баланса торговли есть двѣ системы. По общепринятому мнѣнію, говоритъ онъ, «балансъ торговли есть излишекъ отвоза противъ привоза или взаимное сравненіе (*comparaison*) ихъ.» Это мнѣніе Авторъ означаетъ именемъ *Сея*, но, кажется, оно есть общее въ Полинич. Экономіи. Здѣсь Авторъ начинается такъ: «Слово *цѣнность*, было источникомъ величайшихъ ошибокъ. Смотря только на цѣнность *произведеній торговли (?)* и не разсматривая качества сихъ произведеній, «впадали въ сдѣленіе послѣдствій одно другаго ложнѣе.» Съ перваго шага останавливаешь насъ неожиданное нападеніе на экономистовъ, сморѣвшихъ *только на цѣнность произведеній, а не на качества ихъ.* Читаемъ далѣе: «Послѣдователи одной изъ сихъ системъ, не принимая въ разсмотрѣніе сущности ввозимыхъ предметовъ и воображая чино золото и серебро составляютъ все богатство государства, объявляли, что польза всякаго народа заключается въ большежъ прошивъ привоза «вывозъ и въ полученіи за излишекъ вывоза денегъ или слитковъ мешалла. Отъ сего родилась меркантильная система, сколько времени обременявшая «Европу, бывшая причиною сполькихъ войнъ и «опустощеній. Послѣдователи системы прошивной,

удтверждая, что деньги и металлы вообще суть «товары, какъ и всякое другое произведение, въ свою очередь», предположили, что поелнку всякій излишекъ вывоза долженъ быть доподвентъ металлами или деньгами, ни е. товаромъ, слѣд. излишка въ «вывозъ никогда не можетъ быть и балансъ торговли существуетъ только въ мечтѣ (стр. 3).»

«Сей образъ разсмотрѣнія,» говоритъ Авторъ, «произвелъ систему свободнаго ввоза, принятую многими министрами, которые, въ слѣдствіе всей пагубной системы, погрузили въ отчаяніе и совершенное разореніе земли, вѣрныя ихъ управленію.»

И такъ Авторъ, отвергая меркантильную систему, отвергаетъ и противоположную ей систему, т. е. систему свободнаго ввоза товаровъ. Та и другая, по его мнѣнію, ведутъ за собою пагубу и разореніе. Не будемъ говорить, что послѣдняя основывается на сирогихъ выводахъ Полиш. Экономіи и послѣдуемъ за Авторомъ до конца его вступленія!

(Стр. 4.) Авторъ утверждаетъ, что обѣ системы произвольны и ложны. Слѣдуешь опроверженіе меркантильной системы. Монета есть товаръ, съ шюю только разницею, *qu'elle est plus banale, plus acceptable dans tout pays que tout autre genre de marchandise ou de produit.* Деньги *только тогда производятъ, когда употреблятъ ихъ на обмѣнъ другаго произведенія.* Онѣ, какъ всякій другій товаръ, мѣняющся, измѣняющъ форму (*). «И такъ ложно

(*) Здѣсь Авторъ ошлнчаетъ отъ денегъ металлическикъ бу-
мажныя деньги, но справедливо-ли? Авторъ говоритъ, что
ихъ не должно почтывать деньгами, а только знакомъ де-
негъ; но что такое деньги, какъ опять не знакъ цѣнности?

утверждаютъ некоторые, что денежный капиталъ существенно различенъ отъ всякаго другаго (стр. 7).« — Следственно экономисты правы и балансъ торговли не существуетъ? »Нѣтъ,« отвѣчаетъ Авторъ, »балансъ торговли существуетъ,« но въ другихъ отношеніяхъ, которыя онъ хочетъ доказать.

Торговля для одного народа выгодна, для другаго раззорительна. Отъ чего? Стоитъ только разсмошрѣть и мы узнаемъ *основаніе баланса торговли*. Авторъ приводитъ въ примѣръ Португалію и Испанію, которыя »съ неисчислимыми рудниками »золота и серебра приведены *трезь вѣшнюю торговлю* въ состояніе совершеннаго раззоренія (стр. »8).« — »Обширная Индійская Монархія, богатая произведеніями земли, также по ошибкѣ въ »торговлѣ вѣшной, приведена въ состояніе изнуренія и слабости, которое трудно повясть.« Но съ другой стороны, мы видимъ Древнихъ и Новыхъ народовъ, и между ними особенно Голландцовъ, почти лишенныхъ земли — »неимѣющихъ ни золотыхъ, ни серебряныхъ рудниковъ, но возвысившихся, только посредствомъ иль *мануфактурной и торговой промышленности* (?) до высочайшей »степени блеска и богатства.«

Здѣсь Авторъ повторивъ, что серебро и золото не есть богатство, прибавляетъ новое слѣд-

И въ такомъ случаѣ ассигнаціи есть еще болѣе оспроумное изобрѣшеніе, нежели изобрѣшеніе мешаллическихъ знаковъ цѣнности и одинъ экономистъ прекрасно изобразилъ ихъ, говоря, что это *дороги, проведенныя по воздуху*. Не говоримъ о тѣхъ, какое могутъ причинять ассигнаціи, ибо немного вещей въ свѣтѣ, которыя при худомъ употребленіи не причиняютъ-бы зла.

спіе, выведенное имъ изъ *примѣра Индійской Моноархіи*, что и »пробранство владѣнія пред-
 »ставляющее важную массу земледѣльческихъ про-
 »изведеній, не составляетъ богатства (спр. 9).«
 »Отъ чего мы естественню приводимся — говорить
 онъ — »къ заключенію, что промышленность ману-
 »фактурная и торговая, болѣе производительна,
 »нежели разработываніе рудниковъ и земледѣліе.«
 Спрашиваемъ: что такое промышленность ману-
 »фактурная и торговая? »Трудъ приложенный къ
 »капиталу« — отвѣчаетъ Авторъ. Но разрабо-
 »тываніе рудниковъ и земледѣліе развѣ не трудъ, и
 отъ чего полагаетъ Авторъ, что съ великими си-
 »лами природы и денежнаго капитала, на которыя
 обращается сей послѣдній трудъ, народы дѣлают-
 »ся бѣдны и несчастны? »По причинѣ весьма про-
 »стой, но которая еще не была донынѣ опредѣлена
 »хорошо,« говоритъ Авторъ, »потому что земле-
 »дѣліе и разработка рудниковъ дѣйствуютъ силами
 »природы съ помощію капиталовъ, когда промыш-
 »ленность мануфактурная и торговая, напро-
 »тивъ, дѣйствуетъ капиталами съ помощію силъ
 »природы. Въ первомъ случаѣ, силы природы имѣютъ
 »большее участіе въ произведеніи; во второмъ, онѣ
 »суть только средства вспомогагельныя и трудъ
 »человѣка составляетъ всѣ издержки и всѣ задачки.«

Здѣсь Авторъ выводитъ законъ вознагражденія:
за большій трудъ большая награда (спр. 10)!
 Но еще сомнительно: земледѣлецъ и рудокопъ менѣ-
 »ше-ли трудятся фабрикантъ и купца? »Частію,
 »нѣтъ,« отвѣчаетъ Авторъ, »но вообще, сіи труды
 »требуютъ болѣе умственнаго занятія.« Доказатель-

ство: и самые варварскіе народы земледѣльствуютъ и обрабатываютъ рудники, но не могутъ отличатся мануфактурами, которыя »шребуютъ болѣе дене-матеріальнаго труда и сей излишекъ не-матеріальнаго труда возвышаетъ цѣнность произведеній »мануфактурныхъ и шорговыхъ (стр. 11—12).«

Авторъ ссылается на другое сочиненіе свое (*), гдѣ онъ сказалъ, что »изобильнѣйшій источникъ »богатства народовъ заключается въ самомъ чловѣкѣ, ш. е. въ дѣятельности труда его. Силы »природы суть субъекты произведеній богатства», »но капиталы суть инструменты, которыми трудъ »чловѣка получаетъ все возможное ему про-»странство.«

»Изобиліе капиталовъ, но капиталовъ пром-»водящихъ, дѣлаетъ народы дѣйствительно богаты-»ми; не безплодные капиталы и не денежные »капиталы, ограниченные въ себя самихъ, произ-»водятъ сіе дѣйствіе (стр. 13).« Авторъ опять обращается къ Испаніи съ ея золотомъ и серебромъ и въ добавокъ еще къ Италіи, »земль бѣдной, съ »ея мраморами, карпинами, великолѣпными здані-»ми.« Въ противоположность представляется Англія, превышающая почти всѣхъ народовъ въ свѣтѣ.

Авторъ изясняетъ, почему »народы безъ про-»мышленности,« съ золотыми и серебряными рудни-»ками, плавающие, такъ сказать, водашъ за умъ и дѣльность народамъ промышленнымъ, бѣднѣютъ. »Ввозимое пошребляется, основные источники на-»роднаго дохода исощаются, разработываніе

(*) *Considérations sur les principes fondamentaux de l'économie politique et privée.* Это сочиненіе намъ не извѣстно.

«дѣлаемая дѣль ото дня дороже, такъ что на-
конецъ не окупаются и расходы. Убыль богатства
и умноженіе нуждъ доводятъ народъ до край-
ности.»

Тожѣ находишь Авторъ у народовъ земледѣль-
ствомъ занимающихся (peuples agricoles), ко-
торые преимуществуютъ однакожъ тѣмъ, что ихъ
потребительныя произведенія (*) болѣе и болѣе
умножаясь, истощаются не такъ легко; но, замѣ-
чаетъ Авторъ; если произведенія ихъ умножаются
въ количествѣ соразмѣрно *большемъ потребностямъ*
потребленія въ мірѣ (?) и не смотря на шо, на-
роды земледѣльные продолжаютъ упорствовать и
остаются данниками народовъ промышленныхъ, они
оканчиваются истощеніемъ.

Послѣ этого Авторъ понимаетъ вопросъ рѣ-
шеннымъ. Повторивъ еще разъ сказанное имъ объ
Испаніи и Персуганіи и о народахъ земледѣль-
ческихъ, онъ опирается на слова экономиста Гани-
ля, утверждая, что Г. Ганиль сказалъ неоспоримую
истину и сказалъ, даже не подозревая, что поло-
жилъ тѣмъ истинное основаніе теоріи торговаго
баланса, которую хотя не раскрылъ намъ вполне,
но, такъ сказать — «заспавилъ ощущать руками»
(стр. 18).

Мы изложили мысли Автора со всею подроб-
ностію, дабы не имѣть послѣ упрека, что мы пре-

(*) Авторъ употребляетъ здѣсь слово *denrée*, но не спра-
ведливо, ибо что отпущающаго другимъ, еще неразрѣшено
опредѣлено для потребленія, и въ такомъ случаѣ должно
называться *товаромъ* (*marchandise*); иначе и произведе-
нія промышленности должны быть причислены къ потре-
бительнымъ произведеніямъ (*denrées*).

вратно полкуемъ его положенія и слова. Остальное въ книгѣ его есть дополненіе къ сказанному до 18 стр.

Мы справедливо удивились, что Авторъ предложилъ намъ *теорію баланса торговли*. Показавъ съ самаго начала нашей статьи, *гдѣ таксе есть балансъ торговли*, можемъ теперь спросить: какая можетъ быть теорія въ балансѣ торговли, малѣйшей изъ частей Политической Экономіи, если не представляется онъ намъ въ раскрытіи теоріи общаго, гдѣ составляетъ часть? Положимъ, что кто нибудь вздумалъ написать *теорію постройки дверей*. Не будетъ-ли эта теорія, или чрезвычайно ограничена и не важна, или не отнесется-ли она къ теоріи постройки вообще зданій? Здѣсь изъ причинъ выведется слѣдствіе, изъ общаго частное, когда напрошивъ, частное выподящее изъ слѣдствій, и то маловажныхъ, причины, всегда попадетъ въ ошибку, точно такъ, какъ теоретикъ построенія дверей ошибется, если онъ по дверямъ станетъ судить о построеніи цѣлаго дома. Но положимъ, что теоретикъ, говоря о частномъ, извлечетъ столько изъ общаго, сколько нужно ему для представленія частнаго въ полнѣйшемъ видѣ — сдѣлалъ-ли это Г. Демидовъ? Онъ однимъ словомъ опровергаетъ важнѣйшіе результаты Политич. Экономіи и не удостоиваетъ даже замѣчаніемъ, почему такъ дѣлаетъ. Далѣе: Авторъ представляетъ примѣры въ такомъ свѣтѣ, въ какомъ ему угодно. Это неубѣдительно для читателей его. Наконецъ, мы справедливо останавливались на нѣкоторыхъ словахъ и выраженіяхъ: намъ кажется, что Авторъ не соблюлъ точ-

носіни ученаго языка и ошь шого вцалъ — даже въ прощиворѣчія самому себѣ.

Какія главныя идеи Автора?

Что произведеніи промышленности болѣе всѣхъ другихъ приносятъ пользы Государству; что преимущественно должно заниматься промышленностію, ибо пользы ошь произведеній земли и ошь денегъ, не могутъ сравняться съ пользами приносимыми промышленностію, потому что въ ней болѣе всего дѣйствуетъ умъ человека.

Что балансъ торговли существуетъ, ибо выгода его состоишь въ томъ, чтобы получать ошь другихъ народовъ только то, что умножаешь производящіе капиталы и не получаешь ничего, что просто потребляется, не производя.

Не смотря на упреки меркантильной системѣ, дѣлаемые ошь начала до конца книги, замѣчаетъ ли почтенный Авторъ, что онъ защищаетъ чистый меркантизмъ и дѣлается его послѣдователемъ? Меркантисты думали, что исключительно должно заниматься приобретениемъ ошь другихъ народовъ золота и серебра; Авторъ занимается преимущественнымъ приобретениемъ ошь другихъ народовъ *производящаго капитала*. Хотя онъ не объяснилъ, въ чемъ именно полагаетъ производящіе капиталы, но золото и серебро неоспоримо есть капиталъ производящій. Самъ Авторъ соглашается съ эпитимъ, говоря что золото и серебро дѣлается *производящимъ капиталомъ*, когда его употребляютъ на вымѣнъ какого нибудь другаго произведенія (стр. 5); онъ самъ въ послѣдствіи говоритъ, что для имѣющаго золото и серебро, сіи металлы суть *производящіе капиталы* (стр. 15). Изображая бѣд-

онвенное состояніе Испаніи, Португаліи и какой-то Индійской Монархіи, говоря, что онъ пострадалъ *отъ внѣшней торговли*, Авшоръ не подшверждаетъ-ли важности внѣшней торговли, о которой такъ много заботились меркантисты? Наконецъ, отвергая систему свободнаго ввоза, Авшоръ не возвращается-ли къ меркантизму, требуя только ввоза золота и серебра *производящихъ капиталовъ*? И какой, наконецъ, рѣшительный результатъ его изслѣдованій? *Система запретительная*, со всеми ея послѣдствіями (стр. 28)! Такимъ образомъ открывается, что нашъ Авшоръ, столь жестоко укоряющій меркантистовъ, въ тоже время принадлежитъ къ защитникамъ меркантизма. Отъ чего происходитъ разительное противорѣчіе Авшора, что онъ эту самую систему, которую защищаетъ, съ такимъ великимъ усиліемъ отвергнулъ съ самаго начала книги? Намъ кажется, отъ того, что Авшоръ не надлежащимъ образомъ взглянулъ на важнѣйшія истины, открытыя экономистами.

Мы желали-бы спросить дочтеннаго Авшора: въ чемъ состоитъ главнѣйшее открытіе экономистовъ? Не въ разгадкѣ-ли и не изъясненіи-ли того, что внѣшняя торговля не составляетъ основной, главной причины богатства народовъ; что внѣшняя торговля, напротивъ, нишюжна въ кругъ цѣлаго государственнаго хозяйства, и что произведенія богатствъ и главнѣйшія дѣйствія государственнаго хозяйства совершаются внутри?

Вошь въ чемъ состоитъ главная и первая заслуга и существенное отличіе экономистовъ отъ меркантистовъ, которые напротивъ полагали, что

основаніе богатствъ состоитъ въ привлеченіи богатствъ снаружи. Экономисты сначала показали намъ, что торговля внѣшняя по маловажности своей не можетъ исполнить сей важной обязанности.

Послѣ сего слѣдовало показать, какими образомъ составляются богатства народовъ. Экономисты объяснили, что *богатство* понятіе неопредѣленное или лучше сказать относительное и что богатство состоитъ въ полномъ удовлетвореніи своихъ потребностей. Тутъ надобно было опровергнуть одно важное заблужденіе, т. е. мнѣніе, что деньги единственно составляютъ богатство Государствъ. Экономисты объяснили, что деньги есть только средство приобрести другіе предметы, что они суть условные представители другихъ предметовъ, что слѣдовательно, другіе предметы могутъ замѣнить деньги и что излишекъ денегъ, такъ какъ излишекъ всякаго другаго предмета, обременитъ только государство и еще болѣе другаго излишка; ибо уничтожьте хлѣбъ, деньги не замѣнятъ его, и если не будешь сукна и мѣховъ, то деньги не защитятъ насъ отъ холода. Такимъ образомъ доказана была необходимость, подъ именемъ богатства разумѣть весь кругъ предметовъ, составляющихъ потребности народовъ и въ произведеніи богатствъ смотрѣть на все то, что производятъ сіи предметы.

Экономисты показали, что все намъ потребное производится, или природою посредствомъ силъ ея, или человекомъ посредствомъ умственныхъ и вещественныхъ силъ его. Человѣкъ конечно не въ состояніи создать ни одного малѣйшаго атома, но

и произведенія природы опдѣляя оныя него, если оны не приведешь ихъ въ извѣстное соотношеніе съ собою, шакъ, чтобы можно было ихъ ѣсть, пить, защищать ими себя оныя холода, а шакъ какъ съ большимъ употребленіемъ нруде умещиваю и вещественнаго, человекъ, и удобнѣе приспосабливаетъ собою предметы природы, составляющіе его потребности и дѣлаешь ихъ болѣе удобными для своего употребленія, шо и вышло, что еущность разсмотрѣнія просверлась, какъ на самые предметы потребности, шакъ и на приведеніе предметовъ сихъ въ извѣстныя отношенія. Первая потребность человека бысть сыту и одѣву; но съ удовлетвореніемъ сей первой потребности являешься безчисленное множество другихъ, шакъ, что справедливо сказалъ одинъ философъ — *человѣку все надобно*. На этомъ основываешься премудрый законъ Создателя, дѣлающій людей братьями и помощниками другъ другу. Люди почувствовали потребности, а вмѣстѣ съ ними необходимость помогать другъ другу нѣмною взаимныхъ произведеній. Дикаря, промѣнявшаго кожу убитаго имъ волка за корень вырытый его шоварящій, представляешь собою начало торговли. Съ умноженіемъ обществности, образованности и просвѣщенія увеличивалось и распространялось произведеніе человеческихъ потребностей и оредствъ удовлетворять ихъ, шакъ, что наконецъ образовались при опдѣленіи, но единно-составляющія вѣтви, доставляющія все, чего бы ни пожелалъ человекъ. Сія прихити, заключающія въ сущности своей всю науку произведенія богатства, суть: *произведенія посредствомъ силы природы, произведенія посредствомъ*

ствомъ силъ человека и мѣна произведеній или торговля.

Видя неудобство производить мѣну вещь за вещь, люди изобрѣли условные знаки или *деньги*. Деньги не всегда состояли изъ металлическихъ кусочковъ, ибо дѣло въ томъ достоинствѣ, въ томъ условіи, какое придаетъ известной вещи мнѣніе людей. И вотъ начало *цѣнности* (*valeur*)! Цѣнность необходима, какъ условіе сущности вещей, такъ какъ необходимы плотность и жидкость, холодъ и тепло. Цѣнность не существуетъ собственно, такъ какъ не существуетъ плотность и жидкость и тысяча другихъ качествъ, составляемыхъ только взаимнымъ отношеніемъ вещей и предметовъ одного къ другому. Самые нужнѣйшіе предметы бывающіе совершенно безъ цѣны, на примѣръ: вода, воздухъ, и самыя не-нужныя цѣнящаяся дорого, на примѣръ: брилліантъ и кружево. Не надобно воображать впрочемъ, чтобы такое понятіе людей о цѣнности было безъ основанія. Безполезныя вещи цѣнными дорого суть тѣ, которыя, или пребудутъ большаго труда для ихъ произведенія или производятся въ маломъ количествѣ природою. Здѣсь опять видна премудрость Создателя, одарившаго насъ нужнѣйшими вещами въ удивительномъ изобиліи: вода, хлѣбъ, камни для строенія жилищъ находятся повсюду и стоѣтъ малѣйшаго труда въ отношеніи къ драгоценнымъ, но ненужнымъ для насъ вещамъ.

Можетъ быть, выстѣ съ относительнымъ понятіемъ о цѣнности явилось другое относительное понятіе о *богатствѣ*. Собственно богатыи тошъ, кто доволенъ. Но для довольства надобно удовлетворить всѣ свои потребности, а гдѣ мѣра сего

удовлетворенія? Человѣческія желанія безграничны. По крайней мѣрѣ, но неоспоримо, что крестьянинъ, у котораго осязается отъ годового расхода 100 рублей, богаче миллионщика, который по окончаніи года остался долженъ 100 п. р.

Послѣ такихъ объясненій легко уже было предсказать и сущность народнаго богатства и средства приобретать оное. Человѣческій родъ есть явочно такой-же организмъ, какъ человѣкъ отдѣльно взятый и слѣдственно: нѣсколько семействъ отдѣльно взятыхъ могутъ представлять намъ великое семейство человѣческаго рода.

Неоспоримо, что умъ, какъ духовная сторона чловѣка, превосходитъ его вещественную сторону или тѣло. Но вопервыхъ, умъ и вещьественность связаны необходимо и одинъ безъ другаго не существуютъ; вовторыхъ, каждый изъ нихъ дѣйствуетъ положительно только самъ на себя; дѣйствіе-же ихъ другъ на друга бываетъ отрицательное. Такъ, вареніе пищи, обращеніе соковъ въ тѣло чловѣческомъ, здоровое или нездоровое состояніе тѣла, неподвержены уму *положительно*, а напротивъ, понятія, ощущеніе, воображеніе *положительно* принадлежатъ уму, а не тѣлу. Словомъ: умъ не можетъ иначе дѣйствовать на тѣло, какъ сильнымъ впечатлѣніемъ приводя только въ дѣйствіе тѣлесную сущность. Вещественность также дѣйствіемъ своимъ приводитъ только въ дѣйствельность сущность умственную.

Разсмотримъ: въ чемъ состоитъ богатство, какъ средство полного удовлетворенія потребностей народовъ и государствъ (разумѣется, что мы говоримъ о богатствѣ вещественномъ)? Оно

Г а

состоитъ *въ избѣлѣнн предметъ, удовлетворяющій наши потребности.* Сія предметъ, какъ мы замѣтили, суть произведенія природы и произведенія челоука; но челоука вещьювещно ничего; самъ произвести не можешь: онъ только дѣйствуетъ силами и веществами природы. И такъ приводимся мы къ двумъ противоположностямъ: природѣ и челоуку, изъ коихъ природа подвергается дѣйствію челоука, а челоука подвергается дѣйствію своему природу. Предметъ дѣйствія — *вещество природы*, слѣд. и дѣйствіе челоука производимое должно *вещественно*; умъ челоука, претворяя вещьювещность, хотя и управляетъ ею, но дѣйствовать самъ но себя на вещьювещность природы не можешь. И такъ: умъ челоука дѣйствуетъ на природу посредствомъ вещьювещности челоука. Изъ сего слѣдуютъ важные результаты:

1 е. Дѣйствіе челоука сосредоточивается все въ приведеніе силъ и средствъ природы въ извѣстные отношенія, слѣд. *основаніе произведеній составляетъ природа.*

2 е. Умъ только тогда дѣйствуетъ, когда есть вещьювещные способы, слѣд. *чѣмъ болѣе способовъ вещьювещныхъ, тѣмъ обширнѣе производитъ.*

3 е. Средства сія приводятся въ дѣйствіе умомъ, посредствомъ вещьювещности челоука, слѣд. *тѣмъ длѣтельнѣе работаетъ вещьювещность, тѣмъ болѣе и лучше она производитъ, чѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на нее умъ.*

Изъ сего почтенный Авшеръ легко усмотрѣшь можешь, что мнѣнія его разрушаются въ самомъ основаніи и чпо.

1. е. Источники богатства зависят не от человека и не в умъ его, а въ природѣ, ибо человекъ только дѣйствуетъ на природу, и что естественнаго обильно сражается природою доставляемыхъ ея товаровъ и является основой богатства.

2. е. Что конца дѣла больше бываетъ произведение богатства, чѣмъ больше дѣйствуетъ на средства природы трудъ человека, но трудъ есть только орудіе, приводящее въ дѣйствіе основаніи богатства и приняты: трудъ сей положительный есть трудъ вещественный, а умственный трудъ есть отрицательный, который безъ положительнаго ничего произвести не можешь, хотя и отрицательный необходимъ при положительномъ.

3. е. Что подъ именемъ капитала должно разумѣть все что необходимо для человека, ш. е. все извлекаемое изъ природы, предѣляемое въ разныя формы и служащее къ потреблению. И хотя можемъ видѣть, что одно больше полезно, другое меньше, но сіе больше и меньше есть понятие относительное, такъ что никакія глубокомысленныя прѣнія не рѣшатъ намъ споры о полезности (utilité), отъ чего имъ необходимо приводимся къ означенію сущности вещей цѣнностью оныхъ, при чемъ находимъ двѣ цѣны: одну, внутреннюю (valeur en usage, intrinsèque), другую вѣдную (valeur en échange, prix de marché, prix-courant). Одна опредѣляетъ вопросъ: чего стоитъ? — Другая: за сколько продать? Въ слѣдствіе сего, все имѣетъ свое достоинство и свою цѣнность и должно быть принимаемо за средства производить все то, на что

трудъ челоѣка можетъ бытъ устремленъ, что можеть быть пошребляемо.

4 е. Но существенное основаніе богатства начинается съ собственнаго своего удовольстворенія, а сіе удовольствореніе съ первоначальныхъ пошребностей и слѣдовательно : начало богатства, производится внутри государства, при избыткѣ средствъ природы, устремленн на него жоложительнаго и отрицательнаго труда челоѣческаго и быстрой мнѣ производеній между производителями и пошребителями, ш. е. при дѣятельной *внутренней торговлѣ*, которая составляетъ важное средство умноженія богатства, а потому —

5-е. *Никакое возвышеніе и умеліе какой нибудь части капиталовъ или какого нибудь одного средства производить, не доставитъ государству прямой и существенной выгоды, хотя-бы на нѣкоторое время и ослѣвило насъ блестящюмъ необыкновеннымъ. Избыткіе источниковъ, безъ дѣятельности труда, дѣятельность труда безъ пошребныхъ средствъ, равно ничтожны. И потому надобно употребить для произведенія все, чѣмъ мы обладаемъ и чѣмъ можемъ обладать, надобно пригнестъ въ движеніе силы природы и челоѣка: тогда богатство будеть нашимъ удѣломъ. Были случаи, что благоприятныя обстоятельство обогащали государства отъ частностей, но послѣдствія доказали, какъ сіи богатства непрочны и мгновенны!*

Вотъ основаніе Государственныхъ богатствъ, средства, какими приобрѣтаются и умножаются оныя. Все это давно извѣснѣе экономистами и такъ неоспоримо, что невольно изумляеться, слыши упреки дѣлаемые Авторомъ экономистамъ.

Авторъ взялъ часть ихъ предположеній, не разсмотрѣвъ, изъ чего выводятся мнѣніе ихъ о торговомъ балансѣ, безъ доказательствъ отвергнуть ихъ мнѣніе, соорудилъ свою систему, которую справедливо можно назвать *произвольною*, въ то время, какъ система экономистовъ обичная вполнѣ весь кругъ государственнаго хозяйства, основана на неоспоримыхъ и жезыблемыхъ изслѣдованіяхъ. Въ томъ-то обыкновенно и состоитъ ошибка тѣхъ людей, которые усупрекаляютъ свои усилія для опроверженія мнѣній экономистовъ о свободной торговлѣ, что сіи люди не объемяютъ системы ихъ вполнѣ. «Экономисты требуютъ свободной торговли — она раззоритъ насъ!» Такъ говорятъ ихъ противники; но, Мм. Гг., для чего говорите вы о слѣдствіи безъ причинъ? Первое основаніе экономистовъ состоитъ въ томъ, что для свободной торговли надобно приготовить государство, что перемѣны въ государственныхъ постановленіяхъ должны дѣлаться правительствомъ поспешенно, съ уваженіемъ спокойствія каждаго подданнаго, что быстрыя перемѣны, гдѣ неприемлются въ уваженіе всѣ малѣйшія даже подробности частнаго благосостоянія, вредны и разрушительны. Лучше держаться несовершенной, но укоренѣвшейся системы, нежели быстро вводить новую — это мнѣніе Смита, Сея и всѣхъ экономистовъ.

Они говорятъ, что прежде всего должно изыскать средства къ произведенію капиталовъ внутри государства; доставить способы къ невозможному ихъ распространенію и движенію. Когда дѣятельность труда наполнитъ государство, когда трудъ обитателей будетъ въ полной силѣ и движеніи, тогда необходимо должно будетъ оп-

крыше или, средстве обывая, развитии произведеній въ другія земли и опннуда получая чужіе изліткі. Положимъ, что тогда спануть привозныя непро- дводящія потребности: если наши произведенія и дешевле и лучше, иностранцы не продадутъ сво- ихъ произведеній у насъ, и если ешь чѣмъ за- дѣланы: за знаніе, что у насъ требуется — шчогу опасаться государству, ибо вышедшее за границу не медленно наполнитъ новымъ произведеніемъ и тогда ко приведемъ трудъ къ новой дѣятельности.

Напрощивъ, экономисты доказали, что ко- гда государство бѣдно внутреннимъ трудомъ и капиталами, никакія запретительныя системы не спасутъ его отъ разстройства и замѣцательности и не привлекутъ въ него богатствъ другими наро- дами произведенныхъ. Почитаемъ излишнимъ рас- пространяться въ обзорѣи полнаго круга Политической Экономіи и обращаемся къ нашему Автору.

(Оконч. въ слѣд. книжкѣ.)

III. БИБЛИОГРАФІЯ.

Исландская литература XIX
вѣка (*).

Въ Исландіи считается 18.000 жителей. Большая часть ихъ бѣдны, питаются рыбною ловлею и скотоводствомъ. Во всей Исландіи находится одно только училище, гдѣ обучаютъ Латинскому языку, но всѣ жители умѣютъ читать, большая часть изъ нихъ пишетъ на своемъ природномъ языкѣ и весьма охотно занимаются чтеніемъ. Литература Исландская XVIII вѣка, описана въ сочиненіи Шеффера объ Исландіи.

Въ новѣйшее время три общества литературныя способствовали ея успѣхамъ: *Исландское общество для распространенія познаній* (*Lands Uppfoedingar felag*), *Литературное Общество Исландіи* (*Bokmenta felag*) и *Общество Исландской Литературы* (*Loerdoms liste felag*), издавшее донныя 14 томовъ своихъ Записокъ и недавно соединившееся съ вторымъ обществомъ. Есть еще въ Исландіи *Общество благодетелей*, издающее небольшія назидательныя книжки. Вошь труды снѣкъ общество съ 1800 года.

1-е. На изданіи *Lands Uppfoedingar felag* изданы *Heimskringla* или Саги королей Норвежскихъ, соч. Снорромъ-Стурмезономъ (1804 г. 365 стр. in 8).

(*) Любопытное замѣчаніе это взято изъ Датскаго журнала *Dansk litteratur Tidende* и помѣщено было во Франц. Журналѣ. Подъ холоднымъ лебомъ Исландіи не дѣлаешь Литературы. *Итд.*

Стефенсенъ, издашеть, въ началъ сего шворенія, важнаго для сѣверной исторіи, помѣстивъ жизнь Снорро - Стурлезона. Жаль, что сіе изданіе не докончено. — Galletti's Kennslubokki Sagnafoedinni iðboegd, Карманная книжка Всеобщей Исторіи, соч. Галлепти, переводъ съ Нѣмецкаго, in 12, 1804. — Vriðmáli 18. Alldag, Воспоминанія о XVIII-мъ вѣкѣ, соч. Стефенсенъ, 1806, въ двухъ изданіяхъ, in 8 и in 16. Авторъ рассуждаетъ въ нихъ объ исторіи и постановленіяхъ Исландіи. Сочиненіе сіе было въ послѣдствіи совершенно имъ передѣлано въ швореніи его: Исландія въ XVIII вѣкѣ, въ отношеніи историческомъ и политическомъ, Копенгагенъ, 1808. — Minniaverdi Tidindi, Историческая Газета, съ 1799 по 1804 годъ, 3 тома, издаваемая прежде Стефенсеномъ, а потомъ Финномъ Магнузономъ. Другія изданія Общества сущы: Псалмы, разныя назидательныя книги, начальныя основанія наукъ и проч.

2-е. Литтературное Общество Исландіи; основанное въ 1815 году знаменитымъ профессоромъ Раске, состоящее изъ двухъ отдѣленій, изъ коихъ одно находится въ Рейкявикѣ въ Исландіи, а другое въ Копенгагенѣ (*). Изъ трудовъ сего общества замѣчательны: Sturlunga Saga edur Islendinga Saga hjn miola (Сага Стурлунговъ), напечатанная in 4, изданная Торстенсономъ, 1817 — 20 гр. Сія Сага среднихъ вѣковъ заключаетъ въ себѣ много промѣшесивій, относящихся къ сѣверной исторіи. Второю томъ, изданный тѣмъ-же Обществомъ и соста-

(*) Слѣдующимъ образомъ напечатаны на Нѣмецкомъ и Данскомъ языкахъ 1818 г. Вся издаваемая ими сочиненія печатающа въ Копенгагенѣ.

Великий Естолнгоу, явился подъ названіемъ: *Islands arbaekur á Saguforni* (*Альфонсон Исландія, съ виду Сага*), in 4, 2 части, 1821 — 23, гг. — *Almos Jærdarfræði og Landnáms-Kort* (*Всеобщая географія и проз.*), томъ I, 216 стр., in 8, содержащій Географію математическую и физическую, соч. Свенн-Бьерсона, Копенгагенъ, 1821 г., томъ II, 404 стр., съ шреня картами, содержащій подробное описаніе Даніи, Исландіи и не столь подробное извѣстіе о Норвегіи и Швеціи, соч. Оддзена, 1822 г. Третій томъ печатается. Сверхъ того общество собрало древнія и новыя стихотворенія Исландскія. Первый томъ подъ названіемъ *Lidmæli*, издавшій Фшнгоу Магнусеноу, содержитъ въ себѣ избранныя повѣсти, пѣсни, энграммы и цѣлны, приписываемыя пастору Олафсоу, умершему въ 1688 г. Съ 1817 г. Общество каждую весну издаетъ родъ альфонсы за прошедшій годъ, подъ названіемъ: *Islands Sagablaed*, in 4. Въ ней помѣщаются также опиченія о состояніи Общества. Въ первой тетради помѣщена исторія съ 1804 года, т. е. съ того времени, когда прекратилась Исландская газета, о которой мы упомянули выше. Седьмой годъ Хроикки появилась въ 1823 году.

3-е. Общество Благочестія или Евангельское, съ 1816 по 1823 годъ, издало 3а разныхъ ещивеній въ прозѣ и стихахъ.

Изъ числа частныхъ людей, наиболее трудившихся для просвѣщенія Исландіи, должно въ особенностіи ошлнчить конференцъ-совѣтника Стеффенсена, автора многихъ нравоучительныхъ сочиненій для должностныхъ людей и для народа. Съ 1818 г., онъ издаетъ ежемѣсячный листокъ, подъ

называется *Kjaldarrollur* (*Монастырский список*), книга названная по имени древняго монашья Видое, где живель авторъ. Въ семь листовъ помѣщаются внутреннія и заграничныя известія, указы и прот. Исландскъ, Галдаръ Дабсонъ, писавшъ Историю Виллона, парзаво Гордона Норвегскаго, подъ названіемъ: *Gaungu-Ngots-Saga*. Фираргордумъ, 1804 г. в. 12, два листа съ половиною. — Попримель, также 4 номера въ Запискахъ ирландскаго общества, *Acta ufiggettaringa í Islandi* съ 1749 по 1799 годъ, изданные секретаремъ Б. Емфрейсаномъ 1802—4 гг. — *Ordabok sem inniheldr flest fagrost frkandi* (*Словарь рѣдкихъ и наукотребительныхъ словъ, наподлинномъ съ Датскихъ писавшъ*), отъ Оддана, 188 стр. в. 8, 1819 г. — *Fostbroedra Saga* (*Сага оподиждворъ Торгенра и Термода*), 126 стр. в. 8, 1820 г. — Кроме того издаю несколько сочиненій, относящихся до земледѣлія, благочестія и многія некрологическія известія, какія Исландцы обыкновенно издають во смерти болярной части знаменитыхъ людей.

Вотъ все что представляетъ Исландскія Литцература въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ. Въ семь обзорѣхъ не помѣщены только пренія книги Исландскія, переизданныя въ Дании и Швеція стараніемъ учебникъ Исландцовъ, въ довольномъ количествѣ.

D — 8.

Русская литература.

1825.

177. *Немецкая Грамматика*, въ которой не только въ частях рѣчи или произведеііе словъ, но и сличаніе или соотнесеніе словъ, оба подлежащихъ призраки объяснены. Въ пользу Россійскаго юношества издавъ бывшимъ учителемъ Немецкаго языка въ Московскомъ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Университетѣ Г-мъ Голштергофомъ. Деятое изданіе, съ дополненіемъ многихъ полезныхъ призраковъ изъ лучшихъ Немецкихъ авторовъ. М. 1825. in 8. 491 стр.

Уверенность, что учебныя книги должны заслуживать особенное вниманіе благонамѣреннаго критика, заставляя насъ съ особливою стараніемъ обращаться на оныя вниманіе нашихъ читателей. Хорошая или дурная учебная книга можетъ имѣть важное вліяніе на первоначальное ученіе, можетъ облегчить или затруднить его, возбудитъ охоту къ ученію или даже отбить ее. Имѣвъ нѣсколько разъ случай говорить о разныхъ отношеніяхъ касательна учебныхъ книгъ, какъ-то: необходимости разделять книги сіи, на книги для употребленія учителей и книги для употребленія учениковъ; неприкосновенности старыхъ методовъ, замѣчаемой въ нашихъ учебныхъ книгахъ; забвеніи при томъ, вновь открываемыхъ сторонъ каждой науки и проч., мы осмысливаемая думая, что все это можетъ пригодиться при составленіи и при выборѣ книгъ учебныхъ. Но никогда еще не случалось намъ извѣщать читателей о книгахъ учебныхъ особен-

ваго рода, которая въ другихъ земляхъ уже арестована. Мы хотѣли поговорить о старинныхъ учебныхъ книгахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя переиздаются безъ всякой перемѣны. Мы никакъ не предполагали, чтобы намъ представился подобный случай; думали, что при нынѣшнемъ всеобщемъ стремленіи къ просвѣщенію, не найдется уже ни одного хозяина какой нибудь старинной Грамматикъ, который-бы печатая ее вновь, не поручилъ знающему человѣку пересмотрѣть ее. Къ удивленію нашему, мы вдругъ встрѣтили нѣсколько примѣровъ противнаго.

Въ прошломъ и нынѣшнемъ году вышло съ десятокъ книгъ учебныхъ, которыя давно должны были или увольнѣть въ область совершеннаго забвенія или совершенно передѣлать. Мы невольно изумились, увидя два новыхъ изданія — Россійской Грамматикъ Меморскаго, нѣсколько другихъ Грамматикъ, Арменскихъ и проч., которыя почитали мы уже невозвратными въ типографскіе списки. Повторяемъ, что извѣстіе о подобныхъ явленіяхъ можетъ, по мнѣнію нашему, принести пользу; поэтому въ первый разъ, обращаемся къ Грамматикъ Нѣмецкаго языка, Голштергофа, напечатанной въ прошломъ году — *десятымъ изданіемъ!*

Какая могла-бы быть причина такого обилія изданій, такой охоты издавать одну и ту же книгу? Причина самая простая: книгу покупаютъ. Что за надобность издавать до извѣстнаго числа книгъ: она идетъ! Согласно, что правило Политическаго Экономіи — производить то, что хорошо идетъ, правило хорошее для производителей, только для потребителей книгъ ученыхъ и учебныхъ, оно се-

всѣмъ негодится. Привычка учить по старинной книжкѣ, по которой выучилось нѣсколько поколѣній, привычка не смотрѣть на успѣхи науки и ученія и вѣдать по избишой кривой колесъ — есть привычка умовъ лѣнивыхъ и беззаботныхъ. Науки, методы ученія, такъ совершенствуются въ наше время, что книги учебныя, при каждомъ новомъ измѣненіи слоенъ, необходимо требуютъ исправленій и поправокъ.

«Согласны» стануть намъ, что Грамматики не то что Физика. Иное дѣло, въ наше время преподавать Физику по курсу Паллаша, иное дѣло учиться Грамматики по старинной книжкѣ. Физика поколебалась съ того времени во всѣхъ частяхъ, множество открытій распространила, увеличила, измѣнила ее; но донынѣ, развѣ не слышь-же языкъ говорить Нѣмцы, Французы, Англичане, какими говорили дѣшъ за 50 лѣтъ! Извините! Во первыхъ — слышь-же, да не слышь: языкъ каждаго изъ Европейскихъ народовъ непрерывно измѣняется, обогащается, законы его совершенствуются, новыя правила открываются; вторыхъ, и вотъ что главнѣйшее: послѣднее время отличается усовершенствованіемъ въ способахъ преподаванія каждой науки и это усовершенствованіе коснулось всѣхъ наукъ. Какое величайшее облегченіе сдѣлано въ изученіи языковъ! Сколько неостанныхъ предрасудковъ истреблено въ сущности и въ преподаваніи Грамматики! И всѣхъ сихъ плодовъ просвѣщенія лишаются ученики отъ старой привычки учителей: держатся старыхъ книжекъ, надъ которыми дремали они бывало въ своихъ классахъ.

Грамм. Нѣмецк. языка, соч. Голштергофомъ, въ первый разъ, въ Русскомъ переводѣ, издана въ Москвѣ — въ 1770 году. И съ тѣхъ поръ *десять* разъ ее печатали *безъ малѣйшей перемѣны!* Она взята съ бывшей тогда въ славу Готтшедовой Грамматикки (изд. въ 1-й разъ, въ 1748 г.) — и такъ все, что Фульды, Аделунги, Ридигеры, Эбергарды, Кампе, Гензиа и проч. славѣйшіе мужи открыли и обрабопали въ Нѣм. языкъ, пролетѣло не коснувшись ея. Она являлась въ 1825 г. со всеми недостатками и предрасудками обрѣтѣвшими Нѣмецкій языкъ за 55 лѣтъ. Кто спорить, что и по ней можно выучиться; но для чего трудился столько славные ученые? Для чего хотѣли вести ученика по кривой, неровной дорогѣ и выучивши его множеству ненужнаго, не справедливаго, заставляли по окончаніи ученія снова перучиваться? Посмотрите для примѣра, какъ легко и удобно располагаются нынѣ склоненія и спряженія Нѣмецкія и въ какомъ безпорядкѣ, съ какими затрудненіемъ должно изучаваны ихъ въ Грамм. Голштергофа!

Имя на Русскомъ языкѣ нѣсколько новѣе, очень хорошихъ Грамматикъ Нѣмецк. языка, мы просимъ Г-дъ учителей сличить, на прим. *Грамматикку Нѣмецкую* изд. Г-мъ профессоромъ Ульрихсомъ (3-е изд. М. 1822) съ Голштергофовой Грамматикою. Они увидятъ, какой ужасный схоластизмъ закрываетъ въ сей послѣдней всѣ простыя, ясныя законы языка; какими ненужными жолкованьемъ и бесполезными примѣрами обременена въ ней каждое правило! — И послѣ того, диво-ли что 334 страницы составляютъ Грамматикку Гол-

пергофа. Изучиваніе на память есть основаніе его Грамматики. вспомогательныхъ глаголовъ у него *ять* и спряженіе ихъ занимаетъ — 17 страницъ. Въмѣсто того, чтобы сблженіями показать сущность правилъ, онъ цѣлыми страницами представляешь вамъ ихъ оплѣтно. Ни одной аналогической таблицы не найдете у него.

Дополненіе. *Дрмбровъ* изъ лучшихъ *Нѣмецкихъ авторовъ* соизвоить изъ стариннаго первода *Цицероновыхъ* сочиненій, сцизошвореній *Эшевбурга*, *Шейблара*, *Вейссе*. Одно къ одному. И послѣ всего этого, какъ же не удивляешься своейному хладнокровію покупателей? Оно втропше не замедлило побудить издашеля къ десятому изданію *Грамматикъ*, въ которой не токмо *всѣ части речи* или *краткеедіаніе словъ*, но и *синтаксисъ* или *соиненіе словъ*, оба подлежащихъ примѣрами *объяснены*, въ пользу *Россійскаго юношества*. Хотя бы названіе книги издатель попросилъ кого нибудь очистишь отъ гереманизмовъ и странностей!

1826.

68. *Военныя дѣйствія Россійскаго флота противъ Шведскаго въ 1788, 89 и 90 годахъ*, почерпнутыя изъ дневныхъ записокъ и доисеній главноначальствовавшаго надъ оными Адмирала *Чаичагова*. Издашь съ примѣчаніями своими *А. Ш. Слб.* 1826 г. in 8. 291 стр.

Имя издашеля, скрытое подъ буцвами *А. Ш.*, конечно заславишь многихъ читавшелей догадаться, что сіе описаніе *походовъ Россійскаго флота противъ Шведовъ* принадлежитъ пошешайшему *наше-*

Ч. X. No 13.

Д

ну Писателю, споль извѣстному шрудми євоими на поприщѣ просвѣщенія. Позволяемъ себѣ въ семь случаѣ нескромность, изложивъ, какимъ образомъ ооставилась книга, въ которой найдуть читатели любопытное описаніе подвиговъ Чичагова, дѣлъ его сподвижниковъ и — смѣлыхъ, но необдуманныхъ покушеній Густава III.

Въ 1822 г. П. П. Свиньинъ приобрѣлъ изъ библіотеки Г. Аншоновскаго рукопись, содержащую въ себѣ дневныя записки о походахъ 1789 и 1790 гг., въ видѣ донесеній къ Императрицѣ ЕКАТЕРИНѢ II, завѣренныя собственноручно Адмираломъ В. Я. Чичаговымъ. Сіи записки были драгоценнымъ запасомъ для исторіи Россійскаго флота, но не полны, ибо первый походъ (1788 г.) не былъ въ нихъ описанъ; крѣпомъ описанія другихъ двухъ походовъ представлялись въ видѣ реллцій и пошому не могли имѣть наспоющей занимательности для читателей. Желая видѣть въ издлежащемъ достоинствѣ такую важную историческую принадлежность, П. П. обратился съ просьбою къ Его Высокопревосходительству, Адмиралу и Министру народнаго просвѣщенія, А. С. Шишкову, бывшему участникомъ въ шрофеехъ послѣдняго изъ сихъ походовъ, о копоромъ я неоднократно (говоритъ Г. Свиньинъ) имѣлъ вслучай слышать отъ Его В—ства многія любопытныя подробности . . . Онъ, снисходя къ рвенію моему — сохранивъ для потомства малоизвѣстныя черты сего достопамятнаго похода Россійскаго флота, покрывшаго себя неувадаемою славою, благоволилъ передѣлать совершенно записки сіи и мастерскимъ перомъ своимъ шрдасть имъ занимательность, содѣлывающую ихъ сдоль полезнымъ, не

»менше того и приятнымъ для всякаго чтеніемъ (*).» — Въ такомъ видѣ помѣщаемы онѣ были въ Отечественн. Запискахъ, а шеперь являющся въ отдѣльной книгѣ (**) и въ полнѣйшемъ видѣ. »По немнѣнню никакихъ подробныхъ о первой кампаніи свидѣній, я опишу оную кратко — такъ говоришь въ началѣ книги почтенный Издатель или лучше скажешь Сочинитель книги. — »Вторая очеркнуша изъ записокъ Адмирала Чичагова. Третья те же, но съ подробнѣйшими обстоятельствомъ; послѣднюю въ оной былъ я самъ дѣйствующимъ лицомъ и свидѣтелемъ всѣхъ происшествій. Сей важный прудъ знаменитаго мужа, совершенный имъ среди множественныхъ его обязанностей и занятій, заслуживаетъ истинную благодарность всѣхъ любящихъ славу Отечества.

Читатели найдутъ, послѣ краткаго описанія похода 1788 г., гораздо полнѣйшее описаніе похода 1789 года и особенно 1790 года. Здѣсь являешся въ истинномъ свѣтѣ хладнокровный, мужественный Чичаговъ, храбрый, но съ излишкомъ смѣлый Принцъ Нассау-Зигенъ и мужественные ихъ сподвижники. Многія подробности дѣйствій увлекають любопытство читателя. Признаемся: главное вниманіе наше привлекли приключенія въ разныхъ мѣстахъ книги, гдѣ сохраняется для пошомства любопытнѣйшія черты храбрости и событій самъ почтеннѣйшій очевидецъ ихъ. Бѣгство пяти плѣнныхъ Россіянъ (стр. 11); переговоры съ Шведскимъ Флагъ-Офицеромъ Графомъ Марнеромъ (стр. 195); предложеніе Адмиралу Чичагову (стр. 207); пожаръ на кораблѣ (стр. 219); подробностями

(*) Ож. Зап. 1824 г. № 46, Февраль.

(**) Она напечатана по опредѣленію Россійской Академіи.

сражений на стр. 222 — 227; описание победы Адмирала Чичагова; потери сражения послѣ оной Принцомъ Нассау — все это и множество другихъ описаній, составляють для исторіи, какъ мы уже сказали, драгоценный запасъ. Въ доказательство, съ какимъ искусствомъ Сочинитель описываетъ, приведемъ примѣчаніе къ описанію победы, одержанной 2 Мая, 1790 года: «Знаменитая по истинѣ побѣда сія, одержанная десятью кораблями надъ флотомъ проекрытно ихъ сильнѣйшимъ, есть конечно паче особое Божеское благоволеніе, нежели слѣдствіе предусмотрительности, или искусства, или храбрости человѣческой. Адмиралъ съ своей стороны сдѣлалъ все то, что могъ, и чего требовали отъ него опытность и благоуміе: онъ расположилъ малочисленный флотъ свой въ линію на якорь; примкнулъ одно крыло его къ берегу, а другое оградилъ береговыми орудіями, могущими дѣйствовать и поражать непріятеля, когда бы онъ покусился обходить оное; созвалъ Флагмановъ и Капитановъ, далъ имъ полезныя наставленія, напомнилъ о ихъ долгѣ и обязанности къ опеченству, и приготовилъ въ случаѣ разспрѣянія пороха и ядеръ способы къ полученію оныхъ вновь, для продолженія битвы. Вотъ все, что въ подобномъ случаѣ можно было придумать; но всѣ сіи средства не могли-бы служить защипою отъ непріятеля сильнаго и предприимчиваго; ибо имѣя флотъ проекрытно многочисленнѣйшій, онъ могъ-бы одною третью онаго занять всю нашу линію, предоставляя двумъ остальнымъ третямъ сѣмѣять одна другую и по очереди вступать въ сраженіе. Такимъ образомъ флотъ нашъ, безпрестан-

но боримый и упомляемый новымъ нападеніемъ, могъ-бы напоследокъ приведенъ быть въ крайнее изнеможеніе. Но непредвидимое опредѣленіе судьбы восхотѣло, чтобы въ то самое время, когда часть непріятельскаго флота начинала равняться противъ нашей линіи, вѣспрь вдругъ скрѣпчалъ, и чрезъ то наклона силою парусовъ корабли ихъ на шотъ бокъ, коперымъ надлежало биться, наклонилъ и пушки, изъ конхъ ядра, ударяясь объ воду, высоко отъ ней отскакивали, и большою частію пролепали выше корабельныхъ далубъ, тогда какъ наши орудія дѣйствуя мѣтко, били и по кузовамъ кораблей ихъ и по снастямъ и парусамъ безъ промаха. Отъ сего первые непріятельскіе корабли, вступившіе съ нашими въ бой, потерпѣли не только великій вредъ и уронъ въ людяхъ, но два изъ нихъ подверглись, одинъ плѣну, а другой сокрушенію на мѣли. Толь чрезвычайная и неожиданная разстройство ошняда у непріятеля надежду на одержаніе побѣды, и посела въ немъ страхъ подвергнушь флотъ свой еще величайшимъ потерямъ, принудила его, оставя намѣреніе свое, удалиться отъ битвы. — Между тѣмъ слухъ о приходѣ Шведскаго флота въ Финскій заливъ потревожилъ Дворъ и Столицу. Правительство хотя и предвидѣло сей случай, но не могло опрашивать оный; ибо не возможно было Ревель оставить безъ ващицы, а тѣсноста Ревельской гавани не позволяла помѣстити въ ней больше десяти кораблей. И такъ раздѣленіе флота было необходимо нужно. Также, хотя достоверно знали, что по наступленіи весны непріятель можетъ придти къ Ревелю прежде, нежели льды позволятъ Кронштадтской части флота

выступитъ въ море ; но какъ сего случая ни навѣрное полагать , ни избѣжать было не лзя , и время казалось еще опдаленно, то и опасность не сколько безпожила. Приближеніе весны и разныя извѣстія о сильномъ и поспѣшномъ вооруженіи Шведскаго корабельнаго и гребнаго флота возобновили и усилили страхъ и заботу. При отправленіи Адмирала въ Ревель разсуждали съ нимъ о сей предстоящей ему опасности , желая узнать его о томъ мнѣніе. Онъ не отрицая великости ея , и уважая превосходное число Шведскаго флота предъ малочисленною Ревельскою эскадрою, по долгомъ о семъ сужденіи, на послѣдокъ сказалъ: *Ну, да тожь? Вить не проглотить.* Сей простой и краткій отвѣтъ такъ понравился Императрицѣ, что въ послѣдствіи времени, когда приказала она изсѣчь мраморный бюстъ сего Адмирала для постановленія онаго въ Эрмишажъ , гдѣ онъ и нынѣ находится , то желала, чѣшобъ въ надписи къ сему бюсту сохраниено было выраженіе *вить не проглотить.* Она поручила надпись сію сдѣлать Державину , но сочиненными имъ крашкими стихами была недовольна и написала свои собственные , достойныя вѣчнаго сохраненія въ памяти , не по красотѣ сложенія ихъ , но по тому , что начертаны рукою Екашерини и показываютъ признательность ея къ заслугамъ. Стихи сіи , вырѣзанные подъ бюстомъ , суть слѣдующаго содержания :

Съ тройною силою шли Шведы на него ;

Узнавъ , онъ рекъ : Богъ защитникъ мой ,

Не проглотятъ они насъ ;

Осправивъ плѣнилъ и победы получилъ.

»Въ самомъ дѣлѣ сія одержанная подъ Ревелемъ победа была вѣщо нечаянное , неожиданное , пора-

жившее всѣхъ удивленіемъ. Возшедшая внезапно черная туча, при первомъ ожиданіи отъ ней грозныхъ ударовъ, развѣвается дуновеніемъ противнаго ей вѣтра и возвращаетъ прежнюю свѣтлость дня. Такъ послѣ сей побѣды исчезли сомнѣнія и страхи, и возвратились бодрость и надежда. Екатерина, обрадованная симъ происшествіемъ, по полученіи о томъ подробныхъ извѣстій, сыплетъ свои щедроты на подвизавшихся въ сей брани, украшаетъ перси Адмирала Орденомъ Святаго Апостола Андрея и обогащаетъ его пожалованіемъ двухъ тысячъ душъ.

69* *Nouvelle théorie de la Balance du Commerce*, par N. Demidoff, conseiller d'état actuel, attaché au Ministère des finances, Membre de la Société économique de St. Petersburg, etc. etc. *Новая теорія баланса торговли*, соч. Н. Демидова и проч. Спб. 1826. in 4. VI и 29 стр.

Разборъ сей книги помѣщенъ выше, въ отдѣленіи *Критики*.

70. *Notice sur le Yamántaga, idole rare du Muséum d'histoire naturelle et d'antiquités de l'Université IMPÉRIALE de Moscou*, par Gotthelf Fischer de Waldheim. *Извѣстіе о Ямантагѣ, рѣдкомъ идолѣ, находящемся въ кабинетѣ Естественной Исторіи и Древностей ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета*. Соч. Г. Фишера фонъ - Вальдгеймъ. М. 1826. in 4. 22 стр. съ тремя рисунками.

Въ богатомъ кабинетѣ рѣдкостей, подаренномъ Московск. Университету П. Г. Демидовымъ и — къ сожалѣнію, далеко не-вполнѣ уцѣлѣвшемъ во время Московскаго пожара 1812 года — находишся Монгольскій идолъ, представляющій (мнимаго) бога

ихъ *Ямантагу*. Сей идолъ весьма драгоцѣненъ, ибо путешественники, выдавшіе Монгольскія капища, утверждаютъ, что находили въ нихъ его изображенія, но не статуи, и во всѣхъ кабинетахъ Азіятскихъ рѣдкостей, сколько известно, статуи Ямантаги не находились. Г. Денидовъ сказывалъ, что принадлежавшая ему статуя Ямантаги была куплена его предками отъ Бухарцовъ, которые на войнѣ отбили ее у Монголовъ. Донынѣ не обращено было особеннаго вниманія на оную статую и почтенный Профессоръ Университета, споль известнѣйшій въ Европѣ учеными трудами своими по части Естественной Исторіи, Г. И. Фишеръ, издалъ нынѣ чрезвычайнаго любопытнаго извѣстія о семъ идолѣ. Онъ излагаетъ собранныя имъ по сему предмету свѣдѣнія, представляешь описаніе изображенія Ямантаги и письмо Г. Шмидта (известнаго знаніемъ своимъ въ языкахъ средней Азій), въ которомъ Г. Шмидтъ изъясняетъ значеніе и фигуру идола.

Рисунки представляютъ его лицо и профиль. Странное воображеніе Азіятцевъ олицетворяло здѣсь богатое символами понятіе о Ямантагѣ, при всѣхъ чрезвычайностяхъ, какими горитъ воображеніе Азіятцевъ. Человѣкъ, съ бычачьею головою, по сторонамъ которой видно еще шесть безобразныхъ головъ человѣческихъ, съ шестнадцатью ногами и съ тридцатью четырьмя руками, обхватываетъ женщину. Сверхъ семи головъ его, видна безобразная голова человѣческая и надъ нею еще другая красивая голова. Пламя окружаетъ головы; черепы и головы человѣческія составляютъ цѣпи. Руки держатъ разные символы возрожденія и разрушенія. Ноги

стоятъ также на символахъ возрожденія. Вѣя спашуа 6 вершковъ вышины и сдѣлана весьма искусно.

Легко было узнать, сличая описанія и изображенія, что этошь идолъ изображаетъ *Ямантагу*, почитаемаго Монголами Ламайской или Буддайской вѣры (за сильнаго бога разрушенія (*). Впрочемъ, нынѣшніе послѣдователи Будды въ Тибетѣ, Монголіи и Кипчаѣ, почти утративъ основное значеніе символовъ, представляемыхъ идолами ихъ, сами не могутъ хорошо объяснить Ямантагу, для чего и слѣдовало обратиться къ дальнѣйшимъ ученымъ и обширнымъ разысканіямъ. Изъ сего составились изслѣдованія Г. Фишера и Г. Шмидта.

Г. Фишеръ полагаетъ, слѣдуя большому числу достовѣрныхъ мнѣній, что вѣра Будды произошла изъ Индіи. Извѣстно, что древніе Индійцы признавали единого Бога (*Trimurgi, Trituam*), полагая его причиною всего и все-заключающимъ. Они хотѣли изобразить его и раздѣлили на начала: *производящее* и *разрушающее* (Озирисъ и Тифонъ — Египтяны; Ормазъ и Ариманъ — Персовъ). Они назвали первое *Вишну*, второе *Сива* (Чива или Чивенъ), что соединялось, по мнѣнію ихъ, въ *Брамъ* или единомъ; вышнемъ Богѣ. Имена Вишны и Сива были вѣчно иное, какъ символы понятій Индійцевъ. Въ послѣдствіи приняты были сіи символы матеріально и пошому; кромѣ небольшого числа Брамановъ древней вѣры, составилось множество сектъ, почитающихъ Брамъ, Вишну и Сива, богами отдѣльно.

(*) Изложеніе нынѣшней Ламайской вѣры, см. въ *Путешествіи чрезъ Монголію въ Китай*, Е. О. Тимковскаго, Т. III, стр. 359—408, и особливо о *Ямантагѣ*, стр. 391.

Другія секты принимали даже одного котораго нибудь изъ смѣхъ боговъ. Такъ были послѣдователи Вишну и Сива, особенные. Вишну, въ послѣдствіи, приписали *восемь* превращеній, изображаемыхъ разными фигурами. Девятого превращенія Браманы еще ожидаютъ. Буддаисты суть раскольники Браманской вѣры, которые думаютъ, что Вишну превратился уже *девятый* разъ и явился въ видѣ мудреца, названнаго: *Будда*. Они обожаютъ его въ семь превращеній подъ именемъ Будды (въ Монголіи, Шигемуни; въ Китаѣ, Фо; въ Японіи, Сяка и Сязуна; въ Сіамѣ, Самокодома). Мы не входимъ въ подробности о среднихъ сектахъ между сими двумя главными.

Г. Шмидтъ утверждаетъ, что имя *Ямантага* составлено изъ Санскритскихъ словъ: *ямъ* (адъ, пропасть, бездна) и *антака* — разрушеніе. Онъ согласенъ, что эшошъ идолъ происходитъ изъ Индіи и есть нечто иное, какъ Индійскій Чивень или Сива. Но послѣ сего утверженія, онъ держится мнѣнія нѣкихъ писателей, которые думали, что Буддаизмъ не есть расколъ Браманской вѣры. Г. Шмидтъ полагаетъ, что Буддаизмъ произошелъ отдѣльно и прежде Браманизма; что Ямантага и другіе идолы нынѣшняго Буддаизма суть нововведенія изъ Индіи, ибо Г. Шмидтъ думаетъ, что нынѣшній Буддаизмъ отличенъ отъ чистаго древняго, какъ онъ видѣнъ въ древнихъ писаніяхъ Буддаистовъ и что въ немъ явны вліянія различныхъ вѣръ, на примѣръ: вѣры Парсовъ.

Вѣроятно Г. Шмидтъ представитъ свою гипотезу въ ученомъ изслѣдованіи, доказывая ее древними книгами Буддаистовъ, которыя вѣроятно онъ

имѣешь, и которыя, донынѣ въ Европѣ, кажутся, неизвѣстны. Можетъ быть это произведеть такіе же споры, какіе произвело мнѣніе Г. Шмидта объ Уйгурахъ (см. Телегр. 1825. Ч. VI, стр. 393); но соображая всѣ новѣйшія изслѣдованія, пока не видимъ еще положительныхъ доказательствъ Г. Шмидта, мы не можемъ согласиться съ нимъ.

Всѣ сомнѣнія о началѣ не только Буддизма, но Египетской, Греческой и Скандинавской мѣо-логіи изъ Индіи, нынѣ разрѣшены. Мы знаемъ уже, что изъ сего родника народовъ разлились древнѣйшіе языки и мѣологія большей части Азіи и Европы (*). Г. Шмидтъ утверждаетъ, что понятіе о Вишну и Сивѣ, соединенныхъ въ Брамѣ, неизвѣстно въ Буддизмѣ; но должно вспомнить, что сей расколъ произошелъ въ позднѣйшее время, когда выдуманы уже были Индійцами восемь превращеній Вишну. Буддаисты выдумали девятое. Начало сего раскола полагаютъ въ VI вѣкѣ до Р. Х. (**). Послѣ явилась еще въ Индіи секша *Джаммо*. Тамъ существуютъ нынѣ вѣра Брамановъ (или Брамниновъ), Буддаистовъ и Джамновъ, въ многочислѣннѣйшихъ

(*) О Мѣологіи смотр. превосходнѣйшее швереніе Крейцера; *Symbolik und Mythologie der alten Völker* (4 Т. 1 е изд. 1810 — 12 гг.) Французск. переводъ сей книги (Г. Гиньо) явился въ прошломъ 1825 г. (Парижъ. 3 Т. ia 8), подъ названіемъ: *Religions de l'antiquité*. Сокращеніе Крейцеровой книги изд. въ Германіи, съ позволенія Амшора, Мозеромъ, подъ названіемъ: *Friedrich Creuzer's Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen, im Auszuge etc.* Лейпцигъ 1822 г.). Мы почищаемъ швереніе Крейцера необходимымъ для всякаго просвѣщеннаго человѣка.

(**) Мнѣнія о времени разныя. Г. Клапротъ полагаетъ реформу Будды, по извѣстіямъ Китайцовъ и Японцовъ въ XI вѣкѣ до Р. Х. См. *Journal Asiatique*, 1824, Января.

сектахъ; хотя вторые, большею частію соединены съ послѣдними, но есть отдѣльные и донынѣ сохранились шамъ преданія и храмы Буддаистовъ (*). Сія секша распростираясь въ средней Азій, само по себѣ разумѣется, измѣнила первобытныя понятія Брамановъ; но не смотря на утверждение Г. Шмидта, въ Буддаизмѣ, главныя основанія сходны съ Брамаизмомъ: это легко доказать. Символы боговъ сохраняющъ даже имена Индійскія и многія принадлежности Брамаизма. Напротивъ, мнѣніе объ особенномъ и старѣйшемъ Брамаизма происхожденіи Буддаизма, ничѣмъ не подтверждается. Г. Шмидту надобно показать: въ чемъ состоялъ древній Буддаизмъ? въ чемъ отличенъ онъ отъ нынѣшняго? какимъ образомъ и когда сдѣланы въ немъ нововведенія? Вопросы трудные для рѣшенія. Съ удовольствіемъ увидимъ, если Г. Шмидтъ оправдаетъ свою гипотезу рѣшеніемъ оныхъ.

71. *Указатель главнѣйшихъ достопамятностей, сохраняющихся въ Мастерской Оружейной Палатѣ.* Составленъ членомъ оной Палаты, Статскимъ Совѣтникомъ и Кавал. Пав. Свинымъ. Спб. 1826. in 16. 8 и 118 стр., съ изображеніемъ зданія, гдѣ хранятся достопамятности, и съ планомъ сего зданія.

Желая составить для посѣтителей Мастерской и Оружейной Палаты небольшое, уютное руководство при обозрѣніи достопамятностей въ ней хранящихся, П. П. Свиный собралъ извѣстія изъ описей, сочиненныхъ знаменитымъ Археологомъ

(*) Объ этомъ любопытное изслѣдованіе В. Эрскина въ 3-мъ н. Transactions of the liter. Society of Bombay. (Лондонъ. 1823 г.).

нашимъ А. Ѳ. Малиновскимъ и помѣщенныхъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*; присовокупилъ къ нему извлеченія изъ 1-й части *Историческаго описанія древняго Россійскаго Музея* (также издани. А. Ѳ. Малиновскимъ — М. 1807, въ листъ, съ прекрасными рисунками) и собственныя свои замѣчанія.

Зная, что почтенный П. П. имѣлъ въ виду многочисленное собраніе знаменитыхъ почитателей Москвы, по случаю **ВЫСОЧАЙШАГО** коронованія, изъ которыхъ многіе пожелаютъ, вѣрою, **обозрѣть** сокровищницу нашихъ древностей; что онъ только для удовольствованія ихъ любопытства при семъ случаѣ, составилъ ручную книжку, мы не будемъ замѣчать, въ чемъ несогласны мы съ его **Указаніемъ**.

Пріймѣе замѣтить изъ посвященія книги Князю Н. Б. Юсупову, что П. П. Свиньинъ предполагаетъ заняться подробнымъ историческимъ и археологическимъ описаніемъ Музея. Желаетъ ему счастливаго успѣха, ибо, къ величайшему сожалѣнію, около 20 лѣтъ прошло послѣ изданія 1-й части *Описанія Музея*, А. Ѳ. Малиновскимъ и — мы не видимъ окончанія сего важнаго труда. Кромѣ удовольствія имѣть описаніе рѣдкостей Музея, что полезно и для *Исторіи Русской*, мы желали-бы, чтобы яркій свѣтъ историческихъ и археологическихъ изслѣдованій представилъ намъ въ надлежащемъ видѣ всѣ предметы въ немъ заключающіеся. Судя по времени, когда дѣланы старинныя описанія ихъ, не лзя чтобы не было въ нихъ ошибокъ. Такъ и въ *Указателѣ*, П. П. Свиньина, зашло извѣстіе о побѣдахъ Святослава и Владиміра Мономаха надъ

Греками, о златомъ крестѣ надъ Кіево-Софійскимъ Соборомъ. Разумѣется, что въ историческомъ и археологическомъ описаніи все эшо не будешь имѣть мѣста.

72. Indicateur des objets rares et précieux, qui se trouvent au Musée de Moscou, connu sous le nom d'Oroujeinaia Palata, par le Conseiller d'état Paul de Svingine, Membre honoraire du dit Musée, etc. Spb. 1826. in 16. 148 стр. съ изображеніемъ и планомъ Музея.

Для удобнѣйшаго употребленія иностранцовъ, переводъ вышеозначеннаго *Указателя*.

73. *Указатель* жилищъ и зданій въ Москвѣ или Адресная книга, съ планомъ. Составленная служащимъ при Московскомъ Военномъ Генераль-Губернаторѣ чиновникомъ В. Соколовымъ. М. 1826. in 12. IX, 372 и 369 стр., съ планомъ Москвы.

Вотъ книга, необходимая въ столь большомъ городѣ, какъ Москва. Его Сіятельство Князь Д. В. Голицынъ, Военный Генераль-Губернаторъ Московскій, препоручилъ составленіе *Указателя* домовъ и зданій Г. Соколову, который взялъ при семъ случаѣ въ образецъ *Указателя* Санктпетербурга, изд. Г. Аллеромъ, въ 1823 г. При первомъ опытѣ конечно не лзя было избѣгнуть ошибокъ въ книгѣ, въ которой почти все состоить изъ именъ собственныхъ, но за всѣмъ тѣмъ, должно отдать справедливость Г. Соколову за весьма удачное исполненіе его труда.

Желательно, чтобы въ будущемъ изданіи присоединено было болѣе статистическихъ свѣдѣній къ реестрамъ домовъ и людей, такъ, чтобы *Указатель*

могъ составлять матеріалъ и для Историка и Синапсника Москвы, а не былъ только удовлетвореніемъ минушнаго любопытства или справочною книгою жилищъ. Однакожь и теперь находимъ въ Указелѣ много любопытнаго для узнанія Москвы.

Въ *первой главѣ* означены все дома и зданія по нумераціи оныхъ. На сорока-верстномъ пространствѣ Москвы число всехъ казенныхъ и частныхъ домовъ и мѣстъ составляетъ 9861. За тѣмъ слѣдуютъ: алфавитный списокъ владѣльцовъ частныхъ домовъ. Замѣтимъ для любопытныхъ, что домовъ, принадлежащихъ разнымъ обывателямъ фамиліи Алексѣевыхъ, находится въ Москвѣ 59, Андреевыхъ 38, Никипиныхъ 27, Смирновыхъ 48, Поповыхъ 37, Михайловыхъ 36. Графу Д. Н. Шереметеву принадлежатъ 30, Графу В. Г. Орлову 17, Графинѣ А. А. Орловой 13, купцу Варгину 12 домовъ. — *Глава вторая*, исчисленіе церквей и разныхъ казенныхъ и общественныхъ заведеній и зданій. Въ Москвѣ находится 21 монастырь, 7 соборовъ, 245 церквей, кромѣ 41 находящейся при разныхъ заведеніяхъ и домахъ, 1 старообрядческая церковь и 2 часовни, 2 Каполическихъ церкви, 3 Лютеранскихъ, 2 Англинскихъ, 3 Армянскихъ и 1 Магомешанскій молитвенный домъ; 6 дворцовъ; Богоугодныя заведенія — Богадѣльни: Екатерининская, Человѣколюбиваго Общества, Ремесленной Управы, Кн. Куракина, Графа Остермана-Толстаго, Г-жи Вадковской, Каполической церкви, купеческая въ Андреевскомъ монастырѣ, Старообрядческая, купца И. П. Кожевникова, при Новоспасскомъ и Покровск. монастыряхъ, 51 богадѣльня при церквахъ приходскихъ и кромѣ того — Вдовій домъ, Справдопріимный Гра-

фа Шереметова, призьня Цшабъ и Оберъ-Офицеровъ М. П. Шереметевой. — Частныхъ аптекъ въ Москвѣ 19, пенсіоновъ мужскихъ 20, женскихъ 12, типографій 11, литографій 3, книжныхъ лавокъ 34. — *Глава третья* — жишельство служащихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, неслужащихъ чиновныхъ оробъ первыхъ пяти классовъ, ученыхъ, врачей (въ томъ числѣ зубныхъ дѣкарей — 10), повивальныхъ бабокъ, учителей, живописцовъ, актеровъ и проч. — *Глава четвертая* — жишельство воишь Московскихъ кувцовъ и ремесленниковъ по цѣхамъ (что однакожъ негодится для Статистики Московской промышленности, ибо записка въ цѣхъ, не показываетъ еще упражненія цѣховаго). — *Глава пятая* — мѣста торговли. — Замѣлимъ, что кромѣ лавокъ въ рядахъ, модныхъ магазиновъ и лавокъ находится въ Москвѣ — 26 (въ томъ числѣ Русскихъ только 4), шалевыхъ 7, косметическихъ 8, музыкальныхъ 3, мебельныхъ 23, Греческихъ табачныхъ 9, кандинерскихъ 6, гостинницъ слышающихъ 11, подворьевъ 29, постоялыхъ дворовъ 122, банъ 31. — *Глава шестая* — увеселенія, почты, Адъресъ-Коншора, Коншора должниковъ, Справочная и проч. — Въ концѣ приложена планъ Москвы.

74. *Музыкальная Грамматика* или Теорія правилъ Музыки, въ вопросахъ и отвѣтахъ состоящая. Сочиненная Директоромъ и Композиторомъ Миланской Королевской Консерваторіи Б. Азіоли; и переведенная и изданная Д. Дмитриевскимъ. Спб. 1826. in 4. VI и 92 стр: съ 6 таблицами нотъ.

У насъ бывали Грамматики Юридическія, Философическія науки и проч.; видно, сочинители думали, что слово: *Грамматика*, значитъ перво

начальное основаніе какой нибудь науки. Вотъ яви-
лась *Грамматика Музыки!* Не смотря однакожь
на странное названіе, книга полезная; только въ
ней представлена теорія не Музыки, а *музыкаль-
ныхъ знаковъ*. Сначала идешь изъясненіе нотъ,
ключей, знаковъ; потомъ шемцовъ, тактъ, мѣръ.
Всѣ приводимые примѣры изображены на приложен-
ныхъ таблицахъ. Для начинающихъ, особенно безъ
учителя, она расположена весьма престо и удобно.
Изданіе очень хорошо.

75. *Systematische Sammlung prosaischer Aufsätze
und Gedichte* и проч. — (Систематическое собраніе
прозаическихъ ошрмковъ и стихотвореній), изданн.
Ю. Ульрихсомъ, профессоромъ Исторіи и Статис-
тики при Московскомъ Университетѣ. 4 изданіе.
М., 1826. in 8. 246 и 116 стр.

Хорошій выборъ статей и хорошо составлен-
ный Словарь, при концѣ книги, заставляють по-
честъ эту *Нѣмецкую Хрестоматію* лучшею изъ
изданныхъ въ Россіи, хотя рѣчь Гедике и кой-какія
другія статьи можно-бы замѣнить въ ней чѣмъ
нибудь получше и позанимательнѣе.

76. *Colloquia Rossico-Latina* и проч. *Россій-
ско-Латинскіе разговоры*, самыя употребительныя
въ обществѣ, раздѣленные на уроки со словами,
менѣе обыкновенными для каждаго, къ которымъ
въ концѣ прибавлено нѣсколько пословиць и синони-
мовъ Латинск. языка, въ пользу Россійскаго юноше-
ства, изданная Э. П. С. И. — М. 1826. in 8. 176 стр.

Кажешся, поря-бы, книжные разговоры вы-
ключить изъ курсовъ обученія какому нибудь языку.
Для чего они? Обыкновенно учителя задають ихъ
вмѣсто вокабулъ выучивашъ на память — и ничего

нѣтъ хуже шакого выучиванья! Читать-же разговоры прости, нѣтъ надобности. Задавать слова необходимо; но старайтесь, чтобы ученикъ самъ образовывалъ изъ нихъ рѣчи. Если онъ учится изъ обращенія, не по книгамъ, говорите съ нимъ, показывайте ему отношенія словъ, связь ихъ и онъ будетъ съ вами *разговаривать*, съ тою разницею, что вмѣсто механическаго повторенія словъ, онъ упражнитъ свой разумъ. Если-же онъ учитъ Грамматику, то показавъ ему склоненія и спряженія, заставляйте его писать небольшія рѣченія, дѣлайте имъ разные обороты и проч. Признаюсь: я не могу безъ сожалѣннй видѣть, когда учитель съ книгою въ рукахъ спрашиваетъ выпверженный ученикомъ наизустъ разговоръ — пустое затрудненіе, пустая прапа времени! Но если уже кому угодно задавать ученикамъ разговоры, то для Латинскаго языка вновь изданные Г-мъ И. довольно полны. Въ концѣ книги, пословицы съ Русскимъ переводомъ, или лучше сказать *предѣлкою на Русскіе нравы*. Кажется, надобно-бы стараться передать смыслъ Латинскихъ фразъ, напротивъ Г-нъ И. замѣняетъ ихъ по своему. *Quandoque bonus dormitat Homerus*, переведено — *и на старуху бываетъ проруха!* *Samaginat ne moveas* — *мужикъ съ пети упалъ, да никто его толкалъ (?)* и ш. д. — Синонимовъ приложено 30; между прочимъ *ad annum*, *in annum*; *ad diem*, *in diem*, *de die* — врядь-ли это синонимы!

77. *Tableau Slave*, par M-me la P*** Zénéide de Volkonsky. *Славянская картина*. Соч. Кн. Элизады Волконской. Второе изданіе, М. 1826. in 12.

Мы угадывали имя Автора, читая первое издание *Славянской картины*, вышедшее въ Парижѣ, въ 1824 году. Всеобщая похвала иностранныхъ критиковъ давно опредѣлила достоинство сего изящнаго произведенія ума пылкаго и талантовъ необыкновенныхъ. Радуемся, что второе издание *Славянской картины* сдѣлано въ Москвѣ: родная Россія по Автору, по предмету своему — она теперь не чужая намъ и по мѣсту появленія.

Первобытное состояніе Россійскихъ Славянъ, такъ мало красокъ представляешь для картины поэтической или прозаической, что донынѣ почти въ опыты поэтовъ и прозаиковъ въ этой области бывали неудачны. Быть народа дикаго, малоизвѣстнаго въ Исторіи, о которомъ нѣсколько словъ только передаютъ намъ наши летописи, котораго повѣрья едва мелькають во мракѣ преданій, даешь просторъ изобрѣтательному воображенію — правда; но въ семь случаевъ, повѣсть Славянской сливается съ повѣстью о каждомъ дикомъ народѣ. Хотите-ли извлечь отличительныя черты — хотите-ли изобразить намъ *Славянъ* — гдѣ матеріялы? Ихъ нѣтъ!

»Желая показать нѣкоторыя любопытныя подробности о древнихъ Славянахъ — говоритъ Сочинительница — я вздумала соединить въ простомъ и довольно-новомъ образѣ, все что дошло до насъ о племенахъ, жившихъ по берегамъ Днѣпра, ихъ занятіяхъ, обычаяхъ, нравахъ и богослуженіи. . . . Мнѣ казалось, что я прибавлю занимательности картинѣ, представя прясиво-положность нравовъ, понятій о вѣрѣ и чувствахъ, человека, начинающаго наслаждаться благодѣяніемъ

«образованности, уже знающаго шруды, обработываніе земли, законы чести и благоприличіе, съ жизнью и грубыми понятіями существа въ дикомъ состояніи — плачевномъ слѣдствіи продолжительнаго униженія — живущаго, какъ растение или звѣрь, и въ которомъ врожденныя добродѣтели и безсмертная душа, кажется, закрыты грубою корою, уступающею только времени или усиленнымъ, могущественнымъ дѣйствіямъ генія просвѣтителя.»

Исполненіе этого плана просто и прекрасно. Юный Полянинъ влюбляется въ дикую Древланку и постоянными усиліями любви доводитъ ее до сознанія въ превосходствѣ образованности. Многія подробности прелестны; мысли сверкають въ простотѣ описаній; о слоgъ говорить не нужно: Французы опирали въ этомъ Сочинительницѣ полную справедливость, а они болѣе насъ имѣли права на рѣшеніе.

Но сказавъ, что Славянская картина, какъ *повѣсть вообще* — прекрасна, мы обращаемся къ нашему мнѣнію, что не смотря на искусство Автора, неблагодарность предмета замѣтна очень ясно. При томъ замѣтимъ, что Авторъ собираетъ здѣсь не однѣ черты, оставшіяся намъ въ лѣтописяхъ и преданіяхъ нашихъ; но все что писали Византійцы и Западные Европейцы о Славянахъ вообще, даже многое, что выдуманно объ нихъ. Историческая достоверность уничтожаетъ на примѣръ: богиню Ладу, не можетъ согласиться на устройство истукана рѣки Днѣпра, на многое, что не принадлежало Славянамъ Россійскимъ и — отвергаетъ многое изъ того, что говоритъ Исторіографъ Карамзинъ о

правахъ, обычаяхъ, вѣрѣ Славянъ: его ошибка состоитъ въ томъ, что онъ не опредѣлилъ: къ которому времени относится каждое изъ собранныхъ имъ извѣстій о Славянахъ; не отличилъ достовѣрныхъ историческихъ повѣствованій (на прим. Прокопія и Нестора) отъ разсказовъ Сприковскаго и другихъ. Такимъ образомъ многія подробности *Славянской картины* прекрасны, но — не вѣрны. Этому сомнѣнію также подвергаются нѣкоторыя изъ *примѣчаній*, находящихся въ концѣ книги, хотя они доказываютъ обширныя свѣдѣнія Сочинительницы. Чрезвычайно любопытная эпимологія имѣетъ обратила особенное наше вниманіе.

Осмѣлимся-ли надѣяться, что блестящій успѣхъ *Славянской картины* будетъ намъ ручательствомъ за дальнѣйшія произведенія Сочинительницы въ томъ родѣ Словесности, какой она избрала? Отпечесство можешь представить множество предметовъ, которыми легко ей обогатить нашу Словесность. Сами Рускіе въ теченіе 10 вѣковъ, отношенія ихъ къ Татарамъ, къ Грекамъ, къ Ливоніи, къ Азіи вообще, къ народамъ Скандинавскимъ — сколько богатыхъ матеріаловъ при тѣхъ обширныхъ свѣдѣніяхъ, при томъ искусствѣ писать, какія видимъ мы въ произведеніяхъ нашей соотечественницы!

78. *Дѣтской театр*, содержащій въ себѣ: Прологи, составленные для дѣтей: 1-е) на случай именинъ матери ихъ, въ день Св. Екашерины; 2-е) на случай именинъ отца ихъ, и 3-е) на случай именинъ пріятельницы матери ихъ. Въ стихахъ, сочиненія Ивана Крупеникова. М. 1826. in 16. 37 и VII стр.

Три пролога и въ стихахъ! Пушкинъ пишетъ стихи и Сочинитель Дѣтскаго театра пишетъ стихи — такъ говорится подростку; но воля ваша, Мм. Гг., надобно положить различіе. Не ужели должно называть стихами плохую, риемованную прозу? И для чего Сочинитель не вспомнилъ прелестнаго стиха Пушкина:

Блаженъ, кто *молга* былъ поэтъ!

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Возобновленное искусство передвигать зданія.
До сихъ поръ, съ удивленіемъ находили мы въ старинныхъ лѣтописяхъ извѣстія о перенесеніи или передвиганіи цѣлыхъ зданій съ мѣста на мѣсто, безъ всякаго ихъ поврежденія. Знаемъ, что Аристотель Фіораванти, зодчій Московскаго Успенскаго Собора, передвинулъ въ Болоніи колокольню съ мѣста на мѣсто, безъ всякаго поврежденія. Объ этомъ дѣлѣ *Венеційскаго муллра* пишутъ наши лѣтописи и Италіянскія. Въ наше время, искусство передвигать зданія, безъ разрушенія ихъ, возобновлено въ Сѣверной Америкѣ. Симеонъ Броунъ, Механикъ и Архитекторъ, передвигаетъ тамъ дома какъ шашки, и привелъ способы передвиганія въ такое совершенство, что издержки на подобное предпріятіе сто-ятъ *одну пятую долю* противъ той суммы, которая была-бы потребна на разборку дома и построеніе его на новомъ мѣстѣ. Г-жа Райшъ, въ путешествіи своемъ въ Сѣверную Америку, описываетъ, что она видѣла въ Нью-Йоркѣ передвинутыя дома. Самое любопытное передвиганье было сдѣлано

Броуномъ въ 1823 году. Домъ кирпичный, на большой Нью-Йоркской улицѣ, въ 25 ф. ширины и 45 вышины, покрытый асфидомъ, должно было отодвинуть, для уравненія улицы, на $21\frac{1}{2}$ футъ. Тяжестъ сего дома полагали въ 350 тоннъ (7000 квадранталовъ). Сперва подняли домъ съ мѣста и цѣломъ, тремя верошами, пошацили и поставили его гдѣ слѣдовало. Ни малѣйшей прещины нигдѣ не оказалось и въ безопасности такъ были увѣрены, что хозяинъ пригласилъ къ себѣ до 150 человекъ гостей: во время самаго передвиганья, въ домъ весело зашпракали и пили за здоровье изобрѣтательнаго ума неловческаго.

Плата за сочиненія Лорда Бейрона. Во многихъ иностранныхъ журналахъ писали о цѣнѣ Бейроновыхъ сочиненій. Вотъ достоверное извѣстие, сколько платилъ ему книгопродавецъ Муррай, издатель большей части его сочиненій (разумѣется, что право книгопродавца простиралось на одно изданіе — Англинская монета переведена здѣсь на Французскую): за Чильдъ-Гарольда, пѣснь I и II, заплачено 14,400 фр., пѣснь III — 37,800 ф., пѣснь IV — 50,400 ф., всего за Чильдъ-Гарольда 102,600 фр. — Глауръ 12,480 ф. — Абидосская невѣста 12,480 ф. — Морской разбойникъ 12,480 ф. — Лара 16,800 ф. — Осада Коринеа 12,480 ф. — Паризина 12,480 ф. — Сѣтованія Тасса 7,560 ф. — Манфредъ 7,560 ф. — Беппо 12,480 ф. — Донъ Жуанъ, пѣснь I и II — 36,600 ф., пѣснь III, IV и V — 36,600 ф. — Венеціанскій Дождь 26,400 ф. — Сардапаль, Каинъ и Фоскари 26,400 ф. — Мазепа 12,480 ф. — Цильонскій узникъ 12,480 ф. — Разныя стихошворенія 10,800 ф. — Всего 371,160

Франковъ. — Известно, что Бейронъ вообще былъ не доволенъ Мурраемъ, который старался всячески выторговать, жаловался на худую книжную торговлю, на убытки; между тѣмъ всѣ знали, что она получаетъ 200 на 100 отъ Бейроновыхъ сочиненій. И такъ, замѣчаютъ экономисты — Бейронъ въ Англіи привелъ поэзію въ движеніе *болѣе мильона Франковъ вещественнаго капитала*. Полагаютъ, что цѣлое поколѣніе стихотворцовъ Италіанскихъ не получило за свои творенія 400 т. Франковъ.

Прозкъ о новой области Соединенныхъ Штатовъ. Мы упоминали, какъ стараются Сѣверо-Американцы освободиться отъ Негровъ, находящихся въ ихъ областяхъ (M. T. V. 309). Въ самомъ дѣлѣ, число Негровъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и предрасудки ничѣмъ не испорбимы, грозятъ въ семъ случаѣ Сѣверо-Американскому союзу нѣкоторою опасностію. Для отвращенія оной Сѣверо-Американцы завели въ Африкѣ Негрскую колонію и всѣми мѣрами старались ускорить переселеніе черныхъ и цвѣтныхъ людей къ ихъ собратамъ на островъ Гвины. Но въ томъ и въ другомъ случаѣ успѣхъ былъ не великъ, такъ, что въ 6 лѣтъ едва могли переселить въ Африку 400 человекъ и въ Гвину не болѣе 3000. Г. Туккеръ, депутатъ Виргиніи, изложилъ передъ Конгрессомъ сіи обстоятельства, замѣтилъ при томъ, что въ слѣдствіе обыкновеннаго умноженія народа, по 3 человека на сто, число Негровъ и цвѣтныхъ людей ежегодно увеличивается 6000, а число невольниковъ 46,000. По срображеніи сего предожилъ онъ новую мѣру для удаленія Негровъ и извлеченія при томъ совершеннѣйшихъ польвъ, какъ для

Соединенныхъ Штатовъ вообще, такъ и для нихъ самихъ. Цвѣтному и черному поколѣніямъ въ Сѣверной Америкѣ отвѣсти особенный округъ за Роккай-Монтаномъ, проложивъ плуга дорогу, для сообщенія съ ними, и давъ средства обсединиться. Они должны быть тамъ подъ непосредственною защитою и повелѣніемъ другой области до тѣхъ поръ пока устроятся и будутъ многочисленны, такъ, что могутъ составить особенную область Американскаго союза. Сие предложеніе втрояцію будетъ принято в Сѣверо-Американскіе Штаты увеличатся двумя новыми областями, то есть: уже основанною *Индійскою* областію и вновь проэкцируемою областію Негровъ и Мулашцовъ. Области сіи будущъ имѣть равныя съ другими областями права.

Закрепленіе азартныхъ игръ въ Америкѣ. Законодательная власть въ Сѣверо-Американской области Иллинойс, запретила продажу и покупку всѣхъ сортовъ картъ (игральныхъ), костей или зерни, билліардныхъ шаровъ и проч., также всякую игру въ деньги. Съ виновныхъ положенъ штрафъ въ 25 долларовъ. Мирные судьи, шерифы и прочіе чиновники наказываются штрафомъ во 100 долларовъ и заключеніемъ на годъ, если будутъ знать и не объявлять объ открывшейся гдѣ нибудь игрѣ въ деньги.

Докторъ Франція, правитель Парагвая. Странный человекъ внешне, самовластно управляющій полмилліономъ обитателей Парагвая (М. Т. Ч. VIII, стр. 182), родился въ Парсено, въ Буэнос-Айресекой области. Онъ учился въ Кордовскомъ Университетѣ, былъ тамъ сдѣланъ Докторомъ, и впоследствии уѣхавъ въ Парагвай, располагаясь щорѣ

говать табакомъ и медицинскими правами. Проживъ въ Парагваѣ нѣкоторое время, путешествовалъ онъ по Бразиліи, Перу и Хили, возвратился въ Буэнос-Айресъ и наконецъ поселился въ Ассумпціонъ, главномъ городѣ Парагвая. Успѣвъ завладѣть шпиль-верховною властію, принялъ онъ титулъ Диктатора, а вскорѣ присовокулилъ къ нему и пожизненную власть. Правленіе его весьма справно. Онъ, подлѣ смертною казнію, запрещалъ выѣздъ изъ своей страны. У него есть регулярныя войска, которыя любятъ его и получаютъ хорошее жалованье. Въ магазинахъ важдиша у него запасовъ на 10 лѣтъ. Доктору Франциш теперь 50 лѣтъ отъ роду, но на видъ отъ кажешся моложе 40. Онъ любитъ разспрашивать; повпоряетъ одинъ и шопъ-же вопросъ разными оборотами и никогда не глядитъ на того, съ кѣмъ говоритъ. Жизнь ведетъ чрезвычайно спротивую: мало ѣстъ, еще меньше спитъ, никогда не играетъ и не любитъ женщинъ. Противъ Буэнос-Айреса питаешъ онъ жестокою ненавистью и, кромѣ Бразильскихъ Португальцовъ, не живешъ въ дружбѣ ни съ однимъ изъ сосѣдственныхъ народовъ.

Стереотипія. Вотъ еще новое, важное изобрѣженіе! Г. Зеннефельдеръ, въ Манхенѣ, которому приписываютъ изобрѣженіе литографіи, выдумалъ покрывать листы бумаги какимъ-то каменнымъ порошкомъ. Сдѣлавъ изъ него посредствомъ смачиванія родъ гуопаго шѣсла, выдавливають на немъ обыкновенно набранныя литеры, даютъ затвердѣть и шопомъ покрываютъ сію форму металлическимъ составомъ. Такимъ образомъ получается сперсоципаная превосходная доска, кошкою можно печатать множе-ство экземпляровъ. Весь приборъ на печатный

двухъ спонсора — не болѣе, 6. крѣйцовъ. Изобрѣтатель намѣренъ обнародовать свое изобрѣтеніе, когда подпискою соберутъ 3000 флоринъ, чего спонси ему поддержки. Благородный человекъ!

Годовое потребленіе припасовъ въ Лондонѣ.

На большомъ Смитфилдскомъ рынкѣ продано съ Декабря 1824, по Декабрь 1825 года, на 212,500,000 френковъ рогатаго скота и свиней, не считая привозовъ на другіе рынки. Милліонъ квинталовъ пшеницы, двѣ милліона фунтовъ масла и двѣ милліона фунтовъ сыру, на 1,260,000 фун. ст. молока и на два милліона френковъ дичины употреблено въ Лондонѣ въ одинъ годъ. Дичины заводятъ тамъ величайшее количество и она весьма дешева; изъ дичины же преимущественно расходится много зайцовъ. Одинъ главный торговецъ въ Лондонѣ, продаетъ ихъ еженедѣльно по 14,000 штукъ, въ теченіе большей части года.

Число женщинъ, сгорѣвшихъ съ мужьями сдѣланными въ Индіи, въ 1823 г. Известенъ ужасный обычай Индіянокъ, Брамайской вѣры; онѣ должны сжигаться съ мужьями, если ихъ переживуць; безчестіе и посрамленіе падаетъ на ту женщину, которая откажется отъ сей ужасной жертвы и никакія убѣжденія, никакія средства не могутъ остановить спрашнаго обряда. Англичане рѣшились наконецъ препятствовать этому сидору. Изъ одиннадцати, десять сожженій успѣваюць онѣ остановить и за всѣмъ тѣмъ, въ 1823 г., въ Бенгалѣ сожглось 575 женщинъ, въ томъ числѣ 100 болѣе 60 лѣтъ, 226 отъ 40 до 60, 208 отъ 20 до 40 и 32 менѣе 20 лѣтъ. Въ Калькутѣ сожглось въ 1819 г. 656, въ 1820 — 597, въ 1821

654, въ 1822—583, въ 1823—575. Величайшая пощадина не останавливаетъ Индѣйцовъ: они продаютъ последнее для полученія дозволенія. Рѣшительно остановить Индѣйцовъ не смѣютъ, ибо опасаются, что это возмутитъ ихъ, а опъ предосторожностей правительства они употребляютъ всякія ухищренія.

Мыши-работницы. Въ то время, какъ множество работниковъ въ Англіи бунтуютъ и умираютъ опъ неимѣнія работы, Г. Гаштонъ, какой-то Механикъ, живущій въ Дунферлинъ, въ Шотландіи учредилъ мануфактуру для приданія хлопчатой бумаги, не людьми, не машинами, но — *мышами!* Въ *Эдмбургской Заводѣ* помещено было подробное описаніе сего страннаго изобрѣшенія. Въ пять недель мышь съѣдаетъ на полъ - пenna ячменной муки; между *мышь* она бѣгаетъ по колесу, приводитъ его въ движеніе; нѣсколько колесъ движутъ такімъ образомъ веретена и — чистаго барыша Г. Гаштонъ насчитываетъ въ годъ опъ своей мащины — 2,300 ф. с. (37,500 фр.)! Въ воскресенье, мыши его не работаютъ; въ каждый другой день мышь пробѣгаетъ по колесу — 10 $\frac{1}{2}$ Англинск. милъ. Смѣяться ли надъ такимъ изобрѣшеніемъ или сожалѣть, что люди занимаются подобнымъ вздоромъ.

Новая рода музыка. Мы упоминали о томъ, что въ Парижѣ явился виртуозъ — *на сарганѣ*. Впрочемъ это не новость. Только у насъ въ Россіи опомъ инструментъ оставленъ употребленію черни и веселитъ поспѣшителей такихъ мѣстъ, гдѣ не встрѣчается порядочный народъ; но утверждаютъ, что въ Тироль и Голландіи сарганъ — національный, любимый инструментъ. Въ Германіи былъ нѣкто

Кохъ. Онъ служилъ солдатомъ въ Прусскомъ войскѣ, Фридрихъ великій изумился, слыша однажды ночью какіе-то пріятные звуки — это были пѣсни, которыя Кохъ игралъ стоя на караулѣ. Послѣ того Кохъ вошелъ въ моду, наигралъ себѣ порядочный капиталъ и дожилъ спокойно до 80 лѣтъ. Онъ употреблялъ вдругъ два варгана. Нынѣшній Парижскій виртуозъ Эйленштейнъ употребилъ — *десять лѣтъ*, на усовершенствованіе варгана и искусства играть на немъ! Онъ составилъ имъ 16 вмѣстѣ, придаль имъ разные тоны и шеперъ, изумивъ Парижъ, отправился въ Лондонъ удивлять Англичанъ. Любители музыки пришли въ восторгъ слыша дуэшь Г. Эйленштейна игравшаго на варганѣ съ Г-мъ Штокгаузенемъ, игравшимъ на арфѣ. Россиніева арія *Di tanti palpiti*, разыграна была имъ съ удивительною пріятностію. Говорятъ, что звукъ усовершенствованнаго варгана далеко превосходитъ въ силѣ выраженія гармонику. Надобно прибавить, что Г. Эйленштейнъ превосходно играетъ на виолончель и на гитаръ.

НЕКРОЛОГІЯ. *Николай Ивановичъ Фуссъ.*

Память Н. И. Фусса заслуживаетъ благодарное воодоминаніе. Онъ родился въ Базелѣ, 30 Января. 1755 года. Воспитывался сначала въ домѣ родителейскомъ, потомъ въ Базельской Гимназии, онъ окончилъ курсъ наукъ въ Университетѣ своего отечественнаго города. Бернулли, у котораго Фуссъ учился Математики, замѣтилъ въ юномъ своемъ воспитанникѣ особенную любовь къ математическимъ наукамъ, и порекомендовалъ его знаменитому Эйлеру. Походомъ къ сему было желаніе Петербургскаго Академика, избрать себѣ помощника или, такъ сказать, наследника въ своихъ Математическихъ лекціяхъ.

математических занятіяхъ. Онъ принялъ Фусса къ себѣ въ домъ, покровительствовалъ ему и кромѣ ученаго человека замѣтивъ въ немъ человека оплотившаго - добродѣтельнаго, выдалъ за него свою внучку, Альбертину Эллеръ. Это было въ 1784 году. Въ семь-же году Фуссъ получилъ степень Академика и былъ опредѣленъ Профессоромъ Математики въ Сухопутный Кадетскій Корпусъ, а въ 1797 году сдѣланъ Профессоромъ Математическихъ наукъ и въ Морскомъ Корпусѣ. Въ 1806 году Фуссъ былъ пожалованъ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника. Въ 1801 году получилъ Орденъ Св. Анны 2 й степени, а 1818 году Орденъ Св. Владиміра 2 й степени.

Фуссъ былъ Членомъ многихъ Ученыхъ Обществъ и сверхъ того заведаль въ первѣйшихъ ученыхъ заведеніяхъ нашей Имперіи. Онъ скончался вечеромъ 23 ч. Декабря 1825 года отъ слѣдствій внезапнаго воспаленія — и не дожилъ 23 дней до 50 лѣтняго юбилея своей службы.

Ученныя заслуги Фусса главнѣйше состоятъ въ диссертаціяхъ, помѣщенныхъ имъ въ Запискахъ Спбурской Академіи Наукъ. Сверхъ того онъ издалъ *Курсъ высшей Математики*, напечатанный отдѣльно по частямъ, не одинъ разъ, и введенный почти во всѣ учебныя Россійскія заведенія. Послѣ него осталось также много неоконченныхъ ученыхъ сочиненій, которыхъ еще не были приведены въ порядокъ. Нужно-ли дополнять, что Фуссъ былъ счастливымъ своего семейства, вѣрнымъ исполнителемъ обязанностей гражданина и другомъ своихъ избранныхъ? Добродѣтели — необходимыя соупутницы просвѣщеннаго ума.

94²

МОСКОВСКІЙ
Т Е Л Е Г Р А Ф Ъ.

Ч А С Т Ъ Х.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

II. СМѢСЬ.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

Ж а т в а .

Густая рожь спойшь стѣной!
Лѣса вокругъ нивы, какъ карнизы,
И всё окинулъ вечеръ сизый
Полу-прозрачной пеленой. . .
Порою слышны опголосоа
Младыхъ косцовъ и сельскихъ жницъ;
Волнами зыблются колоса,
Подъ пылкой ясностью зарницъ;
И жатва, дочь златаго лѣта,
Небеснымъ кормится огнемъ
И жадно пьѣтъ разливы свѣта
И зрѣтъ упоая въ немъ. . .
Такъ горнй пламень вдохновенья
Горишь надъ нивою души,
И спѣешь жатва, думъ въ шиши,
И созрѣваюшь пѣснопѣнья. . .

Ф. Г.

Къ Цинтіи.

(Проперціева Элегія (*)).

О Цинтія! нѣтъ, нѣтъ, я смерти не спашусь!
 Я бездну вѣчности узрю безъ содраганья!
 Но съ жизнью потерять любовь швою боюсь —
 И для меня тяжка минута разставанья! . .
 Киприды сыномъ я навѣки побѣждёнъ!
 Любовь воспламенишь и цепль мой охлажденной. . .
 Ты помнишь: по слѣдамъ супруги несравненной,
 Протезилай преплылъ мятежный Ахеронъ (**),
 И, чшипель своего священнаго объта,
 Казалось, пренебрегъ жестокость Парки злой. . .
 И я, о Цинтія, умчу любовь съ собой
 Къ далѣкимъ рубежамъ незнаемаго свѣта!

Тамъ тщетно-бъ зрѣлись мнѣ, во блескѣ вешнихъ дней,
 Красавицы сія, цвѣтъ милый дѣвъ Троянскихъ,
 Аргивлянъ плѣнницы среди полей Дарданскихъ —
 Ничтожна прелесть ихъ предъ красотой швоей! . .
 О! если-бъ, мощными гонимый небесами,
 Въ юдоли суеты тебя я пережилъ;
 Тогда, съ печалию и шихни мольбами,
 Надъ прахомъ бы швоимъ я вѣчно слѣзы лить!
 Но нѣтъ, живи, мой другъ! и въ грозный часъ кончины,
 Мой тяжкій переходъ къ безсмертью облегчай!
 Ропшаній дерзостныхъ къ богамъ не возсылай —
 И я не ушрашусь карающей судьбины! . .
 А если безъ меня, соберникъ молодой,

(* Изъ книги 1-й, вольный переводъ.

(**) Сомешшвіе Протезилая во адъ, по Мисеологіи извѣстно. В.

Набросить на тебя, мой другъ, оковы плѣна,
 Отпоргнетъ Цинтію отъ урны роковой
 И повлечетъ ее предъ жертвенникъ Гимена. . .
 Тогда . . . Но для чего смущаться сей мечтой,
 Какъ нѣкимъ гореспнымъ, злобщимъ сновидѣньемъ?..
 Будь мнѣ всегда вѣрна, о другъ бездѣльный мой!
 И цѣлый вѣкъ любви покажешь мгновеньемъ!..

И. Борозна.

1823 г., Апрѣля 6-го.

Москва.

Къ Валеріи.

Скажи, волшебница слѣпая,
 Кто далъ тебѣ высокій даръ
 Живописать душевный жаръ,
 Къ игръ очей не прибѣгая?

Сквозь чудно-неподвижный взоръ,
 Сквозь безыскусныхъ рукъ движенья,
 Я видѣлъ сердца разговоръ
 И сшрасши тайныя щомленья.

И упованіе, и страхъ,
 Свиданья радости, грусть разлуки,
 И ревности минушной муки —
 Какъ ясно все въ твоихъ чертахъ!

Толь жизни сладостныя чувства,
 Учаспокъ неба самаго!
 Чшо-жъ на землѣ зовуть его
 Холоднымъ именемъ искуства?

Я все забылъ, что было вкругъ :
 Глубоко пронуть, очарованъ,
 Я былъ къ устами твоими прикованъ,
 Я весь былъ — эрвнѣ и служу.

Какъ вздохи грудь мою вздымали,
 Я не спыдился жьхъ они,
 Любви прекраснѣйше дни
 Душъ моей напоминали.

Ты скрылась. О, какъ было жаль
 Очамъ съ тобою разспаваться!
 И въ душу мнѣ успѣла вкраситься
 Давно минувшая печаль.

Я вспоминалъ ее — слѣую
 Въ любви, въ доврѣи ко мнѣ;
 Казалось, вновь я жилъ въ сирани,
 О коей шакъ давно поскую.

Кто разгадаешь, какъ и шамъ
 И здѣсь я жилъ въ одно мгновенье?
 Въ неизьяснимомъ восхищенъ
 Душа дѣлилась пополамъ.

Не такъ-ли край свой вспоминаешь
 Счастливецъ съ чуждыхъ береговъ :
 Гдѣ-бъ ни былъ — все родныхъ боговъ
 Онъ молишь и благословляешь.

29 Юля.

Арловъ.

Фиалка и Шапочка.

(Б а с н я.)

Фиалка скромная цвѣла въ правѣ густой,
 Ошь всёхъ и прелести и запахъ свой скрывая;
 А рядомъ съ ней, гордяся красотой,
 Стояла шапочка золотая.

И какъ-то, разъ, онѣ вступили въ разговоръ.

— Скажи, сестрица, мнѣ: или я хуже
 — сказала —

Вздохнувши, шапочка сказала

Что съ нѣкоторыхъ поръ,

Ни мотыльки ко мнѣ, ни пчелы не садятся?

Ну ты вотъ, на примѣръ, невидима ни гдѣ,

А между тѣмъ къ тебѣ

Толпами цѣлыми они всегда валились.

Напротивъ, знаешь вѣдь, что я

Ошь ихъ скрываюсь не стараюсь,

А еще выше поднимаюсь,

Чтобъ лучше видѣли меня;

Когда же близко проеѣдутъ,

Тогда я къ шебельку головку преклоню

И видюмъ шомнымъ ихъ маю.

Но въшь, всѣ хипроути никакъ не помогаютъ:

Все одиныхонька, и все уснѣхъи въшь?

—

— Сестрица, говоришь, ей скромница въ одашь,

Не ошь того-ли ты теперь одна осталась,

Что слишкомъ многохъ, чуть принаживила, старатъ

Лась!

—

П. Старицкий.

Страждущей красавицъ (*).

Я зрѣлъ недугъ жестокой швой,
 Я видѣлъ шажки сраданья
 И образъ горести нѣмой,
 Боренье жизни молодой,
 Надежду, кротость безъ ропсання!

Какъ гений — радость упования,
 Тогда была прелестью ты!
 Такъ жила въ горняго селенья —
 Въ сияньи вѣчной красоты,
 Въ одеждѣ радужной неспѣнья —
 По легкимъ воздуха зыблямъ
 Парилъ къ далекимъ небесамъ!
 И сердце шло съ умиленьемъ.
 Съ тобой я мнѣ позабывала,
 Съ тобой я счастье обрѣтала,
 Исполненъ пылкимъ вдохновеньемъ.

Я помню пѣснь твою: со мной,
 Не знаю что тогда свершилось.
 Казалось, съ грустною душой
 Блаженство снова подружилось,
 Твой голосъ вѣялъ надо мной
 Какой-то нѣгой не земной;
 Тебя во снѣ очарованья
 Лелѣя пылкою душой,
 Я забывалъ мои страданья!

(*). Слѣдующія стихи сообщены намъ, какъ переводъ стиховъ юного Поэта, Благодаримъ почтенную особу, приславшую оныя для помѣщенія въ Телеграфъ; съ удовольствіемъ исполняемъ ея желаніе и, ошѣ вѣдго сердца порадуемся дальнѣйшимъ успѣхамъ Сочинителя. Изд. Тел.

Ты, неразлучная со мной,
 Как парь надъ позднею луною,
 Одѣна свѣтлой челешой,
 Вдали мелькаешь предо мною
 Неслышной смершному снопой —
 И очи темно-голубыя
 Горятъ таинственнымъ огнемъ,
 И надъ сіяющимъ челомъ
 Клубятся кудри золотыя;
 Надъ головой звѣзда горитъ,
 Любовью чистой пламенѣя,
 Твой взоръ меня съ собой манишь,
 И лира тихая звучитъ
 Въ рукахъ волшебницы сильнѣе. . . .

И. Лещинъ.

Ноября 6 д.,

1825 г.

Спецовка.

Р о м а н с ъ.

Съ улыбкой нѣжной мнѣ внимала,
 Когда я спросить мою, смущенный, пѣль —
 И таже спросить въ очей звѣздахъ блистала,
 И нѣжный взоръ и тускнулъ и горѣлъ. . .
 Любовь однимъ смѣнялась наслажденьемъ —
 И жизнь была пріятнымъ заблужденьемъ!

*

И ослѣпленному мечталось,
 Что ты навѣкъ моею бышь должна!
 Въ душѣ тогда и мысли не раждалось,

Чтоб ты могла обманывать меня!
 На чтожь тебѣ, измѣнница! божишься,
 Что страсть швоя лишь съ жизнью прекратишь?

Когда, въ порывахъ неперитня,
 Спѣшилъ, лѣтъ къ тебѣ изъ дальнихъ странъ. —
 Я не имѣлъ и шѣни подозрѣнья,
 Что счастье все лишь было — злой обманъ!
 Ахъ! зналъ-ли я, что всѣ мои мѣшанья
 Разрушишь ты холодною свиданья!

Спокойная, безъ сожалѣнья,
 Навѣки ты разсталася со мной;
 Забыла все: любовь и наслажденья —
 И ни слезы не пролила погой! . . .
 Встрѣчаешься какъ будто-бы чужая,
 Тоски моей, увы, не примѣчая!

Хрулевъ.

1823.

Владимиръ.

М о и н а .

(Повѣсть, соч. Иосифа Бонапарте (*).)

Я въхаль изъ Парижа. За нѣсколько дней до моего отъѣзда получено было извѣстіе о переходѣ Французскихъ войскъ черезъ мостъ Лоди, слѣдовательно, тогда только начинался поплъ знаменитый походъ, о которомъ еще долго будете говорить Исторія. Неупрѣливо скакалъ я въ Италію: каждая промедленная минута казалась мнѣ поперянною для славы.

Уже я былъ за Савойскими горами. Гора Денисъ величественно возвышалась предо мною. Тульнъ дорогою я нечаянно встрѣтился съ однимъ молодымъ человекомъ, изъ военныхъ.

(*) Повѣсть, которую предлагаемъ нашимъ читателямъ, заслуживаетъ быть переведенною. Особенное вниманіе должна возбудить она, какъ сочиненіе чело-
вѣка, игравшаго важную роль въ свое время, бывшаго попеременно королемъ двухъ прекраснѣйшихъ странъ Европы, друга и любителя Наполеона. Такихъ людей должно уважать не съ одной стороны. Бодѣ или менѣе характеръ и образъ мыслей всякаго автора, отражается въ его сочиненіяхъ, хотя бы они были не иное что какъ поэтическій вымыселъ. Иосифъ написалъ свою Моину въ 1798 году, бывши посланникомъ въ Италію. Она была напечатана отдѣльно, въ Парижѣ. Мы взяли ее изъ *«Scheiterningen»*, періодическаго сочиненія, издаваемаго П. Циббке въ Аарау. *Примѣч. Перевод.*

День, довольно жаркій, оканчивался прелестнымъ вечеромъ. Молодой человекъ опядыхалъ подь каштановымъ деревомъ. Казалось, онъ съ восхищеніемъ разсматривалъ красоты окружнаго ландшафта.

Онъ сказалъ мнѣ, что былъ въ Испалія, раненъ и возвращается домой. На множество вопросовъ моихъ о положеніи и обстоятельствахъ арміи, въ которую опредѣленъ былъ и я, онъ отвѣчалъ коротко и сухо. Но, случайно, онъ вдругъ разговорился. Съ нимъ былъ хорошо знакомъ мой братъ, часто говорившій ему обо мнѣ. Они вмѣстѣ раздѣляли опасности: это было предметомъ привлекательнѣйшихъ подробностей, рассказанныхъ имъ мнѣ. Онъ становился безпрестанно опкровеннѣе — и болѣе и болѣе къ нему привязывался.

Молодой человекъ любилъ. Онъ не скрывалъ опъ меня и того, какъ сильно превожится душа его по мѣрѣ приближенія къ родинѣ, гдѣ живетъ — Моина. «Вы должны увидѣшь ее» сказалъ онъ. «Пойдемъ-ше! Обманьтесь на ночь въ деревнѣ. Опеюда уже недалеко. Эта гора закрываетъ ее опъ южнаго вѣтра. Каштановый лѣсъ не даетъ намъ видѣть части домовъ. Видите-ли, вонъ-шамъ, по лугу тихонько змвился ручей? Недалеко опсюда, аша-же вода съ ревомъ низвергается съ опвѣсной скалы. Не такъ-ли и въ жизни нашей? Но было время, когда я не

предугадывалъ бурь, гошovýchъ разра-
зишься!»

Онъ съ такою искренностью, съ та-
кою откровенностью говорилъ о своей
первой любви, что мнѣ въ самомъ дѣлѣ
спало любопытно увидѣть предметъ ея.
Мои соупутники были еще далеко назадъ.
Я оставилъ одного человека указать имъ
дорогу, а самъ, съ моимъ молодымъ
знакомцемъ, пошелъ по пропикъ, въ
деревню.

Я не могъ наглядѣвшись на прелестъ
окружавшей насъ природы. Съ каждымъ
шагомъ открывались вправо и влѣво новыя
картины.

На верхахъ горъ, бѣлыхъ отъ зимня-
го снѣга, казался темный пихтовый
лѣсъ. Ниже, на покатохъ, видны были
утесы, почернѣвшіе, распадающіеся отъ
дряхлости — и съ ними граничили пре-
лестныя зеленѣющія долины, гдѣ цар-
ствовало благораспоренное лѣто, гдѣ
палась сѣна — въ то время, какъ
сплошь близко, на высотѣ, распреснутыя
глыбы вѣчнаго льда блистали какъ сереб-
ряные великаны и угрожали дерзкому
охотнику.

Деревня находится на возвышенности,
дѣлающей кругъ около всей горы. Вправо —
зубчатая, каменная стремнина, вполо-
вину перяющіася въ облакахъ; иногда
упадаетъ лучъ на ихъ открытыя, по-
серебренныя вершины; влѣво — вдругъ,

подъ горою, открываея въ ужасъ при-
водящая пропасть. Прямая известковья
скалы, гладко, какъ рѣзцомъ высѣчен-
ныя, поддерживаютъ съ обѣихъ сторонъ
горную вышину. Кусты рябины, про-
зрачныя липяницы и всѣхъ родовъ кустарники
возвышаются надъ шрецинами
упесковъ и колеблются въпрямь. Враны
удиненно лѣтаютъ вокругъ и смѣшиваютъ
свои унылые крики съ шумомъ горной
рѣки, которая до мѣльницы печель
съ пѣною, но потомъ становится тише,
спокойнѣе и орошаетъ долину, съ кою-
рою гора соединяется непримѣтно. Благо-
творная рѣка, раздѣляясь на множество
попоекъ для орошенія луга, похо-
дитъ на пѣ вѣчные водопроводы, какими
обогащали поля свои прудолюбивые жи-
тели Ломбардіи.

„Тамъ! тамъ!“ кричалъ мой юный
вожакъ: „тамъ нашель я мое несравнен-
ное счастье. Тамъ гробъ, въ которомъ
Моина жила для одного меня. О, какъ час-
то сживалъ я подлѣ нея, вонъ на этой
скалѣ! Еще дѣтьми, мы всегда уже быва-
ли вмѣстѣ. Мы не могли жить иначе. Мо-
ина обѣгала вокругъ скалы и потомъ
входила на верхъ ея. Она уже сидѣла
тамъ, когда я по тому-же самому пушѣ
взбѣгалъ и садился подлѣ нея.“

Я почти ничего не могу вамъ сказать
о счастливомъ нашемъ дѣлствѣ. Моину

лы увидише сами. — Я всегда бывалъ съ нею: былъ ея другомъ, братомъ; всегда видѣлъ одну ее. Вотъ съ этой скалы, однажды вечеромъ, я несъ ее въ долину на моихъ, уже мощныхъ, рукахъ. Я чувствовалъ огонь ея щекъ; мои обвившіяся вокругъ нея руки крѣпко прижимали къ груди милое бремя — и въ эту минуту, шакъ не вспаши, я спохнулся. Мы покачивались внизъ — но крѣпко держали другъ друга въ объятіяхъ. Не знаю, какъ мы были и гдѣ очутились — намъ казалось это все равно. Ночь уже опемнила небо.

Вдругъ за кустарникомъ, на скатѣ горы, раздался громкій крикъ опчаянія. Мойна первая увидѣла, что это молодая дѣвушка, которая, поскользнувшись, упала въ рѣку, но еще держалась руками за вѣтвь дерева. Она не могла ни противиться стремленію волнь, ни достигнуть берега — и вдругъ сорвалась и съ послѣдней защиты. Но мы прежде несчастной успѣли добѣжать до того мѣста, гдѣ вода, спѣсненная въ сблизившихся берегахъ, съ шумомъ стремилась въ мѣльничные вешняки. Мы положили слуги на оба берега и въ минуту величайшей опасности спасли дѣвушку. Это была Клора. Она топчасъ забыла свою бѣду, какъ скоро была внѣ опасности, и только думала — о молокъ, которое должна была принести своей строгой матери, потому что пошла доить коровъ. Новое горе! Но,

дорогою, мы зашли къ спаду, принадлежащему опцу Моины, и убышокъ бѣдной Клары былъ прощася вознагражденъ. Моина успокоила ее и обняла съ нѣжностью. Молодая паспушка оставила насъ со слезами благодарности на глазахъ: такъ была она радостна, а мы — еще болѣе.

Было уже довольно поздно, когда мы возвратились въ деревню. Арманъ, братъ Моины, былъ ужасно разсерженъ на нее. Чужіе люди видѣли какъ мы съ Моинной сидѣли на скалѣ, обнявшись; они сказали объ этомъ своимъ женамъ — а жены рассказывали всѣмъ.

Дѣло не осталось при одной испивѣ. «О, о! какво? О молодые люди!» такъ ворчали съ злобнымъ учасіемъ спарыя женщины и обвиняли насъ — потому что сами были уже не молоды.

Рѣшили поправить нашъ проступокъ вопъ чѣмъ: сослашъ меня въ деревню, часовъ на шесть пупи лежащую, вопъ за пѣмя горами! Отецъ велѣлъ мнѣ шуда отправиться. Братъ его былъ тамъ священникомъ: онъ взялъ меня къ себѣ на хлѣбы.

Я конечно убѣжалъ-бы даже изъ подъ его надзора — но было не лъзя. Полгода спрадалъ я не видя Моины и право не понималъ — за чѣмъ насъ разлучили? Но мало помалу я узналъ это изъ намековъ священника и дѣло объяснилось.

Однажды я рѣшился посмотрѣть на нашъ Брамансъ издалека. На другой день подошелъ ближе и увидѣлъ Клору. О, какъ я бросился къ ней на встрѣчу! Она видала Моину на мѣльницѣ, куда ша хаживала часто. Тутъ узналъ я, что Моина была безумѣшна. Она хотѣла, чтобы я навсегда оспался ея братомъ. Клоръ отдала она клочекъ бумаги, на которомъ написаны были какіе то чудесные знаки, и велѣла отдать бумажку мнѣ.

Живши у моего дяди, въ школѣ я почти ничему не научился. Молоденькая Клора клялась и божилась, что это были обыкновенныя буквы, написанныя Моиною ко мнѣ. Какъ было мнѣ грустно, что я ничего въ нихъ не могъ разобрать! Не показатъ-ли этотъ клочекъ бумажки дядѣ? Да нѣтъ, я ужъ остерегся. Но за то въ два дня я научился читать и тогда ясно прочиталъ: «Безъ Ляндра Моина не можетъ ни жить, ни существовать.»

Теперь я-бы охотно повидался съ Клорой — но двѣ недѣли прошли и не знаю какъ. Дядя не спускалъ меня съ глазъ. Я началъ учить въ школѣ очень успѣшно и вѣрно читалъ-бы все съ перваго взгляда, только-бы Моина писала ко мнѣ побольше — но ни Клора, ни письма не приходили.

Уже съ деревъ облетѣли листья. Рѣка подернутая льдомъ замолчала: вмѣсто нея зашумѣли въпры въ горныхъ ущеліяхъ. Все перемѣнилось и внѣ меня и во мнѣ.

Ч. X. No 13.

Моина была для меня все. Думаль-ли о прошломъ — все было прекраснѣе отъ одной мысли о Моинѣ. Она и радость — я не могъ чувствовать ихъ раздѣльно!

Въ одинъ день — совсѣмъ неожиданно — дядя велитъ мнѣ сбираться въ дорогу, иди въ Брамансь. Въ Брамансь! О, какъ запрепешало мое сердце. »Моина! Я увижу тебя, Моина!« Это повторялъ я безпрестанно самъ себѣ.

Когда мы взошли на горную возвышенность — о чудо! Я совсѣмъ не узналъ нашей прелестной стороны — такъ перемѣнилась она зимою! На высотахъ я уже не видалъ огромныхъ, старыхъ дубовъ; рѣка, надувшись отъ распаявшаго снѣга, унесла ихъ въ долину. Безмѣрное, длинное и широкое снѣговое покрывало простиралось надъ глубокою рѣкою и сравняло оба берега. И прелестная мельница была уже не видна! Вѣрно упала какая нибудь лавина: обломки скаль, земля и деревья лежали грудями на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде была мельница, въ углубленіи сдѣланномъ рѣкою. Изъ подъ развалинъ едва пробивался ручеекъ.

Я не могъ удержаться, когда мы вошли въ деревню. Одна минуша и я передъ домою Моины. »Гдѣ она?« Но на меня глядящъ печальныя лица. Опець Моины со вздохомъ сказалъ: »Мы несчастны. Уже восемь дней какъ она потерялась!« — А я

уже шесць мѣсяцовъ оплакиваю эту потерю! — вскричалъ я.

«Мы нигдѣ не можемъ ее найдти. Вся поиски были напрасны.»

— О, такъ я понимаю васъ! Ее улади отсюда потому, что я долженъ былъ возвратиться въ деревню, — такъ кричалъ я и былъ вмѣ себя опть горести.

Мои и Моиняны родственники, убитые горестью, печальныя, обнимали меня, упѣшали, но сами были безупѣшны. Только туть я повѣрилъ имъ. Она была не увезена, а потерялась, заблудилась, похищена, умерла опть холоду или погребена подъ лавиною.

Я не могъ быть въ деревнѣ; мнѣ было лучше бѣжать изъ нее, шатавшись въ окрестности и глядя на тѣ мѣста, гдѣ прежде, въ счастливой невинности, мы играли съ Моиней. Напрасно хотѣли меня удерживать: въ это время и уже не былъ тихій, послушный мальчикъ. Когда пришелъ я къ этой скалѣ — я цѣловалъ ее и съ пляжкимъ вздохомъ кликалъ Моину.

Настала темная ночь, а я все еще бродилъ въ долину. Мнѣ нужно было упѣшеніе, но въ деревнѣ я никому не вѣрилъ. Я пошелъ къ той деревушкѣ, гдѣ жила Клора. Тамъ еще блиспала для меня лучъ надежды — но я боялся ея. Скорыми шагами подошелъ я къ первой хижинѣ — и увидѣлъ молодую дѣвушку, которая

шла отъ ручья: это была Клора. Мы поспѣшно бросились другъ къ другу и взаимно спрашивали другъ-друга о судьбѣ Моины. Новое опчаяніе овладѣло моимъ расперзаннымъ сердцемъ! . . . Клора, хотѣла ввести меня въ хижину своего отца — я не пошелъ. Она утѣшала меня какъ истинный другъ мой: но могло-ли это пособить мнѣ? Клора соглашалась, что исчезнувшая подруга ея и паденіе ужасной лавины представляли какую-то страшную общность. Она сказала, что когда на другой день послѣ паденія лавины она смотрѣла на нее и вспомнила о разрушенной мельницѣ — ее объялъ подозрительный ужасъ. Клора не могла болѣе говорить ошъ рыданія; я не могъ болѣе слушать, и побѣждалъ студа, гдѣ былъ за минушу, какъ-бы влекомый непреодолимою силою. Луна капилась по небесамъ. Ея блѣдный свѣтъ разливалъ помную, обманчивую ясность на снѣжныя карпины. Я бѣжалъ, не видалъ болѣе ничего, не различалъ ничего.

Что Моина не существуетъ, что ея прелестное, нѣжное тѣло теперь разбито и погребено подъ ужасными ледяными и горными развалинами — въ этомъ я не могъ уже сомнѣваться. Я взялъ оспроконечную палку и хотѣлъ сыскать трупъ Моины: пошелъ и при каждомъ шагѣ съ ужасомъ ошсупалъ назадъ. Мнѣ казалось, что гдѣ груда снѣгу или камней — тамъ

вижу я бездыханный шрупъ моей милой
Моины.

Тамъ дошелъ я до рѣки, льющейся съ
горы и прямо къ тому мѣсту, гдѣ сжа-
тая берегами вода спремится въ вешняки
и черезъ нихъ идетъ до мѣльничныхъ ко-
лесъ. Это именно тамъ, гдѣ мы некогда
спасли Клору.

На сѣвовой высотѣ стоялъ я надъ
черною бездною. Въ глубинѣ, подо льдомъ
и подъ ущесомъ шумѣла вода. Тамъ, глу-
боко, глубоко — думалъ я — конецъ всѣмъ
гореспамъ сердца. Я не могъ, болѣе вла-
дѣть самими собою. И теперь еще не мо-
гу дать себѣ отчетъ, въ самомъ-ли дѣ-
лѣ рѣшился я или нѣтъ — но, я бросился
въ мрачную бездну. Какъ во снѣ помню,
что упалъ въ рѣку, что былъ выкинутъ
изъ нея, что меня какъ будто удерживало
что-то, что наконецъ я, бездыхан-
ный, лежалъ на льду и на пескѣ. Я едва
могъ пошевеливаться моими разбитыми чле-
нами, не чувствовалъ ничего, не думалъ ни
о чемъ. Я былъ въ жилищѣ смерти и вѣч-
ной мочи, былъ живъ — но въ гробѣ.

Глухой, приближающійся шорохъ раз-
будилъ меня отъ забвенія. Съ ужасомъ при-
вондился я — ко мнѣ тихо склонился че-
ловѣческій призракъ. . . Ужасъ почти ли-
шилъ меня жизни при этомъ явленіи.

Но — вообразите — это была Мои́на.
Великій Боже! Мои́на, живая, дышущая
жизнью! Дальній лучъ свѣта упалъ сверху

на насъ между льда и обломковъ. Я узналъ ее, она меня. Я чувствовалъ ея теплое, оживлявшее меня дыханіе; чувствовалъ бѣненіе сердца ея на моей груди, ея горячія слезы на моихъ щекахъ. Вы, великолѣпные дворцы королей, вы, блаженныя обитатели поэтическаго воображенія! что была вы въ сравненіи съ нашимъ гробомъ! . . . Какимъ жалобнымъ голосомъ она произносила мое имя! Мы были на берегу ручья, подлѣ низшаго входа глубоко провалившейся мѣльницы. Мы вошли въ нее — тамъ всѣ колеса сползли неподвижно. Ласкающій лучъ солнца прорѣзался сквозь громады обломковъ, — будто огненный, острый мечъ и какъ будто для того только, чтобы дать намъ разглядѣть, какъ ужасно было наше жилище.

«Мы живы!» вскричала я. «Со мною ты, свѣтъ и солнце!» Я бросился къ ней на грудь. «Ахъ,» сказала она со вздохомъ, пренеся въ моихъ объятіяхъ: «мы оба погребены здѣсь. Какъ можемъ спастись? какъ выйдемъ на землю живыхъ? О мой другъ, мой братъ! Ты одинъ темерь все для меня!»

Но радости посяпала насъ и въ этой несчастной пещерѣ. У насъ было все, чего мы желали: мы сами. Кто любилъ, тотъ не долженъ говорить, что на землѣ нѣтъ счастья. Вообразите себѣ наше несчастіе, наше положеніе, но мы мечтали о высочайшемъ благополучіи! Такъ, въ

глубокой пропасти, при утесах опчаянія — и одно вѣрное, любящее сердце подѣл нашего сердца — что значить тогда всѣ возможные бѣдствія? Они безсильны. Божественное хранился въ насъ, и ничто земное не можетъ побѣдить его. Мы забыли о томъ, что потеряли: мы снова нашли все. Мы жили посреди вѣчной ночи — но и какая блаженная была ночь! Свободная въ воспорахъ любовь и подѣл смертельными развалинами созда-ла себѣ Элизіумъ.

Мояна разсказала, какъ она пошла въ эту мѣльницу, находившуюся въ деревни, за ягъмъ, чтобы тихонько написать ко мнѣ нѣсколько строкъ. что она часто дѣлывала. Кремъ мѣльничихи, всѣ были въ оплукъ. Ея вѣновья служили въ войскахъ Сардинскаго Короля, которъи тогда воевалъ съ Французскою республикою. Не за-долго до паденія лавины мѣльничиха по-шла въ свой садикъ . . . Загремяли скалы и обломки: свѣтъ померкъ. Мѣльничиха не возвратилась; Мояна увидѣла себя скоро-невною подѣл развалинами, разлученною отъ своихъ родныхъ. Она не ожидала никакаго спасенія: ея крики о помощи были тщетны.

Въ мѣльницѣ она нашла довольно пищи для первыхъ восьми дней. Теперь и я началъ вездѣ обыскивать. Мало помалу мы привыкли сидѣть въ шемногѣ, и на-шли довольно запасовъ для поддержанія

нашей жизни. У насъ не было никакого вещественнаго огня — но мы не чувствовали холода. Однакожь, вѣчно быть погребенными — къ тому же и запасъ нашъ долженъ былъ наконецъ испощиться — мысль объ этомъ приводила насъ въ шрепетъ.

Однажды я сошелъ на проспиравшуюся внизъ пѣснину. Мнѣ хотѣлось попыпашься, не лѣзя-ли какъ нибудь выйдши изъ нашего заключенія черезъ водопроводъ. Напрасныя усилія! Сильное спремленіе падающей воды всякій разъ заставляло меня возвращаться назадъ. Оно также засыпало землю и обломками самый переходъ, который сдѣлался пѣсень и непроходимъ. Это поразило меня. Я видѣлъ что Моина должна быть жертвою голода и часто принужденъ былъ опираться на слезы, которыя текли не отъ радости. Но мое сердце жило ея сердцемъ — могъ-ли я скрывать отъ нея свою горесть?

Тогда она говорила мнѣ съ прогательною силою спокойной невинности: »О чемъ ты печалишься? Ты съ пвоею Моиною — и боишься горестей? Ты не виновенъ, далеко отъ людей и спрашиваешь несчастій? Тотъ, Кто разрушаетъ горы, не умертвляетъ невиннаго сердца. Онъ послалъ къ тебѣ Моину во гробъ и велѣлъ ожить въ объятіяхъ смерти. Но у насъ еще станеть пищи на много дней и въ это время можемъ жить беззаботно. За

лю мы увѣрены что живемъ здѣсь независимо, и во всякомъ случаѣ можемъ утѣшаться тѣмъ, что умремъ вмѣстѣ. Только тѣ дни почитаю я бѣдственными, когда я была здѣсь одна, безъ тебя и говорила сама себѣ: »Тамъ, на землѣ, онъ остается одинокомъ! Будь тверда, вѣрь, и не заботься обо мнѣ. Я люблю тебя. Мое мужество можетъ существовать только при твоёмъ постоянствѣ и любви. Я твердо знаю, что страшатся только одни преступники. И вѣрно еще мы когда нибудь увидимъ наши горы, наши стада, прижмемъ къ сердцу нашихъ родственниковъ, которые изъ предразсудковъ разлучали насъ; но тогда они вѣрно устыдятся сами себя — да! и это для насъ они сдѣлаютъ. Они забудутъ свою несправедливость; назовутъ насъ своими дѣтьми и прольютъ нѣжныя слезы о нашемъ участи послѣ тѣхъ горестныхъ слезъ, которыми они проливали о нашей смерти. Ахъ, какъ мнѣ жаль ихъ! Какъ горько! только мысль о нихъ и горестна — а прочее, право ничего. За что утѣшаетъ опять надежда, что тѣмъ больше они будутъ радоваться послѣ, глядя на насъ.»

Такъ говорила она. Она всегда соединяла свои сладостныя утѣшенія съ самыми нѣжными ласками. Силою геройства своего, она казалась мнѣ существомъ высшаго рода. Благоговѣнне умножало мою любовь. Я хотѣлъ бышь достойнымъ ея.

Видеть съ ея мужествомъ оживлялось и мое.

Уже два мѣсяца провели мы въ подземномъ мѣрѣ; но здоровье наше оставалось крѣпко и цвѣтуще.

Подоса свѣта, прежде проходившая къ намъ черезъ мельницу, не показывалась. День-ли былъ или ночь, это мы угадывали только по тому, болѣе или менѣе чувствительнень былъ холодъ. Но, по счастью, однажды я нашелъ — и сообразно неожиданно — полный зажигательный приборъ. И тотчасъ зажечь свѣтную свѣчку. При первомъ свѣтѣ огня Монна увидѣла лампаду, мы зажгли ее — и прелестное лицо моей подруги освѣтилось. Какая минута восхищенія! Какъ благословлялъ я мою находку! Какъ живо чувствовалъ я цѣну ея, видя страстный взоръ Монны, исполненной нѣжности. Подобно лѣтнѣ удивительнымъ расшеніямъ, которыя, заключенныя въ домахъ усерднымъ садовникомъ, охраняюшъ всю свѣжесть своихъ красокъ, Монна цвѣла въ моихъ объятіяхъ. Она казалась мнѣ еще прекраснѣе: черты лица ея были благороднѣе, умнѣе, щемъ розовѣе и полнѣе нежели прежде. Невинность и любовь дышали во всемъ ея существѣ. Ея большіе голубые глаза, освѣщенные прелестными, шелковыми рѣсницами, оживлялись; изображали стремленіе, обнимавшее, возмущавшее меня. Новость, спокойствіе невинности и внутреннее

желаніе спрaсти въ одно время были во взорахъ и во всахъ чертахъ лица ея, или измѣнялись безпрестанно.

Освѣщеніе огнемъ было для меня очень важно потому я рѣшился употребить вся способы продлить наслажденіе имъ. Я ужаснулся возможности, что лампада погаснетъ и прежняя ночь будетъ окружать насъ. Но Мойна лучше меня знала все находившееся въ мѣльницѣ. Она нашла въ верхней комнатѣ необходимое для поддержанія огня: масло и клочъ бумажной матеріи, изъ которой она надергала мягкихъ нитокъ, свила своими нѣжными пальчиками свѣтильню.

Какъ скоро мы утѣрились, что огонь у насъ будетъ, мы опять рѣшились извлечь изъ него всю возможную пользу, и при свѣтѣ лампы осматрѣли всю уголки въ мѣльницѣ. Мы однакожь не смѣли разложить огня, потому что не знали, будетъ-ли дымъ уходить вверхъ изъ нашего жилища.

Между тѣмъ, черезъ нѣсколько дней, сверху начало капать сквозь крышу и два окна бывшія по сторонамъ: они были опворены во время наденія лавины и потомъ загромождены вѣтвями деревьевъ и разными деревянными обломками. При этомъ случаѣ я замѣтилъ, что на одной вѣтви каштановаго дерева росетки уже надулись и следовательно возвѣщали близость весны. Я сказалъ объ этомъ Мойнѣ. Мы увѣ-

рилиозъ, что пробирающаяся къ намъ влажность должна происходить отъ испага воздуха и таянья льда и снѣгу. Можетъ быть также, что распустившіяся вѣсною деревья и распенія заснѣжили и проходившую къ намъ полосу свѣта.

Съ прискорбнымъ чувствомъ, съ нѣкоторымъ содроганіемъ мы осматрѣли ящикъ мѣльничихи, гдѣ хранились всѣ ея драгоценности и гдѣ нашли мы бѣлье, плащъ, писма отъ дѣтей ея, бывшихъ въ бардинеккой службѣ, одну книгу духовнаго содержанія и *Освобожденный Иерусалимъ* Тасса. Это сочиненіе, удивляющее красотами своими знапоковъ, есть также любимое чтеніе и простосердечныхъ Итальянскихъ крестьянокъ. Многіе изъ поселянъ знаютъ наизусть всѣ пѣсни Поэмы Тассовой. Но мы оба, во всю жизнь свою, не читали еще ни одной книги. Мояна развернула Тасса на томъ мѣстѣ, которое, вѣроятно, болѣе читано было: это начало седьмой пѣсни — оно въ устахъ всѣхъ Итальянокъ:

Intanto Erminia infra l'ombre piante
D'antica selva, dal cavallo è scorta,
Né più governa il fren la man tremante
E mezza quasi par tra viva e morta.

Мояна больше читывала нежели я, и теперь скоро пробѣжала все описаніе; гдѣ Поэтъ съ такою испиною и чувствомъ изобразилъ невинную привлекательность и нравы пастушеской жизни, въ которой

дсѣ живѣйшія опущенія развиваются мирно и безпечально, вдали отъ ужасельствъ и страстей двора и многолюдныхъ городовъ. Любящее сердце Моины было такъ распрогано судьбою Эрминіи, что она, думая о страданіяхъ сей героини, забыла свои собственныя.

Я скоро полюбилъ чтеніе, это, для меня, совершенно новое занятіе. Легко побѣдивъ первыя затрудненія, я спалъ дѣлиться съ Моиною догадками и разсужденіями. На примѣръ, намъ казалось очень естественно, что Олиндо и Софронія предпочли казнь и смерть несчастію — герезитъ другъ друга.

Между тѣмъ, замѣтное движеніе жизни, сколько можно было видѣть это въ распеніяхъ, бывшихъ около насъ, и теплота воздуха, заспаляли предполагать, что весна уже наступила. Это рѣшило меня испытать еще разъ, нѣтъ-ли возможности выйдти на поверхность земли. У насъ были жизненные припасы, но, наконецъ, должны-же были они истощиться? Я началъ рыть подлѣ одного заваленнаго окна. Послѣ восьми дней труда я уже открылъ спельку, что могъ взойдти на крышу и очистилъ ее отъ распавшаго снѣгу и полусогнившихъ листьевъ.

И Моина не хопѣла глазами только елѣдовать за мною и проводить большую часть времени въ приготовленьи и поправкѣ нашего плащя; она рѣшилась по-

могашь мнѣ въ предпріятіи, которыми мы надѣялись освободиться изъ нашей могилы.

Однажды мы сидѣли на кровлѣ, рѣшившись отдохнуть нѣсколько минутъ и подышать свѣжимъ воздухомъ. Вдругъ — пѣніе ппички поразило нашъ слухъ; но впрочемъ царствовало прежнее молчаніе и темнопа. Мы опять начали говорить, и вдругъ почувствовали, что вѣтвь прикасается къ намъ своими листьями; я схватилъ ее и съ усміемъ дернулъ къ себѣ: вѣтви полетѣли на насъ — Мойна закричала, испугала меня — но это былъ крикъ радости: она увидѣла свѣтъ, котораго мы столько времени были лишены. Я употребилъ всѣ силы, отбрасывая вѣтви и сучья деревь. Вскорѣ — лучъ солнца проникнулъ къ намъ!

Теперь только увидѣли мы всю огромность массы, которою столько времени оставалось покрыто наше жилище. Лагуна, при своемъ паденіи, съ корнемъ вырвала и увлекла съ собою цѣлый лѣсъ пихтовыхъ и каштановыхъ деревьевъ. Они упали беспорядочно одно на другое, и образовали толстый сводъ надъ мѣльницею, которая иначе не могла бы поддерживать такую ужасную тяжесть.

Уже съ нѣсколькихъ дней казалось мнѣ, что здоровье Мойны ослабѣвало. Я еще не зналъ тогда, что высочайшей радости, которую даровала намъ природа, всегда предшесшествуетъ болѣзнь. Но шѣмъ дѣятель-

яве спалъ я въ моей работѣ. Я очистишь довольно свободный проходъ для дыму и при первой возможности рѣшился разложить огня. Радостно сошелъ я внизъ, наломалъ старыхъ досокъ, которыя были вокругъ мѣльничнаго камня, и зажегъ родъ камина.

Послѣ этого у насъ была здоровая пища. Выкопченное мясо было чрезвычайно удобно къ сохраненію. Сначала мы клали его въ воду, для извлеченія изъ него лишней соли, въ которой оно находилось; потомъ, посредствомъ огня, придавали ему вкусъ.

Такъ продолжалось еще два мѣсяца. Мойна, казалось, была здоровѣе, но за то она необыкновенно потолстѣла. »Ахъ милый!« сказала она однажды, видя мою печаль: »о чемъ такъ печалишься? Положеніе, въ которомъ теперь нахожусь, должно быть очень естественно, потому что я совсѣмъ не больна. Ты, я думаю, догадываешься, мой милый, что мы не всегда должны оставаться только вдвоемъ. Я буду матерью. Если потомъ Мойна будетъ больна, то другая Мойна будетъ утѣшать тебя. Да, мой другъ, ты сдѣлаешься отцомъ, а я матерью. Не бойся. Тотъ, Кто соединилъ насъ, Онъ и не разлучитъ. Да и житье наше здѣсь развѣ не лучше сдѣлалось? Мы уже наслаждаемся свѣжимъ воздухомъ, свѣсомъ, огнемъ. Надѣйся и еще лучшаго.«

Съ радостнымъ ужасомъ узналъ я объ этомъ опкрышѣи и прижалъ Моину къ моей груди.

Прошли недѣли и мѣсяцы; настала минута; Моина спала матерью, и опцомъ малюшки дочери.

И взявъ дитя къ моему сердцу и наши радостныя слезы благословили его. Моина скоро оправилась. Маленькая Зинаида подлѣ груди своей прелестной матери, умножила наше благополучіе, но вмѣстѣ и наши заботы и страхъ о жизни милого ангела. Только одно могущесивенное ощущеніе обладало нами. Дитя наше не могло сдѣлать насъ нѣжнѣе другъ къ другу, но оно сильнѣе привязало насъ къ жизни.

И только теперь увидѣли мы весь ужасъ нашего положенія. Настоящее даскало насъ, но каково казалось будущее? У насъ еще была нища, но навсегда-ли?.. А тогда? Не уже-ли Моина и Зинаида должны умереть передъ моими глазами?

Ужаснувшись сей мысли, въ отчаяніи, одинъ разъ я даже взбѣжалъ на крышу, съ тѣмъ, чтобы зажечь взгроможденныя надъ нами деревья и превратить въ прахъ эту огромную массу, заславляющую насъ оставаться въ глубокой пропасти. Къ счастью Моина успѣла еще удержанъ меня отъ этого отчаяннаго предпріянія. Я былъ побѣжденъ ея словами. Ахъ, она держала на рукахъ Зинаиду, подобіе своей матери: она, казалось, у Моины заняла

это выраженіе нѣжности во взорахъ, и уже такъ умѣла обладать имъ. Она пролягивала ко мнѣ свои дѣтскія ручки, сопровождая ихъ сладостными, доходящими къ сердцу звуками своего голоса.

Я самъ утѣшался своего безумнаго предпріятія. Мойна замѣтила мнѣ, что у насъ еще не на одинъ мѣсяць оспается запасовъ, и что новое время года можетъ намъ доставить неожиданныя пособія. Въ самомъ дѣлѣ, въ наше жилище попадало множество кашпановъ.

Черезъ два дни послѣ этого я услышалъ пѣніе птичекъ въ чащѣ, бывшей надъ нами, взялъ ружье и, не прицѣливаясь, выстрѣлилъ вверхъ. Одна убитая птица упала къ намъ и выстрѣлъ раздался сверху какъ громовый ударъ. Вскорѣ ясно послышался отдаленный шумъ. Онъ приближался къ намъ, но медленно. Казалось, будто надъ нами работали разными орудіями.

Я не зналъ, какому счастью приписывать это новое явленіе? — Мы подслушивали и отгадывали. Радостная надежда оживляла насъ. Мы почти не сомнѣвались, что поселяне, которые могли быть на большой дорогѣ въ то время какъ я выстрѣлилъ, услышали отголосокъ выстрѣла, и дали знать объ этомъ нашимъ родственникамъ и всей деревнѣ. Простое предположеніе скоро обратилось для насъ въ твердую увѣренность. Съ радостными

восклицаніями я обнималъ. Мойну и плакалъ, цѣлуя мое дитя. Я воображалъ себя уже съ нашими родителами и представлялъ уже имъ мою жену и дочь. Я жалѣлъ, что не могъ воспламенить ревности работавшихъ надъ нами. Но, слушая далѣе и далѣе, я съ горесшью увѣрился, что удары вверху спановились рѣже, рѣже, и наконецъ совсѣмъ не были слышны.

На другой день мы почувствовали удивительную, необыкновенную теплоту. Она увеличивалась. Жаръ спановился помилелень, несносень. Вездѣ пробивался дымъ — и вдругъ надъ головами нашими засвѣпилось яркое пламя. Обломки и вѣтви деревь постепенно обнимались огнемъ. Мы — еще такъ недавно упѣшавшіея самыми сладоспными надеждами, — вдругъ были пораженъ смертельнымъ ужасомъ. Зинаида, Мойна, наше жилище, все — все могло сдѣлаться жершвою пожара.

Но въ то время какъ пламя близилось къ намъ, пробираясь по лежавшимъ другъ на другъ, взгроможденнымъ деревьямъ и усиливалось со спороны мѣльницы дувшимъ юго-воспочнымъ вѣтромъ — мѣльничнй ручей опкрылся передъ нашими глазами. Мы увидѣли и горный пошокъ, подъ дождемъ пещла и искръ.

Мы скрылись въ самый низъ мѣльницы, гдѣ находилось мѣльничное колесо, и были шамъ по колѣни въ водѣ. Я сълъ на

камень, взявъ къ себѣ на руки жену, съ дыпяшею подлѣ груди. Съ препенущимъ сердцемъ, крѣпко сжималъ я ихъ въ объятіяхъ и съ ужасомъ ждалъ развязки спрашной драмы. Къ жизни или къ смерти вела она насъ — кто зналъ это? Но я ни на секунду не потерялъ присущствія духа и хладнокровія, спасая мою пройшвенную жизнь. Защищенный каменными сводами мѣльницы отъ жестокости огня, я замѣнилъ, что вѣтеръ сильно дулъ надъ глубокою пропастью и гналъ огонь вправо и влѣво на кучи лѣса; но русло рѣки осладалось въ споронѣ. Уже балки и спрощилы въ крышѣ загорѣлись и угрожали наденіемъ своимъ уничтожить наше существованіе. Не медля ни минутой, я взялъ на руки Моину и Зинаиду. Но Моина спешала о своемъ дыпяшѣ: она не хотѣла съ нимъ пускаться въ опасный переходъ; схватила его, прижала къ своей груди — ихъ не лзя было разлучить. Любовь матери не вѣршишь никому кромѣ себя. Но эта борьба приближала насъ къ гибели: мы могли быть задавлены. Уже вся крыша была объята жесточайшимъ пламенемъ.

Со всѣмъ, что было у меня драгоценнаго въ мірѣ, опираясь на разряженное ружье, я смѣлою и вѣрною ногою прошелъ черезъ дышація огнемъ и дымомъ головни — въ рѣку. Вода была мнѣ по поясъ.

Когда я дошелъ наконецъ до того мѣста, гдѣ рѣка; пройдя между скалами, изливается въ долину и гдѣ уже не было огня, я поднялъ глаза вверхъ и благодарилъ Бога. Избавившись отъ ужаснѣйшей ярости стихій — чего было мнѣ еще опасаться?

Преодо мною открылся прекрасный, обширный лугъ, усыянный цвѣтами, покрытый зеленью — и какое зрѣлище! — — Все поле покрыто было трупамн, умирающими, ранеными, оружіемъ, шляпами, плащамъ. Кони безъ всадниковъ скакали надъ мертвыми и умирающими и топотъ ихъ раздавался по равнинѣ; отъ одной кучи убитыхъ къ другой текли ручьи крови. Солдаты, съ ужасающею радостью, бѣгали кругомъ, безъ милосердія грабили побѣжденныхъ, рѣзали и спрѣляли бродившія вокругъ спада. — — —

Моина, въ отчаяніи отъ ужаса, лишилась чувствъ и упала на поле смерти. Я самъ, долженъ признаться, былъ не довольно безсердеченъ и не могъ владѣть собою при взглядѣ на это страшное зрѣлище. — — Но вдругъ меня схватили; вырвали изъ рукъ моихъ ружье; связали меня и повлекли! . . . Я кричалъ и проносилъ драгоценныя мнѣ имена: Моина! Зинаида! —

Испуганный, раненый, окровавленный, разбитый, упалъ я наконецъ безъ чувствъ. Пришедши въ себя, я звалъ мою жену, мое

дипя, и, въ забвеніи, неперпѣливо простираля къ нимъ руки. Я не зналъ, гдѣ былъ и что со мною дѣлалось. Вокругъ меня спояли незнакомые люди: они говорили какимъ-то неизвѣстнымъ мнѣ языкомъ и не обращали никакого вниманія на мои крики и рыданія. Ихъ сердце спольже чуждо было соспрананія, какъ сами они привычны къ лишеніямъ всякаго рода. Со всѣхъ споронъ слышала я ужасающіе споны жестко раненыхъ, мѣшавшіеся со звѣрскими насмѣшками. Безпрерывный шумъ, зараженный воздухъ, кровь, смятеніе, люди — одни покрытые кровавыми перевязками, другіе, вооруженные ножами, окруженные несчастными, которые въ мученіяхъ испускали послѣднее дыханіе, или ужаснымъ спрананіемъ покупали свое сущестпованіе — вопъ что окружало меня! Въ сей юдоли бѣдспвій я просилъ только о Моинѣ. Я лежалъ на одной поспелѣ съ другимъ несчастнымъ и при первой мысли поспребовалъ отъ него Знаиаду — но онъ уже умеръ и былъ такъ обезображенъ, что едва носилъ человѣчскій образъ.

Съ тѣхъ поръ какъ я оставилъ счастливый гробъ Моины и вышелъ опять на свѣспъ, неспоспжимость всего вспрѣспившагося со мною перемѣшала во мнѣ всѣ чувства и почли уничтожила мое сущестпованіе,

Но я былъ перевезенъ въ Гренобльскій лазаретъ и тамъ скоро выздоровѣлъ. Въ два мѣсяца я узналъ языкъ окружающихъ меня. Постепенно уменьшалось и отвращеніе, которое сначала чувствовалъ я къ лекарямъ и къ военнымъ. Я привыкъ къ ихъ нравамъ, къ ихъ законамъ. Я удостоившись, что человекъ и въ военномъ званіи все пошль-же; но всякую минушу горшый къ лишеніямъ всякаго рода, къ страданію и смерти, можешь-ли онъ почувствовать бѣдствія другихъ, когда самъ себя отказываетъ во всякомъ чувствѣ?

И вдругъ — представьте себѣ мою радость! — Въ одинъ день, когда возвратившись съ прогулки, позволенной выздоравливающимъ, я пришелъ въ свою больницу — мнѣ подали письмо отъ Мойны, изъ Браманса, отъ 3 Мая 1793 года.

Она писала, что долго была въ безпокойствѣ и страхѣ обо мнѣ; наконецъ получила мое десятое письмо, давшее ей новую, радостную жизнь. Она убѣдительно, искренно просила меня употребить всѣ средства къ скорому, какъ можно, возвращенію. Она увѣряла, что не смотря на всѣ бѣдствія войны, я найду Брамансъ въ прежнемъ счастливомъ состояніи. Она описывала мнѣ, что въ пошль день, когда мы были разлучены, ее передали деревенской стражѣ, а эша привезла ее къ родственникамъ. Опамышовавшись и увидя своихъ

родителей и Клару, она впала еще въ сильнѣйшій обморокъ. Она была счастлива, увидѣвши опять своего отца и свое дитя — но пѣть сильнѣе чувствовала она горестъ о потерѣ меня. Теперь, узнавъ что я живъ, она ждала только моего возвращенія, которое одно могло успокоить ея сердце.

Моя мама ничего не писала ни о своемъ, ни о Зинаидиномъ здоровьѣ: это было мнѣ горестно. И сверхъ того, для чего она писала ко мнѣ, а не лѣзла сама въ Гренобль? Какъ подозрительно! Мучимый страхомъ и надеждою, я неотступно просилъ опустить меня на родину: отказали.

Я удивлялся холодности, съ которою выслушивали мои просьбы, мои желанія, и особенно въ такомъ дѣлѣ, которое, какъ я думалъ, должно было казаться справедливымъ всякому супругу и отцу. Въспомо отъѣзда, однимъ упрямъ, я получилъ приказаніе отправиться въ Грассано, и опредѣлился въ батальонъ, почти годъ находившійся при осадѣ Ниццы. Я былъ въ числѣ молодыхъ людей, которые, въ удаленіи отъ своихъ жилищъ, обязаны были защищать границы Французской Республики. Впрочемъ наша сторона вошла уже въ составъ сей Республики.

Общество юношей, которые, подобно мнѣ, оплакивали потерю своей родины; огненный, живой нашъ возрастъ, духъ

полнаго самоотверженія , отличавшіи всѣ славныя дѣла Французскихъ воиновъ; нисѣма Монны , которыя получала я очень часто, и ея искреннія ободренія и желанія, чшобы я исполнилъ обязанность гражданина; моя особенная любовь къ изящнымъ искусствамъ, къ театру, къ чтенію — все это соединилось къ моему подкрѣпленію, такъ , что и въ разлукъ съ Монною и Зинаидою жизнь моя была довольно сносна.

На слѣдующій годъ батальонъ нашъ находился въ числѣ войскъ, посланныхъ пропить Онеглии, Соргію, Каиро, и игравшихъ роль введенія къ тому достопамятному походу, который обѣщала Италия счастливыя послѣдствія. При открытіи его, я былъ въ ужасномъ Монпенессинскомъ укрѣпленіи. Я далъ, вмѣстѣ съ другими, клятву храброму Рамдону — защищаться до смерти.

При Миллезимо, при Мондови, Сень-Микелѣ, при переходѣ черезъ По, я удивлялся мужеству моихъ товарищей и неупомимой дѣяшельности нашего юнаго вождя; но въ первый разъ при Лоди узналъ я, какое непостижимое дѣйствіе производитъ безспрашный духъ предводителя, который тѣмъ болѣе увѣренъ въ побѣдѣ, чѣмъ невозможно кажется она людямъ обыкновеннымъ.

На срединѣ Лодійскаго моста я былъ раненъ, однакожь хопѣлъ раздѣлить славу съ побѣдоноснымъ войскомъ и перейдши

черезъ весь мостъ ; но когда дошелъ я до оспавленныхъ непріятелемъ укрѣпленій— истощенный потерею крови я долженъ былъ оспановиться. Съ поля сраженія меня перевезли въ Миланъ. Тамъ былъ я пожалованъ Капипаномъ и вскорѣ получилъ дозволеніе, возвратиться къ своему семейству, вмѣстѣ съ обѣщаніемъ, что если захочу снова вступить въ службу, то мнѣ дадутъ мѣсто въ Ломбардіи. Мои раны, не столь опасныя, какъ казалось сначала, скоро позволили мнѣ опсправиться въ дорогу. Многіе старые войны желали того мѣста, которое предложено было мнѣ ; многие также, при размѣщеніи войскъ, оспались безъ мѣста. Они оспавили армию съ печальнымъ чувствомъ ; напрошивъ я— съ радостью. Я принесъ общему дѣлу самую тяжелую жертву, находясь въ разлукѣ съ Моиню. Теперь я могъ возвратиться къ ней съ честью и не медлилъ ни минуты. Безъ всякаго сожалѣнія оспавилъ я многолюдный городъ и блестящій шумъ его. Обращая взоръ къ величественному Ценису, я думалъ только о Моинѣ, о Зинаидѣ и, наконецъ, опсправился.

О, сколько разъ и какъ желалъ я сидѣть на берегу этой рѣки, касаться этой священной для меня землѣ, моей родинѣ, которая пробуждаетъ столько воспоминаній дѣтства. А ты, Моина! — Я не осмѣлился-бы увидѣть тебя ; мое сердце было-бы слишкомъ слабо, если-бы

счастіе, бытъ съ побою, могло за-
спавитъ меня сдѣлашья робкимъ: погда
я былъ-бы не достоинъ себя. О Моина!
милая, прекрасная, вѣрная подруга моего
дѣтства! Тщепно искалъ я тебя въ оча-
ровательныхъ спранахъ! Онѣ исполнены
богатствомъ, изобиліемъ природы, иску-
ствами и удобствами въ жизни, но побою
Небесамъ угодно было наградитъ эту сель-
скую пустыню. Ты одна замѣняешь здѣсь
все другое, въ чемъ опказываетъ природа.

Во время сего разсказа мы пришли въ
деревню.

«Эта она! это она!» закричалъ моло-
дой человекъ и бросился на встрѣчу пре-
дѣльной женщины. «О Моина!»

Молодые супруги забыли все, сжавши
другъ друга въ объятіяхъ. Въ это время
вокругъ нихъ успѣли собраться всѣ сосѣ-
ди. Толпы людей бѣжали къ нимъ изъ де-
ревни, съ любопытствомъ, съ радостью,
и составили цѣлый кругъ около ихъ до-
вольно просторнаго жилища. Младенская,
прелестная Зинаида была попеременно на
груди отца и матери, улыбалась, смѣя-
лась, и, казалось, въ первый разъ заспа-
вила добродѣтельныхъ супруговъ выпить
всю чашу радости.

Толпа любопытныхъ исчезла, и бли-
жайшіе родственники сѣли за столъ. Какъ
ни занято было сердце Моины однимъ,
радостнымъ чувствомъ, она не забыла

обратитъ вниманія на улучшеніе своего проспаго спола, который былъ тѣмъ драгоценнѣе. Я жалѣлъ, что мои сопутники не могли бытъ свидѣтелями этихъ счастливыхъ минутъ — но вдругъ снаружи слышался стукъ. Вошла хорошенькая дѣвушка. Она сказала, что идутъ чужестранцы, мои товарищи, которыхъ она опередила. По нѣжности, съ какою супруги встрѣтили дѣвушку, я пошчасъ угадалъ, что это Клора.

Я подѣлъ къ моимъ товарищамъ и рассказалъ въ немногихъ словахъ все, что самъ узналъ такъ недавно. Ихъ также это удивляло, какъ и меня. Они были искренне благодарны за то, что я оставилъ большую дорогу и, воспользовавшись добрымъ случаемъ, доставилъ имъ удовольствіе бытъ свидѣтелями прекрасной драмы.

Вспали изъ за спола. Звонъ колокола призывалъ къ вечернему моленію; всѣ пошли въ церковь. Двое любящихся, при алтарѣ Бога, получили на свой бракъ торжественное благословеніе священника.

Я удалился въ опведенную мнѣ комнату. Необыкновенность приключенія, сила характера и душевная непорочность обоихъ новобрачныхъ, привлекательная красота Мойны, общее единодушіе въ этой сельской простотѣ — все, все распроголо меня до глубины сердца. Казалось, будто мой Ангель - хранитель шепталъ мнѣ ночью: «Безумецъ! чего хочешь ты? Куда?»

зачѣмъ такъ далеко искашь своего счастья? Природа такъ близко поспавила его къ тебѣ! Оно твое, какъ молоко матери, готовое уже для младенца, при появленіи его въ міръ. Тотъ независимъ отъ вѣщнихъ обстоятельствъ въ объятіяхъ счастья, кто живетъ добродѣтельно.»

На разсвѣтѣ мы должны были встать; однакожь я не могъ пропившись желанію, еще разъ увидѣть счастливыхъ супруговъ.

Любезное семейство провожало насъ до скалы *воспоминанія*, Тамъ, въ послѣдній разъ, взглянулъ я на мельницу, находившуюся въ глубинѣ. Надъ нею уже сдѣлана была новая крыша.

Я обнялъ милыхъ супруговъ. Мы разстались. Я оставилъ тихое убѣжище невинности и спокойствія. Переѣхавъ черезъ гигантскій Ценись, я бросился въ прелестную Ипалію, позорище споль многихъ бѣдъ и опустошеній.

Да! Роскошная, плодоносная страна и свѣтлое небо ея были свидѣтелями ужасовъ. Тамъ происходили волненія, бѣдъ, опустошеніе; но въ это время, и донинѣ, супругъ Моины живетъ счастливо и мирно подъ хранительными скалами Браманса.

К.

С М Ъ С Ъ .

Разныя извѣстія.

Сѣверо - Американцы, находящіеся нынѣ въ Парижѣ, давали 4 Іюля блистательный обѣдъ, въ *Cadran bleu, boulevard du temple*. Они праздновали 50 - лѣтній юбилей существованія своего государства. Въ числѣ гостей были: Лафайетъ, съ своимъ сыномъ, Графъ Ластейри, Г. Левассеръ и Шефферъ, который написалъ для Палаты представителей чрезвычайно похожій портретъ *благодѣтеля народа*. Графъ Сегюръ, служившій въ Американскихъ войскахъ во время войны съ Англичанами, былъ также приглашенъ на сей праздникъ, но не присутствовалъ по причинѣ своего нездоровья. Консулъ Соединенныхъ Штатовъ, Г. Барнетъ, председательствовалъ на семъ ниру; зала была украшена Французскими и Американскими знаменами. За столомъ сидѣло 65 особъ. Главнѣйшіе тосты были: за пятидесятилѣтнее шоржество Сѣверо-Американскаго юбилея; памяти Вашингтона, перваго Президента Сѣверо - Американскихъ Штатовъ; памяти Лудвига XVI; за здоровье: нынѣшняго Президента С. А. Штатовъ, Короля Французскаго, Томса Джефферсона и Генерала Лафайэта. При окончаніи стола, Лафайетъ всталъ, благодарилъ за оказанныя ему почести и сказалъ крапкую рѣчь.

Корсиканцы обладаютъ природнымъ краснорѣчіемъ. Кто не помнитъ о сильныхъ рѣчахъ Наполе-

она? Но у нихъ и между самыми низшими классами знаютъ Италіянскихъ поэтовъ. Народъ особенно любитъ Тасса и Метасазія. Нарѣчіе Корсиканцовъ грубо, но богато выраженіями каршинными и носитъ еще оппечашокъ Генуэзскаго владычества, на примѣръ, сокращаетъ послѣдніе слоги. Но въ немъ есть также черты Тосканскаго и Римскаго нарѣчій. У Корсиканцовъ много пѣсень горныхъ жителей, въ которыхъ иногда описываются бипвы, иногда любовь, или заключаются повѣсти о знаменитыхъ дѣянiяхъ. Характерная черта въ Корсиканцахъ: они ненавидѣли Французовъ во время владычества Наполеонова и жалѣють о нихъ когда владычество сіе кончилось. Изъ Корсиканцовъ есть много импровизаторовъ. Стихи, которые поютъ при похоронахъ плакальщицы, не рѣдко заключаютъ въ себѣ истинныя красоты. У нихъ есть также героико-комическое сочиненіе, *Діонамохія или битва ословъ*; къ этому роду сочиненій Италіянскій языкъ чрезвычайно способенъ. — Всѣ сіи подробности заимствованы изъ Бенсонова сочиненія о Корсикѣ (*Sketches of Corsica in 1825. London. 1825*). Въ немъ первая часть содержитъ въ себѣ описаніе путешествія автора въ Аячю, а вторая посвящена Лишперашурѣ Корсиканской.

Нѣсколько времени умы всѣхъ жителей Парижа имѣли честь занимать: привѣзшая изъ Германіи пѣвица *Зоннтагъ* и скороходъ *Руммельъ*.

Всѣхъ Парижанъ заставила дѣвица *Зоннтагъ* писать и спорить о своемъ пѣніи и своей красотѣ. Выписываемъ изъ *Etoile* результатъ Парижскихъ сужденій о прелестной пѣвицѣ:

»Дѣвица Зонншагъ просилась съ Парижскою публикою во второмъ представленіи *Matrimonio segreto* (Тайный бракъ, опера соч. Чимарозы). Она утѣшается, подписавъ контрактъ, по которому любители могутъ надѣяться слушать ее снова, въ продолженіе двухъ лѣтъ: теперь, прежнія обязанности заставляютъ ее возвратиться въ Берлинъ на 15 мѣсяцовъ.

»По своей прекрасной привычкѣ, идти всегда *crescendo* (возвышаясь), дѣвица Зонншагъ явилась во второмъ представленіи образцоваго сочиненія Чимарозы съ большимъ блескомъ, нежели въ первомъ представленіи. Если здѣсь была она не столь ослѣпительна какъ въ другихъ роляхъ — пусть жалуются на автора, а не на актрису. *Королина*, обращающая на себя вниманіе, не поетъ въ сей пьесѣ ни одной аріи. Дѣв. Зонншагъ принуждена была пособить этому, занявъ одну арію изъ Майера. Сей отрывокъ, важный стилемъ и емельный выраженіемъ, подтвердилъ замѣчаніе, сдѣланное въ *Донъ-Жуанъ*, что одаренная умомъ и полная чувствомъ, рожденная истинною актрисою, юная дѣвица сія равно превосходна въ самыхъ противоположныхъ родахъ Музыки.

»Въ два мѣсяца пребыванія дѣвицы Зонншагъ среди насъ, много говорили, много писали, желая означить достойную ея степень превосходства. Восемнадцатъ спектаклей сряду и безпрестанно увеличивающееся участіе публики, въ такое время года, когда всѣ другіе театры пусты, послужили бы лучшимъ отвѣтомъ на всѣ споры. Но еще не поздно не отвѣчалъ на слѣдующій вопросъ: гдѣ, и

когда видали юную актрису, которую-бы стошь щедро наградила природа своими дарами?

»Одна обладает красоюю — безъ таланта; другая талантомъ — безъ красоты; у той прекрасная мелода пѣнія, но органъ ея слишкомъ звучень и крикливъ; у той прелестный голосъ, но она не умѣеть пѣть; наконецъ та превосходна въ ирагическомъ родѣ, но падаетъ въ комическомъ и vice versa. Изъ этого легкаго обзора можно заключить, что если двѣица Зоннпагъ, въ девятнадцать лѣтъ совершенна, но не безъ исключеній, то во всякомъ случаѣ эта актриса представляетъ стошь рѣдкое соединеніе даровъ природы и приобретенныхъ талантовъ, что, кажется, она родилась для опроверженія стиха, сдѣлавшагося пословицею:

Nul na tout en partage.

Скороходъ Руммель, молодой человекъ лѣтъ семнадцати, отличается противоположнымъ талантомъ — быстротою ногъ. Онъ средняго роста; во время своихъ ристаній онъ всегда является въ узкихъ, вязаныхъ панталонахъ, небольшомъ камзолѣ и въ полусапожкахъ. Въ рукахъ держитъ онъ хлыстикъ, необходимый ему отъ собакъ, которыя всегда сердятся видя его бѣгъ и гонятся за нимъ. Въ другой рукъ держитъ онъ, передъ лицомъ, башитовый платокъ, напысканный душистымъ уксусомъ. При началѣ бѣга, онъ идетъ тихо: не подумаете, что эшотъ человекъ долженъ *выбѣжать* *закладъ*. Потомъ идетъ тротомъ — съ непоспѣжимою быстротою. Тѣло онаго скорохода склоняется на обѣ стороны, попеременно, какъ-бы въ кашаньи на конькахъ. Жаль что не пишущъ, *сколько* *пробѣгаетъ* онъ въ минушу!

Модные обычаи.

Приглашение къ обѣду въ деревнѣ гораздо важнѣе нежели приглашеніе въ Парижъ. Оставить безъ вниманія послѣднее — не значить ничего; напротивъ деревенское приглашеніе соблюдается какъ законъ. Въ послѣднемъ случаѣ необходимъ письменный отвѣтъ (*une réponse écrite est de rigueur*).

Ничего не можешь бышь проще мѣшка или ридикюля модной дамы. Небольшой отрывокъ гроденаля съ пѣтистыми полосами или квадратами, или даже сплошнаго гроденаля, собраннаго на двѣ ленты — вотъ и все! NB. Чѣмъ меньше ридикюль, тѣмъ онъ моднѣе.

Если увидишь блѣды ленты съ небольшими, голубыми крестиками — это *Греческія ленты*.

Нынѣ въ модѣ не новое уже, но чрезвычайно трудное шитье. Подушечки и концы плашкы зашиваютъ войсами. Прежде употребленія, волосы опускаютъ въ кипящую воду.

Въ большомъ свѣтѣ измѣнъ невольнымъ обычаемъ: въ публичныхъ собраніяхъ говоримъ громко, хлопаемъ и хлопаемъ сильно дверями.

Если на балѣ ваша дама ангажируется иностранцу и вѣтраситъ вамъ свою шаль и вѣтеръ — важное преимущество! Но если она отдастъ вамъ

своей плашкѣ, кошорымъ прикасалась къ лицу или шеѣ — вы одержали победу.

Иногда молодые люди ѣздятъ нынѣ верхомъ безъ сѣдла, просто покрывая и подвязывая лошадь, кошорая можеть бытъ какого угодно цвѣща.

Лондонскія моды.

На званые обѣды являюся нынѣ въ городецвѣтыхъ платьяхъ *цвѣта скороспѣлки* или *первоспѣжки* (colour of a primrose); шалия à la vierge, съ длинными бѣлыми рукавами изъ крепа или шюля, кошорые застегиваюся на запястьѣ широкими золотыми браслетами; замочки въ нихъ красны и украшены бирюзовымъ камнемъ.

Къ новѣйшимъ головнымъ уборамъ принадлежатъ газовые шюрбаны, лимоннаго цвѣща, украшенныя Дамскими розами и зелеными листьями.

Если модная дама ѣдетъ на вечеръ въ блондовомъ чепчикѣ, шо онъ долженъ бытъ богато украшенъ цвѣщами.

Въ полунарядѣ носятъ чрезвычайно красивыя чепчики: они дѣлаюся изъ блонды или тонкихъ кружевъ; убираюся большими баншами изъ леншѣ или нѣсколькими жонкилями. Иногда сѣи послѣднѣ замѣняюся перьями изъ Пармскихъ фиалокъ.

На бальныя платья нынѣ никакой *всеобщей* моды; впрочемъ, на нѣкошорыхъ лучшихъ балахъ замѣняли больше всего шюлевыхъ платьевъ, на бѣломъ

атласъ, съ фалдами фестонированными и изящно-убранными цвѣтами. Эту прелестную уборку употребляютъ вообще для платьевъ.

Парижскія моды (*).

Les étoffes rayées à losanges noires, s'appellent *filets de Vulcain*. — Quelquefois, pour mieux imiter, un filet, les robes rayées à losanges ont un point rond à chaque endroit où les lignes se croisent. La mode des étoffes, dites *filets de Vulcain* vient de la vogue du ballet-pantomime de ce nom. — Les canezous de mousseline des Indes, d'organdi, de tulle, soit unis, soit ornés de broderies, deviennent chaque jour plus nombreux. Les uns se portent sur un corsage à manches courtes en étoffe pareille à la jupe, les autres avec une jupe de mousseline de couleur, ou de taffetas écossais, ou de cot-pali rayé. — Après le jaune dans toutes les nuances vient le bleu, puis le rose. Nous parlons des robes et des redingotes. En chapeaux, un peu de rose, un peu de bleu, beaucoup de jaune; mais encore plus de blanc. On pose toujours les chapeaux de manière à laisser voir les cheveux par derrière. — Presque tous les chapeaux de gros de Naples ou de crêpe sont blancs et ont une garniture verte. Un ruban de gaze vert est cousu autour de la capote en dessous, un autre ruban borde le haut de la forme, et une branche de feuillage est attachée par des rubans verts. — La mode des rayures dites *filets de Vulcain* s'étend jusqu'aux fleurs. On voit sur des chapeaux de gros de Naples de grosses roses jaunes à filets verts. — Quelques modistes associent au taffetas-filet de-Vulcain,

(*) До 15 Августа 1826 г.

un taffetas à pois. L'une se passe étalée toute la dessus, l'autre la double. Quelquefois la forme d'un chapeau est rayée et la passe est à pois. La garniture consiste toujours en biais contournés et en rosettes de ruban assorti à l'étoffe. Quelques merveilleuses ont fait faire des capotes de crêpe crépé bleu, à passe bordée d'une grosse ruche, moitié bleue, moitié jaune caroline. Deux rosettes en ruban de gaze de cette dernière couleur agrafent deux bouquets de myosotis, qui sont placés sur le devant de la forme. Dans les bals, outre les perles et les boules de ruban de gaze, de ruban à gros grain, de crêpe lisse, qui font, en général, l'ornement des coiffures en cheveux, on voit, en fleurs, le nymphéa, le carnélia, et le baguenardier.

La costume d'un merveilleux en négligé consiste en une redingote de drap blanchâtre avec boutons en nacre, ou de mérinos double, gros vert ou tête de nègre, garnie d'un seul rang de boutons d'étoffe: deux gilets de piqué blanc, dont un, celui de dessus, à schall, l'autre à collet rabattu et à cran: pantalon de basile blanc, très-large et à dessous de pied: cravate de cot-pali, à grands carreaux: souliers de daim noirs, et chapeau de feutre gris.

Шелковыя матеріи, съ черными лозанжками (*) — называющіяся *Вулкановы сѣти*. Иногда для лучшаго подражанія сѣтямъ, углы лозанжей или четырехъ-угольниковъ округлены, въ шѣхъ мѣстахъ, гдѣ они перекрещиваются одиной другою. Модная эта матерія названа *Вулкановою сѣтью* по имени любимаго шута въ Парижѣ балеша. — Канзю, изъ Индійской касси, органди, шюля, гладкія и вышитыя, каждыи день входящи въ большее употребленіе. Канзю надѣвають на плащѣ съ корошками рукавами или просто съ

(*) Losange — ромбондъ, четырехугольникъ, у котораго два угла тупые, два острые.

юбкою изъ цвѣтной кисеи, Шотландской шафты, или волосаго кофала. — Послѣ желтаго цвѣта, во всѣхъ ея оштѣнкахъ, нынѣ въ модѣ цвѣтъ синій; послѣ сего можно посшавить розовый: это разумѣется для шляпъ и ренгошовъ. Для шляпки въ модѣ цвѣта розовый и синий; очень въ модѣ желтый, но самый модный цвѣтъ — бѣлый. — Шляпки надвѣваютъ, сдвигая на передъ головы, такъ, что запылокъ открытъ. — Почти всѣ гроденаплевья и креповья шляпки цвѣта бѣлаго, съ зеленою уборкою. Газовую, зеленою лентою обшивають у капошовъ (шляпокъ) снизу края полей и верхъ шульи, при чемъ вѣтка зелени прикрѣпляется зелеными лентами. — Мода на *Вулкановы стѣи* дошла до того, что даже на цвѣтахъ видѣше ихъ. На гроденаплевыхъ шляпкахъ прикалываютъ большія желтыя розы, разрисованныя зелеными *Вулкановыми стѣжками*. — Нѣкоторыя модистки, въ шляпкахъ, матерію *Вулкановы стѣи* соединяють съ матеріею гороховаго цвѣта. Одна изъ нихъ составляетъ верхъ, другая подкладку. Иногда шульи шляпки бываютъ изъ *Вулкановыхъ стѣж*, а поля изъ матеріи гороховаго цвѣта. Уборку всегда составляютъ неправильныя косяки и ленточныя розетки, приличнаго цвѣта. — Нѣкоторыя щеголихи заказываютъ капоны (шляпки) изъ синяго крепъ-крепѣ, съ полями, обшитыми крупнымъ рюшемъ, вполонуву синяго цвѣта, вполонуву цвѣта *jaune-caroline*. Двѣ розетки изъ газовыхъ лентъ сего послѣдняго цвѣта служатъ аграфами для двухъ букетовъ изъ *соколей травы* или *мышьяго ушка*. Букеты должны быть впереди шульи. — Бальная уборка волосъ, кромѣ общаго — жемчугу и баншовъ изъ лентъ га-

зовыхъ и вѣшовыхъ гладкихъ — состоятъ въ цвѣтахъ: камелия, кувшинчикахъ и пузырьномъ деревѣ.

Нарядъ щеголя, *запросто*, составляетъ: рендегонъ, изъ бѣловатаго сукна, съ перломутовыми пуговицами, или изъ двойнаго меринвеса, цѣпса темнозеленаго или *головой пегра*, съ однимъ рядомъ пуговиць изъ шелковой материи. Два жилета изъ бѣлаго пике; верхнй жилетъ съ шалью; исподнй съ низкимъ воротникомъ; панталоны изъ бѣлаго канифаса, очень широкя, подъ сапоги; галешухъ изъ кошпала, съ большими квадратами; башмаки изъ черной оленьей кожи; шляпа сѣрая.

На приложенныхъ картинкахъ:

(1 Августа) — шляпа бѣлой соломы, украшенная каштанами и ашласными листьями. Платье изъ кошпала, украшенное воланами и шнурами. Баржевый шарфъ.

(5 Августа) — соломенная шляпка, съ цвѣтами изъ перьевъ и съ листьями. Платье изъ жаконна съ уборкою шишечекъ и шюлемъ. Баржевая шаль.

54a

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

О предполагаемомъ сообщеніи Атлантическаго Океана съ Тихимъ моремъ, чрезъ Панамскій перешеекъ.

Если размыслишь о достовѣрныхъ и возможныхъ слѣдствіяхъ, долженствующихъ произойти отъ открытія, изъ Атлантическаго Океана въ Южный Океанъ, новаго пути, который многими тысячами миль сократитъ перевѣзъ изъ Европы въ Азію и доставитъ восточнымъ берегамъ Азіи ближайшую возможность пользоваться просвѣщеніемъ Европы и Америки — умъ, такъ сказать, теряется въ обширности слѣдствій, смѣшенно представляющихся воображенію. Кажется, видишь передъ собою развертывающуюся картину переворошовъ, долженствующихъ произойти отъ сего предпріятія въ торговыхъ и политическихъ сношеніяхъ всѣхъ частей свѣта!

Извѣстно, что проведеніе канала чрезъ Панамскій перешеекъ сослужило

Ч. X. No 14.

Ж

любимый предметъ разговоровъ Питта ; что, ему по сему предмету представляемы были многіе прозкты и что, когда Питтъ составлялъ планы освобожденія Испанской Америки, онъ всегда имѣлъ въ виду возможность соединить оба Океана, черезъ Панамскій перешеекъ.

Въ 1810 году, въ *Эдилбургскомъ Ревю* помѣщено было по сему случаю слѣдующее: «Исчисляя торговыя выгоды, кощорыя навѣрно произойдутъ отъ освобожденія Южной Америки, мы не упомянули еще о величайшей изъ всѣхъ и можетъ быть важнѣйшей выгодъ для мирныхъ сношеній народовъ, о предпріятіи, которое позволяетъ произвести генію человѣческому образованіе земнаго шара: мы говоримъ о прорытіи судоходнаго канала черезъ Панамскій перешеекъ. Весьма пріятно было намъ узнать, что исполненіе предпріятія, столь величественнаго, столь важнаго по слѣдствіямъ и о кошоромъ въ Англіи ирзюютъ еще весьма недоспѣлое свѣдѣніе, оказывается не только возможно къ приведенію въ дѣйство, но удобно и легко.» Въ прошломъ году, когда вѣщія безопасность Мексики и Колумбій была уже обезнечена, вниманіе правительствъ обоихъ государствъ, съ величайшею дѣяельностію обратилось къ сему дѣлу. Въ Американскихъ гадепахъ писали и Европейскіе публицисты повсюралли за доспювѣрное, что каналъ

для сообщенія двухъ Океановъ не только предположень, но — *даже и напачкѣ*. Увѣряють, что это одно изъ любимыхъ предпріятій Боливара. О дѣйствительномъ началѣ ничего еще рѣшительнаго не слышно; но Панамскій конгрессъ, гдѣ будутъ представители всѣхъ почти Американскихъ государствъ, предположилъ съ особеннымъ спараніемъ онымъ заняться. Предпріятіе это столь важно, что должно обратитъ на себя взоры каждаго просвѣщеннаго чловѣка. Въ то время, какъ Суэзскій перешеекъ не кажется уже непреодолимымъ препятствіемъ богатству Англинскихъ милліонщиковъ и быспрому въ рѣшеніяхъ Могаммеду-Али, когда Гибралтаръ хотѣлъ замѣнить каналами черезъ Францію, а Зундъ Шведскимъ каналомъ, можемъ-ли сомнѣваться, что предпримчивость Англии и Америки будетъ новымъ Геркулесомъ для разрыва Южной Америки отъ Сѣверной?

Между тѣмъ, Европейскіе географы тщательнѣе занимаются изысканіемъ: *точно-ли возможно это предпріятіе?* Представляемъ достовѣрнѣйшія изслѣдованія ихъ по сему случаю.

Извѣстія славнаго Гумбольдта оставляли много сомнѣній. Онъ собралъ ихъ въ Карагенъ и Гваяквилъ. Конечно, никто болѣе сего знаменитаго путешественника не заслуживаетъ вѣроятія, какъ по выбору свѣдѣній, такъ и по извлеченію

изъ оныхъ слѣдствій и вѣроятій. И по-
тому, прежде изложенія новѣйшихъ мнѣній
о Панамскомъ каналѣ, должно разсмо-
трѣть то, что говоришь объ немъ Г.
Гумбольдтъ.

Онъ напоминаетъ сначала, что съ
1513 года, когда Европейцы переѣхали
перешеекъ Панамскій, донинѣ не было
сдѣлано нивеллированія земли, раздѣляющей
оба Океана и не опредѣлено вѣрно поло-
женіе Панамы и Порто белло. Карты
Лопеца, Арроусмита и Мадридскаго *Deposito
hidrografico* ни мало между собою не сход-
ны; на нихъ перешеекъ Панамскій не
представляетъ ни одинакой формы, ни
одинакой ширины.

Впрочемъ, извѣстно, что между Па-
намою и Порто-белло самое малое разсто-
яніе изъ всего пространства отъ Даріена
до Веропаца. Рѣка Хагресъ, впадающая въ
Антильское море, на западъ отъ Порто-
белло, въ устьѣ своемъ имѣетъ 120 ша-
зовъ ширины, а близъ Круца, откуда
начинается по ней судоходство, ширина
ея простирается до 20 шазовъ. Во время
мѣлководья поспребно отъ чепырехъ до
пяти дней, дабы отъ моря доплыть
вверхъ противъ теченія сей рѣки, до Кру-
ца; во время-же покой воды поспребно отъ
десяти до двѣнадцати дней. Изъ Круца въ
Панаму перевозятъ шовары, навьючивая
ихъ на лошаковъ. Разстоянія между сими
городами только пять миль.

Г. Гумбольдтъ полагаетъ, что наклоненіе рѣки, отъ мѣста, гдѣ она дѣлается судоходною, до моря, проспирается на 35 и на 40 шуазовъ. Отъ сего-то мѣста, называемаго *Venta de Cruces*, Испанскіе инженеры предполагали-было прорыть каналъ до Панама. Каналъ сей прорывалъ-бы землю гористую, коей высота совершенно неизвѣстна. Жаль, что ни Кондаминъ и Буге, ни ученые Испанцы, жившіе долгое время въ сей области, не сдѣлали никакихъ барометрическихъ наблюдений для опредѣленія высоты возвышеннѣйшаго пункта между крѣпостью Хагресъ и Панамою. Увѣряютъ, что съ сей точки видны оба моря; посему можно предположить, что возвышенность сія не болѣе 290 мепровъ.

Лионель Уаферъ пишетъ, что ему не удалось насладиться зрѣлищемъ обонхъ Океановъ вдругъ; но онъ увѣряетъ, что, въ сей части перешейка, средняя цѣпь состоятъ только изъ пропаяженія холмовъ, въ промежуткахъ коихъ пропекаютъ рѣки. Если это справедливо, то отъ сего произошла-бы великая удобность для предполагаемаго канала и судоходство замедляемо было-бы только небольшимъ числомъ шлюзовъ.

Полагали, что находится разница въ возвышеніи воды между обоими морями, что, вслучаѣ открытія канала, могло-бы пощощить весь перешеекъ.

Г. Гумбольдтъ оспариваетъ се предположеніе. Донъ Георгъ Жуанъ нашель, по барометрическимъ наблюденіямъ, что Хагресъ и Панама находятся на одинаковомъ возвышеніи. Тогда не извѣстно еще было исправленіе термометровъ, приложенное къ вычисленію высоты, а опть сего можно сомнѣваться въ достоверности выводовъ. Извѣстно, что Французскіе ученые, бывшіе въ Египетской экспедици, нашли, что воды Чермнаго моря шестью шазами выше средней поверхности водъ Средиземнаго моря. Г. Гумбольдтъ самъ сравнивалъ поверхности на берегахъ Перу и при устьѣ рѣки Сину, въ Анпильскомъ морѣ, и по исправленіи всего относящагося къ температурѣ, онъ нашель, что если и есть разница въ возвышеніи водъ между своими морями, то она не можетъ быть болѣе шести или семи метровъ. Морской приливъ, очень слабый въ Порто-белло, поднимается опть двѣнадцать до пятнадцати разъ выше въ Панамѣ. Различія сія, вмѣсто вреда гидравлическимъ построеніямъ, способствовали-бы напротивъ того дѣйствию шлюзовъ.

Быстрое теченіе рѣки Хагреса, которая въ полую воду протекаетъ до двухъ метровъ въ секунду, представляетъ великія затрудненія для судоходства. Чрезвычайно излучистое теченіе сей рѣки производитъ опбой или вири къ берегамъ; посредствомъ сихъ-по вирей небольшія

суда ходять вверх по рѣкѣ, употребляя попеременно шесты и веслы, или вышпагиваясь вѣтромъ. Выгода сія нечезнетъ, если прорыть прямой каналъ, осушивши настоящее русло рѣки; но съ помощію пароходовъ можно преодолѣть всѣ трудности, какъ-бы теченіе ни было быстро.

По всѣмъ собраннѣмъ извѣстіямъ, Г-нъ Гумбольдтъ думаетъ, что должно отказаться даже и отъ мысли, проведши между Панамою и Порто-белло такой каналъ, по которому можно было-бы проводить нагруженные корабли. Для сего потребныя будутъ подземныя галлерей и шлюзы, следовательно, магазины на обѣихъ моряхъ, расходы и медленность при выгрузкѣ и перегрузкѣ, наконецъ — зависимость отъ народа обладающаго перешейкомъ и каналомъ.

Послѣ извѣстій Гумбольдта всѣхъ важнѣе извѣстія Г. Робинзона. Употребивъ много лѣтъ, Г. Робинзонъ собралъ извѣстія свои въ Карагенѣ и Ямайкѣ, отъ людей, посвящавшихъ перешеекъ для торговли и для удословренія: возможно-ли устройство судоходнаго канала черезъ Панамскій перешеекъ? Вопръ слѣдствія изслѣдованій, которыя Г. Робинзонъ сравнилъ съ примѣчательными извѣстіями Г. Уальтона, изданными въ 1817 году, послѣ пребыванія его въ Панамѣ (*).

(*) Colonial Journal. Мартъ и Іюнь 1817 г.

Въ устьѣ рѣки Хагреса, подъ 9° 18' с. ш. находится мѣль, черезъ которую не могутъ проходить суда, ходящія болѣе 10 фузовъ въ воду. Г-нъ Р. считаетъ 20 миль отъ устья сей рѣки до города Круца; въ полую воду потребно иногда до 20 дней, дабы доплыть до сего города. Г-нъ Р., кажешся, увѣренъ, что пароходы преодолеютъ трудности сего судоходства и что для сего не нужно прорывать новаго канала. Напротивъ, онъ думаетъ, что отъ Круца до Панамы весьма трудно привести въ дѣйство сіе предпріятіе; но что касается до почнаго нивелированія и до существа истинныхъ препятствій, которыя-бы встрѣтились въ сей работѣ, то онъ столь-же мало ихъ знаетъ, какъ и Г. Гумбольдтъ. Онъ только находить важныя трудности въ существѣ берега и въ самой Панамской гавани.

Городъ Панама лежитъ на полуостровѣ и защищается цѣпью небольшихъ острововъ. Морской берегъ столь низокъ, что только одни пироги и плоскодонныя суда могутъ приближаться къ городу. Большіе корабли останавливаются въ морѣ, болѣе нежели на двѣ мили разстояніемъ отъ города, при островахъ Перико и Фламинко. Грузы перевозятся на твердую землю весьма медленно и за дорогую цѣну, на плоскодонныхъ судахъ.

Весь берегъ, соотвѣтствующій шѣмъ пунктамъ, на которыхъ предназначаемъ

былъ каналъ, подверженъ тому-же неудобству: море слишкомъ мѣлко. Г. Робинзонъ замѣчаетъ, что если-бы удалось преодолѣть физическія препятствія, отдѣляющія Круць отъ Панамы, то должно-бы прорыть еще каналъ въ морѣ на семь миль длиною, который вѣроятно скоро засыпался-бы, по тѣмъ-же причинамъ, по которымъ весь берегъ шакъ мѣлокъ.

Кажется, что Г. Робинзонъ не различаетъ возможности проѣзда изъ Океана въ Океанъ, съ шлюзнымъ каналомъ. По первому предположенію, въ самомъ морѣ надобно пропануть глубокій фарватеръ до оспрова Перико, дабы избѣжать перегрузки кораблей, споящихъ на морѣ; но шакъ какъ сія перегрузка неизбѣжна при вырытіи канала со шлюзами, и съ подземными галереями, то и не видно, для чего-бы необходимо нужно было предпринимать великій трудъ усроенія длиннаго фарватера въ морѣ, который легко можетъ быть занесенъ.

Такимъ образомъ неизвѣстность высоты и другія препятствія оказываются великими и у Г. Робинзона. Это заставляетъ его опказаться отъ канала чрезъ Хагрессъ и Г. Робинзонъ предпочитаетъ другой проэктъ: сообщеніе чрезъ озеро *Никарагуа*.

По картамъ Мелича и Г. Робинзона видно, что рѣка Св. Іоанна вытекающая изъ

озера Никарагуа, впадаетъ въ Атлантическій Океанъ, на берегу провинці Коста-Рика, подъ $10^{\circ} 45'$ с. широты. Мѣль при устьѣ сей великой рѣки покрыта только 12 футами воды. Одинъ Англичанинъ, измѣрявшій еію часть берега въ 1815 г., нашелъ въ сей мѣли узкій проходъ, по которому могутъ ходить корабли, сидящіе на 25 фузовъ въ водѣ. Купцы Гондурасскіе знаютъ сей проходъ; но онъ не назначенъ ни на одной картѣ. Кажется, что рѣка не представляетъ судоходству никакикъ препятствій, которыя не лзя было-бы преодолѣть. Бриги и гальоты нынѣ свободно плаваютъ до самаго озера, которое вездѣ имѣетъ отъ 3 до 6 брассъ глубины. На немъ много острововъ, на которыхъ, равно какъ и до берегамъ озера, находится много распецій. Западною оконечностью озеро Никарагуа соединяется съ озеромъ Леона (отстоящимъ на 8 миль), посредствомъ небольшой рѣчки. Сіе послѣднее озеро, и самое озеро Никарагуа, соединяются съ южнымъ моремъ небольшими рѣчками. Расстояніе озера Леона отъ сего моря не болѣе четырехъ миль, а озера Никарагуа около семи миль. Земля, отдѣляющая оба озера, какъ одно отъ другаго, такъ и отъ Тихаго моря, состоитъ совершенно изъ рдской поверхности. На ней видны только нѣкоторыя коническія возвышенія, ознаменныя прежнихъ вулкановъ.

Двѣ линіи особенно выгодны для про-
веденія сообщеній между сими озерами и
моремъ: одна, отъ берега Кальдера (или
Никаія) къ озеру Леонъ, а другая отъ за-
лива Попугаевъ къ озеру Никарагуа. Въ
сихъ двухъ мѣстахъ берегъ совершенно
свободенъ отъ подводныхъ камней. Въ за-
ливѣ особенно, море споль глубоко, что
въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега, фре-
гатъ можешь спать на дкорѣ.

Извѣстія, собранныя П. Гумбольдтомъ
касательно сего сообщенія, въ основаніи
согласны съ показаніями Г. Робинзона; но
П. Гумбольдтъ сомнѣвается въ важнѣй-
шемъ пунктѣ — высотѣ земли въ семъ
мѣстѣ перешейка. Это не- подробнѣе
объяснено въ запискѣ, поданной по сему
случаю Мадридскому Двору. Впрочемъ, мо-
реходець Дампьеръ подтверждаетъ, что
сей берегъ низокъ и что земля, лежащая
между озеромъ Никарагуа и губою Никаія,
по большей части ровная и степная.

Другое важное обстоятельство! Г.
Гумбольдтъ говоритъ, что берегъ почти
неприспуненъ для кораблей въ Августѣ,
Сентябрѣ и Октябрѣ мѣсяцахъ, по причи-
нѣ жестокихъ вѣтровъ и проливныхъ дож-
дей, а въ мѣсяцахъ Январѣ и Февралѣ по
причинѣ жестокихъ вѣтровъ, дующихъ съ
NO и ONO, называемыхъ здѣсь *попугаяли*.

Такія затрудненія въ печеніе пяти
мѣсяцовъ въ году, важное препятствіе

для судоходства. Къ сему должно еще прибавить извѣстіе Г. Гумбольдта, что климатъ Никарагуи весьма нездоровъ и заставляеть ежегодно смѣнять на внутреннихъ постахъ гарнизоны, испребляемые иногда до половины, и потому онъ полагаеть его неспособнымъ для прочныхъ заведеній.

Вошь что говоритъ по сему случаю Г. Робинзонъ: «Нѣкопорые мореплаватели увѣряють, что берега провинці Коста-Рика (или Никарагуа) подвержены ужаснымъ *попуеалмъ*, какъ на одномъ, такъ и на другомъ морѣ. Я разговаривалъ о семъ со многими мореходцами, которые испытали сѣя вѣспры. Они увѣряли меня, что *попуеал* ничего не значають въ сравненіи съ ужасными вѣспрами Аншилльскаго моря, бывающими въ Августѣ, Септябрѣ и Октябрѣ мѣсяцахъ. *Попуеал* дуютъ зимою почти сполько-же времени, какъ и сѣверные вѣспры въ заливѣ Мексиканскомъ. Болѣе шести мѣсяцовъ въ сей провинціи нѣсть никакихъ бурь, особливо со стороны Тихаго моря. Я спрашивалъ людей, жившихъ лѣтъ двадцать въ городѣ Леонѣ, и они меня увѣрили, что никогда не видали шамъ вѣспровъ, похожихъ на ураганы.

«Климатъ Коста-Рики, не имѣеть ни одного изъ вредныхъ качествъ провинціи Хоко и перешейка Панамскаго. Морской вѣсперъ, бывающій всякое утро на обо-

ихъ берегахъ, безпрестанно освѣжаетъ сію провинцію. Можно утвердительно сказать, что въ объемъ проликовъ, нѣтъ земли, коей климатъ былъ-бы здоровѣе климата сего мѣста. На немъ находишся поколѣніе природныхъ жителей, красивѣйшее и сильнѣйшее. Земля тамъ плодородна, особливо около обоихъ озеръ и рѣки Св. Іоанна.»

Прочитавъ всѣ сіи мнѣнія, если и предположимъ, что изслѣдованіе труднейшей судоходства по рѣкѣ Св. Іоанна и по озеру Никарагуа, должно заставитъ опказаться отъ онаго, то по крайней мѣрѣ не лзя не согласиться, что сія обширная масса воды можетъ споспѣшествовать построенію канала, который перерѣжетъ перешеекъ и подниметъ большіе корабли. Все пропаяженіе состоитъ изъ 65 миль; если обратишь вниманіе на цѣль предпріятія, то сія величина не должна удивлять. Область Нью-Іоркская, одна, отдѣльно, производитъ шеперь почти столь-же гигантскія работы. Скажешь, что народонаселеніе Коста-Рики еще слабо; но если-бы область сія подчинена была правильному и просвѣщенному устройству, то сіе затрудненіе исчезло-бы подобно всѣмъ другимъ. Соспавилось-бы сильное обществво, и природные жители Гвашималы и Юкапана собирались-бы тысячами на работу, если-бы имъ платили за труды ихъ.

Г. Робинзонъ видѣлъ сихъ плуземцовъ, опъ праздностіи, въ великомъ множествѣ плунедствующихъ, одѣтыхъ только въ панталоны, или имѣющихъ только поясъ, а дѣтей ихъ совершенно нагихъ. Плоды трудовъ поглощаются ихъ начальниками. Жители влачатъ бѣдственное существованіе свое въ невѣжествѣ и безчувственности. Если имъ открытъ новую перспективу, если имъ покровительствовать и ободрять ихъ достаточною платою; если они будутъ одѣты и сыты; то можно справедливо заключить, что найдется до 50 т. человекъ для работъ; исполненіе коихъ доставитъ имъ полезныя слѣдствія.

Такимъ образомъ сообщеніе чрезъ озеро Никарагуа оказывается удобнѣйшимъ. Говорясь, что здѣсь и найверны начать работу. Первая мысль сообщенія чрезъ перешеекъ Коста - Рикъ принадлежитъ собственно Бріану Эдуарду, знаменитому Историкъ Западной Индіи. За нѣсколько передъ симъ лѣтъ, Г. Робинзонъ читалъ въ Ямайкѣ записку сего сочинителя, которая должна быть извѣстна Британскому правительству. Г. Эдуардъ такъ былъ убѣжденъ въ важности сего проэкта и въ возможности приведенія его въ дѣйство; что употреблялъ краснорѣчивѣйшія доказательства; дабы склонить правительство завладѣть силою перешейкомъ Коста-

*Рикскильб, если не лъзя полугитить еѳо гѳрезѳ
переговоры.*

Но дѳло въ положеніи земли. Не въирая на увѳренія Г. Робинзона и на авторитетъ, вмѳ приводимый, онъ самъ признаетсѳ, что на шестидѳсяти пяти миляхъ разстѳянія отъ одного моря до другаго, находитсѳ *болѳе трехъ миль* земли гористой. Изъ извѳстій Г-на Гумбольдта, мы видимъ, что не было сдѳвано еще никакого нивеллированія отъ одного моря къ другому. До тѳхъ поръ, пока не будешъ сдѳвано правильнаго нивеллированія, не лъзя ничего сказать рѳшительнаго о возможности построенія тако-го канала, копорый принималъ-бы на-груженныя корабли, ходящіе по морю. Если необходимостъ заспавитъ дѳлать подземныя галлерей, то по сѳму каналу могутъ ходитъ только барки и плоскодонныя суда и можешъ бытъ предспавяшяся неудобства, о копорыхъ мы упомянули выше сѳго.

Г. Робинзонъ разспатриваетъ затрудненія и выгоды, проведенія канала еще съвернѳе Никарагуи, копорый соединилъ-бы воды рѳки Гвазакуалко; впадающей въ Мексиканскій заливъ, съ гаванью Тегуантепекъ, на Тихомъ морѳ.

Съ вершины горы Финетъ, хорошо можно различитъ оба Океана. Г. Робинзонъ слышалъ это отъ многихъ жителей города Оахаки, копорые ходилъ нарочно на

гору наслаждаешься симъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Цѣпь горъ, занимающая здѣсь средину пространства, измѣняется въ высоту отъ 300 до 600 футовъ. Цѣпь сія пересѣкается въ нѣкопрыхъ мѣстахъ прорѣзми, произведенными, вѣроятно, великими землетрясеніями. Во времена дождей прорѣзы или рытвины сіи наполняются водою, спекающею, смотря по направленію, въ Тихое море, или въ Атлантическій Океанъ. Туземцы, особливо жители Табаско и Тегуаншепека, увѣряють, что они на лодкахъ своихъ переѣзжаютъ изъ одного моря въ другое.

Во время пребыванія своего въ городѣ Оахакъ, Г. Робинзонъ собралъ всѣ нужныя свѣдѣнія, дабы удостовѣриться въ споль важномъ дѣлѣ. Онъ убѣдился, что въ дождливое время, лодки природныхъ жителей переходятъ изъ одного моря въ другое чрезъ излучины рытвинъ, соединяющихъ рѣку Гвазакуалко съ рѣками Хималапа и Тегуаншепекъ.

Сія при рѣки довольно значительны, особенно-же первая изъ нихъ. Мѣль, находящаяся при устьѣ ея, покрыта двадцатью двумя фузами воды при опливѣ. За нѣсколько лѣтъ передъ симъ, въ рѣку Гвазакуалко вошелъ Испанскій линейный корабль черезъ сію мѣль и спалъ на якорѣ. По послѣднимъ извѣстіямъ Американскихъ морскихъ офицеровъ, кажется, что это

только одно безопасное якорное мѣсто на всемъ берегу. Известно, что Вера-Круцкая рейда открыта и во время северныхъ вѣтровъ; корабли прибываютъ часто къ берегу, если не прикрѣплены канатами къ стѣнамъ крѣпости С.-Жуанъ-де-Улмоа, на островѣ, находящемся въ центрѣ гавани, отъ чего подвергаются опасности разбиться.

Открытіе безопаснаго якорнаго мѣста даетъ выгоду рѣкѣ Гвазакуалко, по копорой могутъ плавать большіе корабли до самаго того мѣста, гдѣ отдаленіе 12—14 миль соединяетъ судоходныя воды Хималапы и Тегуаншепека. Если и не проводитъ канала для ихъ соединенія, то одной хорошей дороги достаточно для привлеченія сюда значительной торговли, ибо по рѣкѣ Тегуаншепекъ ходятъ корабли, сидящіе въ водѣ на 20 фушовъ.

Просвѣщенные люди сей страны давно понимали выгоды могущія быть отъ перехода изъ одного моря въ другое черезъ рѣку Гвазакуалко и перенесенія порта изъ Вера-Круца въ устье сей рѣки. Въ 1745 году Креолы Оахаки представили Мексиканскому Вице - Королю записку, въ копорой прозвѣсть сей былъ изложенъ подробно. Г. Робинзонъ, въ 1816 году, узналъ сію записку и почерпнулъ изъ нее свѣдѣнія о средствахъ всякаго рода, представляемыхъ сею частію Новой Испаніи, въ отношеніи

климата и почвы земли, а равно и географическаго ея положенія. Подробноспісія таковы, что заставлятъ принимашъ живое участіе каждаго, размышляющаго о ходѣ и развитіи человѣческой промышленности. Всякое другое правительствво, кромѣ погдашнихъ Испанскихъ Вицесревъ, приняло бы показанія сіи въ разсмотрѣніе.

Округъ Оахаки, около 125 миль въ длину и 90 въ ширину. Онъ заключаетъ въ себѣ большую часть перешейка Тегуантепекскаго. По ревизіи 1808 года, въ немъ считалось 600 ш. жителей, разсѣянныхъ въ 800 городахъ и деревняхъ. Г. Робинзонъ былъ во многихъ изъ нихъ, имѣвшихъ отъ 6 до 7 ш. жителей. Въ городѣ Оахакѣ (называемомъ также Антеквера) находилсѣ 38 ш. жителей. Нѣтъ ни одной части твердой земли Америки споль здоровой для жительства и кажется, что берега Тихаго моря, принадлежащія къ сей провинціи, причастны ея здоровому климату. Въ семъ отношеніи отличаютсѣ они отъ нижнихъ береговъ сего моря.

Г. Робинзонъ замѣтилъ, что народъ, живущій по берегамъ Тегуантепека, въ 6 миляхъ отъ моря, подъ 16° 30', соснавляетъ сильное и дѣятельное поколѣніе природныхъ жителей. Женщинъ можно назвашъ Американскими Черкешенками. Они наблюдаютъ великую чистоту и приспашны къ банямъ, тщательнo приби-

раюшъ и заплетаютъ свои длинные; черные волосы, закалывая ихъ володымъ или черепаховымъ гребнемъ, трудолюбивы и дѣлаютъ сами починъ весь свой плащъ. Народъ сей заслуживаетъ особенное вниманіе коша. Со времени начала Американскихъ переворотовъ жители Тегуантепека принимаютъ въ ниль большое участіе. Близость города Тегуантепека къ Океану, давно уже причиняла безпокойства Испаніи, ибо если-бы какая-либо иностранная держава одѣлала высадку на сей берегъ, то природные жители съ радостію приняли-бы; непріятеля — расположеніе, которое, впрочемъ, было общимъ въ сей провинціи.

Слѣдственно народонаселеніе сей области значительное; произведенія ея также важны. Нопаль, дерево пишущее кошениль, расцвѣтъ здѣсь превосходно. Испытывали разводитъ его въ другихъ частяхъ Мексики, но вездѣ климатъ и почва земли ему не благопріятствовали. Природные жители столь хорошо умѣютъ разводитъ сіе дерево, что не страшатся никакого соперничества. Округъ Оахаки доставилъ въ одинъ годъ 400 п. фунтовъ кошенили — количество, и въ мирное время стоящее въ Европѣ 1,600,000 піастровъ. Природные жители, собирающие кошениль, продаютъ ее Испанцамъ, торгующимъ оною по деревнямъ. Народъ сей, подавляемый правителями и плашаций

дьякія монахи, духовенству, мало польды получаютъ оныя прудовъ своихъ; но если-бы оныя хотя немного были ободряемы, по сія область легко могла-бы доспавляти ежегодно милліонъ фунтовъ сего драгоценнаго произведенія.

Горы сей области удобны для разведенія шелководныхъ деревъ. За нѣсколько передъ симъ явлю обработываніе шелка сдѣлало великіе успѣхи въ Оахакъ. Испанцы начали завидовать сему успѣху и надѣялись спомощью запрудненій природными житеями, что сіи посѣданіе, доведенные до опчаянія, въ одну ночь испребили сами всѣ шелководные деревья. Съ тѣхъ поръ ихъ уже не разводили.

Индиго Тегуайшепекское превосходнѣе Гвапималійскаго; но до сего времени не сдѣлано никакого ободренія къ его разведенію, также какъ и разведенію хлопчатой бумаги и сахарнаго тростника; оныя того, изъ сихъ прехъ произведеній; жипели обработываютъ только количество пошребное для ихъ собственнаго пошребленія.

Всѣ горные округи Оахаки, и въ особенннсти обширная долина, возвышающаяся надъ поверхностью моря оныя 2 до 6 л. фушовъ, ни мало не уступающъ другимъ землямъ міра ни въ плодородной почвѣ земли, ни въ климатѣ. Всѣ произведенія умѣреннаго пояса растушъ здѣсь весьма хорошо. Рожъ и другія жипа приносятъ сполько-же какъ на самыхъ удобрен-

ныхъ земляхъ; лучше плоды Европейскіе имѣютъ здѣсь превосходный вкусъ; виноградъ разводится легко, и, вѣрояно, что сія провинція сдѣлается, главнымъ мѣстомъ, откуда Новая Испанія будетъ получать свои вина. Замѣчаютъ, что всѣ овощныя расченія вырастаютъ въ семь грунтовъ земли несравненно крупнѣе и получаютъ превосходнѣйшій вкусъ, нежели гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ.

Въ сей области находятся нѣкоторыя изъ богатѣйшихъ золотыхъ рудниковъ; но, они всегда были пренебрегаемы, потому, что серебряныя рудники другихъ частей Новой Испаніи, представляя выгоднѣйшую разработку, привлекли къ себѣ всѣ труды и всѣ капиталы. Природныя жисели Тегуантепека и другихъ долинъ собираютъ золото зернами въ горныхъ источникахъ. Здѣсь найдены величайшіе куски самороднаго золота. Самородное серебро часто попадаетъ въ горныхъ округахъ, но на сіе едва донныя обратили вниманіе. Кажется, что область сія по крайней мѣрѣ столь же богата драгоценными металлами, какъ и прочія области Южной Америки. Въ ней есть также мѣдь и желѣзо. Въ деревнѣ Янгуипланъ находятся теперь кусокъ металла, который тамошніе кузнецы употребляютъ вмѣсто наковальни. Тщельно спарались расплавить сей кусокъ, почищаемый шамъ

платиною. Онъ найденъ былъ на вершинѣ близъ лежащаго холма. По изображенію плодородія, здороваго климата и народонаселенія Оахаки, можно понять, что очень легко успроить здѣсь большую, торговую дорогу, дабы соединить воды, впадающія въ оба моря и, можетъ быть — прорыть каналъ, который-бы служилъ дорогою для большихъ кораблей; но для сего послѣдняго предмета по-прежнему сдѣлать предварительное нивелированіе.

Должно сказать, что Г. Гумбольдтъ пишетъ еще объ одномъ искусственномъ сообщеніи, называемомъ *Navin de la Raspadure*, соединяющемъ источники рѣки Амрапо, впадающей въ Мексиканскій заливъ, съ источниками рѣки Св. Іоанна, впадающей въ Тихое море. Сіе сообщеніе произведено было въ 1788 году приходскимъ священникомъ Новитасокимъ, съ помощію природныхъ жипелей сего прихода.

Болѣе двухъ вѣковъ уже, Испанское правительство знало о возможности сообщенія между двумя морями, въ дождливое время, черезъ Раснадурскую рытвину и — не сдѣлало по сему предмету никакихъ распоряженій. Оно, подъ смертною казнію запретило, даже всякое покушеніе сдѣлать удобнѣйшимъ для судоходства сей провѣзь, и оспановило торговлю по сему пути. Изобрѣшатель-священникъ притворился незнающимъ запрещенія; но ему

большаго труда стоило получитьъ прощенье и подъ строгую казнь запрещено было ѣздить по сему каналу, заросшему послѣ того кустарникомъ.

Наконецъ, говорятъ, что въ провинціи Хоко весьма удобно можно соединить воды рѣки Апрато, черезъ вдающуюся въ нее рѣку Наяпи, съ заливомъ Купика, на берегу Южнаго моря. По извѣстіямъ Г. Гумбольдта, заливъ Купика отдѣляется отъ того мѣста, гдѣ рѣка Наяпи дѣлается судоходною, совершенно ровною поверхностью земли, имѣющею только отъ 5 до 6 морскихъ миль пространства и очень удобною для проведенія по ней канала (*).

Такимъ образомъ, всѣ извѣстія доводятъ къ тому, что сообщеніе между двумя океанами есть дѣло возможное, по самой природѣ мѣстъ Панамскаго перешейка: Будетъ-ли оно чрезъ озеро Никарагуа, или рѣку Гвазакуалко, или Распадурскую равнину; пройдетъ-ли въ какомъ нибудь мѣстѣ каналъ, или опчаспи устроится дорога — пароходы и чугунныя пособія коммуникацій могутъ дополнить къ тому удобства и такимъ образомъ опмѣнить путь кругомъ мыса Горна или мыса Доброй Надежды. Одушевивъ шуземцовъ жи-

(*) Для большей ясности изложенныхъ въ сей спашь географическихъ подробностей, при сей книжкѣ Телегр. прилагается карта, на которой изображена вся страна отъ Вера-Круца до Колумбиа. *Изд.*

востію торговли и сообщенія съ Европою, какихъ пользы не принесеть оно и старому и новому свѣту! Если Англичане съ такою ревностію старались пробраться въ Азію, между льдистыхъ громадъ Ледовитаго Океана, то неудобства, могущія встрѣпиться въ сообщеніи чрезъ Панамскій перешеекъ, конечно не столь уже велики, какъ шь, копорыя предспавляютъ затруднительный сѣверный обходъ, еслибы даже онъ и открылся. Эгоизмъ государства, по владѣніямъ котораго ляжеть сообщеніе, вѣроятно уступитъ своей и общей выгодамъ, происходящимъ отъ свободы проѣзда, далеко превышающимъ шь, копорыя оно извлечеть, сдѣлавшись монополистомъ сообщенія. Общее учаспіе всѣхъ Американцовъ ручается въ сей надеждѣ. Соединенные Штаты Сѣверные готовы помогать Колумбіи и Мексикѣ всеми средствами; Англичане также охотно къ этому присупають и — можетъ быть, еще нашему вѣку предспавлено отъ сего предпріятія увидѣть новую жизнь дѣятельности и просвѣщенія въ Авспраліи, которая сдѣлается тогда богатымъ перепутьемъ между Европою и Азіею!

(Изъ Фр. Ж.)

О налогъ, называемомъ дань.

Въ Англіи былъ сборъ, называемый: *Daene-geld, Daene-geold*, по-Латыни, *Danegeldum* (*), установленный для платы войнамъ, вооружавшимся для защиты Англіи противъ пришельцовъ Датскихъ и Норвежскихъ (**). При Королѣ Эпелъ-редѣ, Данчане сдѣлали значительную высадку и малодушный Совѣтъ, взявъ въ разсужденіе, что Данчане прѣвхали грабиль, почель за лучшее дать имъ впередъ добровольно то, что они силою желали взять, почему вышеупомянутый налогъ обративъ въ пользу Скандинавовъ, спали уже его платиль имъ. Первую сію дань получили они въ 993 году, съ тѣмъ, чтобы удалились изъ Англіи.

Первая дань въ Россіи, упоминаемая Неспоромъ, дается Варягамъ (***) . Вотъ слова его по двумъ лучшимъ спискамъ :

(*) *Ex unâquaque hydâ 12 denarios ad conducendos eos qui piratarum irruptioni obviarent (Leges anglosaxon. Wilkins).*

(**) „*Dani ac Sueones, quos Nordmannos vocamus*“ — Эгнгардъ — *Vita Caroli M. T. II.* Дюшеныхъ, *Script. rerum Franc.*

(***) Могуть возразить, что прежде этого еще упоминается о данн Поланъ Хазарамъ *мегамн*; но кажется, немного проицанія надобно имѣть, дабы увѣряться, что это позднѣйшая вставка.

По Радзивиловскому: «Въ лѣто, 6367 *имаху дань*, Варязи изъ заморіѣ въ Чуди, на Словенехъ, на Меряхъ, и на всѣхъ Кривичехъ. А Козаре *имаху* на Полѣхъ и на Сѣверѣ и на Вяпичехъ *имаху по бѣлѣ* двѣци. (чипъ *ѡбверицѣ* (*)) *огнь дыма.*»

По Пушкинскому: «Въ лѣто 6367, *имаху дань Варязи* изъ заморья на Чюди, и на Словѣнехъ, на Мери, и на всѣхъ Кривичѣхъ, *А Козари* *имаху* на Полянѣхъ и на Сѣверѣхъ, и на Вяпичѣхъ, *имаху по бѣлѣ* *ѡбверицѣ отъ дыма.*»

Здѣсь, по моему мнѣнію, Неспоръ дѣлаешъ различіе между двумя налогами, называя налогъ Варяговъ *данью* и не давая надолгу Хазарь сего имени. Новѣйшіе списки, огнь произвольныхъ вставокъ и часно неудачныхъ поцолненій, не соблюли сего различія.

Къ тому-же Варяги брали *дань* съ мужа (него однако-же нѣшь въ Радзив. и Пушк., за що въ Архангельскомъ и другихъ поставлено, даже — *объ телѣвѣ*); налогъ-же Хазарь былъ *сѣ дыма*. Явное различіе въ *надогахъ*! Хазары, вѣроятно, подражали Грекамъ, ибо *дымъ* взяшо съ Греческаго *Капуос* (**). У Грековъ была въ употребленіи *подашь*, называемая *Капуносъ*, кошо-

(*) Г. е. на бѣлѣхъ.

(**) Употребляемая въ Русскомъ языкѣ слова: *колоть*, *колѣть* и проч., вѣроятно происходятъ отъ языка Греческаго.

рую каждая *Καπη*, или каждый *Καπηβοχεϊον* долженъ былъ платить; *Καπηλοуεϊν* значить собирать эту подать.

Во 2 й разъ, Несторъ упоминаетъ о *дани* говоря (по *Радзивилловск.*): «Въ лѣто 6370 быша (т. е. приходили) Варяги изъ заморья и не даша илѣ дани и проч. (въ *Пушкинскомъ*: «въ лѣто 6369, изгнаша Варяги за море и не даша илѣ дани, и проч.).»

Основываясь на 2-хъ древнѣйшихъ спискахъ Нестора, гдѣ слово *дань* употребляется для означенія, именно, налога даваемого Варягамъ, и на словъ *Daenegeld*, названій совершенно таковаго-же налога, платимаго Англо-Саксами Скандинавамъ, полагаю, что въ Россіи слово: *дань*, происходитъ изъ того-же источника, какъ и въ Англіи.

Причина согласія на таковой налогъ, въ Россіи, совершенно одинакова съ причиною онаго въ Англіи, ибо Олегъ, по словамъ Нестора (*Пушкинск. сп.*), «успави дани Словѣномъ, Кривичемъ и Мери, и Варягамъ дань далти отъ Новгорода, гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля (дѣля)» — *Варягамъ*, именно, ибо Новгородъ, кромѣ *Варяжской дани*, платилъ еще другой налогъ Государямъ Кіевскимъ. Въ послѣдствіи и прочіе налоги, какъ-то: уклады, подъемные, ешало называшъ *данью*.

* * *

II. КРИТИКА.

Краткое матеріаніе Естественной Исторіи животныхъ, изданное Докторомъ Медицины Алексѣемъ Довецкимъ. Ч. I. Живошныя позвоночныя. М. 1826 г. in 8. XII и 520 стр.

Познаніе природы гораздо важнѣе, полезнѣе и достоинѣе нашего занятія, нежели сколько на то многіе обращаютъ вниманіе. Наблюденіе надъ природою, какъ не орудною, такъ и орудною, въ простотѣ ея законовъ, доставляетъ уму нашему пищу чистую и обильную, поданія гораздо дѣятѣльнѣе и существеннѣе, нежели сколько можемъ получить мы одніи всѣхъ же-суешныхъ объ ней мудрствованій, сисѣмъ и выдумокъ. Въ семъ отношеніи занятіе Естественновѣдѣніемъ необходимо для всякаго, кто желаетъ просвѣщенія истиннаго. Съ другой стороны, должны, кажется, возбудишь къ тому самыя выгоды, могущія происходить изъ онаго, поелику всѣ искусства, служащія къ поддержанію, улучшенію и услажденію бытія нашего, зиждущія и совершенствуются по мѣрѣ Естественнаго. Чѣмъ выше искусство, тѣмъ потребно дѣятѣльнее и обширнѣе познаніе природы. Медицина, имѣя цѣлю здравіе человѣческое, занимаетъ безпрекосно высшее мѣсто въ ряду искусствъ, къ физическому міру относящихся, поему, для посвящающихъ себя въ таинства сего искусства, наиболѣе необходимо приготовить запасъ свѣдѣній какъ о самомъ предметѣ онаго, т. е. о человѣческомъ тѣлѣ, такъ и о средствахъ, къ цѣли ведущихъ. Тоть, кто берется за врачеваніе безъ достаточныхъ свѣдѣній въ Нау-

ках Естественныхъ, не можетъ носить почтеннаго имени врача и имѣть право безъ Укоризны совѣсти на требованіе нашего довѣрія и признательности.

Человѣкъ, во своему шѣлу принадлежа къ царству животныхъ, разсматривается въ Зоологіи; по сему наука сія есть одна изъ важнѣйшихъ для Медицины. Г. Ловецкій, писавъ свою Зоологію, старался всего болѣе приспособить ее къ Медицинѣ и потому помѣщалъ статьи *Анатомико-Физиологическія*. Но симъ онъ оказалъ услугу не для однихъ только *утраченныхъ врачебной наукѣ*; онъ долженъ былъ-бы тоже сдѣлать, писавши и Зоологію вообще, ибо если она есть наука о животныхъ; то за что-же меньшаго вниманія удостоивать ихъ организацію? Известно, что въ животныхъ не такъ, какъ въ растеніяхъ: тамъ главное — формы внѣшніе органовъ, поелику онѣ сложнѣе и разнообразнѣе, внутреннее же устройство гораздо простѣе и однообразнѣе и составляетъ сторону какъ-бы сподчиненную; въ животныхъ сложнѣе внутреннее устройство — по сему-то всѣ системы сего царства основаны на внутреннемъ устройствѣ и различіе классовъ отъ него заимствовано. Если *Анатомія и Физиологія растеній* суть части *Ботаники*, то шѣмъ большаго вниманія достойно и большее имѣеть право на мѣсто въ Зоологіи, внутреннее устройство животныхъ. Посему Г. Ловецкій оказалъ услугу и занимающимся Зоологіею вообще. Въ изложеніи сего предмета, онъ старался избирать лучшее, и дѣйствительно: изъ помѣщенныхъ мнѣній и объясненій многихъ новѣйшихъ писателей о природѣ, большая часть суть такіа, кои могушь почесться вѣроятнѣй-

щими, и которые принадлежат ему самому, многія на Русскомъ языкѣ еще не бывающія и вообще должно сказать, что у насъ ни одна Зоологія не имѣетъ сей части такъ подробно изложенной, и потому книга Г. на Ловецкаго, будетъ полезна какъ для желающихъ заниматься Естественною Исторіею вообще, такъ особенно для медиковъ. Лучшими спашьями сей части можетъ похвастаться изложеніе нервной системы, и предисловіе, въ которомъ Г. Ловецкій, излагая пользу Естественныхъ Наукъ, представляетъ дѣйствицу земныхъ тѣлъ на основаніи явственнаго закона, природы, который состоитъ въ томъ, что тѣла занимающія извѣстную степень, содержатъ въ себѣ свойства предыдущихъ и что слѣд. повышеніе въ степени происходитъ, какъ-бы, чрезъ прибавленіе особенныхъ свойствъ къ прежнимъ. Такимъ образомъ (выражаясь сокращенно словами Сочинителя): жизнь неорганическихъ тѣлъ есть обща *вещественно-физическая* жизнь природы; растенія имѣютъ уже двойную — кромѣ той всеобщей еще особенную *растительную* или *плототворительную*; животныя кромѣ сихъ двухъ еще третью — *животную* или *чувствительно-раздражительную*, а человекъ, имѣя всѣ при оныя, живетъ еще *духовно-нравственною* жизнью, почему и называется *малымъ міромъ* или *микрокосмомъ*. Жаль, что не объяснена опредѣлительнѣе жизнь *вещественно-физическая* и упущено изъ виду то еще, что прибавленіе свойствъ, отъ которыхъ происходятъ степени, есть не иное что, какъ повтореніе предыдущихъ, но только на каждой степеніи въ высшемъ значеніи.

Въ распредѣленіи и описаніи животныхъ Г. Ловецкій послѣдовалъ системѣ знаменитаго Профессора Зоологіи, Готгельфа Фишера фонъ-Вальдгеймъ; въ такомъ видѣ, какъ она вновь преобразованномъ находится въ книжкѣ: *Eschiridion generum avitatum* 1823. — Сія система основана на органахъ дыханія и состоить изъ 20 классовъ. Въ первой части книги Г. Ловецкаго, описаны жив. позвоночныя, раздѣленные Г. Фишеромъ на 5 классовъ, т. е. на млекопитающихъ, птицъ, гадовъ, рыбъ и еще на средній между птицами и млекопитающими классъ, имъ усвоенный и названный *Metaxurena*; сюда относятся тѣ изъ млекопитающихъ, кои по Жоффруа составляли порядокъ *Monotremata*. Въ дальнѣйшихъ подраздѣленіяхъ Г. Ловецкій слѣдовалъ во всемъ почти Фишеру, исключая гадовъ, въ распредѣленіи коихъ онъ принялъ раздѣленіе новѣйшее Меррема; не знаемъ впрочемъ, естественнѣе-ли оно распредѣленія Фишеровскаго, но по крайней мѣрѣ мы узнаемъ изъ того новость. Живошныя имѣющія отношеніе къ Медицинѣ и Экономіи и вообще замѣчательнѣйшія, описаны подробнѣе, иныя только упомянуты, но всѣ съ системапитическими Латинскими названіями новѣйшихъ авторовъ. Сямъ Авторъ сдѣлалъ большое одолженіе, ибо познакомишь читателей хотя нѣсколько, но *scientificé*, съ тѣмъ, что дѣлается Зоологами въ Европѣ.

Теперь сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній, къ усовершенствованію книги послужить могущихъ. Первое то: зачѣмъ Авторъ началъ свою систему съ млекопитающихъ? Это неестественно: настоящій путь природы есть восхожденіе отъ низшихъ къ высшимъ, отъ несовершенныхъ къ совершен-

дымъ. Если-бы оныъ способомъ было представлено живошное царство, тогда картина раздѣлія живошной организаціи, оныъ наливчатого и полина до челоуѣка, была-бы очевиднѣе, естественнѣе, а пошому понятнѣе и для Медицины полезнѣе. Такой порядокъ принялъ и Г. Фишеръ въ вышеупомянушомъ Enchiridion, слѣд. путь не было-бы прошиворѣчія приняшой системѣ, а наука выиграла-бы.

Многія примѣчанія о живошныхъ слишкоу извѣстны и пошому описанія ихъ излишни. На примѣръ, о пѣтухѣ сказано: «деревенскимъ жишелямъ оныъ служишь: выѣсно часовъ: возбуждаешь оныъ сна путешествующихъ и даешь вѣсть земледѣльцамъ и масперовымъ вставашь и занимашья своими работами. Оныъ пробуждаясь оныъ сна, вдругъ хлопаешь крыльями и поешь: кукареку.» Выѣсно сего, лучше-бы распросправившья о печени, органѣ важнѣйшемъ въ системѣ плошопворенія, о селезенкѣ и проч. Органы дыханія можно-бы свести на 2 рода: на служащія для дыханія въ водѣ и въ воздухѣ, ш. е. на жабры и лёгкія. Много опечашокъ. Наконецъ замѣшимъ у Г-на Л. сбивчивость въ опредѣленіи Естественной Исторіи. *Естество. Исторія есть наука, которая учитъ земныя естественныя шѣла познавать* и проч. Къ земнымъ шѣламъ причисляеть Авторъ органическія, неорганическія и безвидныя или среднія (?) между сими двумя, ш. е. воздухъ и воду; органическія раздѣляешь на 2 царства, слѣд. всѣхъ выходить у него 4 рода, а въ §. 7 говоритъ оныъ: «поелику всѣ земныя шѣла составляютъ 3 царства, шо и Ест. Ист. раздѣляется на 3 части.» Здѣсь видимъ прошиворѣчіе собственнымъ его словамъ и не видимъ, почему воздухъ и вода, будучи (по опредѣленію

Автора.) землями и тлами, исключаются из Есн. Истории.

Но сии недостатки, могутъ быть исправлены при второмъ изданіи; о которомъ говорю потому, что книга Г. Довецкаго написана сообразно предположенной цели и по своей полнотѣ есть одна изъ полезнѣйшихъ въ своемъ родѣ на нашемъ языкѣ. Авторъ имѣетъ полное право на нашу благодарность. Поздравляемъ ему успѣшнаго и скорѣйшаго окончанія второй части.

W. W.

*Nouvelle théorie de la Balance du Commerce —
Новая теорія баланса торговли, соч. Н. Демидова, и проч.*

(О н о н ч а н і е.)

Мы, кажется, довольно раскрыли, что капиталы производятся внутри, дѣятельностію труда, изъ средствъ государству принадлежащихъ, а не привлекаются снаружи торговлею иностранною. Разсмотримъ подробнѣе мнѣнія Автора объ источникѣ богатства, о производящихъ капиталахъ, о преимущественномъ ободреніи одной части труда народнаго, о наблюденіи за качествомъ, а не за цѣною привозимаго, о пользахъ отъ того происходящихъ и о превосходствѣ труда промышленниковъ, будто-бы требующемъ болѣе ума. Доказавъ пономъ несправедливость его примѣровъ, мы подтвердимъ основанія, которыми показывая недооспащность системы Автора, покажутъ и нѣкоторыя

Ч. X. № 14.

И

подробности полной и истинной системы производства богатствъ.

Источник богатствъ: есть длительность труда человеческого. Если говорить кратко, то должно сказать, что это не источник, а средство. Источником есть то, что Авторъ называетъ субъектомъ, т. е. силы и средства природы представляемыя. Посмотримъ на человека въ самомъ первобытномъ его состояннн: гдѣ взять оныя произведение, если не изъ природы? Помогниъ, что вдругъ природа не стала доставлять ему сущности для его труда; онъ долженъ погибнуть, ибо произведенное прежде, потребится, а вновь ничего чело-вѣкъ создать не въ состояннн.

Капиталы производяще составляють богатство народа. Мы замѣтили уже, что Авторъ се объяснилъ, что такое капиталы производящн. Капиталы производящн суть силы природы и извлеченные изъ нихъ и обработанные чело-вѣкомъ предметы и вещи, какъ-то: пища, одежда, жилища, устройство заведеннн и оруднн, даже способы сообщеннн, т. е. дороги, каналы и наконецъ — деньги — словомъ: все что *требуется* и что должно въ слѣдствнн требованнн *производитъ*, все это производящн капиталъ. Самые предметы роскоши, если они требуются, есть капиталы производящн. Словомъ: что только умъ чело-вѣческн можетъ изобресть и чего требуетъ чело-вѣкъ, не можетъ быть почитено непроду-вающимъ. Разница во внутренней цѣнн вещей и потому прежде всего должно стараться приобрести капиталы и произведеннн, имѣющн болѣе внутренней цѣнн. Здѣсь помннна ошибка Автора, который напрощн, не уважн

государство рѣшилось оставить свое земледѣліе, свои рудники и завело фабрики и заводы. Каждая земля имѣет свои особенныя произведенія. Положимъ, что кромѣ своихъ произведеній, государство ничего обработаннаго не будетъ получать; во первыхъ куда оно сбудетъ чужія, обработанныя произведенія, ибо, какъ мы сказали выше, тѣ государства у которыхъ мы взяли матеріалы, могутъ также обирабушивать, продавать ихъ дешевле нашего? Если же произведенія промышленности изъ земельныхъ веществъ будутъ производиться въ величайшемъ количествѣ и сверхъ требованія, развѣ они не опягопятъ народа? Авторъ опасается этого за произведенія земледѣльческія; но во первыхъ, произведенія сія пребудутся въ величайшемъ количествѣ нежели промышленныя для внутренняго потребленія; во вторыхъ, съ упадкомъ земледѣльческихъ работъ, гдѣ взять матеріалы для произведеній промышленности? Фабрикантъ тогда только сдѣлаешь подолъно, холстъ, кружева и проч., когда земледѣлецъ приготовитъ для него пеньку, ленъ, конопля и проч.

Произведенія промышленности требуютъ большаго употребленія ума и большаго труда нематеріальнаго. Правда, что чѣмъ болѣе труда умственнаго, тѣмъ лучше идетъ работа; но умъ столько-же пользы производитъ въ земледѣліи, въ разработкѣ рудниковъ, въ добываніи звѣрей, сколько и въ производствахъ мануфактурныхъ; онъ столько-же пособляетъ машинами и изобрѣшеніями здѣсь, какъ и тамъ. Съ усовершенствованными плугами, боровами, вѣяльницами и молотильницами, столько-же выигрываетъ земледѣліе, сколько съ придельною паровою машиною промышленность. Авторъ гово-

рица, что превосходство промышленности доказывалось темъ, что дикіе народы промышленности не знаютъ, дома и земледѣлствуютъ. Но гдѣ нашли такихъ народовъ Авторъ? Напротивъ, на половину и болѣе, дикари занимаются преимущественно промышленностію и дѣлаютъ то, что и самыя просвѣщенные Европейцы съ трудомъ дѣлать могутъ. Переходъ къ земледѣлію есть уже степень образованности, когда, вопреки Автору, человекъ познаетъ, что первая производительница богатствъ есть природа.

Но, возразить намъ, какимъ-же образомъ Авторъ доказалъ свою теорію историческими примѣрами? Онъ представилъ Испанію и Португалію, которыя, по ошибкѣ въ торговлѣ вѣтшей, разорились, не смотря на свои рудники; Индійскую Монархію, которая отъ того-же разорилась, не смотря на изобиліе земледѣльческихъ произведеній; Италію, землю бѣдную, не смотря на ея мраморы и картины; напротивъ, Голландію благоденствующую единственно отъ ея мануфактурства; Англию, чрезъ ея заводы, мастерскія и верфи преисполненную бездѣльными капиталами и благоденствующую и наконецъ многихъ министровъ, разорившихъ государства отъ свободной торговли.

Примѣры и сравненія важное доказательство, но должно что-бы они представляемы были съ особенною точностію, вѣрностію и справедливостію; иначе они введутъ въ заблужденіе и замѣшательство и пошому-то Французы весьма дѣльно говорятъ: *comparaison n'est pas raison*. Приводя примѣры, надобно смотрѣть, съ настоящей-ли точки зрѣнія онъ намъ представляется и при томъ наблюдать не

одну блестящую его сторону, смотреть на предшедшее и последовавшее за тѣмъ. Вопреки всемъ предположеніямъ Политической Экономіи, Исторія представляетъ намъ примѣры народовъ, богатѣвшихъ отъ счастливаго стеченія обстоятельствъ; отъ ложнаго даже направленія политической или торговой системы ихъ осѣдей, но видимъ ничего не доказывающаго. Последствія доводятъ насъ до уверенія, что подобные случаи не влекутъ за собою прочнаго и истиннаго благоденствія, слѣдъ не годятся для доказательствъ. Въ наше время конечно никто не станеть Финиціанцами, Венеціанцами и Генуэзцами доказывать, что морская торговля есть важнѣйшій источникъ народнаго богатства и силы. Исторія сихъ народовъ опровергаетъ подобный выводъ и мы, послѣ новѣйшихъ изслѣдованій, обширныхъ и важныхъ, принимаемъ, что прежніе политическіе писатели во многомъ ошибались. Мнѣніе объ Испаніи и Португаліи, которое принялъ нашъ Авторъ, принадлежитъ въ числу старинныхъ мнѣній. Не ошибка въ торговлѣ раззорила сіи государства; надобно разсмотрѣть истинныя основанія невыгодной и политической системы и разныя обстоятельства — и мы увидимъ, что раззореніе ихъ было слѣдствіемъ другаго.

Испанія, по ея физическимъ и географическимъ средствамъ, должна-бы была бытъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ и сильныхъ народовъ. Благоприятный климатъ, качество земли, свойства жителей, мѣсто занимаемое Испаніею въ Европѣ — все должно было ругаться ей за славу и богат-

ство. Но съ самаго начала системы побѣдились государствъ, Испанія осталась добычею варваровъ и неапломъ междоусобій и войнъ, раздѣленная и опягощенная феодальною системою. Когда наконецъ Испанія образовалась въ единое политическое бытiе, духъ феодализма опягощилъ ее многоствомъ непронизвающихся обитателей. Она являлась безъ всякаго внутренняго несобiя и притомъ назначенная оудбою дѣйствовать на обширнѣйшемъ внѣшнемъ поприщѣ.

Въ это время воѣ были увѣрены въ истиннѣ меркантильной системы. Уже Португалiя, открывшiе пути около мыса Доброй Надежды, уронила Левантскую торговлю Италианцевъ и монополию привлекала къ себѣ деньги. Гелiй Колумба и предприимчивоси Кортезовъ и Пизарровъ доставили Исмаилю шахию-же мнимыя выгоды, т. е. *возможность привлекать енаружи капиталы безъ внутренняго труда*. Надобно знать, что особенно деньги безъ труда получаемые причиняють вредъ болѣе всякаго другаго капитала. Португалцы и потомъ Голландцы, должны были трудиться, коли въ перевозахъ и оборотахъ, дабы получить деньги; Испанцы, напротивъ, получали кораблями золото изъ Америки, безъ всякаго труда приобретенное и такъ, что когда вывели изъ Америки все годовое и легко приобретаемое, когда число добывателей убавилось въ Америкѣ, Испанцы не дошли разрабащивать безмѣрнаго количества руды Американскихъ и чрезъ то уменьшился къ нимъ привозъ. Между тѣмъ честолюбiе Карла V и Филиппа II распрачивало сокровища, жишели много не дѣлали, производящiе обитатели увеличивались, народе-

населеніе уменьшалось, трудъ отдаденъ дорогъ и драгоцененъ. Припомъ, сообразивше войну Нидерландскую, завоеваніе и поперю Португаліи, изгнаніе Мавровъ, поперю Гибралтара и безчисленное множество иныхъ несчастій. Другія державы и политическія обстоятельство лишаютъ наконецъ Испанію ея рудниковъ и владній; она вовлекается въ чуждія войны, въ междоусобія, естается малолюдною, необработанною, безъ капиталовъ — и конечно, послѣ этого сказавъ, что Испанія раззорилась еще ошибки въ торговлѣ? — Она раззорилась еще того, что хотѣла поднять бремя не по силамъ и не зная, что внутри государства, по ередствѣмъ труда производится богатство, хотѣла зинтичь его даровымъ злопыхъ: трудъ упалъ, испечники золота отпавы — и Испанія бдѣствуетъ. Португалія также доказываетъ немъ невозможность поддержать бремя не по силамъ. Мы не входимъ въ доказательство о томъ, что Португалія и Испанія не возможно было обладать обширными Американскими областями, ибо для этого недоставало физическихъ силъ сихъ народовъ. Но если-бы Испанія и Португалія домысь оставались обладательницами Америки и Индіи; если-бы одни Испанцы разрабатывали Американскіе рудники и одни Португальцы привозили Индійскія произведенія въ Европу, какимъ образомъ торговля могла-бы раззорить сіи народы? Они потеряли источникъ богатствъ и раззорились; но не оны того, что брали потребностей проказы и платили за нихъ золотомъ, не оны чужаботнаго политическаго успѣхства.

Авторъ приводитъ въ примѣръ какую-то Индійскую Монархію, разорившуюся отъ пренебреженія промышленности и *ободренія земледѣлія*. Мы просимъ его объяснить: *какая это Монархія?* Намъ никакой подобный примѣръ въ Индіи неизвѣстенъ и кажется, никогда не осуществлялся.

Обращаемся къ Голландіи и Англіи. Одно-ли мануфактурство и одно-ли торговля составили ихъ богатство? Прежде всего надобно оплечать Голландію отъ Англіи. Первая Держава уже перешла за бурный вѣкъ свой и благоденствіе ея можетъ почитаться уже утвержденнымъ. Англіи, напротивъ, находится еще въ бурномъ переходѣ своего бытія. Голландцы обладаютъ уже средствами богатства върыми, назначили уже себѣ мѣсто върное въ числѣ другихъ государствъ; Англія представляется намъ въ видѣ неконченнаго творенія политики. Общее довольство Голландцовъ — неравенство социальныхъ и слікніе богатства и бѣдности въ Англіи; лишеніе постороннихъ средствъ и непрерывное приростъ богатства Голландцовъ — безтѣрпимое побиліе постороннихъ средствъ и не смотря на то, недовольство сими средствами и непрерывное стремленіе впередъ Англичанъ, доказываютъ, что сіи два народа не могутъ быть сравниваемы. Для рѣшенія вопроса о причинахъ и онойствѣ благоденствія Англіи и Голландіи, должно-бы обозрѣть по-дробно исторію трехъ послѣднихъ столѣтій и систему колоніальныхъ владѣній; но мы принуждены ограничиться здѣсь нѣсколькими словами.

Счастливое географическое положеніе Голландіи, война — укѣпившая въ началѣ ея моральныя силы и быстрое привлеченіе богатствъ колоніальною тор-

говлею во времена колоніальной монополіи (что должно оплачиваться отъ торговли нынѣшней колоніальной и особенно, вообще отъ торговли иностранной) — все это, при холодномъ сложеніи Голландцевъ, при ихъ привычкѣ къ домашней экономіи и мудрому старанію обращать все на увеличеніе земледѣлія, промышленности и торговли, составило ихъ богатство. Авторъ говоритъ, что Голландцы не получали ничего производящаго, а только то, что было имъ нужно для производства капиталовъ и тѣмъ приводить въ невольное изумленіе! Кто сочтетъ только то золото и серебро, которое употреблено Голландцами на укрѣпленіе береговъ площадями? Расходъ необходимый, но существенно ничего непроизведшій. Безспорно, что Голландцы занимаются промышленностію, но одною-ли промышленностію? Ихъ богатитъ внутреннее движеніе, довольство и уравненіе капиталовъ. Если-бы Голландія потеряла свои Индійскія владѣнія, это нимало не уменьшило-бы ея благоденствія, хотя отняло-бы важную часть вывѣшной торговли.

Всего болѣе Англія удовлетворитъ мнѣніе Автора, но и путь исторія доказываетъ, что необыкновенно-счастливое стеченіе обстоятельствъ въ теченіе трехъ вѣковъ возвело Англію на нынѣшнюю степень ея величія, а Статистика и Подпись. Экономія, если только Авторъ вникнетъ въ ихъ результаты, докажутъ ему, что положеніе Англіи не такъ еще завидно, какъ думаютъ многіе, смотря на наружность. Сколько разъ измѣнялась торговая Англинская система? Сколько разъ Англія доходила до крайности? Последняя перемѣна въ Англинскомъ тарифѣ, не смотря на важныя пособія,

какія открылись Англии въ Южной Америкѣ, не доказывающъ-ли, что Англія рѣшительно чувствуетъ недоспадокъ системы, какой она держится?

Авторъ говоритъ, что система свободнаго ввоза раззорила уже нѣсколько государствъ. Осмѣливаясь утвердить, что этого нигдѣ и никогда не было съ соблюденіемъ полного объема системы, предписываемой экономистами, въ которой свободная торговля есть уже слѣдствіе распоряженій внутри Государства сдѣланныхъ, просимъ Автора показать: *гдѣ нашель онъ примѣры, изъ которыхъ вывелъ слѣдствія, изображенныя на стр. 3-й съ 4-й строки?*

Послѣ сего, позволено будетъ, кажешся, намъ сказать, что примѣры приведены Авторомъ не вѣрно, не точно и служатъ болѣе къ опроверженію, нежели къ доказательству его мнѣнія.

Курсъ Пол. Экон. Г. Ганиля намъ неизвѣстенъ; но приведенное Авторомъ мѣсто, изъ Т. II, стр. 193, на которомъ онъ опирается, говоритъ противъ него. Г. Ганиль утверждаетъ, что народы земледѣльные теряютъ опуская народамъ промышленнымъ необработанныя матеріалы, которые служатъ къ умноженію народонаселенія и увеличенію богатствъ и получая отъ оныхъ одежды, мебель и наслажденія, не оставляюща послѣ себя ничего и только раздражающіе желаніе приобретать ихъ. Но Г. Ганиль напрасно беспокоится: кто вынѣ держится системы физиократовъ? Дѣло въ томъ, который народъ *болѣе имѣетъ основнаго богатства*, даже по разсужденію Г. Ганиля? Разумѣется земледѣльный, ибо прекрати онъ торговлю съ промышленнымъ или заведи у себя обработку своихъ произведеній, народъ промышленный долженъ

послужить, въ это время, какъ народъ земледѣльный, доставляя другимъ народамъ, опущенномъ дѣлшкѣ своего; средстве умножать народонаселеніе и капиталы; долженъ быть самъ богатъ и доволенъ, если внутренній трудъ его дѣятеленъ и внутренняя торговля сильно развивается.

Но смотря на то, Авторъ до конца своей книги ищетъ доказательства, что *малые промышленности богаче государство*. Онъ находитъ между прочимъ Ганши, отпускающую сахаръ и кофе, и Шанхай, торгующую своимъ виномъ; хотя не для оспорить, что сіи произведенія суть земледѣльскія, Авторъ находитъ, что они по крайней мѣрѣ быстро потребляются, а онъ вооружается нѣско. противъ грубыхъ произведеній, опъ которыхъ онъ не видитъ никакой пользы и — противъ денегъ.

«Заключимъ, (говоритъ Авторъ, на стр. 27):
Балансъ торговли состоитъ въ преимуществѣ увеличивать народныя капиталы.»

Балансъ торговли нѣтъ шлозаконъ и неопредѣленъ, что онъ не можеть ни развратить богачаго, ни обогатить бѣднаго государства. Выгода баланса переходить онъ еманъ внутренней: балансъ не будетъ невыгоденъ тамъ, гдѣ есть чѣмъ поддерживать его преимущественно.

«Слѣдовательно, шелько дѣятельность труда и строгая экономія могутъ обезнечить его для Государства.»

Если балансъ есть такая важная вещь, изъ чего-же выводиться это *слѣдовательно*, спровергающее всю книгу Г. Демидова, ибо здѣсь, следуя его положеніямъ, подаемому подтвержденію что ба-

дансь привлекаеть капиталы, которые умирнають промышленность, а не говорить просто, что действительность труда утврждаетъ перекосъ Баланса, ибо Г. Демидовъ въ продолженіе всей книги утврждаетъ, что *кротъ промышленности никто не богатитъ Государства.* И притомъ, если *дѣятельность труда* произведишь Балансъ торговли, следовательно, дѣятельность труда и есть причина преуспеяства: она и важна, а Балансъ при ней ничего не значить.

Сія два основанія тѣсно связываються съ великимъ правиломъ, что дѣятельность труда есть любилыйшій источникъ богатства народовъ. Но те-ли говорилъ Авторъ прежде, утврждая, что Испанія, Португалія и некая-то Индійская монархія разорилась отъ Баланса торговли, что система запретительная поддерживаетъ богатства Государства, что качества извознаго разоряють Государства! Всего болѣе не понимаемъ, что послѣ словъ своихъ о трудѣ, Авторъ опять обращается къ торговому балансу и утврждаетъ его существованіе!

Авторъ утврждаетъ въ заключеніе, что Полн. Экономія сбивчива въ очеркѣ часникъ, но пресна въ общности и основаніяхъ. Странно, какъ можешь быть сбивчиво въ часникѣ, но, въ земь общность и основаніе пресны. Скажемъ лучше, что Пол. Экономія очень ясна и понятна во всѣхъ подробностяхъ, если мы хорошо поняли основанія оной и что: никогда не должно разсматривать одной часни, а всю общность того знанія, о которомъ хотимъ излагать свои мѣтнія. Иначе ошибка въ промоторіяхъ будуще машинъ удалась.

Выводимъ : Балансъ торговли 'ничего' не значить и никакими частными мѣрами не могутъ быть сдѣланы полезныя государству, желанія торговли управляетъ капиталы въ государствѣ только тогда, когда внутри государства производятся капиталы, а при балансирующахъ внутреннихъ капиталахъ, никакая запретительная система не удерживаетъ государство отъ разоренія.

Капиталы сии производятся посредствомъ движенія всѣхъ средствъ, какія доставляетъ государству его географическое положеніе, физическое устройство и политическое состояніе, а не преимущественнымъ ободреніемъ земледѣлія, промышленности, торговли или чего нибудь другаго, при удачѣ прочихъ частей.

Всякое государство имѣетъ свои преимущественныя средства, которыя сами собою раскрываются, если спокойствіе и удобство производителей утверждены внѣшнюю безопасностію, внутреннимъ устройствомъ законовъ и средствами сбыта произведеній.

Преимущественно должно стараться о дѣятельности умственной и внутренней труда образованіемъ народа и доставленіемъ ему средствъ производить. Но положительное участіе въ способахъ народнаго труда производитъ только монополию, которая разоряетъ государство.

Основаніе богатствъ составляютъ произведенія имѣющія болѣе *внутренней цѣны*, и потому земледѣліе и произведенія природы преимуществуютъ надъ произведеніями промышленности, какъ имѣющими болѣе *внѣшней цѣны*.

Баланс торговли уравнивается *дѣлается*, ибо нѣтъ никакихъ средствъ, установивъ его на *долезнѣе* предметы. Следовательно, должно превышать *недостатки* баланса только *цѣнностью* своихъ произведений. Все что можно, должно быть производиме, все что преуспѣло, должно быть допущено; Можно удерживать нормы *требований* на ввозъ бесполезныхъ вещей, должно дать *запретительный* оныя; но испребленіе подобныхъ невыгодныхъ производствъ зависить не отъ *запретительныхъ* системъ, но отъ особенныхъ распоряженій, касательныхъ произведенія и особенно раздѣленія и употребленія богатствъ государственныхъ, что составляетъ особенное отдѣленіе *Полит. Экономіи* и не относится прямо къ вопросу: какимъ образомъ производится государственное богатство?

II.

III. БИБЛИОГРАФІЯ.

1826.

79. *Указатель ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета или краткое описание кабинетовъ и другихъ заведеній, находящихся при Университетѣ, съ показаніемъ всего достопримѣчательнаго въ оныхъ.* М. 1826. г. в. 8. 129 стр.

Указъ, до сего времени, не было еще издано ученой исторіи нашихъ Университетовъ и описаній находящихся при нихъ достопримѣчательностей. Ныне напечатанный *Указатель* удовлетворитъ въ отношеніи послѣдняго во всемъ томъ, что относителенъ къ Московскому Университету. Онъ составленъ по начертанію и предложенію Г. Попечителя, Его Превосходительства А. А. Писарева и весьма любопытенъ, какъ для посѣтителей Университета, такъ и вообще для Исторіи просвѣщенія и Статистики Русской. Пожелаемъ, чтобы и другіе Университеты подарили публику такими указателями. Что касается до Московскаго, старшаго изъ Русскихъ Университетовъ, намъ жеманно-бы теперь видѣть подробнѣе историческое описаніе, тамъ могли-бы мы найсти и біографическія извѣстія о почтенныхъ членахъ Университетъ составляющихъ и составляющихъ; и такъ его воспитанникахъ, которые въ послѣдствіи сдѣлали чести и славу ихъ воспитанія, своими гражданскими подвигами.

Впрочемъ, какъ мы сказали, и краткія историческія извѣстія, сообщенныя во вступленіи *Указателя*, весьма любопытны. Московскій Университетъ осно-

важь ИМПЕРАТРИЦЕЮ ЕЛИСАВЕТОЮ, въ 1755 г., по предстательству К. И. Шувалова. Онъ былъ открытъ въ казенномъ домѣ, подлѣ Воскресенскихъ воротъ (гдѣ нынѣ Дума и Магистратъ); Барсовъ, Дальтей, Поповскій (первый Профессоръ Философiи въ Моск. Унив.) и другіе почтенные люди ознаменовали его начало. Съ 1758 г. Университетъ началъ издавать *Московскія Ведомости*. Университетъ распорядилъ также и первымъ театромъ Московскимъ, который управлялся Херасковымъ, къ которому приходилъ воспитанный Богдановичъ и пресился въ актеры. На университетѣ находились: праматерныя школы Рынине и Барятинскаго и двѣ епархіальныя церкви.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II и ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I были благотворительницами и покровителями Университета. Настоящее образованіе Университета извѣстно изъ его устава, а сущность ученія изъ программы лекцій и еженедѣльных Университета. При Университетѣ находились нынѣ: *Музей Естественной Исторiи*, состоящій изъ собранія животныхъ, растительныхъ (гдѣ особенно замѣтны: часть леминги *Aythya* (Elmptenium) — животного, нынѣ не существующаго уже въ мирѣ и чрезвычайно огромнаго; черепъ *Mammotha*, найденный въ Московской губерніи; зубъ *Ichthyosaurus* (животного, нынѣ не существующаго въ мирѣ животного, величины ужасной), *некогдамыль* (монета при: систематическое, топографическое Московск. губ. и Сибири и собраніе драгоценныхъ камней); *искусственно-обтѣленные ископаемыя и древности* (въ послѣдствіи сохранившая цѣлы *Аматтап* и *Ватина*). Описание Музея

на Лашинск. из. издаво директоромъ его Г. И Фишеромъ-фонъ-Вальдгеймъ. II *Кабинетъ Физическій и Астрономическій*, съ 272 снарядами и машинами. III. *Кабинетъ Химическій*, въ 5 отдѣленіяхъ, гдѣ любопытное собраніе 500 формъ кристаллизацій, собранное изъ воина профессоромъ Ловицомъ и собраніе химическихъ инструментовъ и снарядовъ, числомъ до 500. IV. *Кабинетъ Анатомическій*, составленный знаменитымъ въ Европѣ Ю. Х. Лодеромъ (Дѣйствишельнымъ Статскимъ Совѣшникомъ и Лейбъ-Медикомъ) въ вѣснне 60-лѣтнемъ лѣтѣ и купленній до воли ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА въ 1818 г., съ прадоставленіемъ Г. Лодеру права пользоваться имъ, при чемъ Г. Лодеръ добровольно назвалъ, безъ всякой платы, преподававш лекціи, что и продолжаетъ уже семь лѣтъ непрерывно. Сей драгоценный кабинетъ заключаетъ до 5000 препаратовъ и въ немъ много ивноріе рѣдчайшіе, ибо Г. Лодеръ имѣетъ въ шрудовъ, имъ издержекъ, а съ 1818 г., кабинетъ умноженъ 354 микроскопическими препаратами сдѣланныхъ Либеркюни и Прехаски. Мы надѣемся поговорить объ немъ подробно, ибо Г. Лодеръ издаетъ отдѣльное описаніе его. V. *Библіотека Университетская*, имѣющая до 20,021 сочиненій, въ 29,783 томакъ. VI. *Библіотека и кабинеты ученыхъ Общества при Университетѣ*: а. *Общества испытателей природы*, основанн. въ 1805 г. Труды его издаваемы въ 6 томакъ, подъ названіемъ: *Mémoires de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou.* — б. *Общества Физико - Медицинскаго*, основанн. въ 1805 г. Труды его издаваемы подъ названіемъ: *Commentationes*, въ 3 томакъ. — в. *Общества Исторіи и древностей Россійскихъ*,

о которомъ, мы нѣсколько разъ имѣли уже случай говорить. Въ библиотекѣ его находится нѣсколько драгоцѣнныхъ : харашейная Русская Правда и договоръ Князя Мстислава съ Ригото и Готландомъ, начала XIII столѣтія; вѣрный списокъ съ *Сказанія о побойцѣ В. К. Дмитріи Довмондѣ*, подаренный Обществу. Профессоромъ Саидунвымъ (*); нѣсколько монетъ и печатныхъ, рѣдкихъ книгъ. — *Общество любителей Россійской Словесности*; основана въ 1861 г. Въ библиотекѣ его находится до 600 книгъ, и въ числѣ рукописей неизданныхъ донынѣ писма Князя Кантемира (**). VII. *Кабинетъ монетъ и медалей*, заключающій ихъ, 382 золотыхъ, 2844 серебряныхъ, и 498 мѣдныхъ. VIII. *Кабинетъ Технологическій*, заключающій вещества относящіяся къ заводамъ и фабрикамъ, числомъ 210. IX. *Три Пербарума* изъ крокъ, однихъ весьма замѣчательны. Онь купленъ у Профессора Гофмана и содержитъ до 17,000 расшенъ: Первую часть его собиралъ ученикъ и другъ Линнея Эргартъ, садователъно она заключаещъ оригиналы много изъ описаннаго сими славными испещреніями природы; другую часть

(*) Это предзеделье древней Русской Словесности долѣ скрывалось отъ добрыхъ дѣшев, лицъ императоромъ. Имъ конечно пріятно будетъ узнать, что Общество препоручило изданіе сей рукописи почтенному Профессору Университета и Секретарю Общества, И. М. Снегиреву, извѣстному занимающіи своимъ касательно Русскихъ древностей и просвѣщенною охотою къ изысканію оныхъ.

(**) Ихъ подарилъ Обществу И. М. Снегиревъ. Общество просило его принять на себя изданіе оныхъ, на что онъ согласился, обѣщавъ сообщить и біографію Кантемира. Писма сїи философическаго, содержаща и любопытныя

доставилъ садъ Г. Пофманъ. *Х. Учебный кабинетъ* арабскаго вещества словилъ. *ХІ: Учебная больница*, при которой паходятся *Институты: Клиническій, Хирургическій и Аккушерскій: Аптека*, хорошо снабженная лекарствами и *Химическая Лабораторія*. Въ окончаніи Указателя, помещено название о *Ботаническомъ садѣ*. Онъ находится въ Сухаровоу Башнѣю, на Мъщанской у иц , заведенъ Петромъ Великимъ, назывався прежде Аптекаремъ (ибо въ немъ росилъ ремень для аптекъ), купленъ въ 1804 г. Университетомъ и содержишь болѣе 2500 живыхъ растений. Онъ служишь пособіемъ при лекціяхъ Ботаники и по усовершенствованію своемъ можетъ принести важнѣйшія пользы Университету. Подробности касательно сихъ учебныхъ заведеній читатели найдуть въ Указатель.

80. Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Труды Общества любителей Россійской Словесности при **ИМПЕРАТОРСКОМЪ**, Московскомъ Университетѣ, Ч. VI, М. 1826 г. in 8., 368 стр.

4-я и 5-я части Трудовъ Общества выданы были въ 1824 году (см. Тел. Т. II, стр. 39 и слѣд.). Шестая часть, какъ и прежнія 5 частей, раздѣлена на три отдѣла: *Сочиненія прозаическія, Стихотворенія и Астрономическа Общества*. Изъ послѣднихъ видимъ, что съ Января 1825, по Май 1826 года, Общество имѣло 6 засѣданій, въ которыхъ занималось чтеніемъ прозы и стиховъ, составленныхъ членами и содрудниками. Составленіе Словаря и разные труды членовъ, касательно Русской Грамматики, продолжаются. Думая, что простое упоминаніе о сихъ трудахъ не великую приносить пользу имъ самымъ шрудящимся, ни члѣ-

шающей публикѣ, мы намерены представить объ нихъ особенный разборъ, въ отдѣленіи *Критики*. Прозанческіе очерки въ сей книгѣ помѣщены *восемь*, стихотвореній *двенадцать одно*: послѣднія не представляютъ ничего особеннаго; но прозанческая часть заслуживаетъ вниманіе, въ которыхъ отношеніяхъ. Служимъ М. А. Дмитриева, А. Ф. Мерзлякова, И. Ф. и П. Ф. Калайдовичей требуемъ подробнѣйшаго *судебнаго*.

81. *Новая (?) Россійская Грамматика*, въ вопросахъ и отвѣтахъ, приспособленная къ *пользѣ юности*, съ присовокупленіемъ *правилъ Поэзіи*. Издавъ учитель (?) Михайла Меморскій. Изданіе двенадцатое (!), *исправленное и умноженное*. Издательствомъ М. Глазунова. М. 1826. in 8, 106 стр.

Извѣщая читателей о появленіи Нѣмецкой Грамматики *двенадцатымъ* изданіемъ (Тел. No XII, стр. 61), мы изъяснили причины, по которымъ занимаемся разборами такихъ учебныхъ книгъ и обещали продолжать это занятіе. Исполняемъ обещаніе свое, не смотря на тяжесть его; благонамѣренные читатели согласятся, что и прочитавъ только книгу, подобную Голцвергофовой Грамматикѣ — тяжкій трудъ! Жертвуемъ приятнымъ пожеланію.

Говоря о Грамм. Нѣмецкаго языка, мы упоминали о необходимости исправленій ея по новѣйшимъ открытіямъ. Оны Русской *учебной* Грамматики, мы уже и этого вполне не по потребуемъ. Хотя труды ученыхъ изыскателей много уже открыли многого, чего не видѣть въ Грамматикѣ Демососова или Барсова; но согласимся, что о

многихъ изъ сихъ открытій продолжаются споры, сомнѣнiя, противорѣчiя — словомъ: не все вновь открытое можете принять издашеть учебной Грамматики Русской. Не утвержденныя уже новыхъ правилъ какъ не знать и не принять въ уваженiе издашеть? А если онъ, въ 1826 г., списалъ свою Грамматику съ старой ошибочной Грамматики? Если при этомъ списанъ надѣлалъ непроспичительныхъ ошибокъ? Если *учитель* Грамматики, самъ показываетъ явное незнанiе оной и исполняетъ книжку самыми спранными и ни съ чѣмъ несообразными правилами, каковъ будетъ трудъ его?

Все это находится въ *новой* и при томъ — (спранные противорѣчiе!) *двѣнадцать разъ налета-танной Грамматики*, Г. Меморскаго! Признаемся, что намъ мало случалось видать столь ошибочно и столь дурно составленныхъ учебныхъ книгъ! На заглавномъ листѣ Грамматики находимъ слова: *исправленная и умноженная*; сличая ее съ однимъ изъ старыхъ изданiй, видимъ, въ самомъ дѣлѣ, прибавленiя и опмѣны. Оставляя въ покоѣ всѣ старыя изданiя ея, по двѣнадцатому, исправленному и умноженному, посмотримъ, *гдѣ* она умножена и *каковы* были ея прежнiя изданiя.

Если иногда встрѣчаемъ безпорядокъ въ изложенiи какой нибудь книги, то безпорядокъ этотъ заключается обыкновенно въ частныхъ неправильностяхяхъ; Грамматика Г. Меморскаго представляетъ безпорядокъ новаго рода: безпорядокъ съ начала до конца. Слова споятъ въ ней одно за другимъ, періоды за періодами, безъ всякой причины и цѣли. Можете перенести ихъ изъ одного мѣста въ другое и смыслъ не перемѣнится. Изъ объясненiй нѣтъ

слѣдствій, изъ-слѣдствій не видимъ причинъ; для другаго вошь начало Грамматики — «Часть I, глава I, О правописаніи». Какъ? спроситъ читатель, Правописание, безъ означенія, что такое Грамматика? — Нѣтъ! сказавши: Глава I *О Правописаніи* — Сочинитель, *послѣ этого*, изъясняетъ, что такое Грамматика и какъ она раздѣляется. — Но что такое Правописание? У Сочинителя идешь рѣчь о томъ, сколько въ азбукѣ гласныхъ и согласныхъ буквъ; за тѣмъ слѣдуютъ вопросы: что такое рѣчь, что такое предложение, періодъ и послѣ этого — въ какихъ случаяхъ пишутся большія и прописныя буквы; когда пишется буква *ѣ*, когда *і*. Каждое объясненіе заключается въ *пяти строкахъ*. За тѣмъ слѣдуетъ изъясненіе о знакахъ препинанія и — конецъ I-й части — Правописаніе рѣшено; Сочинитель переходитъ къ Этимологіи.

Что можно понять въ такомъ безпорядочномъ сборѣ словъ? Для чего поставлено шуть Правописаніе *впереди* другихъ частей Грамматики? У Ломоносова, наиримѣръ, здѣсь объясняюща *звуки голоса гедовѣческаго*, изъ чего выводится Этимологія словъ, хотя Ломоносовъ и его послѣдователи напрасно сдѣлали вмѣстѣ съ полкованіемъ о звукахъ, полкованіе о буквахъ и слѣдовательно, ихъ *правописаніи*, ибо въ объясненія о буквахъ входятъ изъясненія о склоненіяхъ и спряженіяхъ, о рѣченіяхъ и періодахъ; но первый узнаешь ученикъ только въ Этимологіи, а послѣдніе въ Синаксистѣ. У Г. Меморскаго ни слова *нѣтъ* объ *этимологическихъ выводахъ*, все ограничено буквами, послѣ которыхъ ничего не слѣдуетъ; къ чему-же поставлено

правописаніе впереди и какую пользу оно приноситъ?

Но пусть въ первой части говорится о *Правописаніи*, во второй о *Словопроизведеніи*, въ третьей о *Словосогиненіи*. Пусть, такъ или не такъ, Сочинитель изъяснилъ намъ сии части Грамматики; положимъ, что *Прозодія* и *Орѳодзія* Сочинителемъ неизвѣстны (онъ не говоритъ объ нихъ ни слова, да и на что забивать голову такимъ вздоромъ?). Чѣмъ значить у него твердая часть — *Поэзія*, *правила Поэзіи*, гдѣ онъ говоритъ; что есть *Поэзія*, какаа цель *Поэзіи*, что нужно для стихотворца, а оканчивается — изъясненіемъ стопа и рима — для чего привязано это отдѣленіе? Не ушелъ ли *Поэзія* есть часть Грамматики и заключается въ изъясненіи стопа и рима? Спрашивайте у Г. Сочинителя, а мы право не понимаемъ!

Оставимъ порядокъ Грамматики. Опредѣленія предметовъ важное дѣло.

»Чему учишь Правописаніе? Правописаніе научаетъ насъ, какимъ образомъ писать буквы исправнымъ и опъ всѣхъ принятымъ *логеркомъ*! « Какъ? Это *Каллиграфія*, Г. Сочинитель — Искусство писать красиво, а *Правописаніе* совсѣмъ не то! Но что за дѣло; спросимъ у него лучше: что такое *Поэзія*? »*Поэзія* есть искусство *мѣрными слогами* изображать мысли и чувствованія, предметы и дѣйствія, картины природы и выдумки воображенія — и еще *Поэзія* и дѣтей: хожать учишь по Грамматику, гдѣ это написано!! Для шутки выписываемъ опредѣленіе разныхъ мѣръ стиховъ: »*Ямбы* гораздо вѣдчеспеннѣе другихъ стопа и идутъ какъ-бы въ гору; *Хоры* гораздо вѣжнѣе, и идутъ какъ-бы

всѣ горы припрыгивая; *Дактили* будто пляшутъ, а *Анапесты* переваливаются.» — Послѣ этого чита- шели могутъ уже видѣть, каковы порядокъ и пра- вильность опредѣленій въ Грамматику Г. Меморска- го. Выписываемъ нѣсколько доказательствъ совершен- наго незнанія правилъ Грамматики и языка —

1-е Сказавъ, что у насъ есть буквы гласныя, которыхъ числомъ 12 (а, е, и, і, о, у, ѡ, ѣ, ю, я, ѳ), Г-нъ М. говоритъ, что изъ сихъ буквъ составляются буквы *двогласныя потаскныя* е, ю, я; но ка- кой-же шумъ составъ, когда и *просто-гласныя* пишутся е, ю, я, и *сложныя* также е, ю, я? Здѣсь ошибки грубѣйшія! Соч. не умѣя объяснить, что основныя звуковъ въ Русскомъ языкѣ пять: а, е, і, о, у, изъ которыхъ съ придыханіемъ ъ, со- ставляются еще пять: ѡ, ѣ, ѳ, ѳо, ѳу, что вы- ражается буквами такъ: я, ѣ или э, ѡ, ѳо или ѳ и ю. Онъ смѣшалъ основное е, съ производными, упустилъ въ производныхъ э, ѡ, ѳ. Да и къ чему это филологическое изъясненіе въ Грамм. учебной? Что изъ него слѣдуетъ?

2-е Г. М. увѣряетъ, что у насъ есть *троглас- нныя* буквы, на прим.: *дей*.

3-е Что у насъ 22 согласныя буквы, ибо Г. М. поставилъ букву и, въ гласныхъ и черезъ пять строкъ называетъ ее *вогласною* (стр. 5)! Такихъ противорѣчій у него множество. На стр. 72 и 73 говорится, что *парѣжы не измѣняются*, а на стр. 74, они *измѣняются*.

4-е Объ именахъ увеличительныхъ и уменьши- тельныхъ нѣтъ ни слова.

5-е Сказано, что прилагательныя кончатся на *ий, ой, ей, ій, ъ*, но не показано, что послѣднія суть *устьченныя*. Авшбрь ничего и не говоритъ объ устьченныяхъ.

6-е Склоненій положено четыре. Къ 1-му причислены имена женск. и муж. рода на *я, а*; 2-му муж. на *ъ, й, ъ* и средн. на *о, е*; къ 3-му средн. на *я*; къ 4-му женск. на *ь*. Исключеній и объясненій никакихъ нѣтъ; приложены шокмо для образца склоненія слѣд. словъ: *Староста, Похвала, Судья, Земля, Воинъ, Муравей, Гость, Море, Зданіе, Тѣло, Сѣмя, Добродѣтель и Мать*. Изъ сего выходитъ, что женск. имена неодушевл. предм. на *га, ка, ха, жа, та, ша*, въ род. един. и им. мн. имѣють *ы*; одушевленные на *ія*, въ род. множ. имѣють *ь*; что женскія на *ая, ея, ѣя, оя, уя, ѣя*, имѣють въ род. множ. *ь*, вин. *и*; что муж. одушевл. на *ъ, къ, хъ*, въ множ. имен. имѣють *ы*, а на *жъ, зъ, шъ, щъ*, въ швор. ед. *омъ*, въ имен. множ. *ы*, а въ род. и вин. *овъ*; имена на *яинъ, аинъ, зринъ, аринъ* въ им. множ. имѣють *ы*, а въ род. *овъ*; имена на *й* въ родисл., дашел. и вин. единств. и во всѣхъ множеств. имѣють передъ *й* букву *ь*, и слѣдственно, должно говорить и писать: *бумагы, молніи, молніи, змѣи, волки, сургуты, сургутовъ, мѣщанины, мѣщанниковъ, герои, герои* и проч. Повторяемъ, что какъ объ *отдѣлахъ въ склоненіяхъ*, такъ и объ *исключеніяхъ* — нѣтъ ни слова.

7-е Въ глаголахъ еще болѣе пущаницы. Они раздѣлены по старинному, на окончанія втораго лица, ед. числа, въ настоящ. времени, изъявнц. на *ишъ* и *ешъ*; при чемъ хотя означено и первое лицо, но не вполне, а таблицы приложены

только на глаголы: *посылать* и *вертеть*, что чего ученикъ не будешь знать ни неопределенныхъ наклонений, на *итъ*, *отъ*, *уть*, *ыть*, *ь* съ согласною и проч., и глаголь *лизать* будешь спрягаешь такимъ образомъ: *лижу*, *лижьба*, *лижнуль*, *лизаший*, и проч. Не говоря о томъ, что глаголы: *казаться*, *метаться*, названы безличными; что кромѣ *зетьрехъ*, всѣ глаголы названы полными, следовательно, имѣющими всѣ времена и формы; что *послалъ* и *выугиль*, названы временами прошедшими *однократными*, а *посылавалъ* — давнопрошедшимъ; что дѣпричастіе *бывалъ* пропущено; что сложные и несложные глаголы не опдичены; что о частицахъ съ глаголами слагаемыхъ нѣтъ ни слова, а также и о глаголахъ избыточныхъ.

Читатели увольте насъ отъ дальнѣйшихъ доказательствъ, что хуже Грамматики Г-на М. едва-ли сыскать можно. Мы могли-бы показать прекуръзные вещи изъ Синтаксиса, изъ Поэзи, гдѣ въ числѣ спонъ забыты амфибрахій и спондѣй; гдѣ увѣряютъ, что слова: *зданіе*, *пѣніе* и другія съ удареніями на передпослѣднемъ слогѣ, не могутъ быть римами; что бѣлые стихи суть только, которые состоятъ изъ 4-хъ спонъ хорей и кончатся дактилемъ; гдѣ забыты гекзаметръ и гдѣ въ примѣръ стиховъ выставлены слѣд. стихи:

Мы тебя любимъ сердечно,

Будь намъ начальникомъ вѣчно.

Оставляемъ все это и только спрашиваемъ: надобна-ли у насъ критика на учебныя книги, когда Граммика Г. Меморскаго издается — въ 12-й

разъ, и не доказываютъ-ли эти 12-ть изданій истинны Русской пословицы: *не родись ни хорошо, ни пригожо, а родись счастливымъ?* Бѣдные ученики!

Въ *Библиографическихъ листахъ* Г. Кеппена (№ 28, стр. 399) мы видали извѣстie, что Грамматика Г. Меморскаго напечатана была еще особо въ прошломъ году, не въ счетъ 12-ти изданій (М. въ тип. А. Семена. 84 стр. и 8)! Мы тщетно искали этого изданія по книжнымъ лавкамъ; впрочемъ, читатели могутъ сами видѣть, какъ бы должны быть и это и старыя изданія оной. За то попалась намъ — *Полная Россiйская Грамматика, съ присовокупленiемъ краткой Исторiи Славяно-Россiйскаго языка, составленная въ пользу юности Константиномъ Меморскимъ*, напечатанная въ М. въ 1823 году, книгопродавцемъ Логиновымъ и посвященная *погтеннымъ любителямъ и любительницамъ Россiйской словесности* III 180 стр. въ большую осьмушку! Не смотря на огромность, это таже Грамматика М. Меморскаго, съ прибавленiями изъ Грамматики Академической. Умѣлъ ли сдѣлать эти прибавленiя Издатель, судите по Исторiи языка, гдѣ находите, что Россы жили за Кавказомъ, что въ Россiи до V-вѣка были города Холмогородъ и Старая Руса, что въ 145 году, Олегъ на Русскомъ языкѣ заключилъ договоръ съ Греками, что при Владимирѣ были жрецы Богомилъ-Соловей и Воробей-Стойковъ, посадникъ, люди краснорѣчивые, что по слѣдамъ Ломоносова шли въ Россiи Кошаревъ, Елагинъ, Рокитскiй, Крашенинниковъ. Не, кажется, довольно!

82. *Олегу, Князь Рязанскій*, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. И. Т. — М. 1826 г. in 8. VII. 58 стр.

Старикъ Вольтеръ увѣрялъ, что сочинители трагедій не умѣють — писать предисловія къ своимъ швореніямъ. »Желаніе друзей видѣть въ печатѣ и похвалы, коими удостоили они. . . — Полно-те, говоривалъ Вольтеръ, какая надобность публикѣ до желаній и похвалъ вашихъ друзей: вы въ винѣ, вы и въ отвѣтѣ! »Говорилъ мнѣ, что герой моей трагедіи долженъ-бы поступить. . . — Оставьте это, М. Г. ! Дѣло въ томъ, какъ вы заставляли поступать вашего героя. — »Увѣряють, что завязка. . . — Вымарайте, вымарайте это: никакъ васъ ни въ чемъ не увѣряеть. Софокла называли сумасшедшимъ, но онъ прочелъ своего Эдипа и его понесли на рукахъ.

Кажется, что Сочинителю Олега неизвѣстны были эти слова Вольтера. Онъ оправдывается въ предисловіи, почему Олегъ его дѣлаеть то а не то, почему онъ предсавленъ тамъ а не тутъ и проч. Ахъ! Г-нъ Т., право никому нѣтъ въ этомъ надобности. Дайте намъ хорошую трагедію, изобразите въ ней насюющими чертами характеръ и образъ дѣйствія: мы довольны. Если-же трагедія ваша нехороша, то ее не поправятъ увѣренія ваши, что любовь «служитъ не малымъ украшеніемъ саго рода драматической поэзіи» и что Софоклъ Эдипомъ, а Расинъ Федрою доказали, что лицо невольное - впреспупное можетъ возбуждать болѣе ужаса, нежели и проч. Сближеніе преступленій Эдипа съ преступленіями Федры заставляеть одинаково невольно улыбнуться, а смѣлость Г-на Т. при нача-

ля: своего Олега вспоминать Федру и Эдина, по-
давшись смелости его. Но приступимъ къ дѣлу.

Олегу, славнѣйшій изъ Князей Ризанскихъ,
врагъ Димитрія Донскаго, мужъ сильный, хитрый
и честолюбивый, еще герой прагматикъ Г-на Т. Онъ
не сражался съ Мамаемъ на поляхъ Задонскихъ, а
напрямикъ, изъ спора и надежды, дружилъ ему,
цѣлый вѣкъ воевалъ съ Москвою, съ Ташарами, съ
Литвою и умеръ въ монастырѣ, въ старости, 22
года спустя послѣ Куликовской битвы. Гордый Ма-
май, соединившій подъ власть свою двѣ сильныя
Ташарскія Орды, съ нѣсколькими сотнями тысячъ
человѣкъ шедшій на Россію, страшный могуще-
ствомъ — другое лицо. Какъ изобразилъ ихъ
Трагикъ?

Дѣйствіе 1. Куликово поле, шатеръ Мамай.
Возвратившійся изъ Русскаго табора, военачаль-
никъ Ташарскій доноситъ Мамаю, что Димитрій и
Князья Русскіе не покоряются; Мамай сердится и
не давши отдохнуть даже послѣ поѣздки, велитъ
военачальнику собрать другихъ *военачальниковъ*.
Шутка-ли, съ полумилліона войскъ собрать этакъ
народъ! Но не успѣлъ Надиръ, наперсникъ Мамай,
назначивъ ему свиданіе, не успѣлъ Мамай осердичи-
ся на Надира и спросить его —

Скажи, кто мысль вложилъ

Противную въ тебя? Скажи, кто истребилъ

Довѣренность ко мнѣ, копорой *оживлены*

Сотраждане мои, союзники почтенны. . .

военачальники какъ шутъ были. Мамай говоритъ
на ораторскую рѣчь. Они отвѣчаютъ: «Господи,

Государь! и уходящъ. Мамай обращается къ Надирю, снова спрашиваетъ о причинѣ сомнѣнія. Тотъ видящъ бѣду, — отвѣчаетъ общими словами; вошь какъ:

Но ежели живое погибаетъ ополченье?

Мамай отвѣчаетъ ему въ эпомъ-же родѣ:

Какъ? Что вѣдаешь ты, чшобъ я лавилъ войску.

Надиръ.

Надеженъ-ли всегда бываетъ духъ геройскъ?

Онъ увѣряетъ Мамай, что надобно-бы имѣть союзниковъ. Мамай говоритъ, что худо зная *всѣ пути къ столицамъ княжескимъ*, онъ думалъ уже объ эпомъ; что *прежде самой брани*, Олегъ, Князь Рязанскій, прѣхалъ къ нему, и просилъ руки дочери его, Селимы, въ которую онъ влюбленъ; что уже назначено ихъ обвѣнчать и шѣмъ доказать Рускииъ, что Ташары, не бояща ничего, проводятъ *среди торжества и брашна*, Надиръ боишся, чшобъ не возбудилась въ Олегѣ любовь къ опечесшму. Мамай увѣряетъ, что онъ казнить Олега въ шакомъ случаѣ.

Дѣйствителъ Н. Олегъ заблѣвъ у Гермионы извѣстный стихъ: *Оù suis-je* — являеица въ отчаяннн — «Гдѣ я? въ какихъ мѣстахъ? Я Россъ! я Князь», восклицаетъ онъ — *платеть и стенаеть*. Являеица Владиславъ, его другъ, уговариваетъ; являюица Селима и Эюлима (разумѣеица, наперсница) — Олегъ бѣжитъ, не говоря съ ними ни слова — Владиславъ бѣжитъ за Олегаиъ. Эюлима уговариваетъ Селаму, чшобъ она не горевала,

что Олегъ мучился совѣстью и да прощай опечаленства и единственно изъ любви къ ней. . .

Сполъ нѣжную любовь я дорого цѣню

И благодарности я чувство сохраню —

отвѣчаетъ Селима. Приходишь Мамай; онъ самъ ходишь по всѣмъ шатрамъ и — ищешь Олега. Проказникъ эшотъ Мамай! Будто ему нѣкого посылать и нѣтъмъ другимъ заняться, когда черезъ два часа надобно дать рѣшительную битву, для которой онъ проговорилъ уже и рѣчь. Вообразите, что онъ у дочери своей спрашиваетъ:

Скажи мнѣ, гдѣ Олегъ? . .

Долженъ быть у себя въ шатрѣ, отвѣчаетъ Селима.

Въ Разанскомъ бивъ шатрѣ, не всмѣршилъ

шамъ его,

говоришь Мамай. Да, не пошелъ-ли онъ на берегъ Непрядвы, бѣсѣдовать съ шумящими волнами, прибавляетъ Селима — *онъ отлетѣлъ мессельскими мѣстами*. Видно, онъ робѣетъ, отвѣчаетъ Мамай, но уже воздвигнутъ храмъ — пора рѣшиться. И Мамай отправляется — онышь искать Олега.

Дѣйствіе III. Въ самомъ дѣлѣ! Мамай продолжаетъ поиски и находитъ на берегахъ Непрядвы убѣгающаго жениха, подслушиваетъ его рѣчи и узнаетъ его раскаяніе. Они спорятъ. Олегъ иребуешь неупралишета, Мамай не соглашается, сердится, и забывши, что они въ лѣсу, говоритъ: *«Вступите войны!»* Куда-же вступишь? Но чудо! войны *вступаютъ!* Впрочемъ, Мамай только цѣстрощаетъ Олега и видно что Ташары знали, гдѣ Мамай, ибо является вѣспникъ и за нимъ Болгарскій (?) посоль проситъ позволенія войдти. *Мамай даетъ знакъ;* посоль

приходить; Мамай даетъ ему тушь-же аудіенцію; посоль говоритъ рѣчь, отдаетъ грамоту и уходитъ. Мамай объявляетъ Олегу, что онъ не хочетъ его задерживать, что Олегъ можешь съ войскомъ своимъ отправиться въ станъ Русскій — сказалъ и ушелъ. Являющся Селима и Зюлима. Селима отказывается отъ брака, описываетъ Олегу славу, какую приобретешь онъ сражаясь за отечество и — уходитъ. Олегъ читаетъ — 33 стиха одинъ и также уходитъ. Мы забыли сказать, что военачальникъ Мамай, послѣ монолога, пришелъ-было звать Олега на сраженіе, но Олегъ сказалъ ему грубость и военачальникъ ушелъ.

Дѣйствіе IV. Шатеръ Мамай. Селима и Зюлима горюють. Олегъ съ войсками своими идетъ изъ Татарскаго стана для соединенія съ Русскими; но какъ учтивый кавалеръ могъ-ли онъ уйти не прощаясь! Онъ является въ шатеръ Мамай — прощаясь, говоритъ въжвощи. Является Мамай; онъ нисколько не сердится на Олега, утѣряетъ Селиму, очень спокойно, доказываетъ ей неоспоримо, что она должна разлюбить Олега, ибо онъ ее не любитъ. Но за это разсердился Олегъ

Чтобъ я притворствовалъ предъ дочерью швоей?

Чтобъ не пицалъ въ душъ я въжвой спрасси къ ней? —

Какая клевета, какое приращанье!

Я не любилъ? и проч.

Но вѣдь, говоритъ Мамай; но все они, кажется, забыли, что вора сражались. Спасибо, другіе об этомъ помнили. Надиръ приходитъ и объявляетъ, что Рускіе уже вдушь и что Ташары готовы. Ма-

медь, велишь начинать битву, а самъ приготовляешь артефактъ притрогательную сцену. Читатели поминишь Болгарскаго посла Мамайъ свидѣству его трагическую Селиму. Разумѣется — это требование на руку и сердце Селима не, согласиши. Мамайъ упорствуетъ и видя что словами не убѣдишь, принимается за обыкновенное свое оружіе — «Приблизьтеся, вонцы, *влеките* дочь мою!» Куда влечь? Какъ? Для чего? И всего страннѣе, что на эшотль призывъ входящъ князья и воины и вмѣсто того, чтобы сражаться съ Рускими, готовящся *влезъ Селиму*. Олегъ не вытерпѣлъ: въ прозанческихъ стихахъ соглашаешся онъ сражаться съ Рускими. Трубы трубашъ и — всѣ мущины идушъ сражаешся, а Селима остаешся одна и прочитываешъ монологъ. Мы видимъ берегъ —

Дѣйствіе V. Должно думать, что Надыръ иногда лгалъ передъ Мамаемъ. Онъ извѣщаетъ его о счастливомъ началѣ сраженія, а Мамайъ отвѣчаетъ ему:

Повѣрю, что ты мнѣ *вѣщаль* теперь не ложь. Они всходящъ на холмъ — *смотрѣтъ на сраженіе!* Вдругъ на сцену прибѣгаюшъ Селима и Зюлима, читающъ 52 стиха и — *уходящъ*. Тушъ начинающа ужасы! Олегъ являешся израженнй, называешъ себя *презрѣннымъ сыномъ природы, порожденіемъ тинери и гудовицею земли, изверженіемъ ада, безбжннмъ, коварнымъ, неблагодирнымъ, дышушымъ изълой и наконецъ — утадаешъ безъ суетствъ на камель*. Являешся Мамайъ, говоритъ что Рускихъ вонцы побѣдили; Олегъ хотя и упалъ безъ чувствъ, но разговариваешъ съ нимъ и чиникъ громко, что Селима — *услышала* голоса Олега и пришла съ Зюлимой. Олегъ горячнщся, браннщъ

Мама и — *закадается* *Селма падаетъ безъ чувствъ!* Къ доверженію бѣды, *приходитъ, стонетъ, разсказываетъ, что Татари разбиты, что надобно спасаться. Тушъ Мамай бросается туда, сюда и въ отчаяніи говоритъ понини безсмысленно:*

Что внемлю? побѣжденъ. . . . бѣгушь? — оставановите!

Спремилесь къ воинамъ, нѣтъ! дочь мою спасите!

Ее оставьте, нѣтъ! въ опасности она. . . .

Разите грудь мою! къ *отмщенью* грудь нужна. . . .

Лишите жизни дочь, нѣтъ! дочь мнѣ драгоценна.

Но мечъ въ моихъ рукахъ, въ моихъ рукахъ вселенна!

Идемъ карать враговъ!

Н а л а р ь.

Почто туда идешь?

Тамъ будешь пѣнникомъ, или вѣрну смерть найдешь.

Начинается общее сраженіе на степѣ — *делается оупрежденіе и рецензентъ — поздравляетъ Русскую Словесность съ новымъ прагедомъ!*

*Медведевичковъ въ этой преледи жизни вадитъ. Намъ кажется вѣзломъ, что въ ней мало ужасовъ и *закадается* одинъ Олегъ и онъ стонетъ вполно, за что, что обезобразилъ сильный характера исперическаго Олега, что любилъ въ Татарку, хотѣлъ съ нею вѣнчаться и вообще за все что, что того ридъ и дѣлать въ продолженіе пяти актовъ. Но Мамай также должны были заколосъ за то, что*

будуни... грозный Татарский: Хиваль; илюсталь
 съ Олегомъ, хотѣла оппозитить его, расказивалъ
 ле шашрай, и не думалъ о сраменн. Сюмннн,
 Недирь, Владиславъ должны были заколотся за то,
 что являлись на оцену: безъ какой надебности, а
 дѣт прочія лица, ва то, что видѣшь съ Мамарнн,
 Олегомъ, и другимн, говорили дурною речесовпрен
 прозою в забыл, всѣ права, обычаи и свѣтнн
 Татарь.

83. *Объ Искусствѣ и Художествѣ*, Ед-
 мышления ошщельника, любителя Изящнаго, и издан-
 ныя Л. Тикомъ. Переводъ съ Нѣмецкаго. М. 1826.
 in 12. IV, и 314 стр.

Мы счлишили известить читающую публику о
 появлении сей книги. Гг. Переводчики оной согла-
 сались помѣститъ въ Телеграфѣ одну изъ статей
 ее составляющихъ. Публика могла видѣть сущность
 подлинника и образъ выраженія перевода, къ чему
 присовокуплено было и разсужденіе одного изъ
 Г-дъ Переводчиковъ (Г-на Т.) о книгѣ вообще. По-
 чему теперь мы припомнимъ только читателямъ двѣ
 статьи, помѣщенные въ IX т. Тел. нынѣшняго года
 (отд. II, стр. 17 и слѣд.).

Если къ разсужденію Г-на Т. должно при-
 совокупить наше мнѣніе, мы скажемъ, что до-
 дление книги; *Объ Искусствѣ и Художествѣ* есть
 явленіе нашей Литтературы приятное во всѣхъ от-
 ношеніяхъ и трудъ Переводчиковъ, которые изъ
 благороднаго рвенія къ Изящному, рѣшились принять
 на себя переводъ оной, заслуживаетъ истинную
 благодарность всѣхъ любящихъ чтеніе изящное.

Многіе, даже и въ Германіи, почитаютъ эту книгу сочиненіемъ Така, занимающаго по сочиненіямъ своимъ отличное мѣсто въ ряду Германскихъ мыслителей и поэтовъ; но Такъ только издавъ ее: она сочинена Вакенродеромъ, юнымъ, пламеннымъ и рано-умершимъ для славы Германскимъ литераторомъ. Онъ хотѣлъ, удаляясь отъ формъ сухой диалектики, изобразить главнѣйшія идеи теоріи Изящныхъ Искусствъ въ видѣ событій, повѣстей, рассказовъ, писемъ и потому выбралъ для дѣйствія не-наше вѣкъ, когда уже Философія раскрываетъ теорію Изящнаго, но шло, когда Изящное сказывалось сердцу въ несовершеннo-поэтичнхъ представленіяхъ. Вакенродеръ старался обработать только два изъ Изящныхъ Искусствъ — Живопись и Музыку; но впрочемъ, онъ касается и общности Изящнаго, покаянну приводящъ его къ ней въ нѣкоторыхъ частяхъ. Въ его книгѣ не найдемъ рѣшенія вопросовъ, но она доводитъ до рѣшенія, заставляешь мыслить, можетъ воспламенять душу художника стремленіемъ къ Изящному и не ослѣдливаетъ его порыва на голомъ основаніи художества. У насъ, художники нѣкопорые, можешь бышь не поймушь Вакенродера, оставилъ его книгу, какъ отвлеченную, не говорящую о томъ, что толковали мы въ школѣ, заставляя ихъ дерзкою кистию смалевывать великіе образцы и мѣряя циркулемъ безсмертныя произведенія Рафаэля и Корреджіо. Не удивимся ятому: недавно мы видѣли сънатию одного Русскаго Журналиста, объявляющаго, что онъ не можешь заняться разборомъ книги, о которой говоримъ, ибо она есть — сочиненіе относящееся къ Богословію,

а рецензія на Богословскія книги не входятъ въ составъ его журнала. Г. Журнализмъ, кажущся, не понимая этого прекраснѣйшаго произведенія Германской литературы, касательно теоріи Изыщныхъ Искусствъ! Но душа юнаго художника, въ которой горитъ пламя небеснаго вдохновенія, войдетъ Вакенродера — и такимъ художникамъ книга его есть драгоценный подарокъ.

Касательно самаго расположенія книги, скажемъ, что она раздѣляется на двѣ части. Въ первой *пятнадцать статей*, въ которыхъ собраны срывшія изъ жизни славнѣйшихъ живописцовъ (Рафаэля, Д. Винчи, Микель-Анджело и проч.), раскрывающія шайву ихъ искусства и такъ сказать, *художественную жизнь* ихъ, противоположности, противорѣчія духа съ вещественною жизнью, борьбу вѣчнаго съ временнымъ. Къ тому присовокупляются разсужденія о художествахъ и чувствъ Изыщнаго. Три послѣднія статьи изображаютъ особенно впечатлѣнія Великаго на душу человѣческую. Во второй части, въ *семи статьяхъ*, все это опнесено къ Музыкѣ. *Жизнь Юсифа Бергдингера* и *Восточное сказаніе о смыслѣ Музыки*, кажутся намъ здѣсь *лучшими* статьями, такъ какъ въ первой части *Смерть Фр. Франція* и *Странности П. Козимо*.

О переводѣ, если мы скажемъ, что швореніе Вакенродера нашло себѣ достойныхъ переводчиковъ, конечно, насъ не укорятъ въ пристрастіи. Языкъ Русскихъ переводчиковъ силенъ и живописенъ, хотя и не вездѣ точенъ. Статьи: *Портреты живописцовъ* и *Двѣ картины*, переведены въ стихахъ, какъ онѣ въ подлинникѣ; стихи вольные и безъ рима, но сила подлинника выражена въ нихъ съ большимъ искусствомъ.

Осмысливаемся прибавить, что въ сѣмъ перекладѣ Г-мъ Т. насъ оспанадаливали нѣкоторыя выраженія, причиною которыхъ, какъ видно, не искусство Переводчика, но или стараніе его передать слишкомъ близко подлинникъ или желаніе быть оригинальнымъ. Мы позволяемъ себѣ думать, что оригинальность и сила зависятъ не отъ страннаго сочетанія словъ и не отъ употребленія словъ обещанныхъ или простонародныхъ. Слѣдующія слова; выписываемыя нами для примѣра, кажутся, несвойственно употреблены и не на мѣстѣ поставлены: *рѣзвый* старецъ (стр. 131) — выросли изъ лѣтъ ученія (стр. 135) — *именитые* живописцы (стр. 136) — *цѣлое* множество прелестныхъ анекдотовъ (стр. 138) — *коренной* родоначальникъ живописцовъ (стр. 143) — *лѣпящій* изъ глины подобіе скота (стр. 144) — желая *пожить* поодоль (стр. 147) — *освѣщаютя* пестро-расписанными *рамми* (стр. 69) — Альбр. Дюреръ, *по* коему я горжусь названіемъ Германца (стр. 71) — я *словно* смотрю на васъ, какъ вы въ *раздуміи* стоите (стр. 73) — и потомъ множество разъ: *словно* растворяю все наше существо — *словно* золотила узъ кровнаго родства и проч. — половину нашей *самости* (стр. 93) — чрезъ неизмѣримыя пространства *воздуховъ* (стр. 93) — принужденъ *перенатать* *связнова* (стр. 99) — *попирающій* *гроба* — (стр. 103) — *мѣшаяся* съ *роговою* (?) музыкой (стр. 103) — *истый* духъ искусства (стр. 108) — въ себя *воспринимать* цѣлую природу (*idem*) — въ трудѣ *неугомонномъ* (*idem*) — облака *бѣгутя* (стр. 109) — *свѣжее* поколѣніе мастеровъ (стр. 110) — *могутя* *ощолцы* (стр. 116) — *тѣсною* толпою живыхъ об-

разовъ (стр. 118) — *также* поминаемый Буона-
ротти (стр. 125) — они не занимались . . . *скуки*
ради (стр. 161) — на *окатъ* своихъ дней (стр.
164) — надъ пьвоей каменной *огромностию* рабо-
тѣло цѣлое столбѣе (стр. 176) — изъ соннаго
искусства извѣстнѣеи, извели для наслажденія сладко-
мечшающихъ художниковъ одну соединенную дѣйстви-
тельность — в несчетныиъ *повтореніемъ* *стѣ-*
нотонныхъ *металлическихъ* *кусковъ* (стр. 178) —
воображеніе *столбенствъ* (стр. 179) — *трини-*
таныхъ *властелиновъ* (стр. 180) — *одинока* мо-
ленія (стр. 182) — *столпы* храма *богоподобно* воз-
вышались предо мною (стр. 195). *Всѣ эти слова*
и обороты ни мало не украшаютъ *слова*, а напро-
тивъ вредятъ ему.

84. *Ивангое*, или возвращеніе изъ кресто-
выхъ походовъ. Сочиненіе Валтера Скопша. 4 ча-
сти. Спб. 1826 г. in 12. 182, 219, 169 и 193 стр.

Желаніе, передавать сочиненія В. Скопша сво-
имъ соотечественникамъ, желаніе, нынѣ повсемѣст-
ное въ Европѣ, дошло и въ Россію. Мы
извѣщали читателей нашихъ о появленіи, въ прош-
ломъ и нынѣшнемъ году, одного за другимъ, нѣсколь-
кихъ твореній В. Скопша, въ Русскихъ переводахъ.
Скоро, какъ мы слышали, явятся переводы романовъ
его: *Коннетабль Честерскій*, *Кентекъ-Дурваръ*,
Монастырь, *Редгаукметъ*; *Антикварій* уже
печатается. Другіе романы: *Гюй-Машнеркиъ*, *Аб-*
батъ, *Эдмбургская тюрьма*, *Кенмилфордъ*,
Шотландскіе Пуритане, давно извѣстны Русскою
публикѣ. Теперь вышелъ переводъ еще одного изъ
лучшихъ романовъ В. Скопша — *Ивангое*. Такаѣ
охота переводить, не доказываетъ-ли, что Русская

публика любитъ и любитъ, требовать романовъ В. Скотта? Вѣроятно, сія склонность болѣе и болѣе будетъ увеличиваться. Мы обращаемся съ просьбою къ Гг. Переводчикамъ: не охолодишь публику своими переводами! Такъ переводить, какъ переведенъ *Иванго*, не должно. Переводъ вообще довольно хорошъ, по крайней мѣрѣ вышелъ изъ плохихъ; но случаясь съ оригиналомъ, иногда подумаешь, что это сокращеніе, а не полный переводъ — такъ много въ немъ выпущено! Сожалѣемъ, если этотъ переводъ остановится другой, сдѣланный Г-мъ Веллякомъ, извѣстный публикѣ по отрывкамъ, какія *Помощники* были изъ него въ *Вѣстникѣ* Европы и *Сынѣ Отечества*. Изданіе новаго перевода хорошо: оно напечатано на порядочной бумагѣ, красивыми, четкими буквами.

85. *Гулльме по Элагину и Каменному островамъ*, 1826 года, Юль 1 го дня. Сочиненіе Графа Хвостова, съ переводомъ на Нѣмецкій и Французскій языки. Спб. 1826. in 8. 15 стр.

86. *Старинныя сказки*, для увеселенія дѣтей всѣхъ возрастовъ, переведенныя съ Французскаго Коцшаншипомъ Алисъ...ымъ. М, 1826. in 16. 416 стр. съ 12 (худо гравированными и еще хуже раскрашенными) картинками.

Все что пальцаго находимъ въ сказкахъ объ Испушкахъ дурачкахъ и Емешкахъ-пузырикахъ, не сравнится съ этими сказками! Для дѣтей онѣ не годятся, представляя пустыя выдумки, изъ которыхъ никакого правоученія извлечь не лзя. И какъ не жаль терять времени на переводъ такихъ недорозъ!

87. *Edouard*, par l'auteur d'*Oriska*. 2 Частн, съ зипграфомъ: *Brâma ossai, poco spera, e nulla siede*. Тиссъ. Сиб. 1826 г. in 42. 164 и 181 стр.

По праву литературныхъ завоеваній, въ Пешербургѣ начѣшаша писать романы, съ Парижскаго *третьяго* изданія. Говорить, что въ нашъ вѣкъ не утѣшашь любовь — можетъ быть и правда; но вѣшаша такъ не ошѣкли еще отъ рассказовъ о любви. Мы спали слишкомъ поздно для сильныхъ страстей; пороку раны кождому сердца близкими прилѣтѣми сѣшаша и учимся шупить и штраш шѣмъ, что выходитъ изъ шѣснаго круга, очерченнаго нами около сердца! Ошъ шого — «Романъ!» говорятъ люди, слыша о шемъ-нибудь, что молніей пролетитъ по шуманной атмосферѣ нашихъ шѣшихъ ошрастей! Но въ сердцѣ нашемъ, всегда будетъ мѣсто для шайрата сочувствія и въ романическомъ шѣстьи и бѣдѣшнихъ любви. Мы боимся шожшо любить сами. Впрочемъ, въ послѣднее время, за шѣхость дѣйствительнаго шира любви, насъ нагрѣждали бурями въ мечтательномъ ея мѣрѣ. Гѣше, Байронъ не шадил шѣрашей, изображая океанъ ихъ въ бурномъ кнѣшнѣ; В. Скопшъ почти выключаетъ любовь изъ своихъ романовъ — и многимъ казалось, что время на романы любви прошло. Историческіе герои, привидѣнія, духи, Жамбазы вышѣсшали ихъ изъ литературы, *«Время любви кончилось»* — говорили намъ многіе, зѣвая за романами Монтольѣ и Аугуста Даффоншена. Новые опыты разрушаютъ эту увѣренность многихъ и доказываютъ намъ, что исторія любви безконечна. Во Франціи особенно пишутъ ее шеперь женщины, оставлѣя мушшнѣ здѣшнѣ по ошаршншымъ замкамъ въ романахъ и споршшѣ о Полици-

ческой Экономии и Палатахъ, предостерегаей въ ученыхъ книгахъ. Въ последнее время, на мѣсто Кошневъ, Жамлисъ и Диффенуа, явился Г-жи Сильма, Д-Га и другія, между которыми болѣе всѣхъ замѣтна Сочинительница Урикъ, Герцогиня Дора. Теперь издана она Эдуардъ, въ которомъ хотѣли мы сказать нѣсколько словъ, хотя роженіе это принадлежитъ въ Русской Словаговети мѣловой петлю, что перенесено въ Петербургъ. . . . Судя по обоимъ романахъ, Герцогиня Дора выбрала себѣ особенный родъ. Одиночество души изобразила она въ Урикъ, которая, не смотря на целоспашину, доказывала талантъ Сочинительницы; въ Эдуардъ картина болѣе раскрыта, лучше иллюстрирована, въ предметъ пощъ же, что въ Урикъ: будущія любви, роковая спрашна безъ надежды счянія и — послѣдствія плаката, пламеннаго сердца. . .

Эдуардъ, сынъ адвоката, завѣщанный общенщельствами въ высшее общество, любитъ дочь знатнаго вельможи, любитъ ее и не хочетъ измѣнить чувству благодарности и чести. Насильника отца предлагаетъ любовниковъ — Эдуардъ удаленъ. — грусть убиваетъ его подругу — Эдуардъ ищетъ смерти — и въ перломъ-сраженіи погибаетъ. . .

Холодный эгоизмъ большаго свѣта, лоскъ наведенный на всѣ предметы приличіями его, жалкое шцесламе условій общества — изображены сильною и рзкою кистью! Можно-бы упрекнуть Сочинительницу, что она мало раскрываетъ окружности своего предмета. Въ ея Урикъ, одна Урика — всѣ другія лица въ шѣняхъ неясныхъ — нѣтъ связи въ процесшвіяхъ, нѣтъ хода самой спрашна и все може

въ Эдуардъ. Онъ едва въ романѣ; самая подруга его едва замѣтна. Но впрочемъ, едва-ли это погрѣшность. Сочинительница умѣетъ работать подробно; но не дочтѣ. Замѣтны, однакожъ, что ея повѣствованія въ обѣихъ романахъ, составъ искусственны: докторъ, который на нѣсколькихъ страницахъ знакомится съ Урикой и отецъ Эдуарда, занимающійся съ рѣчами и разсужденіями своими страницъ 50., въ 1-мъ томѣ, норуша бытъ включены безъ потреби для романа. Многія мѣста въ Эдуардѣ повторяются съ лучшими мѣстами въ Клерѣ д'Альбъ и Манжонѣ. Слогъ Сочинительницы дообща омытъ, но силѣю выражаетъ много; хотя мѣстами примѣтно стараніе говорить синграфическими фразами.

П. Р.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Нынѣшнее состояніе Персія. Последнія извѣстія съ Персидской границы обратили вниманіе Европейскихъ политиковъ на Персію. Съ большимъ любопытствомъ читають теперь всѣ новѣйшія извѣстія о семь государствѣ. Къ числу ихъ принадлежить вышедшее недавно въ Лондонѣ *Путешествіе въ Хоразанъ*, Г. Фразера (*). Вошь нѣсколько извлеченій изъ онаго, помѣщенныхъ во Французскомъ Журналѣ:

Во всѣ времена, Востоку изображали намъ, какъ землю удовольствій, богатства и великолѣпія.

(*) Narrative of a Journey into Khofasan — Лондонъ, 1825 г. in 4, 77^е стр. въ мартовѣ.

Не говоря о древних повѣствованіяхъ, когда въ средніе вѣки Европа была бѣдна, непросвѣщенная и на Восшокъ звали Венеціане и Генуэзцы за благоволеніи, богатыми тканями и драгоценностями, и носилъ этого, когда просвѣщеніе завело ума Европу, изъ дѣл невѣжества, долго еще думали о Восшокъ, какъ о вѣспавлицѣ мудрости, богатства и роскоши. Особо долго не могли разрушить сего предубѣжденія вразсужденіи Персіи. Стараніе Персіанъ, въ послѣднее время, образовать войска по Европейски, нѣкоторые другія покушенія ихъ, и невѣстія Европейцевъ, живущихъ въ Персіи, продолжали заблужденіе. Г. Фразеръ проѣхалъ изъ Бомбей черезъ Бушаръ, Тегеранъ и Мушеда, въ Асрабадъ: онъ видѣлъ и изобразилъ Персію безъ всякаго призрастія, въ настоящемъ ея видѣ.

»Ни одна страна Азіи, исключая Аравію и самыя пустынные мѣста Таттаріи, не представляють, по словамъ его, такого плачевнаго позорища, какъ Персія. Кромѣ нѣкоторыхъ областей на берегахъ Каспійскаго моря, вездѣ находите печальное зрѣлище пустынь и безплодія. Каналы, предназначенные для орошенія земли, всѣ на откупахъ; поля необработаны, запущены; горы безплодны и дики. Иногда, вкругъ городовъ, видите сады помѣранцевыхъ, лимонныхъ, гранатовыхъ и другихъ деревьевъ; но нигдѣ нѣтъ величественныхъ лѣсовъ, богатыхъ полей и зеленѣющихъ долинъ, нѣтъ ни одной рѣки для судоходства, ни одной дороги для перевозки товаровъ. Отъ самаго Персидскаго залива до Тегерана и отъ сей Персидской столицы до Мушеда, не увидите ни одной деревушки, ни одного мѣста, кошорыя показывали-бы миръ, спокойствія, безопас-

носить. Развалины, пустыни, необработанные земли
вездѣ являютъ жадность и мщеніе притѣснителей,
слабость и бѣдность жертвъ.

Города представляются въ такомъ-же состоя-
ніи упадка и разстройства. Испагань, Багдадъ,
Ширазъ, Бассора, ситоль славные въ Азіатской
исторіи, которые воображеніе привыкло украшать
мечетями, садами, обелисками, куполами — по боль-
шой части, кучи строеній въ развалинахъ. Къ нимъ
приближаешься дорогами, похожими на высохшіе
источники; въѣзжаете въ нихъ черезъ обломки;
ищите улицъ и находите закоулки нечистые, пыльные,
кромые; спрашиваете о дворцахъ — высокія кирпич-
ные или земляныя стѣны загораживаютъ ихъ отъ
глазъ; — бѣдныя хижины — обшарилище пиццеты,
горести — вотъ одни жилища, которыя находятсе
повсюду! Караванъ-сарай, ситоль пышно расхвален-
ные некошорыми Европейцами, путешествовавшими
въ Левантъ, суть не иное что, какъ гостиницы,
которыя обширны, но советамъ не удобны и не
убраютъ гостиницы въ Испанскихъ провинціяхъ.
Только одни базары достойны любопытства. Испа-
ганскіе и Ширазскіе хотя много потеряли изъ своего
прежняго величія, описаннаго Шарденомъ и Гербер-
шомъ, но заслуживаютъ еще вниманіе. Они не
могутъ равняться съ Индійскими базарами въ богат-
ствѣ и разнообразіи, но въ сиюмъ упадкѣ своемъ
представляютъ еще картину оживленную, стран-
ную и любопытную. Испаганскій простирается на
просторѣ двѣ вѣдину; Ширазскій, Тегеранскій,
Табризскій также просторны и хорошо выстроены;
но все это исключенія. Въ большей части горо-
довъ базары почти иное, какъ сарай, кирпичные

или земляные, покрытые содомою или хирестимъ, гдѣ находящаея только малочисленныя товары или съезные припасы для продовольствія народа.

»Во времена Дебрѣна, Герберша и Шардена, въ Персїи видны еще были слѣды ея древняго величія. Последнія междоусобныя войны не совсѣмъ еще истребили тогда жителей въ ея городахъ; илама кровавыхъ революцій не совсѣмъ еще пограло ея народонаселеніе. Приведемъ одинъ примѣръ: вѣстиво пятидесяти ничтожныхъ деревень, находившихся нынѣ въ долинѣ Мердуишъ, тогда было въ ней болѣе восьми сотъ, наполненныхъ народомъ.

»Изысканіями Г. Фразера о народонаселеніи, доходахъ, торговлѣ и промышленности подтверждается то, что говорили новѣйшіе географы о маломъ числѣ жителей въ Персїи. Область Фарсъ и часть Испаганской обл. заключающъ въ себѣ не болѣе 164,000 жителей, слѣдовательно, огромныя ополченія, которыя предводими были Ксерксами, Даріями, Хозроями, нынѣ состоятъ изъ нѣсколькихъ только тысячъ. Во время послѣдней войны съ Турками, войскъ Персидскихъ было не болѣе 50,640 человекъ, а нынѣ, Персидская армія едва ли превышаетъ 3000 человекъ (?). Подати, которыми обложенъ народъ, довольно велики; но пройдя черезъ руки окружныхъ сборщиковъ, навалыниковъ областей и министровъ, онѣ составляютъ менѣе сорока милліоновъ франковъ. Въ такой суммѣ видѣнъ онѣ въ казну государственную и едва достаточны на жалованье служащимъ при Дворѣ и на содержаніе Шахова семейства.

»Въ государствѣ, каково Персидское, торговля не можеть имѣть ни свободы, ни блеска. Она

состоять въ продажѣ лошадей, ковровъ, бѣлѣвойнѣ, оружія и проч. Но худая безопасть по дорогамъ безпрестанно посѣщаемыхъ Илами (поколеніе Арабское) и Туркменами, препятствіе распространению оной. Промышленность, не обезпеченная въ плоды своихъ заботъ и трудовъ, не можетъ дѣлать никакихъ успѣховъ и каждый изобрѣтающій что-либо новое, по неволѣ долженъ слѣдовать примѣру горшечника Фарестой области, который, открывъ тайну дѣлать фарфоръ, очень похожій на Китайскій и будучи призванъ ко Двору, зналъ, что неслась себя мастеромъ, оны будешь приневоленъ дѣлать фарфоръ для всего Двора и пошому объявлялъ, что вѣрно не ослышавъ приманки его за другаго человека — что оны умѣютъ дѣлать одни грубые, глиняные горшки.

Новыл путешествованіе. Въ Русскихъ Вѣдомостяхъ писали уже о возвращеніи экспедиціи нашей, совершившей на корветѣ *Предпріятіе*, подъ начальствомъ *Марианна - Лейтенанта Коцебу*, путешествіе вокругъ свѣта. Она вышла изъ Кронштадта въ 1823 г. и возвратилась благополучно 10 Іюля, сего 1826 г. — Между тѣмъ, славный мореходъ *Парри* опять собирается въ опасный и далекій путь. Англиское Правительство намѣрено послать его, на кораблѣ *Гекль*, для достиженія сколько возможно ближе къ Северному полюсу, мимо *Шницборгена* и для обозрѣнія приметъ сего острова и какъ говорить, рыбной ловли, тамъ производимой. — О Капитанѣ *Франклинѣ* послѣднее извѣстіе получено оны 6 Сентября, 1825 г. Докторъ *Ричардсонъ* пишетъ, что они остановились зимовать на берегу озера *Большой Медвѣдцы* (шодъ 65° 10' ш. и 23°

33 д. 3.) и что все его сопутники здоровы. Они надѣются благополучно совершить свое предприятие и льптомъ собираются идти по рѣкѣ Маккензиз и отшуда по морскому берегу къ рѣкѣ Мѣдныхъ рудъ, гдѣ положено было имъ встрѣтить Кап. Парри. — Изъ Англіи отправляется еще экспедиція, состоящая изъ двухъ кораблей, подъ начальствомъ Кап. Кинга, извѣстнаго по ученому его описанію Новой Голландіи. Онъ обогнеть мысъ Горнъ и осматриваетъ тщательно Папаговию и Огненную землю, занимаясь наблюдениемъ долготы и широты разныхъ мѣстъ, донныя несовершенно опредѣленныхъ. — Изыскали пламенныхъ справъ Африки, Клаппертонъ и Пирсъ, благополучно прибыли въ заливъ Бенинскій, въ концѣ Ноября, 1825 г. Больше ничего объ нихъ не извѣстно. Пишуть о надеждахъ ихъ достигнуть успѣшно съ этой стороны въ Борну, ибо, по увѣренію *будто-бы самовидецъ*, до озера Ниффе (см. карту, приложенн. къ № 8 Телегр. 1825 г.) можно достигать въ 20 дней и что народы, по сему пути, совсѣмъ не варварскіе и не жестокіе. Но мы такъ часто обманывались въ предположеніяхъ смѣлыхъ путешественнѣй по Африкѣ, что боимся вѣрить всѣмъ симъ слухамъ, желая только силъ и твердости духа неуспрашному Клаппертону. Къ сожалѣнію, недавно получено извѣстіе что смѣлый путешественникъ Г. Бэфоръ (Гел. 1825. ч. II, стр. 303) погибъ въ Африкѣ, желая пробраться отъ Сенегала въ Томбукту. — Пользуясь вступлениемъ Англическихъ войскъ въ Воспочный Индійскій полуостровъ, Г. Коулсъ - Буршонъ, артиллерійскій офицеръ, осматривалъ все шеченіе Буррампутера и открывалъ его истокъ, изъ горъ покрытыхъ снѣгами и нахо-

дящихся. подъ 28° С. ш. и $96^{\circ} 10'$ д. В., следовательно, прежде ошибались въ положеніи его — *погнѣ тысячью миль!* Тенерь Г. Буртомъ находится въ Ассамъ. — Голландская экспедиція, состоявшая изъ фрегата *Марія Ригесбергенъ* и корветки *Поллуикъ*, подъ начальствомъ Капитана въ Кершцена и Рега, и отправленная въ Августъ, 1824 года, посетила Буэносъ-Айресъ, обогнула мысъ Горнъ, была въ Валпарезо и въ Перуанскихъ гаваняхъ. Боливаръ пріямялъ Голландцовъ очень дружески. Они вышли 10 Апрѣля, 1825 г., въ дальнѣйшій путь по Тихому морю и запасшись водою на островѣ Ноагивъ (Noahiva?) 14 Іюня, 1825 г., подъ $7^{\circ} 10'$ ш. Ю. и $177^{\circ} 33' 6''$ д. В. отъ Гренвича, открыли островъ, донынѣ никѣмъ невиданный. Они назвали его *островомъ Нидерландскимъ*. Жители сего острова дика, мѣднаго цвѣта и склонны къ воровству. 29 Іюля экспедиція прибыла къ Молукскимъ островамъ.

Водолазный колоколь. Томасъ Стейль (въ Кенбриджѣ) получилъ привиллегію на усовершенствованный имъ водолазный колоколь. Пишутъ, что при усовершенствованіяхъ имъ сдѣланныхъ, человекъ свободно опускается въ воду, на какую угодно глубину: и свободно можетъ тамъ дышать. Въ тоже время, посредствомъ особеннаго инструмента, онъ разговариваетъ съ людьми, находящимися поверхъ воды. Въ прошломъ году изобрѣшена особеннаго рода труба, помощію коей можно разсматривать въ водѣ предметы. И такъ, люди летаютъ по воздуху и ходятъ въ воду. Ожидаютъ: скоро ли они начнутъ тамъ сражаться — и новыя изобрѣшенія подогрѣтыхъ судовъ и ракетъ подають къ иному благопріятную надежду!

НЕКРОЛОГИЯ. Въ теченіе первой половины 1826 г. скончались :

Иоаннъ VI, Король Португаліи и Императоръ Бразиліи, 10 Марша, сего 1826 г., въ Лиссабонѣ. Онъ родился 13 Марша, 1767 года и съ 1792 г. принялъ правленіе по причинѣ душевнаго расстройства матери своей, бывшей Королевы Португальской. Важнѣйшія событія жизни его суть слѣдующія : отбытіе въ Бразилію, въ 1808 г., когда Наполеонъ занялъ войсками Португалію; возвращеніе въ Португалію въ 1821 г., когда отсутствующіе Короли, уже во возстановленіи всеобщаго порядка, производило безпокойства и волненіе въ Португаліи; признаніе самобытнаго отдѣльнаго государства въ Бразиліи. О происшествіяхъ въ Португаліи послѣ смерти его, еще не получено подробныхъ извѣстій.

Г. Адамсъ и Т. Джефферсонъ, два знаменитыхъ старца, сотрудники безсмертнаго Вашингтона, оба бывшіе по нѣскольку лѣтъ Президентами Республики Соединенныхъ Штатовъ и — послѣдніе, оставшіеся въ живыхъ изъ Членовъ Конгресса, подписавшихъ актъ о независимости Америки отъ Англіи. Уважаемые соотечественниками своими, дальніи лѣтъ прудившіеся для пользы и славы отечины, они оба скончались въ глубокой старости, 4 Іюля, сего 1826 года, оба въ одинъ и самый покой день, когда Американцы праздновали пятидесятилѣтній юбилей независимости Соединенныхъ Штатовъ. Джефферсону было около 84, Адамсу около 92 лѣтъ. Почтенный Джефферсонъ извѣстенъ и въ ученомъ мірѣ своими занятіями по части Естественной Исторіи. Нытнній Президентъ Соединенныхъ Штатовъ есть сынъ Адамса.

Лудовикъ Гаврииль Сюше, Герцогъ Альбуфера, Маршалъ Франціи, сконч. въ Марсель, 3 Января, 1826 г. Онъ былъ сынъ купца, родился въ Лионѣ 2 Марша, 1772 г. Въ 1792 г. онъ вступилъ волонтеромъ въ военную службу. Время было грозное и славное для храбрыхъ душею. Черезъ годъ, Сюше былъ уже начальникомъ батальона и участвовалъ въ семъ званіи, при осадѣ Тулона, въ первомъ подвигѣ Бонапарше. Въ 1794 г. перешелъ онъ въ Италіанскую армию, былъ во многихъ сраженіяхъ и особенно отличился 22 и 23 Ноября, 1795 г., при Лоанѣ, гдѣ самъ вырвалъ знамя у непріятели. Онъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Риволи, Кастильоне, Пешьерѣ, Бассанѣ, Арколѣ и Аркѣ, гдѣ и раненъ. Другую рану получилъ онъ при Ней-Маркѣ, въ Иллиріи. Потомъ былъ въ Швейцаріи и отправленный въ Парижъ съ 28-ю непріятельскими знаменами, пожалованъ тамъ Генераломъ. Послѣ, безпрерывно находился на полѣ битвы: въ 1799 г. командовалъ дивизіею и мужественно защищалъ границы Южной Франціи; въ 1805 г. отличился подѣ Ульмомъ; въ 1806 г. при Саальфельдѣ и былъ всю кампанію 1807 года. Потомъ назначенъ былъ онъ съ Графомъ Толстымъ и Графомъ Витгенштейномъ въ Комиссію для опредѣленія границъ Варшавскаго Герцогства. Въ 1808 г. корпусъ его отправленъ въ Испанію. Тамъ открылось для него блистательное поприще славы и почестей. Послѣдствія 1812 г. известны, Сюше съ честію сдѣлалъ отступление свое предѣ арміею Веллингтона. Любимый и облагодѣтельствованный Наполеономъ, онъ вѣрнѣ служилъ ему до послѣдней крайности и съ честію послѣ принять былъ Лудовикомъ XVIII, пожалованъ Перомъ Франціи и

Коммандоромъ ордена Св. Лудовика. Поступки съ жителями Испаніи во время цыпильствяго пребыванія Сіше въ сей земль, дѣлають особенную честь его уму и сердцу. Во многихъ мѣстахъ жители разсказывались съ нимъ со слезами. Память его осталась незабленною въ сердцахъ всѣхъ сослуживцовъ.

Іоаннь Северинъ Фатеръ. Докторъ Богословія и Кавалеръ Ордена Св. Владиміра, сконч. въ Галль, 16 Марта, 1826 г. Онъ былъ одиень изъ первыхъ ориэнталисшовъ и лингвистовъ въ Европѣ. Сочиненія его составляютъ большой реэстръ. Онъ издалъ учебное Руководство для Еврейскаго, Халдейскаго и Арабскаго языковъ, къ нему Хрестоматію и потомъ Грамматику: Русскую (и Хрестоматію), Сербскую, Польскую — Изысканія объ языкѣ Гренландцовъ — Index linguarum totius orbis, — переводъ Всеобщей Грамматики С. Саси, продолжалъ Аделунгова Митридата и проч. Память его драгоценна для Рускихъ по тѣмъ трудамъ, какіе прилагалъ онъ, изучивая и открывая сущность Славянскихъ языковъ.

Іоаннь Генрихъ Фоссъ, сконч. 29 Марта, 1826 г., въ Гейдельбергѣ, гдѣ проводилъ послѣдніе дни счастливой старости, въ кругу друзей и почташелей его великаго таланта. Онъ родился 20 Февраля, 1751 г., въ Сомерсдорфѣ, въ Мекленбургск. Герцогствѣ. Съ обширными познаніями въ Греческомъ, Латинскомъ, Англинскомъ и другихъ языкахъ, онъ соединялъ глубокія свѣдѣнія въ своемъ отечественномъ. Его прославили переводы древнихъ классиковъ, переводы, какихъ не имѣешь ни одинъ народъ. Фоссъ издалъ въ 1781 г. *Одиссею*, а въ 1793 г. *всего Гомера*; въ 1794 г. вышла прелестная сельская Поэма его *Луиза*; въ 1799 г. переводы

Фоссъ, Виргилія. Кроме того, Фоссъ перевелъ многое изъ Шекспира, Горация и Аристофана. Труды Фосса не легко даже вообразить, если прибавимъ къ тому, что всѣ его переводы древнихъ классиковъ отличающагося необыкновеннымъ изяществомъ и что онъ удивительно передавалъ красочность и силу каждого изъ Греческихъ и Латинскихъ Поэтовъ, имъ переведенныхъ.

Лантье, Несторъ Французскихъ писателей, род. въ 1735 г., скончался въ Марсели, 31 Января, 1826 г. Вся жизнь его посвящена была Литтературѣ. Онъ издалъ много разныхъ сочиненій, но главнѣйшія суть: *Путешествіе по Швейцаріи*, комедія: *Нетерпѣливый и Лестецъ*, и всѣхъ другихъ извѣстнѣйшее — *Путешествіе Антенора по Греціи*, напечатанное *одиннадцать разъ* на Французскій и переведенное на Нѣмец., Англинск. и Италійской языки. Русскихъ есть два перевода: одинъ, Г. Леванды, изд. въ Сиб.; другой, Г. Макарова, изд. въ Москвѣ, оба по нѣскольку разъ.

Дж. Пикертонъ, Шотландскій писатель и извѣстный Географъ, сконч. въ Парижѣ, 10 Марца, 1826 г. Онъ родился въ Эдимбургѣ; издалъ много сочиненій касательно Географіи, Исторіи, Словесности, Минералогіи и даже написалъ одну книгу — *о Гастрономіи*. Въ молодости, онъ былъ другъ Гиббона; и тогда и послѣ ошличался многими своими странностями, имѣвшими сильное влияние на всѣ его сочиненія и самый слогъ.

Петръ, Эдуардъ Лемонте, сконч. въ Парижѣ, въ Юль 1826 г. Онъ родился въ Лионѣ, 14 Января, 1762 г., и въ началѣ революціи участвовалъ въ нѣкоторыхъ политическихъ происшествіяхъ; но съ 1795 г. отказался отъ всякой должности и

занимался Литтературою. При Наполеонѣ былъ онъ цензоромъ театральныхъ пьесъ, а Лудовикъ XVIII сдѣлалъ его Директоромъ типографіи Министерства Полиціи. Лемонте былъ Членомъ Академіи Французской и извѣстенъ многими произведеніями, касательно Изящной Словесности и Криптики. Онъ сочинилъ нѣсколько оперъ и романовъ; но важнѣйшее сочиненіе его: *Опытъ о монархическихъ постановленіяхъ Лудовика XIV* (Парижъ, 1818 г.). Въ послѣднее время много спашей его появлялось во Французскихъ Журналахъ. Намъ, Рускимъ, извѣстенъ онъ болѣе всего предисловіемъ къ *Баснямъ И. А. Крылова* (изд. Графомъ Орловымъ въ прошломъ году въ Парижѣ), гдѣ старался дать понятіе о Русской Словесности и не смотря на ошибки, показалъ много таланта и вкуса.

Герцогиня Флоридія, супруга покойнаго Короля Обвѣхъ Сицилій, скончал. въ Неаполь, 26 Апрѣля, 1826 г.

Бальди, Италіанскій филологъ и прежде бывшій Библіотекаръ Ватиканской Библіотеки, сконч. въ Римѣ, въ Маршѣ 1826 г., 77 лѣтъ осьмъ рожденія.

О П Е Ч А Т К И

№ XII.

<i>напечат.</i>	<i>читатъ.</i>
Ошд. I. стр. 52, стр. 9. а челоѡька подвергаетъ	а челоѡькъ подвергаетъ
Ошд. I. стр. 53, стр. 24. inutilité	utilité
Ошд. II. стр. 48, стр. 30. онаго	юнаго.

За

Возможность

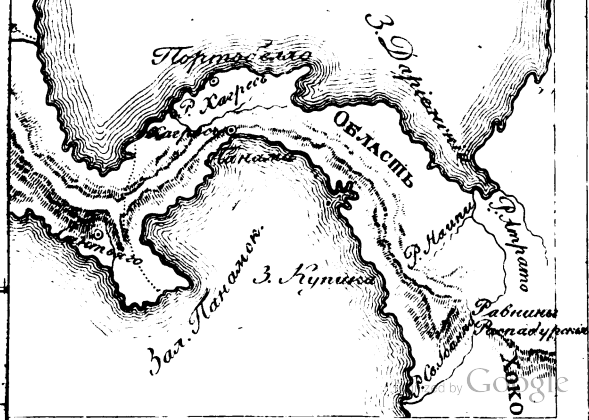
1822

СОЕДИНЕНІЯ

Атлантического Океана

Тихимъ ^{отъ} Моремъ.

Атлантическое

85

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

Д. В. Давыдову.

Пока съ восторгомъ я внимаю
 Повѣствованью славныхъ дѣлъ,
 Ношу любовь къ родному краю
 И къ пѣснямъ Музы не охладѣлъ,
 Пока цѣню я честь прямую,
 Забуду-ль о счастливомъ днѣ,
 Когда десной пожалъ десную
 Давыдовъ, радостному мнѣ?
 О пы, кошорый въ дымъ сраженій
 Полки лихіе бурно мчалъ
 И гласомъ пылкихъ пѣсногнѣннѣй
 Сердца шомилъ и волновалъ!
 Такъ, шакъ! покуда сердце живо
 И шрепешать ему не лѣнь,
 Въ воспоминаннѣи горделиво
 Хранишь я буду оный день.
 Клянусь, Давыдовъ благородной,
 Въ шомъ лирой Фебу дорогой
 И въ славный годъ войны народной
 Въ народъ славной бородой!

Баратынскій.

Греческая героиня.

Страшно духъ полночи вѣшать —
 Миссолонги! что съ тобой?
 На обломкахъ пламенѣшь
 Тусклый фавель гробовой
 И съ опчаяньемъ спасенья,
 Бой ужасный пишетъ шамъ,
 Смерти грозныя виднья
 Вьются; вьются по горамъ!

Вотъ — разрушеннаго града
 Мчатся храбрые сыны;
 Въ нихъ еще живетъ Эллада,
 И свободы дышуть сны. . .
 Перси жень скрываютъ лашы,
 Шлемы видны на главахъ,
 И кровавыя булаты
 Блещутъ въ двсшвенныхъ рукахъ.

Совершился трудъ великій!
 Сквозь Турецкія толпы
 Ихъ несли победы клики,
 Все попрали ихъ стопы;
 Торжествуютъ. . . Межь горами
 Разстилаютъ шумный станъ;
 Ихъ ночлегъ горитъ огнями,
 И покой успалымъ данъ.

Спаль развѣшь въ вратахъ востока,
 День мелькаетъ на горахъ;
 Воды горнаго пошока
 Льются въ ушренныхъ лучахъ —

Спань проснулся. Ногой битвы
 Алчешь Греческая грудь;
 Слышишь Небо ихъ молитвы,
 Ихъ ведетъ въ Салову пушь.

Въ даль умчались. Кто-же бродить
 Здѣсь одна, въ мѣстахъ пустыхъ?
 Изъ ущелія выходить
 Дѣва въ лапахъ боевыхъ;
 На главѣ шеломя, спруёю,
 Перья зыблются до плечъ;
 Слабой шествуя спокою,
 Опирается на мечъ.

Тихо, тихо достигаетъ
 Наконецъ вершины горъ,
 Съ тяжкимъ вздохомъ направлешь
 Къ Миссолонги слезный взоръ,
 Гдѣ взвивается столпами
 Дымъ опчизны — нѣтъ ея!
 Разливалась надъ домами
 Быстро пламени струя.

Дѣва спонешь: «Бѣдъ жилище,
 О веатрь блестящихъ дѣлъ,
 Миссолонги — непелище!
 Мавзолей геройскихъ пѣлъ!
 Ахъ, свершилось! гибнуть грады,
 Средь отчаянной борьбы
 Мишеньемъ дышущей Эллады:
 Какъ жестокъ устави судьбы!

»Богъ небесъ! вселми моленью
 Преклоненной предъ тобой,
 Предавающей ся шлѣню,
 Не отринь мольбы земной:
 Дай странѣ осиротѣлой,
 И для славы Божества
 Съ честью взявшей крестъ тяжелой,
 Дай ей пальму торжества!

»Бурно нашими сердцами
 Движешъ къ родинѣ любовь,
 Подъ перновыми вѣнцами
 Мы страдаемъ — нашу кровь
 Пьютъ всходящія посывы,
 Гибнемъ мы — и не въ цѣпяхъ,
 Въ лапахъ Греческія дѣвы
 Гибнушь юныя въ бояхъ!

»Знала-ль я любовь и радость,
 Зрѣла-ль миршъ вокругъ чела?
 Жертвой обреченной младости
 Въ буряхъ смерти разцвѣла;
 Сердца сладкія мечшанья
 Создавали чудный міръ;
 Но опечества спрдаанья
 Звали на кровавый пиръ.

»Торжествуйте, о собратья!
 Смершью радость я куплю
 И, подъ сѣнію Распящя,
 Одинокая, молю:

Сжался, Боже! надъ сердцами,
 Жизни чуждыми въ бѣдахъ!
 Ройте, юноши, мечами
 Матъ могилу въ сихъ горахъ!

Плачешь жаркими слезами
 Дѣва о странѣ родной,
 Гдѣ взвиваешься столпами
 На обломкахъ дымъ густой.
 Засыпаешь дѣва брани;
 Гаснешь шихо жизни свѣтъ;
 Выпалъ мечъ изъ крѣпкой длани —
 Все свершилось . . . дѣвы вѣтъ!

На колѣнахъ пушняка юный
 Предъ уснувшюю, въ слезахъ,
 Ударяешь шомпою въ струны —
 Лиру бросаешь — и во прахъ
 Падши съ горестью священной,
 Боже! какъ рыдаешь онъ
 Такъ надъ Греціей сраженной,
 Такъ раздасяся міра столь!

Баронъ Розенъ.

Вечеръ на морѣ.

Ложится день на море, догорая,
 И радостно волна шумить;
 И въперъ, парусомъ играя,
 Пловцамъ счастливый пушъ сулить.
 Ужь берегъ тронулся . . . и вошь ужъ убѣгаешь —
 И вошь ужъ въ сумрачной дали исчезъ, . . .
 Почто-жь печаль тоскою грудь стѣсняешь,
 И канула слеза невольно изъ очей?
 Я вспомнилъ юности минувшей заблужденья,
 Безумныхъ лѣтъ молодыхъ безумныя мечты;
 Минушы радостей, и мѣсяцы мученья;
 Обманъ надеждъ, невѣрны счастья сны!
 О, вѣй сильнѣе вѣтръ! лети корабль покорной,
 Куда помчишь себя сей грозный водъ пиратъ!
 Я съ тайной радостью внимаю гласъ твой грозный,
 Угрюмой брашъ земли, сердитый океанъ!
 Я съ тайной радостью мой рокъ тебѣ вѣрваю
 И по волнамъ твоимъ съ безпечностью несусь;
 Какъ ты, теперь и я заботъ уже не знаю;
 Какъ ты, теперь и я свободой веселюсь.
 Здѣсь сердца ранъ уже ничто не разжигаетъ,
 Опасность общая невольно всѣхъ дружитъ,
 Фортуны ложный блескъ очей не ослабляетъ,
 И далеко любовь коварная бѣжитъ.
 Но день погасъ уже . . . и утомленный
 Корабль едва, едва плывешь;
 Раздался въ тишинѣ звукъ цитры пробужденный,
 И пѣснь веселую матросъ поешь. . . .
 И смолкло все опякъ надъ сонными водами. . . .
 Лишь разгарается звѣздами неба сводъ,

И небо новое съ горящими мірами
 Сидишь въ глубинѣ спокойныхъ моря водъ.
 О чась божественный! какъ ясно предъ собою
 Я вижу здѣсь шеперь безсмертіе свое!
 Низпалъ покровъ, досель скрывающій мглою
 Неизвѣримое величіе моръ!
 Ошведу сонмомъ звѣздъ и солнцевъ окруженный,
 Съ какою радостью, освободись оковъ,
 Прошекъ-бы вихремъ я шеперь сей безпредѣльный,
 Сей дивный океанъ звѣздъ, солнцевъ и міровъ.

И. З-а.

Харьковъ.

Къ В. А. Жуковскому.

(По прочтеніи сочиненія его въ Пол. Зв.
 1824 года.)

На свѣтлый ликъ, начертанный побой,
 Безмолвствуя — взирая я изумленный!
 Тогда міры являлись предо мной!
 И я парилъ, ошь узъ освобожденный!

*

О горе, кто съ безчувственной душой,
 Въ немъ не постигъ шажественность вселенной!
 Кто не позналъ огня любви святой,
 Въ комъ духъ молчалъ, землю угнѣщенный!

*

Но стройный гласъ раздася съ высоты,
 Сонмъ ангеловъ надъ ликомъ красоты
 Вознесся — и невѣсту осняешь! . .
 Мгновенно духъ изъ праха излещаетъ,
 И возбудишь любви святой мечты,
 Одъ въ нихъ явилъ всю прелещь чистоты!

Ротгевъ.

Д и л е т о

Я не забылъ минувшихъ дней
 Любви невинной, молчаливой,
 Когда, въ безопасности счастливыи;
 Я не сводилъ съ тебя очей,
 И близь тебя, мой другъ прекрасный,
 Любилъ задумываться я! . . .
 Когда-же ты, съ улыбкой ясной,
 Бывало взглянешь на меня —
 Твой взоръ пламенный встрѣчая,
 Я робко на тебя смотрѣлъ
 И, безнадежность вспоминая,
 Довѣришь счастью не смѣлъ.
 Но ты вселила упованье
 Въ меня невинностью святой;
 Я полюбилъ тебя душой
 И позабылъ мое страданье!
 Такъ часто вѣшній, ранній цвѣтъ,
 Отъ хлада утромъ увядаетъ;
 Но солнца благотворный свѣтъ
 Его вновь къ жизни оживляетъ.

В. Астафьевъ.

1826 года.

99 й номеръ въ лоттерей.

(Повѣсть.)

Лиза была прелестна. Розовыя щечки, прекрасный ростъ, тонкая, гибкая палия, большіе огненные глаза и шестнадцать лѣтъ — вотъ какія права имѣла она на вниманіе мужчинъ. Надобно согласиться, для перваго взгляда — довольно. «А посылъ? Оправдывала-ли она вниманіе мужчинъ своимъ умомъ, любезностью? . . . Извините, Мм., Гг.! Да что-жь бы я былъ за развѣсчикъ, когда-бы съ первыхъ словъ сказалъ вамъ все, что мнѣ извѣстно! Прощу изнаться — если вамъ угодно знатьъ далѣе. Наша брашья изъ шоло и бѣлоса, чинобы шолько прочитали.

И такъ Лиза была прелестна. Молодому Вильгельму Биркгану не нравились ея шемнорусые водосы — а впрочемъ онъ, казалось, любилъ свою суженую. Она была единственная дочь Сенатора, главнаго аптекаря, хранилеля и заготовителеля аптекарскихъ машеріаловъ, Г. Рольфа, въ Мюкенавальдъ. Это былъ, какъ камень холодный и сладовательно преблагоразумный человекъ, который могъ очень хорошо различить *тину* отъ дубовой корки, но всегда продавалъ послѣднюю подъ именемъ и за цѣну первой. Такими-шо и подобными этому христіанскими средствами, онъ накопилъ изрядное имѣніе

и старался, какъ добрый хозяинъ, увеличить его всѣми возможными средствами.

У него былъ неразлучный другъ, Оберъ-форшнмейстеръ Бирганъ, въ Бухенталѣ — но они совершенно различались въ своихъ характерахъ. Г. Бирганъ былъ настоящій Гипъ изъ всѣхъ Оберъ-форшнмейстеровъ, и для него день, въ который онъ помогъ бѣдному, засмативъ улыбку на его печальнаго, или оперъ слезы несчастному, былъ днемъ правдеспва. Напротивъ Г. Аптекарь считалъ дни благополучія по числу проданныхъ имъ пиаколъ и миксшуръ, а всего вѣрнѣе, по талерамъ, которые находилъ по окончаніи дня въ своей кассѣ. Правда, и онъ отпускалъ бѣднымъ изъ своей аптеки лекарства безденежно, но за то онъ вознаграждалъ себя за это изъ кассы немущихъ, копторой былъ хранителемъ и вознаграждалъ такъ, что немущимъ едва-ли оставался одинъ пфеннигъ на Румфордъ супъ.

Полишка и особенно общая ненависть къ Наполеону утвердила дружество между почтенными мужами. Оберъ-форшнмейстеръ ненавидѣлъ Корсианца главное за то, что онъ портилъ нравы своими войнами; Г. Рольфъ, напротивъ, не жаловалъ Наполеона за то, что онъ хотѣлъ запрешить нашимъ тешушкамъ и бабушкамъ пить кофе и чай лакомиться излишнимъ сахаромъ и мюхашъ шабакъ — а эти

предметы соснавлили главное удовольствіе въ занятіяхъ Г-на Аптекаря. За то онъ бранилъ, проклиналъ всѣхъ Французовъ и насмѣхался надъ ними — заочно, а не въ глаза.

Пріятели почти ежедневно посвящали другъ друга, для того, чптобы между мешырьмя стѣнами поговорить о благе народовъ, которое, по мнѣнію Г. Рольфа, могло бытъ возстановлено единственно посредствомъ свободнаго ввоза мушкатныхъ орѣховъ, кофейныхъ бобовъ и Англинскихъ шапекъ. Онъ при всякомъ посвященіи приводилъ съ собою Лизу, потому что Вильгельмъ Биркганъ, прекрасный, образованный юноща, имѣлъ всѣ виды получивъ мѣсто своего отца и, какъ единственный сынъ, долженъ былъ оспашься наследникомъ значительнаго имѣніа. Впрочемъ Лиза не успѣла произвести сильнаго впечатлѣнія на молодого дѣвсничаго. Мы уже сказали, что ему не нравилась цвѣтъ волосъ ея и прибавимъ, что ненавидѣлъ также и длиннкомъ цюнкая шалія.

Напрасно напенька называлъ ее *Биркгенъ* (березка), давая щѣмъ знать, что Лиза можетъ превратиться въ Г-жу *Биркганъ*: ни Вильгельмъ, ни родители его, какъ будто не разумѣли этой остроумной игры словъ. Однакожъ — Господинъ Сенаторъ и Аптекарь долженъ былъ увидѣть исполненіе своего желанія и въ этомъ виновать не другой кто, какъ ты, ме-

сносный Жидъ, Самуиль, съ своимъ домъ номеромъ въ лоттерей.

Однажды упрямъ, Г. Аптекарь и Г. Оберъ-форшмейстеръ сидѣли съ своими прубками и разсуждали, что должны сдѣлать мужественные и благоразумные Князья Нѣмецкіе, чтобы избѣгнуть общаго объявленія Наполеонова про штейтъ, и придти въ прежнее спокойное состояніе. Вдругъ вошелъ Еврей.

«Ахъ, господинъ Сенаторъ! Не угодно-ли купить у меня лоттерейный билетъ, No 99 й? Мнѣ сегодня снилось, что на этой нумеръ выпадетъ имѣніе Грюнгайнъ, — вы знаете, что Г. Свиндлеръ хочетъ разыграть свое имѣніе въ лоттерей, потому что деньги свои онъ проигралъ въ фаро? Я и сказала своей зенъ: Блюмхенъ! Я хочу идти къ Г. Сенатору Рольфу, продать ему 99 й нумеръ въ этой лоттерей — пусть онъ выиграетъ имѣніе; а если Г. Аптекарю не будетъ угодно выиграть славное имѣніе, то я вѣрно услугу Г-ну Оберъ-форшмейстеру. Обоиамъ Господамъ, по старой дружбѣ, я желаю счастья, когда опдамъ этотъ билетъ.»

— Чудеса! — вскричалъ Аптекарь — сонъ въ руку! Сегодня ночью, число 99-ти видѣлось мнѣ во снѣ.

«Какіе-же пусть чудеса?» думалъ Оберъ-форшмейстеръ. «Ты мнѣ разсказывалъ, какъ тебя цѣнилъ вчера торговый надзи-

рашеть за 99-ть проценшоъ. Это легко привидишь во снѣ

— Однакожь ты не болшай, Жидь! — сказала Апшекаръ. — Я тебѣ такъ говорю это — по увѣренности.

«О, вѣтъ, вѣтъ! Не скажу ни словца. Молцапъ насе дѣло. Г. Надзирашеть есть грубіемъ. А вы, кунше у меня билешъ за 99-мъ нумеромъ?»

У Апшекара разгорѣлоъ зубы на прекрасное помѣшье; Жидь не пересшавалъ нищенствовать и, наконецъ, наши приятели взяли билетъ оба, пополамъ, попому что Г. Рольфъ не хотѣлъ быть счастливъ одиноко.

Съ этого времени, близко предположій, огромный выигрышь, сдѣлался любимымъ предметомъ ихъ разговоръ. Но, къ несчастію, разыгрываемаго имѣнія не возможно было раздѣлить, какъ души человѣческой, а продать его и раздѣлить деньги было-бы даже глупо, если сообразимъ тогдашнія низкія цѣны на всѣ имѣнія. Было рѣшено: заняться хозяйствомъ общими силами; но какъ извлечь болѣе пользы изъ хозяйственныхъ распоряженій? Въ этомъ приехали никакъ не могли согласиться. Въ заключеніе, они обыкновенно утѣшали другъ друга швмъ, что дальбы Богъ выиграть только, а ужъ распорядишья имѣніемъ мы, дискапъ, съумѣемъ.

Теперь, Аптекарю, всякую ночь снилось число 99-ть; Оберъ-форштмейстеру тоже; даже, если можно было въришь Жиду, и ему и его женѣ Блюмхенѣ снилось это занимательное число. Этимъ средствомъ Жидъ спалъ любящимъ обоихъ друзей; и всякій день приходилъ что нибудь продавать имъ, продавалъ и увѣрялъ; что ему всегда видится если не 99 то по крайней мѣрѣ близкое къ этому число. Сны вернулись вокругъ этого числа, какъ земля вокругъ своей оси.

Однакожь, иногда оба приятеля и сомнѣвались нѣсколько въ своемъ будущемъ счастьи, такъ, что ихъ сомнѣній не могъ побѣдить самъ почтенный Жидъ Самуиль. Но онъ рѣшился на масперскую шуку! Чтобы лучше увѣришь своихъ покровителей и сдѣлать ихъ щедрѣе въ покупкахъ на свои повары, онъ посовѣтовался съ одною знаменитою угадчицею и ворожеею. Это была Г-жа Педерлеше, которая жила въ соседствѣ и кормилась только своими угадываніями. Жидъ переговорилъ съ нею что было нужно и послѣ этого предложилъ своимъ благодѣтелямъ, попросить мудрую женщину, которая знала все въ мѣрѣ какъ свою ладонь, сказать имъ правду о ихъ будущемъ счастьи.

Предложеніе принято, исцоднено — и Г Рольфъ совершенно увѣрился во всемъ, когда ворожея сказала ему на ухо кой-что изъ его прошедшей жизни, чего, какъ

думалъ онъ, не зналъ никто, кромѣ самыхъ его искреннихъ — хотя это было извѣстно довольно многимъ, но есль всѣмъ, кто слыхалъ о Г. Аптекарь. Также и Оберъ-Форшмейстеръ удивился мудрости старой ворожеи, когда она объявила ему не только, что число 99 скоро сдѣлаешь его богатымъ и счастливымъ, но даже совѣтовала ему беречься злова челоука, съ однимъ глазомъ, который ходишь въ сѣромъ кафтанѣ.

»Фай!« вскричалъ онъ. »Это вѣрно толь проклятый приказный, который крадетъ у меня дроздовъ, и у котораго уже два раза мнѣ удалось разорвать сѣрый кафтанъ.«

Послѣ этого оба почтенные мужа почитали приобрѣщеніе Грюнгайна несомнѣннымъ и даже иногда очень сожалѣли, что розыгрышъ лопштерей такъ долго замедливался и удерживалъ ихъ отъ многихъ хозяйственныхъ распоряженій, которыя они хотѣли произвести въ благоприобрѣщенномъ ишѣніи.

»Братъ!« сказалъ въ одно утро Сенаторъ. Мнѣ прошедшею ночью снилось....»

— А что? —

»Будто мой Вильгельмъ женился на моей Лизѣ»

— Мнѣ это совсѣмъ не снилось — опивчалъ Биркганъ, невесело качая головою.

Но это было-бы не худо, по мнѣнію Г. Рольфа; ибо тогда не нужно-бы было

дѣлать Грюнгайна или продавати за бездѣлицу, на примѣръ, тысячъ за сто шаперовъ, а можетъ быть и меньше.

Причины были такъ ясны и важны, что не лзя было отговариваться. Оберъ-форштмейстеръ общалъ подумати объ этомъ со своею женою и сыномъ. Какъ имъ желало онъ дать своему сыну свободу въ выборъ супруги, но, должно признаться, также пріятно казалось ему вообразить Вильгельма и Лизу супругами. Тогда, думалъ онъ, мои внуки могли-бы покоиться подъ тѣнью тѣхъ деревьевъ, которыя намѣренъ я посадить и возрастити въ Грюнгайнѣ. Имѣніе останеся фамильнымъ, и не дастъ имъ раззориться. Правда Лиза — но, Боже мой! ты смотришь на сердце, а не на цвѣтъ волосъ.

Добрый человекъ не подозрѣвалъ, что Вильгельмъ думалъ совсѣмъ иначе.

Старый Биркганъ для шулки пошелъ къ Госпожѣ Пеперлеше, желая узнать ея мнѣніе, и она ясно показала ему въ блѣдѣ воскреснаго яйца домашнее и супружеское счастье его сына и Лизы. Можетъ быть этому предсказанію была и причина, потому что Г. Рольфъ не задолго ходилъ къ Г-жѣ Ворожеѣ. Онъ понесъ съ собою дѣсять шаперовъ и возвратился домой съ пустыми карманами.

Вильгельмъ много видалъ хорошенъкихъ дѣвушекъ; но ни одна еще не пробуждала въ

нѣмъ того небеснаго чувства, которое одно даетъ цѣну нашей юности. Онъ читывалъ кой что о любви, но это казалось ему; не прострѣвленному еще ни одною сирѣвлю Амура (фигурно — но ясно!), поэзію воображенія. Тѣмъ хладнокровнѣе вслушивалъ онъ предложеніе своего отца.

Не то была Лиза. Она знала любовь лучше нежели Вильгельмъ, и я думаю потому; что имѣла учителя, правда, очень молодого, но который былъ достойнымъ преемникомъ Овидія и Бернара въ наукѣ любить. Monsieur Le Petit, гусарскій поручикъ во Французскихъ войскахъ, квартировалъ у Г. Аптекаря, и хотя Лиза столько-же мало знала Французскій языкъ какъ этою молодой гусаръ нѣмецкій, но со всякимъ днемъ она оказывала блистрѣе успѣхи; какихъ впрочемъ можно ожидать отъ шестнадцатилѣтней дѣвушки. Взгляды, вздохи, движенія и прочія учебныя принадлежности были понятнѣе для обоихъ, нежели ученныя лекціи для юныхъ слушателей, въ пансіонѣ какого нибудь Г-на N. N. Аптекарь даже не замѣчалъ, когда происходило это преподаваніе по методу взаимнаго обученія — потому что на взглядъ все было тихо и незамѣтно; а почтенная супруга его даже не подозрѣвала ничего: она знала, что дочери Французскій языкъ, а Французу нѣмецкій, были вовсе неизвѣстны. Она не постыгала, какъ можно,

чтобы двое любящихся могли обойтись без образуемых звуками словъ? Да какъ-же могутъ они объяснить другъ другу свою привязанность, предметъ сложный и трудный къ объясненію, такъ что и самые краснорѣчивые люди сплывающа въ шупикъ, когда дѣло дойдетъ на колынахъ, или даже простр. на ногахъ, изъяснить свою любовь? Однакожъ Лиза уже довольно узнала и самый языкъ Французскій. На примѣръ, глаголь aimez, она умѣла спрягать почти по всемъ наклоненіямъ и временамъ, даже безъ послѣдовательнаго порядка.

Съ радостнымъ сердцемъ слышавъ старшій Биркганъ къ своему другу и будущему тещю. Онъ могъ сообщить пріятное извѣстіе, что его супруга и сынъ согласны на предлагаемый брачный союзъ. Г. Рольфъ вспрыгнувъ отъ радости, потому что — на бѣду — онъ замѣтилъ слишкомъ близкое знакомство Monsieur Le Petit и Лизы. Онъ увидѣлъ, что ни Лади Гамильтонъ, ни Мадамъ дю Шацеле не могли-бы научить Лизу такъ хорошо выражать свои чувства, и вслѣдствіе этого рѣшился какъ можно скорѣе подвесить ее къ брачному алтарю.

Оба сваты умѣшались надеждами и разсуждали, что свадьба дѣшея ихъ, кажется, не можеть быть никакой помѣхи; что ее можно назначить рѣшительно черезъ двѣ недѣли. Что касалось до новыхъ

открытій Г. Аптекаря, вразсужденіи Лизы и господина Le Petit, онъ скрывалъ ихъ отъ стараго Биркмана. Такъ поступають и въ торге анликваріи и мореходы; разница въ томъ, что эти господа говорятъ: «Много, много открыли новаго и шаялся отъ публички; а Г. Рольфъ и не говорилъ ничего о своихъ открытіяхъ».

Но только успѣлъ Надзиратель лѣсовъ уйти, какъ Г. Аптекарь поспѣшь сказалъ своей супругѣ и дочери о заключенномъ имъ шрапшѣ. Лиза облилась слезами! Она увѣрляла и клялась, что не можетъ выйти за Вильгельма Биркмана; что одинъ Monsieur Le Petit есть тотъ, котораго она любитъ и будетъ любить вѣчно; что она лучше бросится въ колодезь и шѣмъ окончитъ свою безрадостную, горестную жизнь, а ни за что въ свѣтѣ не согласится отдать своей руки Вильгельму; что Monsieur Le Petit есть утѣшитель, посланный къ ней Небомъ; съ нимъ готова она раздѣлять все: идти въ Россію — рвать лавры или умирашь, и плышь къ Сверхнему полюсу — дѣлать тамъ новыя открытія или искашь гибели.

Лиза думала такъ, какъ думали многія соотечественницы ея: прежде онѣ вязали кошельки и цѣпочки для зарейскихъ пришлецовъ, а послѣ, для ранъ своихъ собратьевъ щипали корпю. Вильгельмъ Бирманъ, по испинѣ, былъ гораздо красивѣе Француза; но блестящій мундиръ

последняго и особенно его брэнчащія шпоры, почти столько-же огромныя какъ и самъ кавалерисцъ — вопъ что сдѣлало неизгладимое впечатлѣніе на сердце Лизы.

»Такъ или шакъ, а бытъ по моему!« вскричалъ Аптекарь — спрашнныи матеріалисцъ въ подобныхъ случаяхъ. »Да какъ-же я вчера свель дикаря и чистую голубку: они пошчасъ начали ворковать, ласкаться другъ къ другу и клевапьясь носиками. Такъ и должно поштурать! А, видно добрыя пшички не были избалованы чптениемъ вздорныхъ романовъ, какъ шы, моя душа! Онъ слѣдовали гласу природы; не знади ни Шиллера, ни Гёте, ни Шиллинга, ни Лафоншена — и поштому поступали гораздо умнѣ себя. Да на что далѣко йскашь примѣровъ: самъ я, могу сказать, не совсѣмъ терпѣлъ швою маму, когда женился на ней — а что-жь? Слава Богу, вѣкъ прожили. Правда, между нами и шеперь бываюшь кой-когда грозы и ураганы — но вѣдь безъ эшого и обойтшться не лзя — у супруговъ вездѣ шакъ. Побранимся, поссоримся — да и пройдешь, какъ ничего не бывало! Ну, говори, хочешь-ли шы добромъ идиши за молодаго Биркмана, или« —

Тушь Г. Рольфъ схватилъ свою камышевую шроскъ съ позолоченнымъ набалдашникомъ. Лиза бросилась на колѣна передъ опшцомъ и опашъ увѣряла, что она не можешъ болѣе повелѣвать своимъ серд-

цемъ , потому что оно навѣки ошдамо
Господину Le Petit.

Эта сцена была горестна.

»Но, негодная!» сказала Г-жа Апшекар-
ша »какъ ты будешь жить съ Францу-
зомъ? Онъ — ни слова по-Нѣмецки, а ты —
шоже по-Французски!»

— Ахъ, нѣтъ, маменька! — вскрича-
ла Лиза : — я ужъ знаю немного по-Фран-
цузски. Послушайте: j'aime — я люблю. —

»Да не должна любить» — перебилъ ее
Апшекаръ.

— Tu m'aimes, ты любишь меня!

»Молчи, негодница!»

— Il m'aime, онъ любишь меня. —

»Я не буду щерпѣшь этого» — вскри-
чалъ отецъ.

»Nous nous aimons, мы любимъ другъ
друга.

»Не хочу, не хочу — и баста!»

»Но подумай, дочка! продолжала мать:
»вѣдь Французъ Каполикъ?»

Лиза увѣряла, что она съ Каполикомъ
Французомъ будетъ счастливѣе, нежели
съ Вильгельмомъ-Люшераниномъ. Это совер-
шенно взбѣсило Г. Апшекаря, человека,
какъ уже читатели могли замѣтить,
чрезвычайно набожнаго. Онъ началъ сви-
спаршъ палкою по воздуху такъ ужасно,
что бѣдная, испуганная Лиза вдругъ обра-
пилась къ повиновенію, обѣщала забыть
Француза и хотѣ сей часъ идти подъ въ-
нецъ съ Вильгельмомъ Биркганомъ.

Можетъ быть никто не испытывалъ съ такимъ прискорбіемъ, какъ Лиза, какво быть дочерью непреклонныхъ, неумолимыхъ родителей. Она не могла придти въ себя отъ слезъ и рыданій; но всего прискорбнѣе для нея было то, что она не довольно знала Французскій языкъ и не могла пересказать милому Le Petit своей горести. Да ей и не льзя было сдѣлать этого, потому что папа и мама сперетли ее Аргусовыми глазами, желая отнять всѣ средства у Господина Le Petit измѣнить счастливое впечатлѣніе, произведенное родительскими увѣщаніями.

»Желѣзо надобно ковать, пока оно горячо!» сказалъ Г. Аптекарь, восхищаясь дѣтскою покорностью своей дочери, и отправился въ Бухеншаль, для переговоровъ съ Оберъ-форштмейстеромъ о сговорѣ, свадьбѣ и политическихъ происшествіяхъ, — все это было необходимо; но еще необходимѣе казалось ему рѣшительно поговорить со старикомъ Биркганомъ о преднамѣреваемыхъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ въ Грюнгайнѣ. Странно! Будущій зять услышалъ объ ожидающемъ его счастіи такъ хладнокровно и равнодушно, какъ будто у него мимо носу пролетѣла муха, а его маменька сдѣлала гримасу, какъ-бы принимала горькую микстуру: только лицо Оберъ-форштмейстера сложилось къ улыбка, но и по не удалось;

когда онъ взглянулъ на угрюмыя лица жены и сына.

Однакожь рѣшили быть черезъ два дни стовору, а черезъ двѣ недѣли и свадьбѣ.

Г. Рольфъ не почтительнѣе нужнымъ или лучше сказать не смѣлъ въ этою день говорить о своихъ хозяйственныхъ планахъ, касательно Грэнгайна; онъ только упомянулъ объ одномъ дистилляторномъ заведеніи для эссенцій, которое хотѣлъ увредить и уже заказалъ нужные къ тому снаряды.

«И надѣюсь продолжать онъ, что вонгонка будетъ у меня производиться въ большомъ видѣ.»

— А я думалъ, что ты оставишь это — сказалъ съ неудовольствіемъ Оберъ-форшпейсеръ. — Для такого заведенія нужны дрова, то есть дѣсь.

«Чтожь? Лѣсу у насъ двѣсти нѣкуда!»

— Да! какъ-бы не такъ! А нашимъ дѣтямъ развѣ онъ не будетъ нуженъ? О зинъ не заботься: она всегда будетъ! А дрова мы должны запасать сами. Надобно подумать, чѣмъ будутъ обогрѣваться и внуки наши. —

«Это ужъ найдется!» — такъ сказалъ Рольфъ самъ себѣ — не вслухъ. Онъ рѣшился молчать о своихъ планахъ до окончанія свадьбы дочери.

— Послушай, Самуиль! — сказалъ Апшекаръ, пришедши домой: — завпрашній день, утромъ, ты долженъ нанять шв-

лежку и вхашь въ Берлинъ. Тамъ купишь ты для меня разныхъ сѣменъ, шравъ и распеній аптекарскихъ, що есть полезныхъ и спасительныхъ. Волъ приспа шадеровъ: смотри-же, не обманя меня. —

»Сохрани Богъ, что-бы я обмануль насъ, Г. Сенаторъ! Да я узъ и довавалъ что люблю васъ какъ отца сына. Разъ не я продалъ вамъ ложшерейный билетъ за No. 99-мъ?»

— Да, да! Я только тебѣ напомнилъ. Однако-жь, смотри Самуилъ, чтобы о этой повѣдкѣ не узналъ Оберъ-форшмейстеръ. Онъ не долженъ знать о ней. —

Смѣясь внутренно, Жидъ взялъ деньги. Онъ хвалилъ спрогую молчаливость, и пошелъ — съ предложеніемъ своихъ услугъ къ Г. Биркгану. Онъ вспрѣдился съ Оберъ-форшмейстеромъ на улицѣ, еще не дошедши до его дома. Старый Биркганъ хотѣлъ въ это утро купишь для будущей невѣстки подарковъ и пошому имѣлъ съ собою порядочный запасъ денегъ: какъ кешаши и ему и Самуилу! — Славно, Самуилъ! — вскричалъ Оберъ-форшмейстеръ, узнавъ о душешествіи — славно! ты купишь мнѣ въ Берлинъ древесныхъ сѣменъ, которые хочу я посадить въ Грюнгайнъ. Вотъ чепыреша шадеровъ; а рефесиръ перешлю къ тебѣ къ шракширъ Чернаго медвѣда. Дѣлай что хочешь, а только не сказывай объ этомъ Аптекарю.

Дѣло было кончено. Жидъ взялъ деньги и отправился — за покупкой сѣменъ.

Вмѣсто свадебныхъ подарковъ Лизъ, сварый Биркганъ ворошился домой съ пустыми карманами и съ искреннимъ поклономъ отъ Самуила своей супругѣ и сыну. Они вспрѣлиши спарика еще на дорогѣ — такъ было имъ любопытно узнать, что купилъ онъ для будущей своей дочки. Наконецъ спарикъ признался, куда дѣвалъ онъ деньги.

— Ахъ, муженекъ, муженекъ! ты бросаешь деньги! окаянда ему супруга полушущадымъ и дѣшкѣ полупечаальнымъ пономъ.

— Няшъ, моя милая, я сдѣлалъ право не худо. Подумай, если будущъ у насъ такія же великолѣпныя деревья въ Грюнгайнъ, какъ здѣсь? Тогда — кто знаетъ — можешь быть наши имена давно будущъ забышы, а многіе опцы бѣдныя, и машера безпомощныя — благословяшъ тѣхъ, которые, за спольнїя прежде заботились о нихъ и о ихъ маленькыхъ дѣшяхъ. А вѣдь мы непременно должны сдѣлать что нибудь для потомства; для насъ предки шрудились не мало.

— Все это хорошо, мой другъ; но прежде надобно — бы было выиграть Грюнгайнъ — тогда бы это было и мнѣ прїятно.

— Да ужъ Грюнгайнъ мы получимъ непременно! Это мнѣ сказала Госпожа Печердеще, а она знаетъ все, и прошедшее

и будущее — только-бы было у нее свѣжее лицо. Да вопль послушай: она сказала, что нашъ Вильгельмъ женился на Лизъ и будешь съ мею очасшлivity? Развѣ не правда?

«Дай Богъ, чтобы сбылось это!» сказала Оберъ-форшмейстера и со вздохомъ подняла глаза къ небу. Она была такъ тиха и добра, что не хотѣла много даже прошиворѣчить любимому ея мужу, который-бы вѣрно выслушалъ все ея прошиворѣчія. Впрочемъ, мы не смѣемъ рекомендовать прекраснымъ нашимъ чиншпельницамъ Госпожу Биркганъ образцомъ свѣхъ женъ — извѣстно, что насноющая жена должна быть повелительницею мужа.

Въ тотъ-же день приказано было кучеру Христофу вычиснить и вымытъ карету, которую старый Биркганъ купилъ еще во время своей юности, будучи женихомъ, и купилъ потому, что карета продавалась съ аукціона, дешево. Теперь она понадобилась потому, что хотѣ Мюкенвальде быть опять Бухеншала не больше какъ въ двухъ шагахъ шагахъ, но не прилично было-бы на обрученіе — идти пешкомъ. Правда, стекла въ каретѣ все состояли изъ кусочковъ, но этому нашли средство пособить: вѣхавши черезъ Мюкенвальде, остановиться передъ домомъ Бургомистра, который торговалъ сше-

клади и жить на самомъ рынкѣ, а слѣд-
ствиемъ этого будетъ то, что не дохва-
ти до жилища Г-на Аптекаря — спекула
въ каретѣ лянтся новыя.

На другой день, ровно въ девять ча-
совъ, старый Биркганъ со своею супругою
вошелъ въ дряхлый экипажъ и приказалъ
кучеру какъ можно тише ѣхать по мо-
шовой. Молодой Биркганъ весело и бодро
вскочилъ на лихаго коня и поѣхалъ курц-
галопомъ подлѣ кареты. Онъ былъ въ но-
вомъ егерскомъ мундирѣ и въ башфор-
шакъ съ серебряными лшорами.

Передъ домомъ почтеннаго Бургомис-
тра ожидала ихъ непріятная новость:
Его Благомудріе (*) уже часа два назадъ
уѣхало за городъ, вставлять въ какой-то
сельской школѣ спекула, разбишья гра-
домъ.

«Какъ не кспати! вскричалъ старикъ
Биркганъ. Супруга его непременно хотѣла
выйдши и пѣшкомъ дойдти до аптекарева
дома. Но супругъ держался своего мнѣнія;
лучше смиренно доѣхать, нежели гордо
дойдти. Добрал Оберъ-форштмейстера
горевала и пролила шущь сполько слезъ,

(*) Gr. Wohlweisheit, такъ шилулюють въ нѣкото-
рыхъ Нѣмецкихъ городахъ бургомистровъ. Прид.
Перев.

сколько ей не случилось выплывать въ цѣлую жизнь. Она ясно и громко увѣрила, что это самый несчастный день въ ея жизни, потому что надъ нею будущія смѣялись всѣ, и враги и друзья.

— И все это опъ разбитыхъ спеколь, другъ мой? Да ты чѣмъ виновата? Развѣ ты разбила ихъ? Такъ упѣшала свою супругу Г. Биркганъ и успѣла осушить ея слезы.

Между тѣмъ у Аптекаря ничего не знали объ этомъ, и что было всего лучше — молодые люди, игравшіе главную роль на празднествѣ, очень понравились другъ другу. Въ самомъ дѣлѣ Лиза была одѣта и со вкусомъ, и какъ должно невѣстѣ. На ней было платье розоваго цвѣта; вѣнокъ изъ цвѣшущихъ миршъ окружалъ ея голову и закрывала волосы; свѣжая роза украшала дѣвственную грудь, пренетавшую подъ флеровымъ покровомъ — да и у какой дѣвушки не бьется сердце въ день обрученія?

Когда Лиза пристально посмопрѣла на своего будущаго жениха, который въ первый еще разъ явился передъ нею въ своемъ егерскомъ мундирѣ — ей показался онъ совсѣмъ другимъ человекомъ. Она сравнивала его въ мысляхъ своихъ съ вершлянымъ Французомъ, который носилъ ешальныя шпоры — а у Вильгельма были онѣ серебряныя — и увидѣла, что

любовь есть вещь непоспнжимая и спольже переменчивая — какъ все на свѣтѣ.

Съ искреннимъ желаніемъ общала она свою руку и сердце молодому, прекрасному Вирагану и только изрѣдка взглядывала на Monsieur Le Petit. Его присущіе теперь было ей очень немилы: она боялась, чшобы онъ не вздумалъ объяняться съ Вильгельмомъ, который говорилъ по-Французски и могъ выслушать любовную исповѣдь чистосердечнаго Француза. Но Monsieur Le Petit былъ человекъ свѣпскій и Лиза боялась его напрасно. Она была не первая, которую милый Французъ заставилъ любить себя. Любовь и супружество — по его мнѣнію — не мѣшали другъ другу и даже не мѣшали ничего общаго.

Вильгельму, какъ уже мы сказали, очень понравилась его невѣста; только цвѣтъ волосъ ея казался ему слишкомъ древне-Германскимъ. Вообще, на этомъ сговорѣ было весело. Аптекарь и Оберъ-форшмейстеръ, правда, заспорили было о Грюнгайнскихъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ, но привздъ новыхъ госпней счастливо прервалъ ихъ споръ. Женихъ и невѣста дружески разговаривали и — следовательно Г. Рольфъ справедливо сказывалъ о своихъ чистыхъ и дикихъ голубяхъ. Однакожь, нѣсколько откровенныхъ взглядовъ между Лизою и Французскимъ гусаромъ — попали прямо въ сердце молодого

ду егерю, и сколько нужно было ему сначала, столько же спалъ печалью и холоденъ теперь. Лиза старалась удвоенною любовью развеселить его — но тщетно! Онъ сдѣлался еще печальнѣе. Искра ревности загорѣлась: нужно было легкое дуновение и она могла превратиться въ пламя.

Между тѣмъ искусный Г. Бургмистръ вспарилъ новыя сидѣла въ древнюю карету, и Г. Биркганъ съ своею супругою поѣхали домой въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Лиза съ любовью смотрѣла вслѣдъ за женихомъ, покуда онъ повернулъ на своемъ конѣ за уголъ — и всѣ гости въ голосъ сказали, что этошь союзъ благословляетъ само Небо.

Вильгельмъ, выѣхавши за городскія ворота, рѣшился хорошенько подумать о новыхъ своихъ отношеніяхъ. Онъ, подобно Мюккенвальдскимъ а можешь быть и другимъ кой-какимъ жишелямъ — нивѣль иногда привычку думать о томъ, что уже сдѣлано, и размышлять: хорошо-ли это? Если дѣло оказывалось неблагоразумнымъ — то, обыкновенно — сожалѣть, горевать. Съ каждымъ шагомъ, съ каждою минутою образъ прелестной невѣсты казался ему въ новомъ, не столь выгодномъ свѣтѣ, какъ на стговорѣ, подъ миртовымъ вѣнкомъ. По самой обыкновенной связи идей, особенно у егеря, ему казалось, что прелестная голова Лизы, такъ восхищавшая

его за нѣсколько часовъ — походить на голову лисицы. Когда же вспомнилъ онъ о Французѣ, то нашъ неуспрашимый — какъ Оссиановы герои — Вильгельмъ запрепещалъ спрахомъ. Приѣхавъ домой, онъ доспѣшно соскочилъ съ коня, вбѣжалъ въ свою комнату и въ задумчивости бросился въ кресла. Все, случившееся съ нимъ въ эпоху дня, казалось ему пещнымъ, обманчивымъ сномъ. Онъ чувствовалъ, что любовь къ Лизѣ, которую онъ обвѣщалъ ей, будетъ самою обыкновенною любовью.

Онъ пробужденъ былъ отъ своихъ размышленій испугомъ родительской кареты, которая по губительной мостовой въала тихо. Едва успѣла остановиться заслуженная колымага, какъ сосѣдь, Паспореъ, который не успѣлъ присутствовать на сговорномъ пиру, явился со своею Бавкидой опдаться вечерней визитъ. Они были и не одни. Съ ними пришла милая, прелестная дѣвушка, почти однихъ лѣтъ съ Лизою. Небогатый, но милый нарядъ, еще болѣе возвышалъ ея красоту. Паспореъ извинялся въ длинной, по правиламъ расположенной рѣчи, что онъ осмѣливается представить дѣвицу Генріэшту Эрманъ, осиротѣвшую дочь друга своего, Адвоката Эрмана, и рекомендуетъ ее благодѣтельному вниманію и милостямъ всего дома Гг. Биргановъ.

Оберъ-форштмейстерша приняла молоденькую незнакомку также, какъ она принимала всѣхъ своихъ гостей, съ радушіемъ, а шарый Бирганъ взялъ Генріэпшу за руку, съ испанно Нѣмецкою привѣтливостью. И молодой Бирганъ очень охотно изъявиль-бы ей чувства приверженности и благоволенія, но ему пришло на память обрученіе съ Лизою — и онъ пролиналъ эпопѣй день, какъ несчастнѣйшій въ своей жизни. Для чего Пасторъ не пришелъ вчера вечеромъ съ Генріэпшою? Не было-бы сегодня праздновано обрученіе и Вильгельмъ имѣлъ бы надежду черезъ несколько дней быть счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. А теперь? Для того-ли долженъ былъ онъ увидѣть Генріэпшу, что-бы сильнѣе чувствовать потерю счастья?

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

Разныя извѣстія.

Дѣвица Зонншагъ уѣхала изъ Парижа, но Журналы не перестаютъ говорить о ней. Таковы Патрикяне! . . . Прелестная дѣвица ослѣпила ихъ блескомъ своихъ талантовъ и теперь имъ нравятся все, что напоминаетъ о ней. Издали біографію ея, указавъ въ какихъ роляхъ бываешь она лучше и началъ цитировать шляпки, башмаки à la Mlle Sonntag; этого мало — даже въсколхо, Германскій выговоръ ея, понравился Парижскимъ любителямъ изящнаго. Изъ множества рецензій о сего необыкновенномъ явленіи, сообщаемъ нашимъ читателямъ слѣдующее:

Дѣв. Зонншагъ родилась въ Кобленцѣ. Ея родители съ отпущеніемъ служили на драматическомъ вѣприщѣ; она также съ малыхъ лѣтъ оказала шателиты удивительныя. Пяти лѣтъ явилась она въ первый разъ на Франкфуртскомъ театрѣ, въ роли гедія, въ оперѣ, извѣстной у насъ подъ названіемъ *Русалки*. На девятомъ году, лишилась отца, она уѣхала съ своею матерью изъ Франкфурта и училась въ Прагѣ, въ тамошней Консерваторіи. Двѣнадцати лѣтъ она дебютировала на тамошнемъ театрѣ съ большимъ успѣхомъ. Въ Вѣнѣ уже гремѣла слава о дѣвицѣ Зонншагъ, когда она пріѣхала въ Австрійскую столицу, которая есть также столица музыкальнаго Германскаго міра. Здѣсь сначала она играла въ Нѣмецкой оперѣ, но скоро перешла въ Италіанскую. Вѣнскій театръ обладалъ въ это время знаменитѣйшими талантами, но и между ними

Ч. X. No 14. 7

оплачивалась известная Менцель - Фодоръ. Девуца Зоннгагъ взяла образцомъ эту Французскую филемелу, и счастливый выборъ направленія увеовершенствовало ея вкусъ, ея пѣніе и предназначило юную пѣвицу къ судьбѣ слабой. Осенью 1824 года кончили ея контракты съ Вѣнскимъ театромъ. Она поѣхала путешествовать по Германіи, играла несколько времени на Лейпцигскомъ театрѣ и наконецъ Берлинскій театръ успѣлъ переманить ее къ себѣ. Здѣсь все пребываніе дѣв. Зоннгагъ было временемъ ея триумфовъ. Эта прелестная пѣвица принята въ Берлинѣ въ самыя лучшія, блестящія общества, а шеперь, удививъ Парижъ и следовашельно Францію, она конечно возбудишь еще большій восторгъ въ Берлинцахъ. Мы упоминали, что она заключила контрактъ въ Парижѣ. Жители сей столицы вкуса согласно говорятъ, что дѣвица Зоннгагъ есть рѣдкій феноменъ. Таланты ея въ игрѣ и пѣніи разнообразны удивительно, но *рѣшительно торжествуетъ она въ высококомъ пантеатическомъ родѣ.* Въ оной бенефисъ она получила 12 тысячъ франковъ. Даже въ оркестрѣ сидѣли дамы — такъ многочисленно было собраніе!

Въ Лейпцигской *Модной Газетѣ* иногда помѣщаются известія о Россіи. Мы благодарны за это, но просимъ Нѣмецкихъ дамъ не вѣрять, будто наши Русскія дамы поставляютъ всю красоту — *въ толщину*, будто оны цѣлый день проводятъ въ туалешомъ и даже — спрашно выговорить! — бьютъ своихъ служанокъ. Это такія нелѣпости, которыя не стоить отвѣта. Просимъ Г-на Нѣмец-

того Журналиста, или вовсе не помышлять извѣстій о насъ, или помышлять руководствуясь хоть здравымъ смысломъ, не говоря уже о вкусѣ, который долженъ быть Европейскимъ у *моднаго журналиста*, долженъ всегда руководить его перомъ. А Издашелоу Нѣм. Модной Газеты часто забываетъ эти немъ обходимыя для него правила. На примѣръ, вѣкъ восторгалось въ одномъ изъ нумеровъ его газеты, полученныхъ на дняхъ, описание многозвѣщнаго бала, который давалъ Потемкинъ, Екашеринѣ Великой, въ 1791 году. Чего вѣшь въ эшомъ описаннѣ! Между прочимъ сочинилель говоритъ, что колонны въ танцовальной залѣ Таврическаго дворца были украшены гирляндами изъ *драгоценныхъ камней (!)*, и что когда пошли обшій польскій, то каждый кавалеръ, проходя мимо колоннъ, снималъ по драгоценному камню и дарилъ имъ свою даму. Это кажется Г. Нѣмцу презвычайно учтиво и онъ называетъ за эшо Пошешкина: *der galante Festgeber.*

Мы упоминали уже о скороходѣ Румель. Воть что, еще пишушь о немъ:

«Не должно спрашивать, сколько пробѣгаетъ Румель въ минуту; не должно судить о его бѣгѣ глядя на него. Надобно знать, сколько пробѣжитъ онъ въ часъ, ибо на одну, на двѣ минуты сыщется много молодыхъ людей, которые перегоняють его; но столько времени и такъ бѣжашъ, какъ Румель — самъ ли кто можешъ взидеть!»

На привязи, онъ бѣгалъ изъ Сен-Клу; отъ Королевскаго дворцоваго балкона или отъ главнаго входа до Версальскаго дворца: это составляетъ двѣ почтовыхъ лѣ или 4000 шаговъ. Руммель пробѣжалъ это разстояніе и ворочился назадъ — въ пятьдесятъ минутъ. Следовательно четыре лѣ, или восемь тысячъ шаговъ, оставилъ онъ за собою; пробѣганіе сего шестидесяти шаговъ въ минуту или почтовую лѣ въ 12½ минутъ.

Руммель взялся пробѣжать отъ Сен-Клудскаго моста до моста Нейли, и ворочиться; въ 38 минутъ. Онъ пробѣжалъ эти 6200 шаговъ въ 36 минутъ. Слѣд. здѣсь бѣгъ его былъ 172½ шага въ минуту.

При возвращеніи, Руммель совсѣмъ не имѣлъ того усталаго, измученнаго вида, какой можно предполагать въ подобныхъ случаяхъ. Онъ бодръ и веселъ.

Скажемъ еще объ одной необыкновенной рѣдкости, которою Парижане восхищаются. Это чревоушчатель и мимикъ, какой-то Александръ. Онъ исчезаетъ такъ скоро, что самыя зоркія глаза не увидятъ шутъ ничего театральнаго: исчезъ — какъ не бывалъ! Другая способность его: измѣнять видъ и переодѣваться. Въ пьесѣ, нарочно для сего сочиненной, онъ сначала является Англическимъ офицеромъ; превращается въ алдермана; алдерманъ превращается въ старуху; старуха въ слугу; слуга въ сосѣда; который идевъ приглашаетъ алдермана на охоту; сосѣдъ является уже опять съ лицомъ алдермана; въ охотничьемъ плащѣ; наконецъ алдерманъ пре-

вращается въ хитреца-слугу и пьеса оканчивается. Между тѣмъ, на сценѣ вы слышите — плачуть, лаютъ собаки — ихъ цѣлая свора; вошь гонимъ старуху — она заверта въ сундукъ; вокругъ спорять алдерманъ, офицеръ и слуга-хитрецъ — споръ усиливается, крикъ, шумъ не драка — не безлокойтесь! Это Александръ, кошорый одинъ представляеть все лица.

Вотъ Этельчудакъ родомъ Англичанинъ: Одинъ Парижскій журналистъ пишетъ, что видѣлъ у него неслыханное собраніе свидѣтелей о его успѣхахъ въ Англии. Они въ подписяхъ знаменитѣйшихъ особъ, и прѣмъ Фридриха Вильгельма, Король Прусскій, Герцога и Герцогини Кумберландскихъ; Герцога Дембриджскаго; многихъ владѣтельныхъ Князей и знаменитыхъ полководцевъ, генераловъ и проч., всего 75 подписей. Въ заключеніе словъ угаралось, что если сей арестантъ поѣхалъ чужія земли, то его должно награждать и за пріятное увеселеніе и за то, что онъ подпора своего беднаго семейства.

Литтературныя извѣстія.

Съ удовольствіемъ замѣчаемъ, что полюбившия и важная Русскія сочиненія, съ болыими вниманіемъ принимаются въ Европѣ: Пущешевские Г. Муравьева въ Хану, переведенное Г. Коантомъ въ Мавъ и пересмотрѣнное Г. д-ми Эбрисомъ и Кланкромъ, издаво было въ Паризѣ (*Parade en Turc* сочинено отъ Кланкромъ, Ханъ и Эбрисомъ росс. М. М.

Mourawieff, Парижъ. 1823, in 8). Е. Салзертъ, разбиравшій его въ *Revue encyclopédique* (1826 г. Т. XXIX, стр. 663 и слѣд.) и Абель-Ремюза, помѣстившій рецензію въ *Journal des Savans* (1823. Сентябрь. и Октябрь), отдають полную справедливость познаниямъ Г. Муравьева и важности его книги. Теперь печатающагося Французскій переводъ *Путешествія Е. Ф. Тимковскаго въ Китай*. (*Voyage à Péking, à travers la Mongolie, en 1820 et 1821, par M. Timkovski, trad. du russe; par M. N*** et Terna, in 8.* у книгопродавца Дюнде-Дюпре). Г-да Эриосъ и Клапроуъ пересмотрѣли его, сдѣлали многія прибавленія и примѣчанія. Наконецъ Г. Клапроуъ объявилъ объ изданіи *Азіатскаго Магазина* (*Magasin Asiatique, ou revue géographique et historique de l'Asie septentrionale et septentrionale*), который будетъ выходить книжкою, листовъ въ 20, чрезъ каждые три мѣсяца и содержать между прочимъ переводы *Русскихъ статей объ Азіи*. Въ первой книжкѣ помѣщено будетъ *Путешествіе Г. Назарова въ Китай, въ 1813 и 1814 гг.* и *Повѣдки Г. Постарева на Китайской границѣ*. Надѣмся, что Г. Клапроуъ будетъ умѣть оцѣнить извѣстія Г. Назарова, сообразить ихъ и показавъ невозможность многого въ нихъ помѣщеннаго, въ тоже время покажетъ что въ нихъ важно и достоверно. Отъ лица Русскихъ, мы просимъ его, различая ученая путешествія Тимковскаго, Мейердорфа и Муравьева, еще комплименты и описанія, за которыя ничто намъ не ручается, словомъ просимъ его не поступать такъ, какъ Г. Эриосъ, у котораго въ *Всероссійскомъ Бюлетенѣ* выходятъ дурно и безъ всякаго разбора переводимыя статьи изъ Русскихъ журналовъ и книгъ.

Русскимъ читателямъ конечно пріятно слышать иногда о литературныхъ надеждахъ въ нашемъ отечествѣ. Намъ сказывали, что 4-я часть Государственныхъ Грамотъ (Тел. 1826 Т. VII. отд. II. стр. 113) скоро выйдетъ въ свѣтъ; что Н. И. Гречъ напечаталъ ужь *восемь листовъ* Россійской Грамматики; что важная для Россійской Исторіи книга Г. Гаммера (*Sur les origines Russes*), гдѣ помѣстятся извлеченія сего Ориенталиста изъ Восточныхъ писателей, оканчивается печаніемъ. — Въ Москвѣ (какъ говорятъ) будетъ издаваться съ Новаго года, новый литературный и ученый журналъ, *Аосней*. — Наконецъ любители Русской Поэзіи въ скоромъ времени увидятъ собраніе стихотвореній Е. А. Баратынскаго и *Абидосскую Песню*, Поэму Байрона, прекрасно переведенную И. Н. Козловымъ: отрывки изъ сего перевода были помѣщены въ Журналахъ; 19-я книжка Телеграфа, 1825 г., была украшена двумя небольшоими отрывками.

Парижскіе модныя обычаи.

Въ прошедшую зиму, приглашенныя билеты на балъ украшались сверху музыкальнымъ профеемъ. Нынѣ, въ деревню приглашаютъ билеюмъ, на которомъ вишьешка, съ видомъ шого замка или дома, куда приглашаютъ.

Въ первое представленіе пьесы: *Докторъ Театровъ*, всѣ удивились, когда Потье, занимавшій роль Доктора *Sauve-qui-peu* (*спасайтесь!*) явился въ цвѣтномъ фракѣ, бѣлыхъ панталонахъ и песпромъ жилетѣ. Напрошивъ, медики нашего поколѣнія, какъ и прежде всегда, даже ушромъ, являющагося въ черномъ коспюмѣ.

Извѣстно, что въ богатыхъ домахъ нынѣ множество вещей увидаете серебряныхъ. Надобно причислить къ этому и серебряныя щипцы для пильшоковъ.

Съ нѣкотораго времени въ большой модѣ маленькія колясочки, въ одну лошадь. Ихъ называютъ *Demi-fortunes*.

Въ кабриолетѣ, у котораго кузовъ бываетъ низокъ и колеса маленькія, обыкновенно закладываютъ высокую Мекленбургскую или Англинскую лошадь.

Щеголи носятъ нынѣ густыя бакенбарты, которыя идутъ отъ самыхъ ушей и сходятся на подбородкѣ, подъ галстукомъ. Воронникъ рубашки или манишки бываетъ непременно вокругъ всего лица подлѣ галстука, и напередѣ почти сходящаясь своими шпудыми углами.

Знатныя дамы одѣвають нынѣ своихъ служительницъ почти въ ливрею. Передникъ горничной и няни, на карманахъ, бываетъ вышитъ шифрами и даже гербами.

Модный цвѣтъ для шилбюри есть цвѣтъ ясного неба. При этомъ должны быть колеса съ ярвокрасною сѣпкою и подушки желшаго сукна, съ голунами и голубыми кисьями.

Парижскія моды (*).

Un ruban non coupé, pour bride flottante; un canezou très-clair; des manches claires, longues et bouffantes; des aigrettes de fantaisie, soit de couleur, soit blanches, à plumes vertes, pour feuillage; une grande croix à la jeannette; des boucles d'oreilles en poire allongée; une jupe bien courte; une écharpe à grandes divisions ombrées, ou à grands carreaux; des volans bien hauts, des guêtres, des demi-brodequins, sont autant de modes générales. — En négligé les merveilleuses portent des jupes des taffetas à larges

(*) По 1-е Сентября, 1826 г.

couleurs de couleurs tranchantes, tandis que le ébrage et les manches, sont en percale ou en jacconnat. — En toilette, on porte des bérêts de tulle brodé, sur le devant desquels, une rangée de marabouts forme diadème à l'Inca. — Il n'y a presque plus que les enfans qui portent de grands chapeaux de paille d'Italie. Les demoiselles ont presque toutes des capotés à longue passe, en taffetas à pois, ou à filet de Vulcain. — On porte beaucoup de ceintures à bouts noués par derrière. Les robes deviennent chaque jour plus courtes. — Quelques bonnets parés, en tulle ou en crêpe, ont de longues brides festonnées et bordées d'un liseré et d'une blonde: le liseré est de la couleur des fleurs qui ornent le bonnet. — A l'Opera, le jour de la représentation au bénéfice de mademoiselle Sontag, les robes blanches étaient les plus nombreuses; puis venaient le rose, le bleu et le jaune.

L'habit de fantaisie le plus à la mode est en drap vert russe, à boutons pareils et à collet de velours noir: les basques excessivement larges par devant, sont arrondies par derrière: les poches, qu'ouvertes sur les hanches, baillent assez pour laisser voir le mouchoir: les revers sont très-applatis sur la poitrine; le haut des manches est plissé à gros plis.

У шляпки, не разрывая изъ лентны завязка, которую никогда я не завязывають — канзю, изъ прозрачной кисей и п. п. — рукава, также прозрачные, буффированные — эгрешки на шюрбанахъ, шляпкахъ и проч., какого угодно вида, въшныя и бѣлыя, съ листьями изъ зеленыхъ дерьевъ — на груди большой крестъ à la jeanette — серьги, похожя на продолговатую грушу — юбка у платья

короткая — шарфъ съ большими оплѣченными раздѣленіями или съ большими квадрашами — высокіе воланы на платьѣ — шшибленты — полусапожки — вотъ Парижскія моды *всеобщія!* — Запроси, щеголихи носятъ платья, у которыхъ юбка машерташая, съ широкими, яркихъ цвѣтовъ квадрашами, а корсажъ и рукава сдѣланы изъ перкаля или жаконна. — Въ нарядъ надѣвають береты, изъ вышитого тюля, у которыхъ рядъ пучковъ марабу образуетъ діадему *à l'Inca*. — Почти только одни дѣвчѣ носятъ большія Италіянскія соломенные шляпки; на дѣвушкахъ видишь капоты, съ длинными полями, сдѣланные изъ шелковой матеріи, цвѣта гороховаго или Вулкановы сѣши. — Много носятъ поясовъ, съ завязанными на спинѣ бантами. — Платья каждый день дѣлаются короче. — Иногда у нарядныхъ чепчиковъ изъ тюля, или изъ крепа, дѣлаютъ длинныя завязки, фестонированныя и украшенныя лизере и блондами — лизере бываетъ подъ цвѣтъ тѣхъ цвѣтовъ, какими украшенъ чепчикъ. — Въ Оперѣ, въ бенефисъ дѣвицы Зонншагъ, всего болѣе замѣтили платьевъ бѣлаго цвѣта; послѣ него можно было поставить цвѣта въ слѣдующемъ порядкѣ: розовый, синій, желтый.

Самый модный фракъ, изъ числа фраковъ, дѣлаемыхъ по прихоти щеголей, а не составляющихъ общей моды, слѣдующій: цвѣта Русско-зеленаго, съ такими-же пуговицами и съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ; сзади фалды круглы, спереди широки; карманы на бокахъ открытые, такъ, что изъ нихъ видны плашוקъ; ошложные лацканы на груди плот-

но прижаты и верхъ рукавовъ съ большими складками.

На приложенной картинкѣ:

Шляпка изъ небѣленаго бапписта, украшенная шелковыми лентами и подбитая шелковою матеріею. Органдиновый ренеготъ съ фесшонированными воланами.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

О состояніи, духъ и стремленіи новѣйшей Польской Поэзіи ().*

Приступаая къ изложенію столь обширнаго предмета, не скрываю отъ себя трудностей и опасностей моего предпріятія.

(*) Давно желали мы сдѣлать постоянную статью Телеграфа извѣстія о Литтературѣ Польской, но донынѣ не находили къ тому никакихъ средствъ. Къ странностямъ Русской Литтературы принадлежитъ и то, что Польская Литтература почти совершенно неизвестна въ Россіи. Если-бы она была и незначительна, то въ наше-ли время, когда съ такою ревностію стремимся къ ознакомленію со всѣми сокровищами ума человеческого, къ быстрому и ближайшему общенію познаній и свѣдѣній, не взглянуть Рускимъ на литтературу народа, одареннаго никакимъ, сильнымъ воображеніемъ; познававшася съ науками и просвѣщеніемъ гораздо прежде насъ, роднаго намъ по азыку и происхожденію и живъ, соединеннаго съ нами подъ скипетромъ единого Монарха? Если-же, узнавъ по собственному опыту, мы скажемъ, что Литтература Польская, древняя и новая, и безъ сихъ побудительныхъ причинъ, по сама по себѣ весьма значительна, можешь пред-

При самомъ началѣ я вижу прошивъ себя двѣ
литтературныя дружины — класейковъ и

ставивъ вниманію Русскаго читателя много изящнаго, любопытнаго и важнаго для насъ, по ощущенію Русскихъ отъ Польской Литтературы покажется еще страннѣе. Имѣя нынѣ средства получашъ свѣдѣнія о состояніи Наукъ и Словесности въ Польшѣ, мы приступаемъ къ исполненію давно-предположеннаго нами намѣренія: будемъ сообщать нашимъ читателямъ библіографическія и критическія статьи о новѣйшей, и иногда извѣстія о прежней и древней Польской Литтературѣ. Надѣмся, что нашимъ читателямъ будетъ это приятно и любопытно. Они увидятъ, что Поляки нынѣ щцатель-но занимающа всѣми отраслями познаній. Исторія и Историческая Критика могутъ представить намъ важныя для нашей Исторіи пособія; новая Поэзія Польская можетъ показатъ намъ неизвѣстныя для насъ сокровища. Образованная подъ вліяніемъ Английской и Германской Поэзіи, она едва-ли не предупредила нашу въ самобытности и народности. Статья о Поэзіи Польской переведена нами изъ Журнала: *Польская Библіотека*, который выходитъ въ Варшавѣ съ прошлаго года и издается Г-мъ Дмоховскимъ, сыномъ знаменитаго Переводчика Иліады и отличнымъ Польскимъ Литтераторомъ. Здѣсь читатели найдутъ извѣстія о новомъ, прекрасномъ переворотѣ въ Поэзіи Польской и познакомятъ съ новыми поэтами Польши, между прочимъ, съ Адамомъ Мицкевичемъ, котораго съ восторгомъ читаешь вся Польша и который — неизвѣстенъ Русскимъ читателямъ! Юный Поэтъ сей заслуживаетъ Европейскую славу, по его сильнымъ, пламеннымъ стихотвореніямъ. И въ то время, какъ сочинитель какой нибудь слезливой Французской элегіи или

романтиковъ. Ожесточенные противники не соглашаются вступать ни въ какіе договоры: *все или ничего!* вопль ихъ опившъ — и можетъ быть, обв дружны обращать свой гнѣвъ на того, кто съ оливною вѣтвю въ рукѣ, является ихъ примирителемъ! Какъ-бы то ни было, если-бъ я сдѣлался и жертвою моихъ благонамѣренныхъ желаній, спараясь сбли-

классически-облаженной поэмы Французской занимаешь по нѣсколку листовъ замѣчаній и аханья Французскихъ рецензентовъ и отъ того производишь громкую молву въ Россіи, Мицкевичъ, сочинилъ *Дядювъ, Святезинки, Дударя*; Заѣвскій, Поэтъ общественныхъ воспоминаній; Одынецъ, богатый чувствомъ и мыслями; или изъ прежнихъ, остроумный Красицкій, добродушный и вѣжливый Карпинскій — неизвѣстны въ Россіи, отъ чего только, что мы не хотимъ учиться Польскому языку, запердали себя, что въ Польской Литтературѣ нѣчего читать, пошому что (*raison importante!*) во Французскихъ журналахъ ничего не пишутъ о Польской Литтературѣ, а мы любимъ повторять что скажутъ въ Парижѣ — и Байрона, и В. Скотта и Гёте переводимъ съ Французскаго и читаемъ во Французскихъ переводахъ, и отъ того, что наши Журналисты, которые *могутъ* и съдѣлать — *должны-бы* знакомить насъ съ Польскою Литтературою — переводятъ только изъ Польскихъ журналовъ списавши, переведенныя въ нихъ изъ Нѣмецкаго или Французскаго журнала! Но въ нашей Литтературѣ одна-ли эта странность и должно-ли дивиться этому? *вотъ чудеса!* какія мы видали въ нашей Литтературѣ? *Изд. П.*

зипь и согласить противныя стороны — первый шагъ сдѣланъ, я уже не возвращусь, а можетъ быть найду и такихъ людей, которые одобрятъ мое предпріятіе. Но, дабы дальнѣйшія разсужденія наши опереть на твердыхъ основаніяхъ, то не начиная еще говорить о новостяхъ, появившихся съ нѣкотораго времени въ новѣйшей Польской Словесности, я долженъ сказать нѣчто о прежней, и представить читателямъ общее обозрѣніе начала и успѣховъ романтической и классической Поэзіи. Въ сочиненіяхъ Шлегеля и Сисмонди, въ обширномъ и ученоемъ разсужденіи Казимира Бродзинскаго (*), любители Словесности конечно могли почерпнуть достаточныя понятія о сѣхъ двухъ родахъ Поэзіи; но, думаю, не лишнее будетъ, если и здѣсь вспомнимъ главныя ихъ основанія и различіе.

Поэзія каждаго народа, тогда только будетъ *самобытною* и *народною* (originalną i narodową) Поэзіею, когда будетъ основываться на характерѣ народа, его преданіяхъ и религіозныхъ понятіяхъ. Климатъ и мѣстоположеніе каждой страны, занятія жителей, исторической путь, по которому шелъ каждый народъ, столько-же имѣютъ вліянія на его нравственное образованіе, сколько и на его Поэзію, ибо

(*) О классицизмѣ и романтизмѣ; сіа статья помѣщена была въ Памятникъ Беншковского. *Сок.*

Поэзія всегда бываетъ главнымъ и самымъ сильнымъ органомъ, посредствомъ котораго народъ высказываетъ свои чувства и образъ своихъ мыслей. Греки, обитавшіе подъ веселымъ небомъ, одаренные сильнымъ воображеніемъ, съ религіею, основанною единственно на чувствительности и вѣрившіе судьбѣ, владѣющей всѣми дѣйствіями чловѣка, обратили мысли свои къ внѣшней красотѣ природы. Отъ того, въ ихъ піитическихъ сочиненіяхъ находимъ изящнѣйшія сравненія и картины, извлеченныя изъ видимой природы; въ драматическихъ сочиненіяхъ, вліяніе судьбы, которая предопредѣляетъ чловѣка быть несчастнымъ или преступнымъ, запрещаетъ ему бороться съ самимъ собою и дѣлаетъ его орудіемъ и исполнителемъ высшей власти. На Сѣверѣ, жители Каледоніи, обитавшіе подъ туманнымъ небомъ, обладаемые сумрачною религіею, заняты непрерывными войнами, создали Поэзію мрачную и суровую, какъ ихъ небо, возвышенную и дикую, какъ горы ихъ отчизны и исполненную пылкимъ духомъ геройства, оживлявшимъ ихъ бардовъ и виллязей.

По распространеніи Христіанской вѣры, ея шоржестивенная простота, стремленіе къ высочайшей и возвышеннѣйшей цѣли бытія, примѣры великихъ пожертвованій для блага чловѣчества, показанные основателями Христіанскаго закона,

ожиданіе лучшей, вѣчной жизни, послѣ мгновеннаго странствованія на сей землѣ, все это соединилось съ сильнымъ независимымъ духомъ Англовъ, Шотландцовъ, Германцовъ и обитателей Южной Франціи и Испаніи. Новыя идеи, новыя чувствованія каждого народа явились въ ихъ пѣсняхъ. Сія пѣсни имѣли одно основаніе — религію; но климатъ каждой земли, бытъ народа и событія историческія дѣлали между ними различныя отнѣны. Грусть, глубокомысліе, независимость опть спродихъ, стрѣнительныхъ правилъ сдѣлались отличительнымъ признакомъ Англовъ и Германцовъ; веселость, легкость въ описаніи рыцарскихъ подвиговъ и любовныхъ приключеній ознаменовали Провансальскихъ трубадуровъ и Испанскихъ поэтовъ. Когда съ распространившимся просвѣщеніемъ явились писатели, соединившіе талантъ съ искусствомъ писать — какія стихіи Поэзіи нашли они въ народномъ духѣ, изъ такихъ и составили свои сочиненія, положивъ на нихъ чрезъ то яркіе признаки народности. Таковы были у Англичанъ Шекспиръ, у Испанцовъ Кальдеронъ и Лопецъ де-Вега, у Италіянцовъ Данте и Петрарка, у Нѣмцовъ Гете и Шиллеръ. Но съ сею Поэзіею представляется намъ еще въ древнихъ вѣкахъ начавшійся, другой родъ Поэзіи, также отличный блестящими свойствами, но основанный не на Поэзіи народной, а на подражаніи.

Я говорю о Словесности Римлянъ. Народъ Римскій, большею частію принявъ отъ Грековъ свои законы и религію, искусства и науки, а вмѣстѣ съ пѣмь, послѣдовала за ними и въ Поэзіи. Римляне, занятые непрерывными войнами и общественными дѣлами, долго не занимались Поэзіею, ибо всѣ ихъ мысли стремились шодько къ занятіямъ государственнымъ. Отъ того, долгое время Поэзія не была у нихъ потребностію народа; но съ увеличеніемъ могущества и богатства, она сдѣлалась наслажденіемъ знатныхъ людей. Естественное, что въ такомъ положеніи, Римляне завладѣли готовыми сокровищами Греческой Словесности и отъ того Поэзія Римлянъ не была самобытною, составленною изъ родныхъ стихій, но подражающею, взятою отъ Грековъ; впрочемъ, писатели одаренные гениемъ и вкусомъ, всмапрядаясь въ изящные образцы свои, довели Римскую Поэзію до высокой степени совершенства, какъ въ частяхъ ея, такъ и въ общемъ объемѣ.

По возстановленіи Наукъ въ XV и XVI столѣтіи Европейскіе ученые жадно бросились на опрышья сокровища. Восхищенные многочисленными и великими заслугами предшественниковъ, они полагади, что послѣдователямъ не остается ничего болѣе, кромѣ подражанія Грекамъ и Римлянамъ. По этой дорогѣ пошли особенно Французскіе писатели, и подражая Древнимъ, вмѣстѣ

съ тѣмъ приноравливались къ жеманству своего вѣка, къ врожденной легкости народа, гошовой, для сохраненія законовъ господствующаго тона, для избѣжанія *странности*, пожертвовать самыя высокими изяществомъ мыслей. Отъ того явились сочиненія, противъ которыхъ вкусъ и критика ничего не скажутъ, которыя восхищаютъ красотой выраженія, тонкостью мыслей и обработкою цѣлаго, но не имѣютъ никакого признака народности. Однимъ словомъ! Французы создали Словесность образованныхъ обществъ, общую всемъ народамъ — *Поэзію классическую*.

Изъ краткаго обзоренія начала и успѣховъ Поэзіи, между значившими народами, мы видимъ, что романтическая Поэзія есть та, которая опирается на характеръ, преданія, нравы, исторіи и религіи каждаго народа; Поэзія классическая напротивъ есть та, которая составила изъ подражанія Поэзіи Греческой и Римской, съ приноравленіемъ оныхъ къ тону, обыкновеніямъ и приличіямъ образованныхъ высшихъ обществъ, почти совершенно между собою сходныхъ у всякихъ просвѣщенныхъ народовъ. Отъ того, оба сии рода Поэзіи совершенно различны. Они не исключаютъ одинъ другаго: истинный талантъ, на поприщѣ того и другаго, всегда получитъ права на славу. Но Поэзія, представляющая намъ опечесивенныя преданія и обыкновенія, двѣ-

свующая на наши сердца великими изображениями истинъ религiи и памятникъ народныхъ, которая нигдѣ не удерживается страхомъ нарушенiя свѣтскаго тона и многочисленныхъ правилъ, представляетъ обширнѣйшее поле воображенiю поэта и сильнѣе порываетъ душу. Это подтверждаетъ непрерывно распространяющееся у всѣхъ Европейцевъ стремленiе къ романтической Поэзiи.

Обративъ вниманiе на Польскую Словесность, мы найдемъ, что въ самомъ началѣ она не представляетъ признаковъ самобытности; что она была всегда болѣе подражающею, нежели самобытною и что даже донинѣ шла она симъ путемъ — все это было слѣдствiе спеченiя обстоятельствъ, состоянiя и самого мѣстоположенiя Польши (*). Памятники Поэзiи времени предшествовавшихъ введенiю Христiанской религiи, до насъ не дошли. Послѣ распространенiя истинной вѣры въ Польшѣ, вообще писали на языкѣ Латинскомъ; низшiе классы народа оставались въ пренебреженiи и недостаткѣ; дворяне, подобно Римлянамъ, занимались войною и государственнымъ дѣлами; они не думали о Поэзiи и (что справедливо изъяснилъ К. Бродзинскiй

(*) Такъ разсуждая о Литшерашурѣ, я имѣю въ виду только Великую и Малую Польшу и не говорю о Литвѣ, Руси и Украинѣ. *Сог.*

въ своемъ курсѣ Липшерапуры Польской, читанномъ въ Университетѣ Варшавскомъ) съ большею охотою занимались Красноръчіемъ. Наконецъ, видъ однообразныхъ долинъ нашихъ и рѣкъ, шекущихъ спокойно; климатъ, свободный отъ жестокихъ переменъ природы, все это не могло воспламенять воображенія народа, копорый отъ природы получилъ въ удѣлъ важность, миролюбіе и умѣренность. Отъ того, когда во времена Сигизмунда появились у насъ поэты, они принужденны были идти тѣмъ-же путемъ, какимъ шли Римскіе поэты Августовыхъ временъ. Народный характеръ Поляковъ вообще сходенъ съ характеромъ Римлянъ: языкъ обоихъ народовъ имѣетъ одинаковое выраженіе и порядокъ словъ; отъ того наша Словесность такъ легко приспособлена была къ Латинской и проникнула глубоко, благородствомъ и простотою Латинской; можемъ сказать, что во времена Сигизмундовъ, болѣе всѣхъ современниковъ успѣли въ семъ отношеніи Поляки. Однакожь, сочиненія Яна Кохановскаго, *Sobytki*, извлечены изъ пѣсней народныхъ и хотя сельскія стихотворенія Щимоновича и Зиморовича, по большой части писаны въ подражаніе Теокрыповымъ и Виргиліевымъ Идилліямъ, но разсмащивая оныя ближе, мы находимъ въ нихъ слѣды преданій и обрядовъ народныхъ. Они много могутъ пособить тому,

кшо хочеть совершенствовати нашу народную Поэзію.

Послѣ паденія наукъ въ Польшѣ и новаго возрожденія ихъ во времена Спамислава-Августа, кромѣ многихъ значительныхъ переводчиковъ, Польша увидѣла въ одно время пятерыхъ отличныхъ поэтовъ: Нарушевича, Красицкаго, Трембецкаго, Князнина и Карпинскаго. Но изъ нихъ, Нарушевичъ подражалъ поэтамъ Греческимъ и Римскимъ, иногда былъ тяжелымъ и вообще сочиненія его не носили никакого признака народности. Остроумный Красицкій былъ также поэтъ всѣхъ вѣковъ, всѣхъ народовъ. Трембецкій, проникнутый духомъ древнихъ писателей, превосходно умѣвшій употреблять богатства отечественнаго языка, исполненный возвышенныхъ мыслей и поэтическихъ картинъ, посвящалъ свою лиру современнымъ происшествіямъ, похвалялъ вельможъ, съ которыми жилъ, и будучи, можетъ быть, способнѣйшимъ изъ всѣхъ современныхъ писателей, онъ не изображалъ ни обычаевъ, ни духа народнаго. Князнинъ, при его гладкомъ слоgѣ, часто исполненномъ чувства Поэзіи и пріятномъ для чтенія, не имѣлъ никакого своего отличительнаго признака. Одинъ только Карпинскій былъ поэтъ истинно-народный. Въ стихахъ его видны простота, чувство и благородство — признаки характера Поляковъ — и хотя слоgъ Карпинскаго часто не отличался,

это никогда не мѣшаетъ читать и перечитывать его съ новымъ удовольствіемъ. Онъ не бралъ предметовъ для Поэзіи изъ повѣстей народныхъ, но хорошо понималъ нравы своего края, умѣлъ къ нимъ приспособиться и стихотворенія его представили рѣдкій примѣръ: они распространялись между народомъ и сдѣлались народными пѣснопѣніями.

Другіе поэты, еще Станислава - Августа до нашихъ временъ, или обогащали нашъ языкъ переводами изъ сочиненій древнихъ Классиковъ, или переводили поэтовъ Французскихъ и подражали имъ. Изъ числа сихъ поэтовъ почтенный Юліанъ Нѣмцевичъ познакомилъ насъ съ Поэзіею Англискою, перевелъ нѣсколько Англискихъ Элегій и Балладъ, и счастливо подражалъ унылымъ, благородно и сильно-чувствующимъ поэтамъ Альбіона. Историческія пѣснопѣнія сего автора всегда будутъ прекраснымъ памятникомъ современной ему Литтературы; но въ нихъ Поэтъ старался болѣе быть историкомъ народа, нежели поэтомъ, и прелестью стиховъ онъ пользовался болѣе для украшенія преданій историческихъ и для сильнѣйшаго впечатлѣнія ихъ въ умы читателей; поному, Думы Нѣмцевича составляютъ опдѣльный и самъ по себѣ достойный подражанія родъ Поэзіи, не могутъ однакожь быть отнесены ни къ классической, ни къ романтической Поэзіи.

Тымовскій, Моравскій и Бродзинскій переводами разныхъ стихотвореній Шиллера, вѣвспѣ съ Нѣмцевичемъ, показали читателямъ, что при всей нѣжно-сти и тонкости Поэзіи Французской, есть еще другой родъ Поэзіи, который сильнѣе говоритъ сердцу; что кромѣ Мифологии Греческой есть еще другая область чудеснаго, основанная на нашихъ родныхъ повѣрьяхъ. Казимиръ Бродзинскій заслуживаетъ наше вниманіе не только какъ переводчикъ и подражатель поэтамъ Нѣмецкимъ, ибо онъ первый, изъ современныхъ ему, вздумалъ изображать въ стихотвореніяхъ своихъ обычаи поселянъ, и исполнилъ это въ Краковской Селянкѣ (*) *Веславъ*. Народъ Краковскій, веселый, гостепріимный, трудолюбивый, изъ всѣхъ областей Великой и Малой Польши болѣе можетъ представить матеріаловъ для поэта народнаго. Кѣпо въ *Веславъ* не найдетъ вѣрной картины нравовъ? Кому не понравится простоша, какую дыщеть вся эта Селянка? Кѣпо не будетъ благодарить автора за то, что въ ней выраженіе истинно-Польское, такъ сказать, сельское и притомъ прелестное, благородное, которое время ошь времени начиняеть встрѣ-

(*) Sielanka, собственно Идиллія; но это слово, кажется, можеть изображать и въ Русскомъ языкѣ ть Идиллія гдѣ взяты предметы изъ новѣйшихъ обычаевъ и повѣрьевъ. *Изд. Т.*

чатся рѣже въ нашемъ быту и которое Поэтъ умѣлъ понять и оставить для насъ навсегда въ своемъ пѣнопѣніи? Только потому не понравится Веславъ и другія стихотворенія Бродзинскаго, кто привыкъ оспроумничать въ строгой школѣ Французской въжливости и приличій, тому кто ошвыкъ отъ чувства изящной простоты, и кому все то, что близко къ природѣ, кажется предметомъ шутокъ и насмѣшки.

Примѣръ Нѣмцовъ и Англичанъ, которые въ пѣсняхъ, преданіяхъ и вымыслахъ народа нашли матеріалы для твореній изящныхъ и многочисленныхъ, въ послѣднее время ободрилъ нашихъ писателей къ извлеченію ихъ изъ того-же источника и къ созданію Поэзіи Польской, совершенно народной. Здѣсь главою поэтовъ Польскихъ является современникъ нашъ Мицкевичъ. Онъ взялъ чудесное своихъ поэмъ изъ преданій, которыя были намъ до того неизвѣстны; на этомъ основалъ онъ свою Поэзію. Мицкевичъ составляетъ эпоху въ Польской Словесности. За нимъ послѣдовало множество подражателей, болѣе или менѣе счастливыхъ, и потому о сочиненіяхъ Мицкевича мы должны представить разсужденіе болѣе обширное, нежели о другихъ новѣйшихъ поэтахъ Польскихъ.

(Оконч. въ слѣд. книжкѣ.)

Государственные законы и постановления Оттоманской Порты (*).

Основаніе законодательства Оттоманской Порты состоить въ общемъ и

(*) Борьба Греціи съ Османами, новѣйшія событія во всѣхъ областяхъ Османской Имперіи и особенно послѣднія происшествія Константинопольскія: истребленіе Янычарскаго корпуса и новыя учрежденія Турецкаго правительсва, заставляють насъ съ любопытствомъ заняться разсмотрѣніемъ существовавшихъ донынѣ государственныхъ законовъ и постановленій Оттоманской Порты. Много издано было объ эшомъ книгъ, но ни одна не заслуживаетъ такого довѣрія и такъ не любопытна, какъ изданная въ Вѣнѣ, славнымъ Ориенталистомъ Гаммеромъ, подъ названіемъ: *Des osmanischen Reichs Staatsverfassung*. Она состоить изъ двухъ огромныхъ томовъ, in 8. Гаммеръ основывается не на повѣствованіяхъ путешественниковъ или разсказахъ туземцовъ, но на собранныхъ имъ въ подлинникъ законахъ и постановленіяхъ Турецкихъ, которые онъ переводитъ и изъясняетъ съ величайшею точностію. Въ достойной всякаго уваженія книгѣ: *Tableau général de l'empire Ottoman*, изданн. Мураджемъ д'Оссонемъ (3-й томъ, 1822 г.), хотя и находимъ, вообще извѣстія о государственныхъ постановленіяхъ и законахъ Турціи, но — важное упущеніе — М. д'Оссонь говоритъ только о коренныхъ постановленіяхъ или Шери, п. е. *Коранъ* или завѣщъ Магометовомъ и *Сунитъ* или толкованіяхъ Корана и словахъ Магомета, собранныхъ его послѣдователями. Это только основаніе, а не подробности постановленій Турціи, основаніе, общее всѣмъ народамъ исповѣдывающимъ Ис-

коренномъ законѣ Исламизма, называемомъ *Шери* или *Шери-шерифъ* (законъ великій). Онъ заключаешъ постановленія, не только касающіяся права духовнаго и гражданскаго всѣхъ Музульмановъ, но и главныя основанія общественнаго ихъ права. Повелѣнія или указы Государей, относящіяся до предметовъ неопредѣленныхъ симъ кореннымъ закономъ, называются *Канулъ* (законъ государственный); собраніе шѣхъ и другихъ законовъ есть основный, полный кодексъ Оттоманской Имперіи. Источники составляющіе *Шери-шерифъ* суть: *Коранъ*, священная книга Ис-

ламизмъ, и потому Гаммеръ изъясняетъ собственно - Турецкіе законы или постановленія Султановъ и правителей Турецкихъ и такимъ образомъ представляетъ полную картину Турецкаго законодательства. Множество фактовъ дѣлають затруднительнымъ извлеченіе изъ его книги, однакожь спаша, предлагаемая читателямъ и составленная однимъ Французскимъ писателемъ, довольно удовлетворительна. Здѣсь можно видѣть, что напрасно приписываютъ слабость Турціи общообществамъ и разстройству ея; напротивъ, что это разстройство было слѣдствіемъ невыгоднаго внутренняго ея устройства, что Турція въ государственныхъ своихъ постановленіяхъ носила начало разрушенію своего политическаго состава которое, можетъ быть, не легко будетъ ошвратить новыми усиліями Султана и его министровъ о которыхъ читатели видѣли извѣстія во всѣхъ Журналахъ и Газетахъ, преимущественно посвящаемыхъ современнымъ политическимъ происшествіямъ. *Изд. Т.*

Исламизма; почитаемая ими словошь Божимъ; *Сунна* или *Гадисъ*, преданія, заключающія въ себѣ слова и дѣянія Магомета; *Идишма*, рѣшенія и толкованія первыхъ учениковъ его; наконецъ *Кіасъ*, рѣшенія имановъ и учителей Исламизма со вѣраго вѣна аджирри до собранія *фетивовъ* послѣднихъ вѣковъ. Частное законодательство каждаго мусульманскаго государства ождѣвлено имѣеть также четыре разные источника, а именно: законъ духовный (*Шари*); законъ государственнѣй (*Канунъ*); обычаи (*Адапт*) и приказы государей (*Урфъ*).

Законъ духовный (*Шари*), данный (по мнѣнію мусульманъ) Богомъ черезъ уста Магомета и дополненный первыми калифами и иманами, не подверженъ никакой человеческой власти. Государи, въ качествѣ верховныхъ Имановъ, почитаются хранителями, покровителями, защитниками, исполнителями, органами и исполнителями оного. *Канунъ*, коренной законъ государства, непосредственно находится отъ особы государя, единственнаго обладателя законодательной власти во всемъ томъ, что не опредѣлено закономъ духовнымъ. Власть государей Магометанскихъ основана на слѣдующихъ словахъ Корана: „Иманъ (государь) имѣеть право пропановлять всякія гражданскія и политическія учрежденія, которыхъ требуетъ благость его, обстоятельство и счастье общественное.“

Ч. X. No 15.

Н

Въ началѣ, сѣи *кауны* или *кордѣнѣ* законы государства были издаваемы въ видѣ приказовъ или *фермановъ*, въ послѣдствіи въ видѣ *шати-шерифовъ*, или собственно *оручныхъ писемъ* государя. Поводомъ къ нимъ обыкновенно бываетъ рѣшеніе государя, въ слѣдствіе донесенія vizира (*Теджисъ*), или разсужденія Дивана. Они заключають распоряженія, относящіяся до имѣнія подданнаго, финансовъ, церемоніаловъ, организаціи разныхъ департаментовъ, словомъ, до всехъ частей управленія. Законы сѣи ослабають въ силѣ своей только до того времени, пока царствующій государь разсудитъ за благо ихъ оставити. Онъ можетъ уничтожатъ ихъ, переимѣнать или замѣнать другими, и никто не можетъ ему въ томъ препятствовать. Всякая отрасль правленія имѣеть свои сборники законовъ, или *Кауннамы*, коихъ оригиналы находятся въ рукахъ одного изъ главныхъ чиновниковъ онаго.

Адетъ или *обычай*, заключаетъ извѣстныя постановленія, относящіяся къ особеннымъ случаямъ, о которыхъ законы Магомета и *Каундъ* не сдѣлали никакихъ рѣшеній. Обычай сѣи различествуютъ по разнымъ провинціямъ; самъ Султанъ иногда ихъ уважаетъ; но впрочемъ онъ имѣеть право переимѣнать ихъ.

Верховныя рѣшенія государя, попорыми онъ утверждаетъ, переимѣнать или

уничтожаешь послышавъ селія государственнаго закона и обычаи, называющіеся *Урфъ* (воля государя). Когда сіи рѣшенія проливныи лексію или духу Магометова закона, по называющіеся дѣйствіями ширасітва и навлекають на гнѣву своего изобрѣшашела ищеніе религіи.

Султанъ имѣетъ право дѣйствовать какъ законодатель въ случаяхъ, неопредѣленныхъ божественнымъ закономъ; но въ дѣлахъ, оными опредѣленныхъ, онъ можетъ только приводить его въ дѣйствіе черезъ посредство кадаскеровъ, моллъ, кадеевъ и намбовъ, составляющихъ судебный корпусъ. Въ слѣдствіе сего, Султанъ можетъ употребить мечъ правосудія только тогда, когда законъ божественный осуждаетъ на смерть; по приговорамъ его онъ не имѣетъ даже права помиловать или уменьшить наказаніе.

По изслѣдованіямъ Г. Гампера выходишь, что законы Исламизма хранять жизнь подданнаго отъ своевольтва начальниковъ. Но мы имѣемъ совсѣмъ другое мнѣніе о правительствѣхъ музульманскихъ, и дѣйствительно, практика у нихъ весьма различна отъ теоріи. Впрочемъ легко изъяснить сію разность. По собственному признанію исламистскихъ юрисконсультовъ, *Коранъ* заключаетъ въ себя не только мѣста темныя, непонятныя, но явныя противорѣчія; по-же должно сказать и о *Суннѣ*, или преданіи-

лкъ, которыя заставляють Магомеша дѣйствовать и говорить въ двухъ совершенно противоположныхъ смыслахъ. Самыя утенія его не согласны были между собою въ словахъ и предписаніяхъ своего учителя. Кроме того и языкъ Арабскій, на которомъ писанъ Коранъ, представляетъ много двусмысленностей: одно и то же слово имѣеть совсѣмъ разныя значенія и должно быть принимаемо иногда въ буквальномъ, иногда въ аллегорическомъ смыслѣ; наконецъ безчисленныя изъясненія еще болѣе затемнили книги законовъ: изъ себѣ выходятъ, что ихъ можно заставить говорить что угодно, и что нѣтъ никакого дѣйствія деспотическаго, которое-бы истолкователи не нашли средства оправдать. Приведемъ здѣсь одинъ только примѣръ, представляемый Г. Гаммеромъ; онъ довольно разительнъ и потому нѣтъ нужды искать другихъ:

Въ уложеніи или *Канунахъ* Султана Магомеша II, завоевателя Константинополья, котораго Г. Гаммеръ почитаетъ однимъ изъ главнѣйшихъ законодателей Османской Имперіи, находимъ слѣдующее распоряженіе:

«*Канунъ* о сохраненіи престола.»

«Большая часть улемовъ или законоискусниковъ объявили, что всякому государю нашего потомства, достигнувшему престола, позволено умертвить своихъ братьевъ, дабы такимъ образомъ утвер-

дшту спокоемъ міра. Имъ именно повелѣвается дѣйствовать съобразно съ свѣтъ рѣшеніемъ и т. д. ; каждаго ; дѣла ; а по каждае сужденіе должно произнести е духъ законодательства, освѣщающемъ шае кое распоряженіе ;

Султанъ І завоевалъ Египетъ въ 1517 г. Его сынъ и наследникъ, Сулейманъ І, далъ сей области особый уставъ, приспособленнй къ ея швенностямъ ; уставъ сей называется *Каунъами Мисерб* (коренной законъ Египта). Онъ даетъ Пашѣ или правителю Египта власть почти неограниченную ; всѣ беи, кади, улемы, шерифы, офицеры и служащіе всякаго рода должны слѣпо повиноваться его повелѣніямъ. Содержаніе каналовъ, назначенныхъ для проведенія воды изъ Нила на земли, удобныя для воздѣлыванія, составляетъ главный предметъ вниманія законодателя ; по сему поводу они входятъ въ шалѣйшія подробности. Работы, нужныя для сего содержанія, возлагаются на *феллаховъ* или крестьянъ, *шукд-ол-беледъ*, или шенки городовъ и деревень, должны приводить ихъ въ дѣйствио подъ надзоромъ *пашифоовъ* или мамелюкскихъ офицеровъ, которые освѣщспвуютъ каждый на пространствѣ своего кишмаляка, а въ убытки, навлекаемыя худымъ состояніемъ каналовъ ; тѣмъ-же офицерамъ поручено собирать пошлинны и налоги, что и должны они опсылать въ государственную казну.

Если они ихъ избрешя, земля же доста-
точно наноситъ родомъ, для возмощенныхъ
поля не засѣяны; если къшрвва при-
дѣлываютъ шѣль, съ кого собираютъ
подати; если они сдѣлаются виновны въ
худомъ исполненіи своихъ должностей;
но Паша, по собственнѣй своей власти,
можетъ забрать ихъ имѣніе, и даже при-
говорить ихъ къ смерти. Чиншею сію
дѣлочною подробностію, въ учрежденіи,
относящемся до возмощиванія земель, сію
угрозю къ чиновникамъ, которые учо-
диребавтъ, на ала данную имъ власти, сію
уважанія къ Пашѣ, для правосуднаго
управленія, для покровительствованія
нравныхъ и для наказанія виновныхъ,
должно бы, даже неа, удивляться опеческою
заботливостію законодателя. Не видя мог-
ноты, чина шрвва, къ законодательскому приказу
васитъ наочно возбранити въ свои имѣнія
на крестіанъ, и бѣжавшихъ они, цѣлѣска
шалоговъ, а волучай, и шоричего побѣга
шказывашъ ихъ смертію, можно пошрвва
вѣнъ, что шрвва кааны была сшншрвва
швмъ предметомъ его, заботливостію,
и что онъ спаравая подержашъ земле-
дѣліе не для благосостоянія жителей, но для
сохраненія шрвва, государственныхъ до-
ходовъ. Учрежденія сіи, представляющія
все несовершенно шрвва, не до-
спигли своей цѣли; извѣстно, какой бѣд-
ности и нищеты подвергнутъ Бшцешъ
подъ властію Османовъ.

Кодексъ наказаній и условіи полиціи Булгана Сулеймана I, заключають въ себя наказанія, несообразныя съ преступленіями, и доказываютъ, что тогда господствовало право при разборѣ ихъ.

Смертубійство и самоубиство съ притвореніемъ франки, подвержены возмездію; но семейство убитаго, а всадникъ насильственнаго преступника обвиненный, могутъ, если законяютъ, отказатьсь отъ права возмездія и даяволь опрещаясь денежною пенною, сообразною въ количествѣ своему съ сависловіемъ преступника, на примѣръ, виченный въ убійствѣ платитъ 400 аспрь, если онъ бѣгавъ, 200 если онъ средняго состоянія и не бѣгавъ онъ бѣденъ. Воросливъ наказываломъ иногда только возвращеніемъ украденнаго и денежною пенною или выговоромъ отъ суда; а иногда пильдешьяго наказаніемъ. Повравдній снотмъ хлѣбъ съ пошей, долженъ только ихъ возвратити и получаетъ выговоръ; но тому, кто украдетъ хлѣбъ изъ дома или амбара, отрываютъ руку, если онъ не выкупитъ ее за 40, 20 или 10 аспрь, смотря по состоянію. Такое-же наказаніе назначено и для того, кто украдетъ домашня, лошака, осла или буйвола, если онъ не заплатитъ 200 аспрь. Воры закрывающіе двери и сундуки, воры невольниковъ, зажигающіе, наказываются вислицею. Если человекъ запирается въ воровствѣ, въ кошоромъ его обвиняють, онъ под-

вергаются пытки для излечения признанія; но судья обязанъ спараться, чтобы обвиняемый не умеръ въ пыткахъ. Жестокости сего распоряженія и чрезвычайныя суровости многихъ другихъ уставовъ, находятся въ снрѣжной противоположности съ тѣмъ распоряженіемъ, которымъ запрещается употреблять въ работу лошадей и лошаковъ, не подкованныхъ или прежде, и конюрытъ именно приказываются судьями арестантства употребленію слишкомъ слабыхъ вьючныхъ животныхъ; и не навьючивать ихъ трузуру. Въ учрежденіяхъ назначенныхъ ренесса, законодавствъ назначены даже цѣну за работу разныхъ плательщиковъ разной обуви, назначены цѣну многихъ употребительныхъ предметовъ; цѣну за поденную работу мастеровъ; цѣну барыня, которыхъ позволено мущинамъ брать на свои товары; они назначены порывныхъ, дюжыхъ дурно, или отступарихъ они предписаннаго покровлятьевъ. Оспараніе мущинамъ они всякаго не-мущинина, видя, или одного пункта снхъ учреждений, которымъ строго запрещается цырюльникамъ употреблять для бритья мущинской головы тпу бритью; которую они употребляютъ для бритья головы невѣрнаго.

Понятіе о воинскихъ правахъ Ислама, можно получить изъ нѣкоторыхъ распоряженій, выбранныхъ изъ 13й книги сбор-

ника, *маллумахато*, *Мультика*, въ копо-
ронъ подробно налагаются сей предметъ.

»Всякій правовѣрный обязанъ брасть
участіе въ священной войнѣ. Когда музуль-
мане находятца передъ невѣрными, по
врежде всего должны стараться обра-
щити ихъ къ Исламизму, и если невѣрные
примуть сей законъ, то всякая неприяз-
ненность пощася должна бытъ оставле-
на. Если же надронивъ того они не захо-
дятъ обратица въ истинную вѣру, то
должно отъ нихъ преобавать, чшобъ они
подверглись плащъ поголовной подаши, и
если они согласятся, то за шѣмъ слѣдуетъ
примиреніе и взаимныя сношенія. Вслу-
чай отказа музульмане должны, съ помо-
щю Всевышняго, сражаться съ врагами и
употреблять для сего военныя орудія,
опустошавъ ихъ землю, вырубавъ ихъ
дѣса и испреблявъ ихъ жашву.

Законъ запрещаетъ всякую измѣну
или ввроломство, всякое ущаніе добычи,
всякое увѣче носа, ушей или другихъ
членовъ; запрещаетъ также убивать жен-
щинъ, дѣтей и людей находящихса въ со-
стояніи физической слабости, исключая
только случаи, когда сіи люди помогали
непріятелямъ своими совѣтами или своимъ
богатствомъ, или если они ихъ власни-
тели. Позволяется заключать миръ съ
невѣрными, но только на выгодныхъ усло-
віяхъ; позволяется также, вслучаѣ ну-
жды въ деньгахъ, продавать миръ невѣр-

нѣтъ; но сами музульманы должны поступать еѣ оцѣ нихъ только при послѣдней крайности.

»Всякая земля, принадлежащая немусульманамъ и завоеванная иманами или калифомъ Мослимовъ, должна быть раздѣлена между Исламицскими завоевателями, исключая только тотъ случай, когда поступить за лучшее утвердить прежнихъ жителей оной въ ихъ собственности, подвергнувъ ихъ поголовной и поземельной подати.

»Оцѣ благорасположенія имана или калифа, то есть оцѣ обладающаго верховною властію зависить осудить на смерть воиннопленныхъ, захваченныхъ при завоеваніи, или отвести ихъ въ рабство, или, если пребудетъ того выгода Мослимовъ, сдѣлать ихъ оброчными подданными. Если даже они и обращаются къ Исламизму, то тѣмъ не менѣе остаются рабами, разве что обращеніе сдѣлано прежде завоеванія ихъ.

»Пятая часть добычи, отнятой у непріятели, складывается особенно и принадлежитъ сиротамъ, нищимъ и бѣднымъ путешественникамъ; четыре остальныхъ дѣлятся между сражавшимися. Магометъ, при жизни своей, присвоивалъ себѣ всегда лучшую часть добычи; но сіе право не перешло къ его преемникамъ.

»Всякая земля, завоеванная силою оружія, коей жители оставлены при своихъ

владѣнійхъ, подвергается поземельной по-
даши, кромѣ города Мекки. Если Мослимъ
опсупуаетъ оиъ истинной вѣры, то дол-
жно убѣждать его возвратиться въ оной
и стараться унизить его сомнѣнiя;
если оиъ будетъ просить срока, то дол-
жно заключить его на три дни для раз-
мышленiя; по истеченiи сего срока, если
оиъ будетъ еще упорствовать, въ своемъ
отверженiи, должно осудить его на смерть.

Законы финансовъ, учреждающiе на-
логи, измѣняюща въ подробностяхъ по
санджакамъ округовъ. Г. Гаммеръ пред-
сказываетъ ихъ исполнѣ, но мы ограничи-
мся, только извлеченiемъ нѣкоторыхъ об-
щихъ учреждений.

Источники доходовъ Османской Им-
перiи суть пошлины и налоги, раздѣ-
ляемiя на два класса, а именно: нало-
ги законныя (*руссу ми шерижъ*), уста-
новленныя кореннымъ закономъ Исламиз-
ма, какъ-то: поголовныя подати и деся-
тина, и налоги произвольныя, *шекадифи*
урфижъ, учреждаемыя императорскими по-
вѣстiями или кануиъ, какъ-то, пошлина
съ провозовъ, таможенная пошлина, и проч.;
сiя послѣднiя называются также *асарики*
дисанжъ, налоги Дивана. Вымучиванiя, не-
одобряемыя ни закономъ кореннымъ, ни за-
кономъ политическимъ, называются *асани*.

По общественному праву Исламизма,
подати налагаются только на оброчныхъ
Турокъ и на подданныхъ, собственно

пакъ называемыхъ; подъ симъ именемъ разумются жишеля спранъ не-музультманскыхъ, Жиды, христiане или идолопоклонники; копорге во время завоеванiя доприняли Исламизма и рѣшилию отринути жизнь свою, платя поголовную и поземельную подати. Мослимаъ оввобожденъ оныя поголовной податю и платитъ поземельную податю поляку въ всякомъ случаѣ, когда приобретаетъ землю, съ которой сбиралась податю прежде завоеванiя. Оброчныя подданные называются *Раажа* или *Ражетъ*, то есть *стадо*, и сие названiе оплываетъ ихъ оныя Мослимаъни свободнаго гражданина, и оныя *Мосселма*, или иноспраннаго музултмана, покровителюствуемаго и избавленнаго оныя всѣхъ податей прапшапами съ какимъ нибудь совѣдственныи владыцель. Съ именемъ *Раажа* представляется воображенiю народъ угнѣтенный, презираемый и представленный на волю побѣдителя — стадо, съ которымъ владыцель поступаетъ, какъ ему заблаво разеудитъ.

Для вѣрнаго поняшiя объ отношенiяхъ, установленныхъ основными законами Исламама, между Мослимаомъ — побѣдительцемъ, и невернымъ — побѣжденнымъ, должно обратиться къ указамъ Калифа Омара, котораго можно назвать вторымъ основателемъ Исламизма; ибо оныя утвердилъ его и первый началъ создавать на немъ вданiе политическихъ зако-

новъ. Тѣмъ любопытнѣе знаешь сіи древніе законы, что даже еще и мынѣ, до прошесшвіа 12-ти вѣковъ, они во всей своей силѣ во всѣхъ Исламитскихъ областяхъ. Въ 1808 году, Великій Визирь Юсуфъ - Паша обнародовалъ ихъ снова, во время экспедиціи своей противъ Нехабитовъ и привелъ въ исполненіе съ величайшею точностію. Вотъ текстъ ихъ:

Указъ Омара-аль-Ханшаба.

1. Запрещается христіанамъ и Жидамъ всѣхъ странъ, покоренныхъ нашему владычеству, строить монастыри, церкви, или пустыни. — 2. Запрещается имъ поправлять существующія уже церкви. — 3. Христіанамъ и Жидамъ, живущимъ въ сообществѣ съ Мослимавъ, дозволяется поправлять свои дома только въ случаѣ крайней необходимости. — 4. Повелѣвается имъ давать большія вероша въ своихъ монастыряхъ и церквахъ для большей удобности проходящихъ. — 5. Повелѣвается имъ давать убжище въ мѣченіе трехъ дней всѣмъ иностранцамъ. — 6. Запрещается имъ принимать къ себѣ шпионовъ и если они узнаютъ шпиона, должны донести о томъ Мослимавъ. — 7. Запрещается имъ учить дѣтей своихъ Корану. — 8. Запрещается имъ судъ между собою. — 9. Запрещается имъ препяпшловашъ своимъ единовѣрцамъ дѣлаться Мослимами. — 10. Всякому христіанину или Жиду повелѣвается поступашъ съ уваже-

нѣмъ съ Мослимами, вснавать, какъ скоро прѣйде Мослямъ шуда, гдѣ они находятъ и уступать ему мѣсто. — 11. Христіане и Жиды не должны носить одинаковой одежды или обуви съ Мослимомъ. — 12. Имъ не позволяется учиться Арабскому языку. — 13. Имъ не позволяется ѡздѣлываться на осѣдланной лошади, носить саблю или другое какое оружіе, ни въ домѣ, ни внѣ онаго. — 14. Запрещается имъ продавать вино и опрачивать волосы. — 15. Запрещается имъ вырѣзывать имена свои на перстняхъ. — 16. Запрещается имъ носить широкіе пояса. — 17. Запрещается имъ внѣ дома носить кресль или ихъ священныя книги. — 18. Повелѣвается имъ звонить въ колокола въ домахъ своихъ какъ можно тише. — 19. Повелѣвается имъ пѣть въ домахъ своихъ только въ полъ-голоса. — 20. Повелѣвается имъ за мертвыхъ молиться только тихимъ голосомъ. — 21. Мослимы могутъ распахивать и засѣвать христіанскія кладбища, на которыхъ болѣе не погребають мертвыхъ. — 22. Ни христіанинъ, ни Жидъ не должны имѣть въ услугахъ своихъ невольниковъ. — 23. Запрещается имъ покупать плѣнниковъ опѣ Мослимовъ и смотрѣть въ дома сихъ послѣднихъ. — 24. Если Мослимъ обидитъ христіанина или Жида, то долженъ заплатить законную пеню.

Сіи повелѣнія наблюдаются гораздо строже въ восточныхъ и южныхъ про-

винціяхъ Турецкой Имперіи, нежели въ свѣрныхъ и столицѣ; но и тамъ служатъ они основаніемъ учрежденій, относящихся до христіанскихъ церквей и до ихъ обычаевъ. Такимъ образомъ дорого продаютъ христіанамъ, напримѣръ, позволеніе влронить новыя церкви, распространить или починивать старыя. Имъ запрещено раскрашивать дома свои свѣтлыми красками, надѣвать чалму и носить желтые шуфли или сапоги. Если правительствомъ и смягчало въкощорыя постановленія въ ихъ пользу, то побудительными причинами къ тому были частныя выгоды правительства или политическія выгоды. Духъ музудманскаго законодательства всегда одинъ: ненависть и презрѣніе къ невѣрнымъ съ нимъ неразлучны.

(Продолжи въ слѣд. книжкѣ.)

II. КРИТИКА.

Труды и Записки Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, учрежденнаго при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ. Часть III. Книга 1. М. 1826 г. in 8. IV и 273 стр., съ спискомъ грамоты и 6-ю рисунками древностей.

Вторая часть Записокъ Общества вышла въ 1823 году (см. Тел. ч. II: стр. 37), по девятилѣтнемъ ожиданіи, послѣ выхода первой, изданной въ 1815 г. Скорое появленіе третьей части послѣ второй доказываетъ ревностное стараніе Предсѣдателя Общества, го Превосходительства А. А. Пидарева, къ усиленію дѣйствій онаго, и гораздо важнѣйшее и болѣе любознательное одержаніе оной, въ сравненіи съ первою и второю частями, большую прошивъ прежата испуганность въ выборѣ и гораздо строжайшую критику въ помѣщеніи спашей (*). Поселику сначала положено было, чтобы съ Трудомъ Общества соединились и Записки его, но въ нынѣ-изданной части должно было послѣдовать сему правилу; но здѣсь два сіи отдѣленія раздѣлены на двѣ особенныя книги, изъ коихъ и выдается 1-я, содержащая *Труды Общества*.

Оныя состоятъ изъ 20-ти различныхъ спашей, относящихся къ Исторіи, Археографіи, Палеографіи, Исторической Критикѣ и Спашиспикѣ Русской. Нѣкоторыя изъ сихъ спашей весьма важны

(*) Не должно смѣшивать *Трудоеъ Общества* съ *Достопамятностями Русскими*, изданными онымъ въ 1815 г. Сіи послѣднія составляютъ драгоценное собраніе важнѣйшихъ историческихъ актовъ.

для исследования Русской Истории и Древностей. Въ числѣ таковыхъ, первое мѣсто занимають два сочиненія Пресвященнаго Евгенія, Митрополита Кіевскаго: *Примѣтанія на Мстиславову Грамоту* и *Описаніе древностей, найденныхъ въ Кіевѣ*. Должно замѣтить также, что нѣкоторыя отчасти включены въ сію книгу, какъ мнѣнія и догадки, за кои отвѣчаютъ сами Сочинители и которыя, хотя и неподкрѣплены удовлетворительными доказательствами, однако ведутъ къ новымъ заключеніямъ, слѣдственно имѣють свою цѣну и важность (предло. снр. 1). Общество не могло въ сего случая предсавить своего ручательства, но не могло и отказать въ томъ, что сія отапы любопытны и могутъ быть полезны. Поставляемъ пріятною обязанностію извѣстить публику о содержаніи *всѣхъ* вообще статей, помѣщенныхъ въ III й части Трудовъ Общ. Ист. и Древ. Россійскихъ, предсавить при томъ и нѣкоторыя наши замѣчанія, можеть быть пригодныя для самихъ Г-дъ Сочинителей и для занимающихся отечественною Исторією и Древностями.

I ПАЛЕОГРАФІЯ. *Примѣтанія на Грамоту Великаго Князя Мстислава Володиміровича и сына его Всеволода Мстиславича, удѣльнаго Князя Новгородскаго, пожалованную Новгородскому Юрьеву монастырю*, соч. Митрополита Кіевскаго Евгенія. Извѣстно, что сія грамота есть древнѣйшая изъ всѣхъ донинѣ найденныхъ Русскихъ грамотъ (*). Она относится къ 1128—

(*) Ист. Госуд. Росс. т. II, 177.

1132 г. Годъ "и" ней неозначенъ? но такъ вы-
ходитъ по хронологическому разсчету о Князьяхъ
Мстиславъ и Владимиръ, которые дали сло грамо-
ту Юрьевскому монастырю: "Тщательнѣйшія из-
сѣдованія подтверждающъ ея подлинность. Сей
дргоценнѣйшій памятникъ, въ снимкѣ и съ изъясне-
ніями Его Высокопреосвященства, былъ уже помѣщенъ
въ Вѣстникъ Европы, 1878 г. Здѣсь изъясненія пред-
справлены полнѣе, снимокъ приложенъ тотъ-же что
былъ въ Вѣстникъ. Грамота сія есть запись на
данній Князьми въ монастырь вошчины и вклады.
"Отдаемъ полную справедливость обширнымъ палео-
графическимъ и археографическимъ свидѣніямъ по-
чтеннаго изъяснителя оной; но вѣспѣ съ тѣмъ,
"позволяемъ себѣ прибавить къ превосходнымъ его
объясненіямъ слѣдующее, касательно самой гра-
моты:

Слова грамоты: »Повелѣлъ есмь сыну своему
»Всеволоду отдати Боуицъ Святому Георгію съ дѣлѣю
»и съ вирами и съ продажами и веновотскою даже
»который Князь по моему княженію почнешь хощѣ-
»ти отъяти у Святаго Георгія и Богъ буди за-
»вѣтъ. Сии слова требуютъ объясненія.

Боуицъ: Это слово такъ оцѣрлось въ грамо-
тѣ, что прочитавъ его было почти не возможно.
Видно только окончаніе *цѣ* (*). А. И. Ермолаевъ,
посредствомъ микроскопа, разсмотрѣвъ прилежнѣе,
полагаетъ, что должно читать здѣсь *Буицъ* (не
лучше ли: *Буйцъ*, ибо в прежнее писали положе-
на в) и догадывавшая, что это значитъ *мил. той*
волости, которую Мстиславъ отдалъ монасты-

(*) *Ист. Рос. Иерарх. ч. IV, стр. 772.*

ро. Въ Росписи явниъ Новгороденнъ XVII
лѣта (*). находить волость *Буецъ*, въ Деревской
яминъ, близъ города Холма; но почтенный изъ-
яснитель грамоты въ этомъ сомнѣвается, и читая
Буицъ (и. е. Бумицъ), полагаетъ, что *Бумицъ* или
Бумицъ, было село или помѣстье отдѣльное отъ
Буйца. Онъ сомнѣется на Татищевъ (**). Жаль;
что ссылака сдѣлала на невѣрнаго Татищева; онъ
не выразумѣлъ, переклѣпалъ все и звалъ въ ошибку.
Въ Новгородской лѣтописи (***) годъ 1232 г.
читаемъ, что Святославъ Князь Трубчевскій (Тру-
беческый) приходилъ къ Новгороду и быша въ Буй-
цѣ, въ селѣ *Св. Георгия* и отшолъ испяшиса Свя-
тославу въ Русь. Татищевъ читаетъ здѣсь вмѣсто
Буецъ — Бумицъ, вмѣсто Трубчевскій — Трубе-
чской; дивился (Т. III, стр. 638); что это за Князь
Трубецкый, ибо въ родословной Трубцевыхъ, гово-
рили оны, Князья оны происходятъ отъ Корибута,
Ашовекаго Князя! И такъ, Бумицъ Татищевскій,
есть Буецъ Новгородской лѣтописи, а слова:
село *Св. Георгия*, подтверждають, что объ этомъ
ио Буйцѣ и говорится въ грамотѣ. Почтенный
изъяснитель думаетъ, что слово *Русь*, куда *вспа-
тиса Святославу*, значить Старая Руса; ибо онъ
полагаетъ, что мѣстоположеніе Буйца, близъ Холма,
въ нынѣшней Псковской Губерніи, отъ Юрьева мон.
очень отдаленно. Но что *Русь* значить здѣсь не
Русь, а вообще княженія Русскія, въ прошлаго

(*) *Ист. разв. о дрив. Вѣл. Новгород.* стр. 92.

(**) Т. III (а не II), стр. 459.

(***) *Ист. Гос. Росс.* Т. III, стр. 263 и приж. 337. *Продол-
женіе Вислювики*, ч. II, 500.

ложность Новгородской Области, доказывается тѣмъ, что *Старая Руса* нигдѣ въ Лѣтовисяхъ не пишется *Русь*, а *Руса*; а что *Буецъ*, точно былъ близъ *Холма*, въ *Деревской* волости, доказывается духовною грамотою Вел. Кн. Иоанна Васильевича, отдаваемаго сію волость саму своему Василью, въ *Собр. Госуд. Грамотъ* (*) читаемъ: «Да въ Новгородской-же землѣ даю ему городъ *Холмъ*, и *Велмю*, и *Буецъ*, и *Лопастницю* и съ ними мѣстны, со всѣмъ, что къ нимъ пошяго.» — Сличая сіе мѣсто съ вышеупомянушою росписью пятинъ, находимъ въ ней городъ *Холмъ* и волости: *Велмю*, *Буецъ*, *Лопастницю* (стр. 92). Все это доводитъ насъ къ тому, что чтеніе Г. Ермолова правильно; что *Бумъ* есть ошибка Татищева и что *Буецъ*, точно былъ близъ *Холма*, въ пятинской Псковской Губерніи. Замѣтимъ, что и Новгородцы, сообщники Святослава, въ 1232 г. мѣзъ *Буйца*, села *Св. Георгія*, бѣжали въ *Псковъ*, за что Новгородскій Князь послѣ поссорился съ Псковичанами (Н. Г. Р. Т. III. прим. 338).

Съ данію и съ вирами и съ продажамъ. Почтенный изъяснитель производить дань и продажу отъ Греческаго *δατος* и *πρόδοσις*. Не споримъ о происхожденіи слова *дань*, хотя болѣе стримъ этимологій сего слова, выведенной недавно однимъ археологомъ, доказывающаю, что оно пришло къ намъ отъ Сѣвера, а не съ Юга (см. Телегр. 1826 г. No XIV. стр. 119). Впрочемъ, пусть спорить мѣчего: данью называлась вынѣшняя *пѣдатель* или *подань* (какъ произносили сіе слово донныя наши

(*) Т. I. стр. 393.

простолюдны). Следуя полковникамъ *Правды Русской*, изд. въ 1799 г., почтенный изъяснитель полагаетъ, что *продажею* называлась собственно плата испцу; плата же за судъ будто-бы называлась *пошлиною* и что, послѣ уже, продажею стали называть незаконныя *взятки*. Если продажа значила *плату испцу*, какую пользу могла она принести монастырю и нужно ли было отдавать на нее право? И почему въ грамотѣ, вмѣсто *продажи*, не поставлена *пошлина*? — Мы находимъ пошлину въ другой, современной почти, грамотѣ Всеволода Мстиславича, данной (въ 1130—1132 гг.) церкви Іоанна Предтечи, въ Новгородѣ (*), и видимъ, что тогда значила она *подать*, *оброкъ*. Въ Русской Правдѣ (**), продажа значить *плату за судъ*, и во многихъ мѣстахъ, именно полагаетъ продажа особо отъ платы обремененному (***) Въ уставной грамотѣ Царя Іоанна Васильевича Двинскимъ плунамъ, *продажею*, именно называется *плата суды* (****); въ законахъ В. К. Іоанна Васильевича *взятки* называются *посухомъ* (*****). Въ Судебникѣ Царя І. В. они также называются и тамъ ошамчаются отъ нихъ по-

(*) Руск. Досмож. Т. I. стр. 77.

(**) Idem. стр. 28.

(***) Аже персцѣ ушибеши кий либо, то 3 гривны продажи, а самому гриена кунѣ — Аже удариши мечемъ а не ушибеши на смерть, то 3 гривны, а самому гриена за рану, аже лѣчебное (какъ-бы на леченіе), и проч.

(****) Руск. Досм. Т. I. 128.

(*****) Закон. В. К. Іоанна Вас. и проч. М. 1819. стр. 3.

шланы, уже понимаема, какъ плата съ суда, въ казну и судьямъ.

Намъ кажется несправедливо мнѣніе почтеннаго изъяснителя и въ томъ, что *вира*, значила будто-бы плату, отдаваемую сродникамъ убитаго, а не плату правительству или въ казну. Подтверждаемъ противное самою грамотою Мстислава, въ которой *монастырю отдаются виры*. Если-бы онѣ принадлежали испцадъ, то какимъ образомъ отдавать ихъ монастырю и для чего упомянуть объ нихъ? Далѣе, подтверждаемъ наше мнѣніе законами *вирь* въ другихъ государствахъ Сѣверныхъ. Для этого должно сперва объяснить это слово.

Смерть за смерть — такъовъ былъ первоначальный законъ, почти у всѣхъ народовъ; въ послѣдствіи замѣнецъ онъ былъ у многихъ народовъ платою. У Евреевъ и Азіятцвъ плату брали жетивители или сродники. Но у Сѣверныхъ народовъ напротивъ: платцу бралъ владѣлецъ или правительство. Къ намъ перешелъ этотъ законъ отъ Варяговъ. Почтенный изъяснитель, желая объяснить слово *вира*, приводитъ этимологію Болдина и Тапищева; Финское слово, значущее *подать*; Венгерское знач. *кровь*. Все это намъ вовсе не нужно. Тапищевъ выводитъ *виру* отъ Сарматскаго слова, но онъ самъ не зналъ что говоритъ, ибо не понималъ, что такое Сарматы? Шлецеръ первый указалъ, что *вира*, должно быть слово Скандинавское или Германское: тамъ нашелъ онъ *Währ-geld* (плату за убитаго) и объяснилъ, что оно происходитъ отъ стариннаго Нѣмецкаго *Wär*

(человѣкъ). Ученый Ире (*) сомнѣвается: происходитъ ли слово *wergeld* (*wärguld*), отъ *wär* (по Ульфилѣ *war*, по Исламск. *war*), значущаго *велозбѣкъ*, или отъ Английскаго *were* (плата за убой). Не входя въ дальнейшiя изысканiя, видно, что на Сѣверѣ у древнихъ Нѣмцовъ, Норманновъ, Датчанъ, есть значущее челоуѣкъ; у сѣв. народовъ находимъ плату за убiенiе, подъ названiемъ *wärgeld*, *wergeld*, *wärguld* и сомнѣнiя не остается, что *врагъ* нашихъ предковъ пришла къ намъ съ Варягами. Они принесли свои законы къ Славянамъ. Оспаривается рѣшимъ, какия была это плата: мстительнъ ли убитаго или правительству? У вост. народовъ Сѣверныхъ *вергельдъ*, получало правительство, если оно позволяло ошпачиваться отъ смерти (иначе мстители ошпачили кровью за кровь), и въ такомъ случаѣ правительство уже (а не личные мстители) преслѣдовало убийцу. Въ преслѣдствiи, видя частыя укывательства и побѣги, начали налагать *вергельдъ* на округу, гдѣ убiенство совершилось или гдѣ найдено было мертвое тѣло. Повиженiе иногда значило поже что преступленiе (**). Вильгельмъ, въ 1087 г., установилъ подобный законъ въ Англии, какъ полагають, для оп-ращенiя шайныхъ убiенствъ, которыми мстили Англо-Саксоны своимъ завоевателямъ Норманнамъ (***) . Сообразивъ это, рассмотримъ нашу *виру*!

(*) *Glossarium Sælogothicum* — Упсала, 1949 г. стр. 1066.

(**) Такъ Датский Король Фредъ, Ирландскiй Врианъ и Нормандскiй Герцогъ Ролло желали казнить разбо и разбойника и укывателя его. Дешангъ — *Hist. des expéditions mar. des Normands* — Парижъ. 1826. Т. II. 131.

(***) Отъ того жинтели стали испробовать тѣла убитыхъ Норманновъ и судьи принуждены были приказать, чтобы

Въ первый разъ находимъ ее при Владиміръ. Зане-
шой вышнине дѣлами, смягченный христіанскимъ
закономъ, при неустройствѣ государства, онъ ви-
дѣлъ, что отъ виры, взимаемыя слабо, умножилось
убійства. Епископы и старцы совѣтовали ему, от-
менить виру, казнить разбойниковъ, *со кспитомъ*.
Но видя непримѣне и можетъ быть сопротивление
сему закону, Владиміръ, по совѣту ихъ-же, отми-
нилъ онова казнь и возобновилъ *виру*, устройвъ осо-
бенные объезды. (*). Ярославъ позволилъ личное
мщеніе и только *въ недостаткѣ землемельей* (еще не
будешь кто мстя) подтвердилъ взятіе виры. Все
это доводитъ къ тому, что *вира собирается въ
казну правительства*. Сообразить, что вира пла-
нилась цѣлыми округами (дикая вира); что разбой-

каждый убитый считался Норманномъ, если чепыре сми-
дѣшеля не амелисамтъ его, ш. с. не поклянуся, что онъ
ихъ родня и Англичанинъ. Отъ того долго сохранился въ
Англии законъ, называвшійся *englescheria*. А. Тьерк. *Нис. de la
conquête de l'Angleterre*. Парижъ. 1825. Т. II, 165.

(*) Такъ и читаю это мѣсто въ Неспоровой Лѣтописи: „Во-
лодиміръ-же отвергъ виры, нача казнити разбойники и
„рѣша Епископы и Старцы: *рате мжега* (многое бжезъ про-
„исходитъ); *аже вира* (если должно быти виръ), *то на*
„*оружии а на конихъ буди* (то будъ съ оружіемъ и на ко-
„няхъ). И рече Володиміръ: *тако буди*. И живите Володи-
„мѣръ *по устроению отани и дѣдию*.“ (Слѣд. вира учреждена
была еще самаго Игоря). См. *Лазр. Спис.* стр. 90. Это мѣ-
сто не значить (какъ говоритъ почтенный изъяснитель),
будто Владиміръ „согласился брать виру оружіемъ и коня-
„ми для своего войска“ (Тр. Общ. стр. 15). Здѣсь разумѣн-
ся, что Влад. учредилъ только вирниковъ конныхъ. Въ
Правдѣ Русской находимъ даже, что получали вирники, ме-
шечники и ошроки ихъ (т. е. жодименные). Бромѣ *кере-
кладомѣ* и *есадомѣ*, вирники брали запасами: соледомъ,
горохомъ, солью, курицами и проч. Это называлось *покомл*
(не описана-ли произошла слово *покомл*?) см.) Русск. Доси.
Ч. I. стр. 30.

никъ выдавался на потокъ и на разграбленіе съ женою и съ дѣтьми; что вирникъ получалъ плату по мѣрѣ виръ — кажется, не имѣемъ нужды въ дальнѣйшихъ доказательствахъ нашего мнѣнія.

Ивекотское. Слова сіи приписаны въ грамотѣ послѣ слова: *пролажами*, на верху, между строкъ, чрезвычайно мѣлко, опмѣнными чернилами и другою рукою. Положивъ, что они были пропущены ошибкою (ибо кто-бы смѣлъ приписать ихъ съ умысломъ?), желаемъ знать смыслъ. Надобно вспомнить, что ихъ едва можно прочесть, слѣд. *наобротъ нынѣшняго зтенія полагаются не льзя*. Почтенный изъяснитель; принявъ утвердительно это чтеніе, думаетъ, что *вено* значить здѣсь *приданое* (*);

(*) Онъ принимаетъ толкованіе Талишцева, что *вено* происходитъ отъ слова *вѣнецъ*, или отъ Латинскаго *уенно*, или отъ Латинскаго-же *уенго*. Оставимъ этого ошибочнаго Талишцева, съ его толкованіями изъ Латинскаго языка, шѣмъ, которые почтшають названіе Австрійской столицы происшедшимъ отъ Славянскаго *Вѣно* (забывъ, что *Вѣна*, существовала еще до 2-го вѣка, и называлась *Виндобона*)! Всего вѣрнѣе посмотрѣвъ въ старинныхъ переводахъ Св. Писанія, что выражалось тамъ словомъ *едно*. Въ Острожской Библии находимъ: „Аще кто прельснннъ не общану дѣвцу и „будешъ съ нею *еднолибъ да еднитѣ ея* (Феруѣ Феруѣ *αὐτῆς*)“ Исхода XXII, 16. — „И даснъ и Фараонъ *еднолибъ* (ѣу Феруѣ) дщери своей“ — Ис. Навина XVI, 10. И такъ, не шолко было слово *едно*, но и глаголъ *едните*, т. е. *давати едно*. Внимя словами переводил Греческія: *φέρου* (*dos maritalis, quam sponsa adfert*), *φερύζω* (*ною*), изъ чего дѣлжно заключать, что *едно* и производиме его, приняты съ Греческаго, что Греческое *фермо*, *фемо*, превратилось къ Славянское *едно*, принявъ у насъ Греческій смыслъ. Такъ Владиміръ „даснъ *за едно* Грекамъ“ завоеванный имъ Корсунъ, послѣ брака съ Царевною Анною; такъ Поляки донинѣ называютъ *wiewa*, вещи относящіяся къ свадьбѣ и *wiewna* Рѣлі, значить у нихъ обрученную дѣвушку. Такъ и въ сва-

Вотское означаетъ по его мнѣнiю *одну изъ пятинъ Новгородскихъ*. Зная, что Мстиславъ, въ двухъ бракахъ, былъ женатъ на дочеряхъ посадниковъ Новгородскихъ, онъ полагаетъ, что *Ивеновотское* значитъ — «отдаю и то вено, которое я получилъ въ *Вотской* пятинѣ». Но какое-жъ было это вено? Можно ли было означать его именемъ цѣлой обширной пятинны? Могъ ли Князь Новгородскiй взять вено за женою своею, а не сама отдарить своего пестя? Почему онъ не называетъ этого *венного* помѣстья *собственнымъ его именемъ*? Подобнаго примѣра мы нигдѣ не находимъ! Пусть предсказавъ намъ примѣръ, чтобы безъ означенiя собственнаго имени сказано было гдѣ нибудь: *отдаю Московское, или Новгородское, вено такому-то*; до сихъ поръ, мы не убѣждаемся изъясненiемъ и представляемъ другое, кажется, болѣе достоверное.

Предполагаемъ, что слово: *ивеновотское*, не есть умышленная приписка послѣ, но слово пропущенное писцомъ и тогда-же прибавленное. Мы думаемъ, что это имя *собственное*, названiе какого нибудь села, деревни, урочища въ окрестностяхъ Новгорода и вѣроятно, *не-такъ* *протитанное*. Должно поискать подобозвучнаго собственнаго имени около древняго Новгорода и потомъ старательнѣе разсмотрѣть это слово въ грамотѣ. Если его должно читать: *Ивановодское, Венноводское, Ивановодское, Сквородское*, то мы вѣроятно найдемъ

ромъ Богемскомъ Словарѣ (Велеславъ, 1598 г.) означено: «Вено, приданое за дочерью, даемое отцомъ». Въ текстахъ выше приведенныхъ и въ Греческихъ словахъ нѣтъ ничего къ *внику*, или *вницу* относящагося; прѣсно, означается то, что мы нынѣ называемъ *приданое*.

такія имена на обширномъ пространствѣ владѣній Юрьева монастыря (*), Тамъ видимъ мы имена собственные: *Видлощскій, Верендовскій, Волотскій, Водоская, Сквородскій, Водоскій* и прочъ Мѣсто *Волотскаго* монастыря, нынѣ увражденнаго, бывшаго на Волоповѣ, и выстроенаго въ 1352 г., могло называться тогда *Волотскимъ* полемъ или урочищемъ. Оно принадлежало, какъ въ послѣдствіи видимъ, Юрьеву монастырю, и если мы вмѣсто *явленоводскаго*, прочитаемъ *Иидлоцкое*, то, не прибѣгая къ *Водскому вѣну*, изъяснимъ затруднительнѣе это слово. Впрочемъ, должно съ сей точки зрѣнія разсмотрѣть хорошенько подлинникъ грамоты.

Осмѣливаясь представить несоглашенія наши съ пбченнымъ изъяснителемъ грамоты, повторимъ сказанное нами выше, что всѣ изъясненія его показываютъ обширныя познанія въ Русской Палеографіи, Исторіи и Археологіи. Замѣшимъ слѣдующее только, показавшееся намъ недостовернымъ:

Стр. 4. Что Ярославъ завелъ библиотечку, гдѣ хранились послѣ и княжескія договорныя грамоты. Храненіе это выдумалъ Тапищевъ. Лѣтописи не говорятъ ни слова.

Idem. Что Князь Константинъ Всеволодовичъ собралъ дѣда древнихъ Князей — выдумка Тапищева; въ Лѣтописяхъ ни слова!

Стр. 5. Что изъ XII вѣка извѣстно у насъ только два *Евангелія* (Мстиславово 1125 г. и

(*) Въ 1764 г. сей богатый монастырь владѣлъ 15 другими монастырями, почти 5000 крестьянъ и большимъ пространствомъ земли — см. *Истор. Росс. Иерархіи* Ч. VI, 771.

Синодальное 1144 г.). Здѣсь упущено Евангеліе, находящееся въ библіотекѣ Графа С. П. Румянцова, писанное 1164 г. (см. Іоаннъ, Экзархъ Болгарскій, стр. 110).

Idem. Извѣстіе о грамошахъ Боголюбскаго и сдѣланный изъ того выводъ, что кромѣ Мстиславовой, древнѣйшая грамоша, извѣстная намъ, относится къ 1262 г., пора исключить изъ археологическихъ извѣстій. Мы знаемъ Договоръ Смоленскаго Князя, 1229 г. Ошъ 1262 года ни одна грамоша намъ неизвѣстна. Есть договорная грамоша Ярослава Ярославича съ Новымъ-городомъ, но она 1265 года.

Стр. 33. Утвержденіе Тредьяковскаго, что буквы ю не было въ Кирилловской азбукѣ, кажется, требовало забвенія.

Стр. 4—60. О Щербатовскомъ Сборникѣ, кажешься, много сказано (см. объ немъ *Списокъ Русск. Пам.* П. И. Кеппена, стр. 29 и 30), а о Свято-славовомъ очень мало. Уже, кромѣ крашняго извѣстія, объ немъ есть полное извѣстіе, въ соч. К. Ѳ. Калайдовича, *Іоаннъ Экз. Болгарскій*.

Стр. 39. Что рукоприкладство древнее значило приложеніе намазанной чернилами руки къ бумагѣ. Это, какъ выдумку своевольную старыхъ нашихъ писателей, должно исключить изъ Палеографіи Русской.

Стр. 62. Подведены подъ одну категорію монеты Игоря, Ольги, Гляба и — Владиміра и Ярослава: первая, выдумка; другія, совершенная досто-вѣрность.

II. *АРХЕОГРАФІЯ. О древностяхъ, найденныхъ въ Киевѣ* (Митрополита Киевскаго Евгенія).

Подробныя описанія и рисунки вѣкъ вещей, найденнымъ въ Кіевѣ, въ Маѣ 1824 г. Она драгоцѣнна, относясь къ первой эпохѣ христіанства въ Россію и также, по достоинству Греческой работы. — Въ дополненіе къ извѣстнымъ уже публикѣ разысканіямъ о Черниговской гривнѣ, являютя еще двѣ статьи. Я. И. де - Сангленъ, изложилъ (стр. 110) мнѣніе Г. Моргенштерна (Тел. 1825 г. II. 29), предлагающаго свое: оба они думаютъ, что гривна Черниговская есть медаль на введеніе въ Россію Христіанской вѣры. Г-нъ де - С. полагаетъ только, что на гривнѣ, голова съ змѣями есть изображеніе *Лады*. Мы думаемъ, что ссылки на Сприковского, Шерера и догадка о выбитіи медали въ Корсути, едва-ли идутъ въ историческія разысканія. Признаемся также, что мы не видимъ херувимовъ въ гирляндѣ, окружающей изображеніе Святаго: это просто цѣпты; сомнѣваемся и въ томъ, чтобы въ грубомъ изображеніи головы между змѣй, можно было разсмотрѣть: женская или мужская эта голова и радостна она или печальна! Г. Варвинскій въ другой статьѣ (стр. 126), спарается прочесть непонятную Греческую надпись. Г. Моргенштернъ тоже дѣлалъ: членіе Г. Моргенштерна кажется намъ очень ученымъ; Г-на Варвинскаго оспроушимъ и — оба недостоверныи! Сообразивъ изслѣдованія М. Т. Каченовскаго (Вѣст. Евр. 1822); извѣстіе С. Д. Нечаева (*Замѣчаніе о старинномъ мѣдномъ образѣ*, стр. 131), объ образѣ Богоматери, у котораго, на другой сторонѣ видны въ такомъ-же видѣ, какъ на Черниговской гривнѣ, переплешенныя змѣи; другой образъ, доставленный въ Общество Г-мъ Макаровымъ (стр. 137), гдѣ видимъ шакаль-же

змиѣ и на обѣихъ образахъ ту-же видимъ, что и на Черниговской гривнѣ; сообразивъ еще образъ Св. Никиты, о коемъ упоминаетъ С. Д. Нечаевъ (стр. 134); образъ описанный К. Ф. Калайдовичемъ (Свѣд. Архивъ, 1823 г. No 3. 240), гдѣ виднѣ такихъ-же змиѣ; наковецъ, приведенный М. Т. Каченовскимъ образцы изъ Монфокони, мы осмѣливаемся думать, что медали съ надписью: *Святъ, Святъ, Святъ, Господь Саватоеъ, исполнь небо и земля славы Твоея*, съ изображеніемъ на одной сторонѣ змиевъ; въ видѣ буквы Х. и съ изображеніемъ на другой лѣткѣ Святыхъ или Богоматери*, были не что иное, какъ хранительныя талисманы, носимыя нашими предками. Излишнимъ почитаемъ изъяснить, что на Востокъ, Югъ и Сѣверъ, змиѣ всегда почиталась чѣмъ-то главнѣйшимъ и что молишва: *Святъ, Святъ, Святъ, Господь Саватоеъ*, донинѣ произносится у насъ въ простонародіи при каждомъ блескѣ молніи и ударѣ грома. Соединеніе сихъ двухъ хранительныхъ знаменій подтверждаетъ наше мнѣніе. Слѣд. и Черниговская гривна была талисманъ, какъ утверждалъ это М. Т. Каченовскій. Но что касается до того, что Василія Македонянина должно разумѣть подъ словами: *Господи! помози рабу Твоему Василю*; что касается до всѣхъ изъясненій непонятныхъ Греческихъ словъ, находящихся вдругъ той надписи и выводовъ изъ того, что Черниговская гривна есть медаль на введеніе Христіанской вѣры въ Кіевъ и проч. и проч., все это — должно потонуть въ водахъ археологической Лепы! — *О крестахъ въ Зарайскѣ* (соч. К. П. Аверина). Огъ успѣлъ прочитавъ надписи на шрехъ каменныхъ крестахъ, по-

смазанных въ Зарайскомъ Предпеченскомъ Соборѣ (*) и замазанныхъ краскою и проч. Г. Аверьянъ очистилъ замазку и нашель, что кресты сии восплавлены были на гробахъ Рязанскихъ Князей; Князь Н. Г. Гагаринымъ, въ 1665 г. Число каковой до Княг. Евдокія, припоминаемой Г-мъ А. въ сему случаю, кажется, эта сказка не подтверждена семью крестами, если положить даже, что Ки. Гагаринъ былъ увѣренъ въ ея подлинности и что она известна была въ XVII вѣкѣ (см. И. Р. Т. III. 275). Намъ пріятно замѣтить, что Г. Аверьянъ, по собственной страсти занимается Русскими Древностями, успѣлъ собрать много любопытныхъ рѣдкостей и водимый безкорыстнымъ усердіемъ, жертвовалъ Общ. Ист. и Древ. многими древними памятниками; между прочимъ подарилъ полученную имъ за немалую сумму монету Вел. Князя Владиміра (*), за что единогласно избранъ былъ въ соудники Общества. — *Замѣчаніе о медали, найденной близъ Азовскаго моря (А. А. Нисарева).* Почтенный Авторъ извѣщаетъ бронзовую медаль Ошациліи, супруги Филиппа Аравіяннина, царствов. въ 244 г. отъ Р. X. Медаль прислана была въ Общество отъ Г. Лукьянова,

(*) *Ист. обб Археологич. изслѣд. въ Рязанск. Губ. К. О. Калайдовича, стр. 43.*

(*) Сія монета принадлежитъ къ древнѣйшимъ памятникамъ Русской Нумизматики. Она серебряная, дельчиною съ грошеникъ; на одной сторонѣ изображеніе Князя на престолѣ и надпись: *Владимірѣ на столѣ*; съ другой, изображеніе арматуры или преошолы и надпись: *А се его сребро*. Но точно-ли Владиміръ Святославичъ изображенъ здѣсь? Описаніе сей монеты помѣщено будетъ въ *Трудахъ Общества.*

съ Доша, гдѣ нашли ее въ Есауловскомъ поселкѣ, при рѣчкѣ Малой - Крѣпкой, впадающей въ Мірюсь. — Другая статья того-же Автора (*Нумизматическія замѣчанія*), написана по случаю находки серебряныхъ Рязанскихъ копеекъ, Рязанскаго уѣзда, въ селѣ Кипчаковѣ. Копейки сіи, суть деньги бывшія при Іоаннѣ Теодоровѣ. Князь Рязанскомъ въ первой половинѣ XV вѣка. Мы съ любопытнымъ вниманіемъ прочитали замѣчанія почтеннаго Автора, вообще о Нумизматикѣ Русской. — Въ статьѣ: *Древности села Грузина, Г. Зедергольмъ*, переводчикъ Игоревой пѣсни на Нѣмецкій языкъ и ревностно занимающійся Русскими древностями, излагаетъ мнѣніе свое о надписи на большомъ медномъ блюдѣ, находящемся въ церкви села Грузина, близъ Новгорода. Надпись сія предъставляетъ два рѣченія, изъ коихъ одно повторено четыре, другое пять разъ, вокругъ изображенія ангела, держащаго два щита, съ гербами неизвѣстными. Письмена, должны быть Латинскія, но слова ими означаемыя совершенно непонятны. Изъясненіе Г. Зедергольма очень остроумно. Мы слышали впрочемъ, что одинъ изъ Археологовъ Русскихъ недоволенъ симъ изъясненіемъ, собирается доказать несправедливость его и предложитъ изъясненіе настоящее. Можемъ увѣрить Г. Археолога, что Г. Зедергольмъ выдаетъ свое изъясненіе не иначе, какъ догадку; что онъ охотно сознаетъ справедливость другаго лучшаго изъясненія и мы сердечно желаемъ, чтобы новое изъясненіе неограничилось *одними сборами!* — Наконецъ, къ Археографіи должно причислить *Извѣщеніе изъ путешествія по Россіи П. Н. Свиньина* (181 стр.). Оно не содержишь въ себѣ

собственно — разысканій, но любопытный замѣчанія и указанія почтеннаго путешественника; которыя, послѣдователи его, отдѣльно занимающіеся какими нибудь предметомъ Русскихъ древностей, могутъ принять себѣ за руководство.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

Voyage d'Orenbourg à Boukhara, fait en 1820, à travers les steppes qui s'étendent à l'est de la mer d'Aral et au-delà de l'ancien Jaxartes; rédigé par M. le Baron Georges de Meyendorff, Colonel à l'état-major de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, et revu par M. le Chevalier Amédée Jaubert, etc. (Путешествіе изъ Оренбурга въ Бухарию, въ 1820 г., чрезъ степи, простирajícíяся на востокъ отъ моря Аральскаго и древняго Яксарта, опис. Барономъ Егоромъ Мейендорфомъ, Полковникомъ Главнаго Штаба и пересмотр. Амедеемъ Жоберомъ). Парижъ. 1826 г. in 8. XII и 508 стр., съ картою и 5-ю литографиров. и 2 гравированными рисунками.

Географическія, и особенно топографическія познанія Европейцовъ объ Азій, представляютъ еще во многомъ странную смѣсь старыхъ и новыхъ извѣстій. Мы часто видимъ въ Географіяхъ Европейцовъ, рядомъ, извѣстія Марка-Павла, съ извѣстіями, которыя извлекли миссіонеры изъ разсказовъ Азіятцовъ и извѣстія древнихъ Арабскихъ Географовъ, съ извѣстіями новѣйшихъ путешественниковъ Европейскихъ. Вообще Западный Индійскій полу-

оспирювъ извѣщенъ намъ хорошо; Восточный плохо; о Китаѣ имѣемъ мы довольно матеріаловъ для Географіи; Японію знаемъ очень мало; Персію и Авганістанъ не совершенно; Тибета почти не знаемъ и Среднюю Азію, т. е. пространство отъ Ташарскаго залива до Каспійскаго моря и отъ границы Сибири до Авганістана, Персіи, Тибета и Китая очень несовершенно. Европа справедливо ожидала отъ Рускихъ, описаній сего обширнаго и мало-вѣдомаго пространства земли; но мы не исполнили ожиданія доннынѣ. Мы сами почти ничего не знали о Географіи Средней Азіи. Полѣтка назадъ, одинъ пограничный воевода нашъ писалъ въ Петербургъ, что до него дошли слухи о бунтѣ Хана Киргизской Орды, именемъ *Агаметцы* и что онъ спѣшитъ увѣдомить объ этомъ; но кто-жь былъ эшотъ Агаметца? Спрашный Ханъ Ахметъ - Абдалла, основатель Авганскаго царства! Добродушный воевода, не зная его, придвинулъ Авганістанъ къ Русской границѣ и уже изъ Индіи дошли до насъ объ этомъ подробныя извѣстія. Великій Пейпръ, признавая важность исправныхъ географическихъ извѣстій, нѣсколько разъ имѣлъ намѣреніе проникнуть въ Среднюю Азію: извѣстна несчастная судьба Бекевича, посланнаго имъ въ Хиву. Преемники Петра Великаго также не оставляли намѣреній сего Монарха; но въку АЛЕКСАНДРА предоставлена была слава совершенія. Въ Его царствованіе, Рускіе оказали великія услуги вообще Географіи Путешествія кругомъ свѣта и Сѣверныя экспедиціи Рускихъ принесли Россіи честь открытія и объясненія многіхъ затруднительныхъ предметовъ земледованія. Всего-же болѣе успѣли мы касательно Азіи.

Кромѣ счастливо-начашаго наученія восточныхъ языковъ, кромѣ трудовъ нашихъ ориенталистовъ, если обратимся къ однимъ путешественникамъ Русскимъ по Азіи, мы найдемъ Врангеля, Литке и другихъ, обозрѣвшихъ Сѣверъ Азіи; Крузенштерна осмотрѣвшаго восточные берега Азіи, между Японією, Китаемъ и Россією; Головинна и Рикорда, доставившихъ единственныя свѣдѣнія объ Японіи; Тимковского, издавшаго {Путешествіе въ Китай, богатое матеріалами для Азіатской Географіи; Муравьева, описавшаго Хиву; наконецъ — Барона Мейендорфа, который во вновь изданномъ путешествіи, показываетъ намъ мало извѣстную, любопытную Бухарію.

Въ нашихъ ученыхъ (особенно учебныхъ) книгахъ примѣненъ всегда какой-то застой. Въ Географіяхъ, Статистикахъ, Исторіяхъ, вторя старому, мало заботимся мы о новомъ, улучшенномъ, и то, что въ Европѣ производитъ сильное впечатлѣніе, до насъ доходитъ развѣ рикошетомъ изъ Парижа и Лондона! Въ прошломъ году, журналисты Русскіе успѣли пошумѣть о минимомъ перепечатываніи одной важной книги, касательно Политической Экономіи, а сказали-ль они хоть слово о сущности сей книги? Такъ въ нашихъ Географіяхъ, касательно собственно нашихъ позитивныхъ открытій — не найдете ничего! Да и какъ найдете? Въ Бишингъ ничего нѣтъ, у Гейма также; даже въ Мальтебрѣновой Географіи, изданной въ 1812 году, нѣтъ ни словечка! Откуда-же знать Географамъ нашимъ новости? Они любятъ списывать съ иностраннаго и то съ сцаренькаго, а не любятъ соснавлиять сами. Остань наши Географіи

и обратясь къ Географіямъ Европейскимъ, изданнымъ за нѣсколько лѣтъ, мы увидимъ заслуги, оказанныя Русскими путешественниками въ географическомъ и этнографическомъ описаніи Средней Азіи. Сличая, на примѣръ, Атласъ Мальшебрёна, съ вновь изданными картами Русскихъ путешественниковъ, сколько исправленій должно сдѣлать! Мы упоминали о новой картѣ Сибири, сочиненной Г. Позняковымъ (*). Взявъ ее, карты Крузенштерна, Муравьева, Мейендорфа и описанія Тимковского, мы видимъ, что граница Россіи должна далеко подвинуться на Югъ; что обширная надпись: *Tatarie indépendante*, совсѣмъ исчезаетъ; что граница Россіи, между Гурьевымъ и Орскою, составляетъ уголъ къ Северо-Западу, далѣе идетъ къ С. В. до Верхоуральска, къ Ю. З. до крѣпости Звѣриноголовой и отсюда къ Югу до озера Тенгисъ, обхватываетъ половину сего озера и отъ озера Алакуль идетъ къ С. В. до оз. Норъ-Заксанъ, а потомъ, по хребту Малаго-Алтая къ В. — Границы Персіи, при Каспійскомъ морѣ, сдвигаются на Югъ отъ Балканскаго зал. къ рѣкѣ Гюргень и бывшей стѣнѣ Кызыль-Алая. Но сколько должно сдѣлать другихъ перемѣненій! Долго было-бы исчислять всѣ новыя, необходимыя поправки. Скажемъ только, что касательно Средней Азіи, Географамъ, для вѣрнѣйшихъ познаній, необходимо должно чинить со вниманіемъ описанія Крузенштерна, Тимковского, Муравьева и другихъ Русскихъ путешественниковъ. Надѣмся со

(*) Телегр. 1825 г. Т. I. 381. Сія превосходная карта издана и мы рекомендуемъ ее любителямъ Географіи. Чрезвычайно дѣшево она облекаетъ приобретение оной всякому.

временемъ поговорить вообще объ ихъ заслугахъ для наукъ, съ соображеніемъ притомъ Русскихъ описаній съ переводами оныхъ на иностранныя языки; мы обращаемся теперь къ изданному нынѣ путешествію Г. Мейендорфа.

Извѣстно, что Г-нъ М. былъ при Россійскомъ посольствѣ, посланномъ въ Бухарію. Посольство вышло изъ Оренбурга 10 Октября, 1820 г.; Декабря 20 прибыло въ Бухару и 22 Марта, 1821 г. оставило сію столицу Бухаріи. Въ продолженіе сего времени, Г. М. имѣлъ случай проѣхать степью, простирающеюся на Востокъ отъ Аральскаго моря, обогнувъ оную, видѣть Бухарію и собрать множество любопытныхъ свѣдѣній о смежныхъ съ Бухаріею государствахъ.

Не будемъ входить въ подробности касательно пути и приѣма Рускихъ въ Бухаріи. Книга Г. М. раздѣляется на три части. Въ 1-й помѣщенъ журналъ путешествія и прибытія въ Бухарію. Пребыванія своего и возвратнаго пути Г. М. не описываетъ. Онъ зналъ, что суетное самолюбіе путешественниковъ, занимая читателей своимъ л., довольно скучно для нихъ, если подробности не представляютъ ничего важнаго. Г. М. ограничивается описаніемъ пути, приѣзда и первой аудіенціи; потомъ говоритъ только, что пробывъ въ Бухаріи 3 мѣсяца, они оставили ее, довольные тѣмъ, что увидѣли сію землю, и еще довольнѣе тѣмъ, что удалялись изъ нее. Между тѣмъ и въ 1-й части читатели найдутъ любопытныя подробности о приключеніяхъ въ пути, замѣчанія о за - Аральскихъ степяхъ, о нравахъ Киргизовъ. Только одинъ эпизодъ народъ и встрѣтился нашимъ путешественникамъ

до самой Бухаріи. Во 2-й части собраніи Г-мъ М. географическія свидѣнія объ окрестныхъ съ Бухаріею земляхъ; въ 3-й описывается Бухарія и довольно подробно. Обѣ сіи части заслуживаютъ подробнѣйшее разсмотрѣніе.

Вообще о словѣ Автора и спешенці любопытства описаній его, можно судить по заключенію 3й книги, которое можно назвать сокращеніемъ всего путешествія Г. М. — «Странствуя по различнымъ странамъ Европы (говоритъ онъ), почти вездѣ испытываемъ одинакія впечатлѣнія. Религія, нравы, обычаи, племена, почти вездѣ одинаковы; самыя зрѣлища природы похожи одно на другое, путешествуемъ ли вы въ Швейцаріи или по Аппенинамъ, въ Тироли или на Пиренеяхъ, по Южной Тавриді или Сѣверной Богеміи. Путешествіе на Востокъ, напротивъ, поражаетъ васъ новостію предметовъ и любопытствомъ, тамъ возбуждаемое, совсѣмъ особенное. Я вспоминаю сіи степи на 70 дней пуши, мною пройденныя; ихъ дикость, однообразіе, обширное пространство ихъ озеръ, ручьи, текущіе почти въ землѣ, изсохшіе пуши рѣкъ, волшебное дѣйствіе отраженія предметовъ въ воздухѣ, рѣдкость живыхъ существъ, странный образъ и кочевые обычаи Киргизовъ, ихъ необыкновенный нарядъ, ихъ войлочные палатки, длинныя цѣпи ихъ верблюдовъ — все казалось мнѣ новымъ; я думалъ, что я перенесенъ въ другой міръ. Далѣе встрѣчилъ я людей живущихъ рыболовствомъ (некочевые Киргизы), обитавшихъ въ просторныхъ хижинахъ и осѣдлымъ существованіемъ своимъ приближающихся уже къ степени народовъ земледѣльных. Новое удивленіе, когда путешественникъ,

выходя из степей, вступает въ обработанную часть Бухарія, называющійся *Оазисъ* (*); гдѣ начинаешь понимать, что можно разумѣть подъ словами: восточное образованіе. Чрезвычайное плодородіе сей земли и искусство, съ какимъ она обрабатывана, поразили меня изумленіемъ. Я въ первый разъ увидѣлъ дома, построенные во вкусъ Азіятцевъ, деревни, окруженныя зубчатыми стѣнами — предосторожность, доказывающая, что обитатели безпрерывно спррашались нападенія непріятели.

Въ заключеніе книги слѣдуютъ *Прибавленія*:
 Описаніе Бухарскихъ монетъ (и между прочимъ одной, принадлежащей къ XI вѣку, чрезвычайно рѣдкой и поясняющей важное мѣсто въ Исторіи Бухаріи), соч. Г. Сенковского — Описаніе замѣчательной медали Царя Димитрія (Тел. 1825 г. VI. 310), соч. Г. Келлера — Описаніе пути изъ Семипалатинской крѣпости въ Кашемиръ, на Персидскомъ языкѣ, съ приложеніемъ перевода и объясненій, дѣланыхъ Г-мъ Сенковскимъ — статьи важныя! Наконецъ помѣнена *Естественная Исторія Бухаріи*, содержащая въ себѣ Геологическое, Ботаническое и Зоологическое описаніе, вообще всего пространства земель къ Востоку отъ Аральскаго моря. Предоставляемъ судить о важности сего описанія (переведеннаго съ Нѣмецкой рукописи Доктора Пандера, бывшаго при цосольствѣ) ученымъ естествоиспытателямъ.

(*) Чѣмъ замѣнить это слово? Какъ назвать по-Русски, какъ-бы островъ какой, частицу земли плодородной, окруженную со всѣхъ сторонъ песчаными степями?

Собразивъ все достоинство путешествія Г-на Мейендорфа и описанія имъ издавнаго, конечно не лѣзя не пожалѣть, что Русскіе пишатели лишены удовольствія видѣть сіе описаніе на отечественномъ языкѣ. Согласился съ Издателемъ, что естественно было Г-ну М. желать, съдѣствіемъ наблюденій своихъ видѣть съ большею удобностію распространенными въ ученое свѣтъ и по тому писать ихъ на Французскомъ языкѣ, но за то просимъ извиненія у Г. Издателя: причины, по которымъ Г-нъ М. печаталъ свою книгу въ *Парижѣ*, и слабы и неоправданы. Книга напечатана очень красиво, но неисправно въ удивительной степени! Восемнадцать гравированныхъ изображеній мощь и карша, изображающія Бухарию и путь въ Бухарию изъ Оренбурга, отдѣланы превосходно; напрошивъ литографированныя изображенія Азіятцовъ и четырехъ другіе литограф. рисунка (минарета, Ханскаго дворца, училища и внутренности дома Бухарскаго) ни хороши, ни худы. Что касается до неисправности печати, мы изумляемся, вида *несколько страницъ* запятыхъ исчисленіемъ погрѣшностей въ именахъ земель и народовъ, не смотря на званія Г. Жюбера въ восточныхъ языкахъ и — осмѣливаемся прибавить, — *почти ни одно Русское слово не напечатано исправно!* Г. Вальховскій, сопутникъ Г-на Мейендорфа, названъ — *Волковскій*; другой названъ такъ, что, не зная его имени, не можемъ угадать; каковъ Русское имя означено *Издапелемъ* подъ словомъ — *Симосирфъ* (Simosyrg)? *Ковиль*, превратился въ *Кавуль* (стр. 18); *Ртищевъ* въ *Ртищевъ* (стр. 109) и проч. Думаемъ, что въ Петербургѣ напечатали бы книгу

Г. М. исправитъ, если и не такъ красиво какъ въ Парижѣ.

Обращаясь къ разбору второй и третьей части Путешествія Г. М., постараемся изложить читателямъ вообще результаты географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, находящихся въ его путешествіи.

(Оконч. въ 17й книжкѣ.)

III. БИБЛЮГРАФІЯ.

1826,

88. Чинъ дѣйствій, какимъ образомъ совершилось Священнѣйшее Коронованіе ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, Самодержца Всероссійскаго, по церковному змѣположенію. При семъ-же приложены: Рѣчь, говоренная Московскимъ Архіепископомъ (что нынѣ Митрополитъ) Филаретомъ, при вступленіи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА въ Успенскій Соборъ; Рѣчь, говоренная Митрополитомъ Новгородскимъ и Санишвещербургскимъ Сервфимомъ, по совершеніи Священнѣйшаго Коронованія и Рѣчь поздравительная отъ всего Духовенства, говоренная въ Кремлевскомъ Дворцѣ, Митрополитомъ Кіевскимъ, Евгениемъ, М. 1826 г. in 8. 34 и 16 стр.

89. Подражаніе Псалму XLIV: «Отрыгну сердце мое слово благо.» На день Священнаго Коронованія и Митропомазанія ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА,

въ *Москвѣ*, 1826 года, *Августа дня*. Сщмвошвореніе Графа Хвостова. Спб. 1826 г. in 8. 8 стр.

90. *Ода на Высочайшее Коронованіе ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА* (сочиненіе Ивана Татѣева). М. 1826 г. in 4. 8 стр.

91. *Ода на всерадостный день Священнѣйшаго Корованія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА* (сочиненіе Александра Васильева). М. 1826 г. in 4. 4 стр.

92. *Возвращеніе Славянской Царицы Доброславы*. Прологъ въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе В. Н. Олнна, съ эпиграфомъ: *«Когда хвалятъ открытымъ образомъ добродѣтели покойнаго Государя, это значитъ, что царствующій Ему подобенъ.»* Плиній. Похв. Св. Траяну. Спб. 1826 г. in 8. 45 стр.

»Эта лишпературная бездѣлка — говоритъ Авторъ въ предисловіи — написана мною по случаю возвращенія изъ чужихъ краевъ блаженныя памяти ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢВНЫ, въ 1815 мѣ году, и поднесена была въ рукописи ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ. Нынѣ, когда цѣлая Россія оплакиваетъ потерю сей любезной, крошкой и милосердой ГОСУДАРЫНИ, я — движимый чувствомъ нелицемѣрной благодарности — сей памяти сердца, осмѣлился положить на ЕЯ гробницу цѣпонокъ убогій, но окропленный слезами нелицемѣрно сожалѣнія.»

96. *Александронды, современной Поэмы, Пѣснь XXI (Взятіе Парижа)*. Сочиненіе Павла Свѣчина. М. 1826. in 8. 75 стр.

«Александроида, современная Поэма, въ XXIV пѣсняхъ (говорить Авторъ въ предувѣдомленіи), изображаетъ войну съ 1812, по 1815 годъ. Примѣчанія пѣсней составляютъ исторію брани. Трудъ конченъ. Здѣсь представляется одна изъ пѣсней Александровы.»

Изданіе сей отдѣльно напечатанной 21-й пѣсни, очень хорошо. Въ началѣ приложенъ гравированный заглавный листокъ, а передъ началомъ стиховъ изображеніе медали за взятіе Парижа. Примѣчанія составляютъ 29 страницъ. Въ сей пѣсни 78 строфъ, заключающихъ въ себѣ 780, четырехъ-стопныхъ ямбическихъ, стиховъ. Выписываемъ 7-ю строфу —

Корсъ яроспный въ злехитромъ бѣгѣ . . .
 Судъ неба — Сомпюи . . . Герой
 Возноситъ гласъ : «на гранномъ брегѣ
 Познай Мой врагъ : швой Западъ — Мой!»
 Рекъ Царь, — и съ чувствомъ благодати,
 Вдругъ двинулись могущи рапи,
 Какъ громъ всемістный — на Парижъ!
 О мудрость, подвигъ, несравненный,
 Блистательный, во вѣкъ неплѣнный,
 Ты бодрствуешь и жизнь живишь!

94. *Освобожденная Москва*, Поэма Александра Волкова. Второе исправленное издание. М. 1826 г. в 8. 226 стр.

«Хотя Авторъ (сказано въ предисловіи) сдѣлалъ въ Поэмѣ своей значительныя перемѣны и поправки, но онъ постарается воспользоваться еще замѣчаніями просвѣщенныхъ своихъ читателей и

съ новымъ рвеніемъ устремится опять къ предмету, который очаровалъ всю его душу.» Къ сему второму изданію приложенъ хорошо выгравированный портретъ Автора, съ надписью, въ стихахъ, сочиненною Княземъ П. И. Шаликовымъ. —

95. *Guide de l'Université IMPÉRIALE de Moscou*, ou description abrégée des cabinets et autres établissemens qui se trouvent à l'Université avec la notice de tout ce qu'ils contiennent de plus remarquable. М. 1826. in 8. 132 стр.

Переводъ на Французскій языкъ Указателя Московскаго Университета, о которомъ мы говорили въ No 14 Телеграфа (Ошд. I, стр. 143).

96. *Списокъ медалей и монетъ, находящихся въ Минцъ-кабинетъ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета*, составленный 1826 года. М. 1826. in 8. 81 стр.

97. *Index rerum chemicarum etc.* Списокъ Химическихъ препаратовъ и смесей, въ пользу публичныхъ лекцій сохраняемыхъ при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ, по опредѣленію Совѣта сего Университета изданный Ф. Ф. Рейсомъ, Докт. Медицины и Ordinарнымъ Профессоромъ Химіи М. 1826. in 8. XV и 73 стр.

98. *Каталогъ матеріаловъ, издѣлій и смесей, находящихся въ Технологическомъ кабинетѣ.* М. 1826. in 8. 12 стр.

99. *Catalogus medicaminum simplicium*, quae pro Materiae Medicae collectione, Caesariae Universitatis Mosquensi, publicae utilitatis causa exhibuit G. Behrs. М. 1826. in 8. 8 стр.

100. *Списокъ инструментовъ, принадлежащихъ къ Повивальному Институту ИМПЕРА-*

ТОРСКАГО Московскаго Университета и каждаго книжка, находящихся въ Библиотекѣ онаго-же Института. М. 1826. in 8. 8 стр.

101. Списокъ вещей Физическаго Кабинета, Минераловъ, Животныхъ и Учебнаго Гербарія при Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ. М. 1826. in 8. 32 стр.

102. *Index seminum et plantarum Horti Botanici Universitatis Caesareae Mosquensis. Accedunt appendices III*, annor. 1824 — 1825. М. 1826. in 8. 57 и 25 стр.

Всѣ сіи реестры и каталоги содержатъ въ себѣ частныя исчисленія предметовъ, находящихся въ учебныхъ и ученихъ заведеніяхъ, состоящихъ при Московскомъ Университетѣ и Благородномъ онаго Университета Пансіонѣ.

103. Выписка изъ постановленій, кои руководствоваться долженъ управляющій Аптекою Фармацевтической Чиновникъ. М. 1826. in 8. 7 стр.

104. *Catalogus praelectionum*, in Universitate Litterarum Caesarea Mosquensi, etc. Объявленіе о публичныхъ урокахъ въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ, съ 17-го дня Августа 1826, по 28-й Юня 1827 года, по назначенію Совета. М. 1826. in 4. 34 стр., съ росписаніемъ всѣхъ лекцій, въ видѣ таблицы, на листѣ.

Полный объемъ всѣхъ лекцій Университета Московскаго, раздѣляясь на четыре отдѣленія, заключаетъ въ себѣ 42 учебныя кафедры (не считая 10 кафедръ общихъ или первоначальныхъ лекцій для студентовъ первогодичныхъ), изъ котораго чело, въ отдѣлѣмъ Нравственно-Политическомъ,

находиться *семь* и преподается: *Богословіе Догматическое и Нравственное* (по сочиненію Епископа Теофилакта Горскаго); *Священная Исторія* (по сочиненіямъ Митрополита Филарета и Епископа Иннокентія); *Россійскіе законы и исторія оныхъ*; *Право Политическое* (по Ахенвалю и Клюбелю); *Политическая Экономія* (по соч. Хр. Авг. Шлецера и по соч. Шпорха); *Гражданское и Уголовное право* (по соч. Цвѣшаева). Въ Отдѣленіи *Философско-Математическомъ* находится *одинадцать* и преподается: *Зоогнозія и Минералогія* (оба по рук. Фишера); *Всеобщая и Опытная Химія* (по соч. Пайена — Рауперт); *Аналитическая Химія* (по Пфаффу и Тенару); *Физика, Технологія и Ботаника* (всѣ три по соч. Двигубскаго); *Механика и Оптика* (по Пуассону и Лакалю); *Сельское Животноводство* (по соч. Павлова и по Теру); *Аналит. Геометрія* (по Франкёру); *Сферическая Тригонометрія* (по Франкёру) и *Астрономія* (по Шуберту); *Теорія Военнаго Искусства* (по Жомини); *Фортификація* (по Дювернуа). — Въ Отдѣленіи *Врачебномъ* находится *семнадцать* и преподается: *Анатомія* (по соч. Лодера); *Хирургія* (по руководству Гильдебрандта); *Физиологія* (по Лейгосеку); *Судебная Медицина* (по Пленку); *Ялпника* (по I. Франку); *Фармакологія* (по Шпренгелю; Гаршману, Шнейдеру, Вирею и Виллѣ); *Ветеринарія* (по Фейшу); *Наука о женскихъ болѣзняхъ* (по Капорову); *Патологія* (по Ипею); *Терпія* (по Шпренгелю); *Хирургическія операціи* (по Гильдебрандту); *Ботаника* (по соч. Двигубскаго); *Пчеловодное искусство* (по Зибольду); *Офтальмологія* (по Веллеру); *Математика* (по соч. Чумакова); *Физика* (по соч. Двигубскаго); *Ре-*

крипика (по Консбруху и Эбермейеру); *Химія* (по Орфиль); *Части и исторія Анатоміи* (по Лодёру); *Анатомія и Физиологія домашнихъ животныхъ, съ показаніемъ разлитія между теловѣтескимъ тѣломъ и тѣлами домашнихъ животныхъ* (по Фейшу); *Исторія Медицины* (по Шпренгелю и Геккеру). — Въ *отдѣленіи Словесномъ* находится семь и преподается: *Риторика* (по Эшенбургу); *Славянской языкъ*; *Эстетика* (по Сульцеру); *Археологія* (по Эбергарду); *Россійская Исторія* (по Эверсу); *Арабскій и Персидскій языкъ*; *Исторія Всеобщая* (по Шрекку); *Статистика Австрій и Франціи* (по Гейму); *Эллинскій языкъ и Греческія Древности*; *Латинскій языкъ* (по Шеллеру) и *Римскія Древности* (по Адаму). — Въ *Отдѣленіи приговорительномъ* заключается 10 кафедръ и преподаются: *Россійская Словесность* (по рук. Мерзлякова); *Естественная Исторія* (по рук. Двигубскаго); *Геометрія и Алгебра* (по Франкёру); *Географія* (по Гейму); *Исторія* (по Кайдапову); языки: *Нѣмецкій, Французскій, Англинскій, Латинскій, Греческій* и сверхъ того уроки въ *Искусствахъ: Танцованъ, Музыкѣ и Рисованъ.*

105. *Списокъ растній Московской Флоры*, составленный Михайломъ Максимовичемъ. М. 1826 г. in 8. 24 стр.

Донывъ не было составлено полного гербаріума и описанія распеній, находящихся въ Московской губерніи. Польза такихъ описаній и собраній несомнительна. Сочинитель, Г. М., посыланъ былъ въ продолженіе прехъ лѣтъ, отъ Московскаго Университета, именно съ симъ намѣреніемъ. Онъ обѣщаетъ издавъ полную Флору Моск. Губ.; въ из-

данномъ-же выиъ сдѣлкъ означаетъ 926 явнобрач-ныхъ расшеній.

Сей списокъ (говорить онъ) сдѣланъ по сис-темы Линнея и нарочно сравнительно съ Марціусо-вою (*) Флорою (какъ полнѣйшею), дабы можно было видѣть всѣ опмѣны. Расшенія, найденныя въ Московской Губерніи и у Марціуса непомятенныя, означены знакомъ +; при тѣхъ, кои у Марціуса упоминаются и мною не найдены, поставлено (п. v.) ш. е. *не ядалъ*; тѣ, кои при точнѣйшемъ из-слѣдованіи оказались иначе опредѣленными, либо въ послѣдствіи переимѣнены въ другіе роды, всѣ почти имѣютъ указаніе (*Mart.*) на то имя, подѣ коимъ стоятъ у Марціуса; расшенія, искусственно раз-водимыя и сдѣлавшіяся какъ-бы природными, отли-чены звѣздочкою. — Нѣкоторыя родовыя имена заимствованы изъ народныхъ, мною собранныхъ и мѣстѣ въ Губерніяхъ Московской и Черниговской.

106. *Руководство къ познанію Всеобщей Политической Исторіи*, сочиненное Профессоромъ и проч. Иваномъ Кайдановымъ. Третіе изданіе, ис-правленное и дополненное. Ч. I. Древняя Исторія. Ч. II. Исторія среднихъ вѣковъ. Спб. 1826. in 8. XVII, 228 стр. и VII, 200 стр., съ двумя хро-нологическими таблицами.

107. *Historia powszechna krótko zebraana przez Iana Kaydanowa, Professora etc. Podług drugiego wydania rossyjskiego tłumaczył Leon Rogalski. Wydanie drugie.* Вильна, 1826. in 8. у I. Завадскаго. Ч. I. VIII и 184 стр. Древняя Исторія. Ч. II. 168 стр. Исторія среднихъ вѣковъ.

(*) *Prodromus Florae Mosquensis*, Лейпц. 1817 г.

Желая похвалить учебную Русскую книгу, мы не скажемъ, что *число изданій доказываетъ ея достоинство*: нѣсколько примѣровъ, довольно убѣдительныхъ, доказываютъ намъ напрошивъ, что число изданій часто должно относить у насъ только къ невниманію и привычкѣ употребляющихъ книгу. Учебная книга Всеобщей Исторіи, соч. Г-мъ Кайдановымъ, заслуживаетъ похвалу не-потому, что она въ *третьей разѣ* печатается, но что она въ самомъ дѣлѣ хороша. По нашему мнѣнію, изъ числа всѣхъ изданныхъ донынѣ на Русскомъ языкѣ начальныхъ руководствъ къ изученію Исторіи, книга Г-на К. есть лучшая. Означенный нами переводъ ея на Польскій языкъ, со втораго изданія, уже вторымъ изданіемъ напечатанный въ Вильнѣ, въ нынѣшнемъ году, показываетъ намъ, что по видимому и на Польскомъ языкѣ нѣтъ лучшаго краткаго руководства къ изученію Исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, соединяя чистѣйшія нравственныя понятія съ ясностію и краткостію въ изложеніи, Г. Кайдановъ заслуживаетъ благодарность родителей и наставниковъ, представивъ ихъ дѣтямъ и ученикамъ методическое и хорошо-написанное изложеніе Всеобщей Исторіи. Прибавимъ, что Издатель книги (И. В. Слѣнинъ) напечаталъ ее очень исправно и красиво.

Но сочиненіе Г. Кайданова все еще носитъ на себѣ слѣды старинныхъ Всеобщихъ Исторій и — признаемся — читая на заглавномъ листкѣ: *третье изданіе исправленное и умноженное*, мы ожидали отъ Автора большихъ исправленій и умноженій! Соглашаемся, что Исторія Г. Кайданова ясна и хорошо написана, что она изъ краткихъ *лучшал*

на Русскомъ языкѣ; но должны-ли мы остановиться на такой похвалѣ и не сказать : чего-бы желали мы для большаго усовершенствованія ея? Похвалишь просто, было-бы для насъ удобнѣе —

Хвалишь и всѣхъ и все, по дѣло безопасно
И будешь все съ шобой и ладно и согласно. . .

Но пусть что хотящъ скажутъ Гг. охотники хвалишь всѣхъ и все, мы обратимъ вниманіе почтеннаго Автора на нѣ усовершенствованія, которыхъ, по нашему мнѣнію, требуетъ его полезный и достохвальный трудъ. Скоро одно за другимъ слѣдующія изданія его книги, не оставляющъ сомнѣнія, что въ непродолжительномъ времени, онъ долженъ будешь издать свое сочиненіе снова.

Чѣмъ отличаетъ Исторія отъ сказокъ? Тѣмъ-ли только, что въ сказкѣ говорится выдумка, а въ Исторіи былъ? Нѣтъ! Исторія, какъ сказалъ Карамзинъ — *есть священная книга народовъ; главная, необходимая; зеркало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изясненіе настоящаго и примѣръ будущаго.* Достигаешь-ли сего великаго назначенія Исторія, если она, какъ сказка, повтораешь были и небылицы, если она, какъ волшебный фонарь, представляешь намъ въ пропекшихъ вѣкахъ Кишайскія тѣни? Одинъ народъ живетъ, дѣйствуетъ, упалъ; является другой, третій, пятый, десятый — завязка драмы одна: дерутся, богатѣють, бѣднѣють, падаютъ! Откуда являются народы? зачѣмъ, для чего? Исторія молчитъ! Въ эпилогахъ, выглядываешь иногда историкъ и высказываешь намъ по нѣсколь-

ку правоучительныхъ апофеогъ, которыми прошиворѣчаютъ его собственные разсказы.

Не таковы-ли всегда бывали старыя Всеобщія Исторіи, начиная, напримѣръ, съ книги Волчкова: *Шлахетныхъ дѣтей, Исторіи, да отчасти Гермалогіи, каутающій Гофмейстеръ, сиртъ дядька*, до Всеобщей Исторіи какогонибудь Клауса, Галешни, Щрека etc. etc. И будто это Исторіи!!

Всеобщая Исторія тогда только будетъ истинно-всеобщею Исторіею, когда она обнимаетъ все человечество и въ повѣствованіи о событіяхъ и народахъ всего міра являетъ намъ картину всеблагихъ и премудрыхъ судебъ Божіихъ, являетъ неизмѣнные законы, предписанныя Божественною Его волею въ возрожденіи и паденіи царствъ и народовъ! И при такомъ направленіи, главный предметъ Исторіи будетъ *человѣчество вообще*: его дѣянія, направленіе, успѣхи, стремленіе къ совершенству, предписываемое Божественнымъ назначеніемъ. Съ сей точки зрѣнія, не-безобразный хаосъ злодѣйствъ и добродѣтелей, не-однообразную цѣпь одинакихъ дѣяній представляетъ намъ Исторія. И какъ *безъ этого*, съ своими апофеогмами, историкъ успеетъ и оправдастъ умъ челоѣка? При Камбизѣ, при Тиверіи, при Робеспьеррѣ одинаково льется кровь, одинаково текутъ слезы несчастныхъ, гонимыхъ властію сильнаго злодѣя? И тогда и по смѣ, по видимому, добродѣтель страдаетъ, порокъ шоржестіауетъ; варвары приходятъ грабить и рѣзать, въ V, равно какъ въ X и XII вѣкахъ.

Вселенная, въ настоящемъ ея состояніи, есть стройный органъ на похвалу Бога и свяаго Его промысла; такъ и жизнь прошедшаго, слѣд. и Иса-

сторія сьогодня міра донынѣ, должна быти строгимъ, великимъ знаменіемъ Его благости и премудрости. Если историкъ, обозначить вѣкъ первобытное сословіе потомковъ Ноя послѣ Потопа, ихъ бѣдствія и заблужденія, обвинишь весь міръ и будетъ постепено раскрывать, какъ Божественная религія и просвѣщеніе разума возводили чловѣка изъ дикаго его сословія въ образованное, какъ знанія и законы ума, зачавшись въ Азіи, распространились въ Европу, что этому споспѣшествовало, что препятствовало, что составляло счастье и несчастье людей — то все явится въ своемъ мѣстѣ: спротивленія добродѣтели и торжество порока, возрожденіе и паденіе царствъ не будутъ темны и непонятны. Если историкъ будетъ припомъ размашривать и излагать постепено географическую и политическую картину всего свѣта, народы не будутъ у него Китайскими шніями. Онъ опкрощетъ: почему именно, такое-то происшествіе случилось именно въ такое-то время, такой-то народъ послушалъ такъ, а не иначе, шель шуда, а не сюда.

При такомъ взглядѣ, должно ему бросить мѣлкія подробности и сказки старыхъ писателей. То, что повторялось въ тысячу Исторій, не будетъ стоить и малѣйшаго напомниманія, а то о чемъ Шрекке и Волчковы молчали, займешъ обширную часть Исторіи.

Такого взгляда, такой Исторіи міра и чловѣчества, напрасно будемъ искать у Г. Кайданова, хотя его Исторія называется *Всеобщая*. Какъ въ старину, у него, по разсѣянніи людей послѣ столпотворенія Вавилонскаго, являются Ассирійская, Вавилонская, Мидійская и Персидская монархіи; шанъ

Римляне; потомъ приходятъ варвары. Откуда? Гдѣ они взялись? Ничего не видите! Правда, послѣ каждаго народа, спраничкахъ на двухъ изъясняются образъ правленія, законы, состояніе наукъ у сего народа; но нѣтъ ни всеобщей картины міра, ни постепенно-раскрытой великой картины ума человеческого. Возможно ли, что, повсюду сказки о пришествіи Энея въ Италію, Дидоны въ Карфагенъ, рассказы о Вавилонскихъ висячихъ садахъ и проч. и проч., Авторъ ни слова не сказалъ о различіи народовъ по ихъ физическому сложенію, о раздѣленіи ихъ по первобытнымъ языкамъ! Отъ этого, онъ ни слова не говоритъ объ Индіи, Китаѣ, Средней Азій. Старая лѣстница: *четыре Монархіи въ Азій, Греція и Римъ*, а когда Римъ развратился, приходятъ варвары! Отъ этого каждый народъ начинается у Г. Кайданова отдѣльно; каждый народъ выдумываетъ себѣ, Богъ знаетъ почему, вѣру, законы, обычаи. . .

Вотъ главный недостатокъ Всеобщей Исторіи Г. Кайданова. Если-бы, руководствуясь новѣйшими изысканіями Геереновъ, Шлецеровъ, Раске, Шамполіоновоу, Ришперовъ, Штуцмановъ, Нибуровъ, Клапротовъ и другихъ славныхъ современниковъ, Авторъ изложилъ намъ въ самомъ дѣлѣ всеобщую Исторію міра и человечества, какую важную услугу оказалъ-бы онъ, не только юнымъ, но и взрослымъ своимъ читателямъ, которые — не помнимъ гдѣ-то случилось намъ это читать или слышать — учатся Исторіи по сочиненію Г. Кайданова!

Кромѣ общаго недостатка, Исторія Г. Кайданова не освобождена и отъ частныхъ. Несовершенство

ство удѣлъ смертныхъ; но мы должны стараться исправлять свои несовершенства.

Изъ множества вопросовъ, которые можемъ предложить Авшору, спросимъ у него хотя о слѣдующемъ:

Не уже-ли въ самомъ дѣлѣ онъ вѣрить пришествію Энея въ Италію; изобрѣшенію писемъ Финикіянами (стр. 17); тому, что Зороастръ самъ выдумалъ свое ученіе (стр. 51); что Караагепяне хотѣли покорить цѣлый свѣтъ (стр. 152); что Аннибаль погибъ отъ роскошной Капуи (стр. 160); что битва при Замѣ рѣшила жребій: кому обладать свѣтомъ, Риму или Караагену (стр. 161)? Не уже-ли, въ краткой Исторіи, забывъ о Кипаѣ, Индіи, о слѣдахъ первобытныхъ жителей въ Америкѣ и Австраліи и первобытныхъ языкахъ народовъ, о раздѣленіи ихъ по физическому образованію, о раздѣленіи по первобытнымъ родамъ и произведеніи вѣсѣхъ народовъ поспешенно одного отъ другаго (а не отдѣльно, какъ грибовъ въ царствѣ растеній) и о постепенномъ отъ того развитіи гражданственности, законовъ, знаній — должно посвящать нѣсколько страницъ маленькимъ народамъ, жившимъ прежде въ Россіи, нравамъ Славянъ и *ошибочнымъ* извѣстіямъ о Мифологіи нашихъ предковъ, потому только, что это *свое родное*? Дѣла въ томъ, важно-ли это для Исторіи.

Замѣтимъ также показавшееся намъ странницею при чтеніи 1-й главы:

Авшоръ говоритъ, что *Халдеи*, значить *Вавилонскіе жрецы* (стр. 11). Полно, не были-ли это какой нибудь народъ?

»Лидійское государство было *богатѣйшее* въ Малой Азіи (стр. 12) — Главными владычествующими народами въ Азіи были *Вавилоняне, Мидяне и Лидяне* (стр. 44) ! « Воля Автора — путь ошибка и не маленькая !

»Древнимъ извѣстна была *только Стверная часть* Африки (стр. 24). « Чрезъ нѣсколько строкъ, Авторъ распространяетъ знаніе древнихъ *за Нигеръ*, а на стр. 14, Финикіяне объѣзжаютъ *кругомъ всей Африки* !

»Законодательство Египтянъ показываетъ *истинныя* понятія о гражданскихъ обществахъ (стр. 30.); изслѣдованія историковъ о вѣроисповѣданіи древнихъ Египтянъ *остались безъ успѣха* (стр. 33); при Моисѣ Египетъ является *образованнѣйшею* страню (стр. 35). « Признаемся, что всему этому мы не вѣримъ.

»Дарій Испасъ *заслужилъ* названіе великаго (стр. 47). « Это также странно читать, какъ и то, что Киръ былъ *довольно великій* человекъ и *довольно добрый Царь* (стр. 46).

»У всѣхъ народовъ и всегда Поэзія предшествовала прочимъ частямъ Словесности (стр. 92). « Мысль совершенно справедливая — и между тѣмъ, Г-нь К. нигдѣ не оправдалъ ее. Множество народовъ являющихся у него съ Словесностію и — безъ Поэзіи !

»Многія Монархіи древняго свѣта, особливо *Азіатскія*, появились на свѣтъ *вдругъ во всей своей силѣ и славѣ*. Римская Монархія, напрошивъ *яного*, произошла въ *неизвѣстности, младенчествовала, возрастала* и проч. (стр. 122). « Беремъ доказанъ Автору, что всѣ царства начинались

одинакимъ образомъ и что никогда, ни одно пар-
ство не появлялось *вдрузъ и во всей силѣ и славѣ*.

Мы могли бы показать много другихъ неясностей
и непочностей (если не ошибокъ), на прим. (сгр.
215) что Светоній, Діонъ-Кассій, Аммианъ-Марцеллинъ
могутъ служить образцами; что Святославъ на-
несъ сильный ударъ *сильнѣйшему, опаснѣйшему*
для всѣхъ народу, Хазарамъ; но оставляемъ это,
будучи увѣрены, при разсмотрѣніи прилежнѣйшемъ,
Авторъ самъ увидитъ ихъ, постарается исправить
и тамъ усовершенствуетъ свою полезную книгу.

108*. *Труды и Записки Общества Исторіи
и Древностей Россійскихъ*, учрежденнаго при
ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ.
Ч. III. книга I. М. 1826 г. in 8. IV к 273 сгр.,
съ снимкомъ древней грамоты и 6-ю рисунками.

Разборъ сей книги помѣщенъ выше, въ отдѣ-
леніи *Критики*, на сгр. 214 и слѣд. —

109. *Заводы, бывшіе И. Р. Баташева,
а нынѣ принадлежащіе Генералъ-Лейтенанту
Д. Д. Щепелеву и его дѣтлмъ*. Спб. 1826 г. in
12. 130 сгр., съ картинкою, на кошорой изображенъ
Выксунскій заводъ.

Нѣсколько экземпляровъ спашь, помѣщенной
въ *Отечественныхъ Запискахъ* вышшняго года,
отдѣльно напечатаны подъ симъ названіемъ.

110. *Письма объ образованіи ума и сердца*.
1826 г. in 12. 80 сгр.

На заглавномъ листѣ, въ видѣ эпиграфа, на-
ставлено: *Писанныя въ 1823 году, изъ Москвы въ
Кострому, къ двумъ братьямъ, воспитывающимъ
ся въ Московскомъ Кадетскомъ Корпусѣ*. Въ де-
сяти маленькихъ письмахъ, сочинитель доказываетъ

своимъ братьямъ подзуду наукъ и добродѣтели. Похвальное намѣреніе.

111. *Узнанная*. Съ эниграфомъ изъ Деллериныхъ сочиненій: *Heureux, trop - heureux dans sa noble carrière*, etc. М. 1826 г. in 16. 10 страницъ.

«Совершенство (говоришь Авшоръ) есть степень, которую ни одинъ испытатель сердца теловѣческаго не обрѣлъ; опытъ увѣрилъ меня въ противоположнѣе: мнѣ показали соотечественницу — кто она такова? оставляю загадкою для моихъ читателѣй.» Слѣдуетъ изображеніе *Узнанной*. «Если-бы (продолжаетъ Авшоръ) она жила во время баснословія; поэты опознались-бы, что сама богиня вкуса присутствовала при ея рожденіи и передала ей свои шайны, естественныя для взгляда и неизяснимыя для подражанія.» — Соч. увѣряетъ, что «какъ-бы идеаль хорошъ ни былъ, воображеніе наше не можетъ передать ему, все тѣни совершенства, видимыя въ подлинникѣ, и значительныя въ глазахъ истиннаго цѣнителя.»
Едва ли правда. —

112. *Собраніе карточныхъ раскладокъ, известныхъ подъ названіемъ Грандъ-пасьянсовъ*, усердно посвящаемое всѣмъ дѣловымъ людямъ. М. 1826 г. in 12. XII и 208 стр.

Кто не согласится, Мм. Гг., что *Грандъ-пасьянсъ*, дѣло необходимое въ обществѣ, и маленькомъ и большомъ? Де сихъ поръ однакожъ, всякій учился ему по какимъ нибудь произвольнымъ правиламъ, но — поздравляемъ дѣловыхъ людей! Настало время: *Грандъ-пасьянсъ* приведенъ въ систему, подведенъ подъ законы, составилъ науку и теперь, у кого есть охота, игру можетъ

учитывая ему систематически, методически, классически.

О любители Грандъ-пасьянса! восхищайтесь: *сорокъ восемь манерою* раскладываетъ Грандъ-пасьянсъ одному, въ двѣ колоды; *десять манерою* раскладываетъ одному, въ одну колоду и *два манера* играть въ Грандъ-пасьянсъ вдвоемъ!! Тридцать одинъ планъ и нѣсколько шушокъ украшаютъ эшопъ курсъ Грандъ-пасьянса. Онъ продается съ пользою бѣднымъ.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Географич. извѣстія. Островъ Борнео, Новая Зеландія и Отанки. Въ Сингапурской лѣтописи (издан. на островѣ Суматрѣ) помѣщено описаніе государства *Брунаи* (Brunei) или *Борнео*, по которому получилъ свое названіе обширный островъ, находящійся между Филиппинскими островами, Суматрою, Целебесомъ, Малаккою и Сиамомъ. Борнео представляетъ первобытную дикостьъ человеческихъ обществъ. Множество племенъ составляютъ его обитателей; всѣ они живутъ въ совершенномъ невѣжествѣ, не имѣютъ письменъ и почти никакихъ, или самыя грубыя религіозныя понятія; управляются царями, безъ всякихъ законовъ, деспотическимъ образомъ. Малайцы составляютъ тамъ сильнѣйшее и болѣе другихъ образованное общество. Островъ Борнео заключаетъ въ себѣ величайшія богатства во всѣхъ царствахъ природы; но дикость и непрерывныя

междоусобія обитателей препятствуютъ торговлѣ и сообщенію съ Европейцами. Единственный портъ производящъ притѣжающіе съ Борнео въ Сингапурѣ Малайцы и Китайцы, бывающіе въ Борнео. — Въ *Лѣтописяхъ путешествій*, изд. Малтебрѣ-земъ, помѣщены новѣйшія извѣстія о Новой Зеландіи. Справно, что дикіе обитатели ея приняли сіе названіе для своей земли, только произносятъ его: *Нуи-тирами* (Noi-Tiréni). Извѣстно, что Новую Зел. составляютъ два острова; одинъ изъ нихъ неправильно названъ Кукомъ *Загейно-Мове*: должно называть его *Э-ика-на-мови* (E-ika-na-mauwi). Другой называется *Тавай-Поенаму* (Tawai-Poenamu). Зеландцы все еще дики и кровожадны, хотя христіанство распрошралаетъ между ими просвѣщеніе. Къ сожалѣнію, они научились уже владѣть огнестрѣльнымъ оружіемъ. Англичане хотѣли въ скорѣи завести тамъ колонію, переправя туда нѣсколько поселенцовъ изъ Новаго Юж. Валлиса. — Гг. Тисманъ и Банешъ, въ 1825 году прислали Обществу миссіонеровъ донесеніе объ успѣхахъ жителей Ошанпи въ просвѣщеніи и образованности. «Въ Ошанпи (пишутъ они) мы не удовольствовались посѣщеніями природныхъ жилищей, но были у нихъ въ жилищахъ. Ошаншяне принимали насъ чрезвычайно пріятливо и старались угощать. Столъ у нихъ обыкновенно накрытъ опрятно и хорошо и мы сидѣли на софахъ, сдѣланныхъ на манеръ Англинскихъ: ихъ дѣлаютъ сами Ошаншяне. Европейскіе приборы у нихъ въ модѣ и они стараются запаслись ими. На праздникъ, данномъ по случаю нашего прибытія, мы во многихъ отношеніяхъ удостоивѣлись, что просвѣщеніе дѣлаетъ здѣсь успѣ-

ки. Весь народъ, раздѣленный по семействамъ, собрался на большой площади, вымощенной камнями, тамъ, гдѣ прежде былъ храмъ идоловъ. Каждое семейство принесло съ собою свой столъ, свою софу и обѣдъ. Кушанье приготовлено было на Английскій манеръ; каждый столъ покрытъ бѣлою скатертью; шенты изъ Опантскаго полотна закрывали отъ солнечнаго зноя. Всѣ присутствовавшіе на этомъ праздникѣ, мужчины, женщины и дѣти, были одѣты пристойно. Мы ходили отъ стола къ столу и съ изумленіемъ дивились общему довольству и благоосостоянію — вѣрнымъ признакамъ истинныхъ успѣховъ образованности! Многіе старшины говорили рвчи и мы съ удовольствіемъ замѣтили достойную удивленія переменъ, происшедшую между островитянами въ нравственномъ и умственномъ отношеніи, со времени просвѣщенія ихъ словомъ Божиимъ. Опантяне, еще такъ недавно находившіеся въ униженномъ и бѣдномъ состояніи, сравнивая его съ нынѣшнимъ счастливымъ преобразованиемъ, благодарятъ Бога за сію благословенную переменъ, и соревнуютъ другъ передъ другомъ въ дальнѣйшихъ успѣхахъ. Евангеліе переведено на Опантскій языкъ и учреждена типографія, гдѣ начали печатаніе 3000 экземпляровъ Евангелія Св. Луки. Недавно, островитяне послали въ Лондонъ грузъ масла кокосовыхъ орѣховъ, съ просьбою, на имѣющія выручиться деньги, кошорыхъ должно быть болѣе 1000 фуншовъ стерлинговъ — купить Евангелій и послать ихъ для распространенія между другими идолопоклонническими племенами.

Новыя путешествія. Еще жертва, принесенная ревностію къ наукамъ ужасамъ палачей Аф-

рики! Докторъ Гамирихъ, путешествовавшій пять лѣтъ, на иждивеніи Короля Прусскаго, въ Аравіи, Азій, Ливіи, Египтѣ и Нубіи, скончался въ Массауа, нынѣшней столицѣ Абиссиніи, вмѣстѣ съ сопутникомъ своимъ Нимейеромъ, отъ заразной горьчки. Другой сопутникъ его, Г. Герренбергъ пишетъ о себѣ, что онъ прибылъ благополучно въ Канръ, съ богатымъ собраніемъ, сдѣланнымъ ими на берегахъ Чернаго моря. Абиссинія, пишетъ онъ, страна гостеприимная, спокойная, гдѣ все дешево. Она изобильна величайшими рѣдкостями во всѣхъ отношеніяхъ. Скоро ждутъ въ Берлинъ возвращенія Г-на Герренберга и новыхъ свѣдѣній о Юго-Восточной Африкѣ. — Г. Гедонъ (Guedon) награжденъ отъ Короля Французскаго орденомъ Почетнаго Легіона. Онъ отправляемъ былъ отъ одного Діэппскаго торговаго дома, на китовую доблю, съ 1820 по 1825 годъ. Въ послѣднее путешествіе, продолжавшееся около восьми мѣсяцовъ, онъ *первый* изъ Французовъ вошелъ въ Баффиновъ заливъ и открылъ тамъ въ Пондскомъ заливѣ (подъ 71° 42' Сѣв. широты) островъ, названный имъ *островъ Діэплъ*; недалеко отъ Ланкастерскаго пролива открылъ онъ еще проливъ, названный Французскимъ Адмиральтействомъ *проливомъ Гедона*.

Эйбомъ, Датскій поэтъ. Счастливыи сынъ природы! Онъ родился въ Смаландѣ, въ 1807 году, и находился донинѣ въ услуженіи у Совѣтника Сальвандера, въ Копенгагенѣ. Убѣгая сообщества своихъ товарищей, юный Эйбомъ читалъ книги и по внушенію таланта писалъ стихи. Добрый господинъ, увидѣвъ стихотворенія его: *Весеннія пѣсни Скандинавовъ*, былъ изумленъ ими, ободрилъ Эй-

бома и юноша написала поэму, взявъ содержание оной изъ Исторіи Снорро Стурлезона. Весь Копенгагенъ съ изумленіемъ читалъ ее и поздравлялъ Данію съ новымъ, великимъ поэтомъ. Теперь Эйбокъ отидеть въ училищъ; онъ не знаетъ даже правописанія.

Ученныя извѣстія. Въ торжественномъ заведеніи Парижской Академіи надписей и Изыщныхъ Искусствъ, 28 Іюля, получили золотыя медали (каждая въ 1500 фр.): Г. Мальшеръ за рѣшеніе задачи о Гностикахъ и Орфишахъ и Г-нъ Капфигъ, за рѣшеніе задачи объ областяхъ, городахъ и замкахъ, приобретенныхъ Филиппомъ Августомъ (см. Тел. 1825 г.). Для 1827 г. предложена задача слѣдующая: объяснить политическое состояніе Грецкихъ городовъ на твердой землѣ Европы, на островахъ и въ Малой Азій, съ втораго вѣка прежде Р. Х., до утвержденія столицы въ Византіи. На 1828 годъ: представить изображеніе торговыхъ сношеній Франціи и другихъ государствъ Южной Европы съ Египтомъ и Сирією, со времени владычества Франковъ въ Палестинѣ, до половины XVI вѣка, опредѣлить сущность и объемъ сихъ сношеній, время учрежденія консульствъ въ Египтѣ и Сиріи и означить дѣйствія, какія произвело на торговлю Франціи и южныхъ державъ Европы съ Левантомъ, открытіе пути около мыса Доброй Надежды и осѣдлость Португальцовъ въ Индіи. — Іюля 1 ч. въ 2 часа, 22 мин. вечеромъ, последовало любопытное событіе для астрономовъ — соединеніе Юпитера и Венеры, или прохожденіе ихъ по одному меридіану. Оно кончилось въ 8 ч. 58 м. вечера. Не

должно думатьъ, чтобы это могло имѣть вліяніе на перемѣны въ нашей атмосферѣ. Юпитерьъ, въ 1333 раза превосходящій величиною землю, опшстоитъ опъ земли на 180 милліоновъ льѣ, и обращается около солнца въ 12 льѣтъ, а Венера, девятою частію меньше земли, опшстоитъ опъ нее только — на 25 милліоновъ и совершаетъ свое обращеніе около солнца въ 224 дня.

Новое открытіе. Въ Германіи Г. Флодерь извдегъ изъ пополовыхъ шишекъ смолу, замѣняющую сало для лампадъ и ночниковъ. Надобно только снять весною шишѣчки шополя (resplier), смодать ихъ и варить въ водѣ. Потомъ влить все это въ мѣшокъ и выдавливать прессомъ благовонную смолу.

Статистическія извѣстія. Колумбійскій конгрессъ назначилъ заимообразную выдачу милліона піаспровъ для подкрѣпленія земледѣлія въ Колумбіи и выдалъ Георгу Спанлею привилегію на паровое судоходство по озеру Макараибо, въ продолженіе 21 года. — Конгрессу поданъ къ ушверженію прокъшъ Г-дъ Герринга, Грагама и Поульса, Лондонскихъ жителей, по которому предполагается проложить чугунные дороги между Каракасомъ и Лагваирою. — 5 Августа, кончился раздѣлъ между Саксень-Кобургскимъ, Саксень-Гильдбургсгаузенскимъ и Саксень-Мейнингенскимъ Герцогствами, по случаю полученія ими въ наследствіе Герцогства Альшенбургскаго. Кобургъ получилъ княжество Гошу, исключая Кранихфельдъ, и удерживаетъ Кобургъ и Лихшенбергъ. Это уволчиваетъ его прежнія владѣнія почти 19 кв. милями и 58,600 жителей. Мейнингенъ удерживаетъ все что имѣлъ до сего времени и къ шому, получаетъ весь Гильдбургсгаузенъ, весь Саальфельдъ,

вышеупомянутый Кранихфельдъ и Камбургъ. Сии послѣдніе (черезполосное владѣніе съ Пруссією; Шварцбургомъ и Веймаромъ) промѣнены съ Веймаромъ на Кальтеннордтеймъ (въ Эйзенахъ). И шакъ Мейнингенъ получаетъ приращенія 22 квадратныя миль и 58,400 подданныхъ, Гильдбургсгаузенъ получаетъ все княжество Альшенбургъ, кромѣ Кобурга, и вмѣсто прежнихъ 11 кв. миль съ 31 т. жителей будетъ владѣть — 25 квадратными милями съ 108,000 жителей.

НЕКРОЛОГІЯ. *Іосифъ Фрауенгоферъ*, Профессоръ Минкенской Академіи, извѣстный ученыйъ трудами и особенно превосходными своими астрономическими инструментами, сконч. въ Минхенѣ, 7 Іюня, 1826 г. Чрезмѣрные ученыя упражненія погубили его. Больше полугода страдалъ онъ болѣзнію въ груди.

Лудовикъ, Антонъ, Францъ Маршанжи, сконч. въ Парижѣ, въ началѣ Февраля, 1826 г. Онъ родился близъ Невера, въ 1782 г. Занимая важныя должности (*avocat-général à la cour de cassation*) обширными свѣдѣніями въ Юриспруденціи и другихъ наукахъ и благородствомъ поведенія снискалъ онъ почтеніе соотечественниковъ. Литтературныя занятія составляли его ошдыхъ. Онъ приобрѣлъ извѣстность своею *Поэтическою Галлією* (въ 8 томахъ), гдѣ изобразилъ все что представляетъ древняя Галлія замѣчательнаго для живописца и поэта: нравы, обычаи, памятники и проч. Недавно издано было имъ другое сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Тристанъ путешественникъ*, гдѣ изображаетъ онъ Францію, въ XIV вѣкѣ. Нѣсколько сочиненій осталось послѣ него въ рукописи; между

прочить — *Записки о Французской революціи, Путешествіе въ Швейцарію и комментарий на кодекс Французскихъ законовъ.*

*Лудовикъ, Теодоръ Лешено-де-ла-Туръ, знаменитый путешественникъ и естественныиспытатель, сконч. въ Парижѣ 14 Марта, 1826 г. Онъ род. въ Шалонѣ, 13 Ноября, 1773 г., и посвятивъ себя, исключительно естественнанию, въ 1800 г., отправился въ извѣстное учеными приобретениями путешествіе кругомъ свѣта, съ Капитанъ Боденуа. Оставшись, по причинѣ болѣзни, на островѣ Тиморѣ, Л. де-ла-Т. возвратился отдѣльно съ богатыми собраніемъ во Францію. Потомъ посѣдилъ онъ Северную Америку, а въ 1814 г., отправился въ Индію, Цейлонъ, Иль-де-Франсъ и Сенегаль. Возвратясь въ 1818 г., совершалъ онъ въ 1820 г., путешествіе въ Бразилію, Каяну и Гвиану. Остатокъ дней провелъ сей почтенный мужъ, приводя въ порядокъ драгоценныя приобретенія, сдѣланныя имъ во время ещю многихъ его странствованій. Онъ написалъ важную статью въ описаніи путеш. Перона и Фрейсине — *О произведеніяхъ Новой Голландіи и земли ванъ-Діемена.* Другія сочиненія его помѣщены въ *Запискахъ Музея Естественной Исторіи.**

Ландонъ, живописецъ и надзиратель картинной галлерей Королевскаго Парижскаго Музея, сконч. въ Парижѣ, въ Маршѣ, сего 1826 г. Онъ извѣстенъ описаніями картинъ, какъ сего, такъ и прежде бывшаго Наполеонова Музея, изданными имъ съ превосходными рисунками.

Графъ Григорій Владиміровичъ Орловъ, Тайный Совѣтникъ, Сенаторъ и разныхъ Орденовъ Кавалеръ, сконч. въ С. Петербургѣ, 21 Іюня, 1825 г.

Онъ всегда отличался провѣщенною любовію къ наукамъ и своимъ сочиненіями. Имъ изданы: *Записки о Неаполѣ — Исторія музыки и живописи Италіанской — Путешествіе въ Южную Францію* и проч. Всѣ сочиненія его писаны на Французскомъ языкѣ. Его стараніемъ были изданы въ прошломъ году, въ Парижѣ, Италіанскій и Французскій переводы Басень И. А. Крылова.

Василій Алексѣевичъ Леашинъ, Статскій Советникъ и Кавалеръ, Членъ многихъ ученыхъ Обществъ и — одинъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ Русскихъ Литтераторовъ, сконч. въ Белевѣ, 29 Июля; 1826 г. Онъ родился въ 1746 г., Августа 6 дня и особенно извѣстенъ былъ сочиненіями и переводами касательно городского и сельскаго Хозяйства. Вообще сочиненія и переводы его касательно сельск. Хозяйства, Технологіи и проч. составляютъ болѣе ста пятидесяти (и болѣею частию огромныхъ) томовъ. Кромѣ того издалъ онъ множество Историческихъ, Криптическихъ, Географическихъ и другихъ сочиненій и переводовъ. Однѣхъ драмъ, комедій и оперъ сочинено и переведено имъ — свыше шестидесяти.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

Къ Вакху.

Веселій богъ ; губи мои забоши !
 Какъ огонь , мои печали истребляй !
 О Вакхъ ! на днѣ швоей діопы
 Храни мой рай !

Пускай бѣды роятся вокругъ какъ пчелы ;
 Ты предо мной съ фіаломъ , скорбныхъ другъ ;
 Я жребій понесу тяжелый
 Какъ легкій пухъ .

И научусь шерпѣнью . Кшо веселье
 Умѣешь динь , двѣ жизни пошь живешь ;
 И ошживя , на новоселье
 Какъ въ пирь идешь .

Краса пѣвцовъ прекраснѣйшаго вѣка ;
 Веселый Флаккъ , шакъ мыслиль , шакъ и жидь ;
 Пусшь мирь укажеть человекка ,
 Кшо лучше шиль ?

Кшо строже гналъ корысти злой осправу ?
 Кшо шакъ , какъ онъ , прекрасное хвалиль ?
 Царя , отечества кшо славу
 Какъ онъ любилъ ?

*

Онъ пѣлъ любовь — и дѣва не однажды
 Подругою пѣвца желала быть ;
 Онъ пѣлъ вино — и мѣлъ ошъ жажды ,
 Кшо могъ лицъ пѣтъ.

*

Хвала пѣвцу ! но жаромъ пѣснопѣнья
 Немногихъ грудь высокая полна.
 О Перида , вдохновенья !
 О Вакхъ , вина !

Орловъ.

Тоска по юности.

Вздогнувъ ошъ ужаса , съ шрепещущей душою,
 Стою на жизненномъ пуши.
 Я слышу , вшорипся разящею грозою
 Гдасъ юности моеи , разшавшейся со мною :
 Ея послѣднй звукъ : *прости !*

*

Оледенѣла-ль жизнь въ свяной груди природы ?
 Уже-ль поблекъ весны покровъ ?
 Ахъ ! распелась отрадъ младае хороводы ,
 Какъ дѣши рѣзвые мои промчались годы ,
 И ликъ созданя суровъ !

*

Здѣсь духи горести унынѣ навѣвають ;
 Здѣсь льются слезъ моихъ струи —
 И чувства сироты отъ жизни отчуждаютъ.
 Во шмѣ прошедшихъ лѣтъ, какъ молніи, сверкаютъ
 Воспоминанія мои !

*

Надъ люлькой юности , съ ужаснымъ приго-
 ромъ
 Несется грусть на крыльяхъ бурь !
 Чтось Бога умолишь , лечу я къ небу взоромъ. . . .
 И что-же ? Тучами и праурнымъ уборомъ
 Покрылась свѣтлая лазурь.

*

Ошчизна-ль юности за буйными громами ?
 Не слыше-ль проблескъ надъ главою ?
 Анина милая , одѣшая лучами ,
 И развѣвается въ рукѣ ея волнами
 Хоругвь любви роковой !

*

Я узнаю тебя въ божественномъ сіяньѣ ,
 Прекрасный другъ прошедшихъ лѣтъ !
 Любовью-ль вѣсть нѣтъ шеверъ швое дыханье ?
 Могу-ль любить душой , ошмылою въ страдашь ?
 Безъ юности блаженства нѣтъ !

*

Увы ! вступаю-ль я подъ гробовне своды ?
 Волшебница , восторговъ машь ,
 Анина ! возврати потерянные годы ,
 Чтось вновь мнѣ на рукахъ кормилицы - природы
 Груднымъ младенцемъ засыпать !

Баронъ Розенъ.

Закрѣтый истуканъ.

(Изъ соч. Шиллера.)

Юноша, жаждой познаній влекомый, въ древ-
ній Египеть,
Въ храмъ Саисскій пришелъ, у жрецовъ изучался
желая
Тайнамъ премудрости. Много онъ спешей быстро
и скоро
Пылкимъ умомъ пролещь, но всегда испытующимъ
духомъ
Рвался впередъ: Иерофанты едва за нимъ успѣвали.
Въ неперѣливомъ стремленьи — »Что я знаю —
скажите —
»Если *всего* я не знаю?« Такъ восклицалъ въ непер-
пѣньи —
»Или и въ мудрости пакже найду я немного и
много;
»Или и мудрость земная, какъ счастье не полно
земное,
»Есть собранье познаній, копорымъ и больше и
меньше
»Можемъ мы обладашь и всегда къ обладанью спре-
мимься?«
»Разъ мудрость не есть единое вѣчнаго духа?
Звукъ одинъ уничтожь — и разрушишь гармонию
звуковъ;
»Цвѣтъ единый изъ радуги вынь — и все оспаль-
ное
»Хаосъ нестройный, если прекрасное *все* не до-
полнишь
Вновь, полношюю небесной гармоніи, цвѣща и звука!»

Такъ говорилъ онъ съ жрецомъ и въ храмъ бп-
 даленный вступаешь.
 Тихо было въ храмѣ и жадные юноши взоры
 Вдругъ засверкали: предъ ними гигантскій, за-
 крышь покрываломъ,
 Въ прагъ сползть испукавъ! Въ изумленіи юноша
 пылкій.
 Онъ вопрошаетъ вожакаго: »Что это? что здѣсь
 закрыто?
 — Истина — шакъ Иерофантъ отвѣчаетъ — »Что
 слышу, что внемлю?
 Юноша быстро воскликнулъ — »Истина! къ ней я
 спремлюся;
 »Здѣсь предо мною она и ее ошь меня закрываютъ!
 — Такъ судьбамъ всевышнимъ угодно — жрецъ от-
 вѣчаетъ —
 Смертный никакъ да не смѣешь, изрекъ оракула
 голось,
 Вскрышь покрывало, доколъ я самъ его не рас-
 крою (*);
 Кожь святошашской, пресупной рукою по-
 смѣешь, доколъ
 Тайное, вскрышь покрывало, безумною волей ве-
 домый,
 Тотъ — »Окожи скорѣ!» — Увидишь Истинны об-
 разъ.
 »Спраанный оракулъ! Но пмъ мнѣ повѣдай: уже ли
 донынѣ,
 »Ты, никогда не дерзнулъ подняшь — открышь по-
 крывало?»

(*) Известная надпись на закрытой покрываломъ Изидиной
 спашуъ. Пер.

— Я? Никогда не дерзнул и помыслишь — и
 смью-ль помыслишь. . .
 Буду смиле тебя, и могу-ль удержаться : преда-
 мою
 Истина, съ легкой завью. . . — Но вспомни
 прещеніе бога —
 Такъ возразилъ ему жрецъ — и помысли, о сынъ
 мой! помысли :
 Если бременемъ легкимъ рукъ швоей будешь завью,
 Тяжко на совѣсть падеть пресупленіе божеошвен-
 ной воли! . . .

Полный думы тяжелой, юноша въ домъ воз-
 вращался ;
 Жажда палая зная сонъ похищаетъ спокойный :
 Онъ на одръ не находитъ покоя, горитъ непер-
 нымъ —
 Въ часъ полуночи оставилъ онъ одръ свой. Къ хра-
 му влечется
 Робкимъ и косвеннымъ шагомъ, невольно робя во-
 мракъ ;
 Безъ затрудненія онъ переходитъ ограде храма
 И — въ средину храма заноситъ дерзкую ногу. . .
 Свершилось !
 Вошь онъ одинъ, посреди, окруженный мернымъ
 молчаньемъ ,
 Въ сумракъ храма — все шико вокругъ — только
 въ сводахъ высокихъ
 Шорохъ шаговъ его впорхнулъ въ звуки глухихъ
 и неясныхъ ,
 Храма безмолвіе онъ нарушаетъ и шикнешъ мгно-
 венно. . . .

Сверху сводовъ, въ одно обитианье и видѣнь
 шуманный неясно,
 Блѣдныя лучи серебриша помосшь обширнаго
 храма;
 Ужась всеяя, какъ богъ преступленія испишель,
 во мракъ,
 Длинныя закрывъ покрываломъ, стоишь испуканъ
 испоминскій. . . .

Робкой стогой подошелъ къ нему юноша глѣ-
 хо — онъ хочешь
 Дермой рукой спросишь неопытнаго спратную
 тайну;
 Холодъ и жаръ претели по костямъ его — буд-
 то безвѣстной
 Онъ отодвинушь досицей — и съ шрепешомъ
 вспять отступашь!
 »Что ты держишь? Куда, несчастный безумецъ!«
 такъ громко
 Тайный въ душѣ его голось ему вопиеть. — »не
 шрепещешь
 »Ты испишаешь веисецижную тайну? Но вѣспомни
 глаголы —
 »Рекъ ихъ оракуль священныи — смершныи никто
 да не смѣшь
 »Вскришь покрывала, пока я самъ покрывала не
 вскрою!
 »Но, не шопъ-ли оракуль прибавилъ глаголь вѣдо-
 хновенныи:
 »Если осмѣлишся смершныи — онъ Испину узришь!
 Довольпо —
 »О! что ни будешь за сею завѣсой — я вскрою —
 увижу!»

Громкимъ воскликнулъ онъ голосомъ: *«Видѣть же-
чу я!»* И —
— *видѣть!*

Глухо отгрянуло въ сводахъ и долго гулъ неуших-
нуль. . . .

Рекъ — приблизился сѣмо и — вскрыль покрыва-
вало завѣща. . . .

«Что онъ увидѣлъ?» вы спросите — «что
онъ нашель? — Я не знаю.

Слабый, безъ чувствъ, онъ найденъ былъ заупра-
жрецами во храмъ,

Близъ испукана Изиды, повергнушь во прахъ на
помощь.

Что онъ видѣлъ? Что онъ нашель? Никому не по-
вѣдалъ

Косный языкъ его. Онъ навсегда погубилъ свою
младость:

Мрачный, погасшій, онъ скорбно увлекся къ ран-
нему гробу.

«Горе!» шакъ онъ изрекъ въ минушу кончины прав-
диво —

«Горе тому, кто мудрость купилъ пресупленьемъ
закона —

«Онъ не-радосшной — спрашной, погибельной шай-
ной владѣшь. . . .»

П * * *

99-й номеръ въ лоттерей.

(Окончаніе.)

Вильгельмъ былъ очарованъ появленіемъ Генріэппы; мы бы сказали: былъ восхищенъ, но этого не случилось, потому что онъ уже обещалъ свою руку и — не смѣлъ восхищаться никѣмъ, кромѣ своей невѣсты. Счастье для него погибло — по крайней мѣрѣ такъ казалось ему. Въ самомъ дѣлѣ, онъ сравнивалъ Лизу съ Генріэппой (злые люди скажутъ, что истинно влюбленные не сравниваютъ — но что-жъ намъ дѣлать, когда Вильгельмъ сравнивалъ?) и отдавалъ преимущество Генріэппѣ.

Еще болѣе почиталъ онъ себя несчастнымъ, вспоминая, какимъ неразрывнымъ союзомъ соединенъ съ Лизою! Онъ зналъ, что опецъ ни за что въ свѣтѣ не согласится освободить его отъ даннаго слова, потому что — слово сказано и дѣло сдѣлано! — было любимое правило спараго Биркмана, кошорому онъ госпожь былъ пожертвовалъ спокойствіемъ цѣлой жизни. Вильгельму оспавалась надежда на волю невѣсты: «Не откажется-ли самъ Лиза?» подумалъ онъ, вспомнивъ о молодомъ Французскомъ... Онъ рѣшился поразвѣдать обстоя... же объ этомъ зарейн-

скомъ молодцѣ и на другое утро иди въ Мюкенвальде.

Съ какою горесью увидѣлъ онъ черезъ нѣсколько часовъ, что прелестная Генріэтта ушла съ Паспоромъ, Генріэтта, одинъ взглядъ кошорой лишилъ его спокойствія. Впрочемъ его утѣшило приглашеніе матери, дружеское, искреннее, и обещаніе Генріэтты — придти къ намъ на другой день.

Съ утреннею зарею Вильгельмъ былъ уже въ Мюкенвальде. Онъ хотѣлъ поскорѣ окончить свои поиски и, къ тому времени когда придетъ Генріэтта, быть дома. Но походъ его вышелъ неудаченъ: ничего новаго не узналъ онъ. Всѣ сосѣди согласно хвалили его невѣсту, потому что если кто и зналъ о прежней привязанности ея къ Monsieur Le Petit, то зналъ также и то, что теперь она уже невѣста Вильгельма. Да и могъ-ли кто сказать что-либо дурное о дочери Е. Розеа, могущественнаго Антискаря и Сенатора? Вильгельмъ явился къ Лизъ. Она приняла его съ такою искреннею ласкою и вниманіемъ, что онъ гонимъ былъ забытъ в. Французъ и все — кромѣ Генріэтты.

Въ неудовольствіи, въ опечаленіи возвратился онъ домой. Чего болѣе вчера, много желалъ онъ сегодня, потому что дѣло шло о спокойствіи и счастливой жизни. Ему охотно было передать свое совѣтъ — онъ спрашивалъ думъ Лизъ и Ген-

рѣшплъ въ одно время. Но едва возвратил-
ся онъ домой, какъ уже Пасторъ шелъ, и
опяшь самъ-прешей. Чѣмъ ближе подхо-
дила почтенные супруги и прекрасная
Генріэппа, тѣмъ сильнѣе трепетало
сердце юноши. Какъ весело и вмѣстѣ какъ
тяжело было ему глядѣть на эту милую
дѣвушку, которая совсѣмъ не подозрѣвала
любви Вильгельма. При расставаньи, къ
величайшему восхищенію Вильгельма, Па-
сторша съ покорностью просила Г-жу
Биркганъ подумать, не лзя-ли ей при-
нять къ себѣ Генріэппу, которая была-
бы ей помощницею въ хозяйствѣ, а это,
при немолодыхъ лѣтахъ Г-жи Биркганъ,
требующихъ необходимаго покоя (по мнѣ-
нію Пасторши), было-бы очень кспати.
Дѣвушка съ радостью готова была испол-
нить все, что ей прикажутъ и за всѣ свои
услуги просила только покровительства
и спокойнаго угла. И Генріэппа такъ
умильно глядѣла на госпожу Биркганъ при
этомъ случаѣ, что, кажется, каменное
сердце приняло-бы участіе въ ея воспло-
неніи. Но Г-жа Оберъ-форшштмейстерша съ
искреннимъ сожалѣніемъ отвѣчала, что
она не можетъ исполнить просьбы Па-
сторши, потому что Вильгельмъ черезъ
двѣ недѣли женился и тогда все хозяй-
ство будетъ передано, въ полное распо-
ряженіе, будущей невѣсткѣ. Слезы блес-
нули въ глазахъ Генріэппы; старый
Биркганъ внутренне досадовалъ на безсер-

дечность своей супруги, а сынъ его, у котораго сердце разрывалось отъ горести, готовъ былъ поцѣлуями осушить слезы прелестной дѣвушки.

»Ну, милое дитя! Богъ будетъ твоимъ помощникомъ« сказалъ почтенный Паспоръ, попрепавъ розовую щечку Генриэппы. »Кто пипаетъ пуспынную лилю, Тотъ будетъ и о тебѣ заботиться. Положись во всемъ на Господа. Я дожиль до старыхъ лѣтъ и, слава Богу, не просиль еще милосшыни. Твой покойный отецъ былъ другъ мой, и для тебя сдѣлаю я все, что могу.»

Сказали еще нѣсколько общихъ словъ другъ - другу, и распались, по крайней мѣрѣ со стороны Паспора, довольно равнодушно. Съ тяжкою думой удалился Вильгельмъ въ свою комнашу. Еще въ первый разъ въ жизни былъ онъ недоволенъ своею матерью, которую любилъ такъ горячо.

»Мнѣ было грустно, жена!« сказалъ Обертъ-форшмейстеръ, когда сынъ его вышелъ:

Отъ чего же, мой другъ?

»Отъ того, что ты не хочешь принять къ себѣ бѣдную, несчастливую дѣвушку. Паспору она въ тягость: онъ такъ бѣденъ! Но мы — мы могли бы ее взять къ себѣ. Я занимаю хорошее, доходное мѣсто; имѣю соспоянiе и сына помощника; а сверхъ всего у насъ еще есть счастливыи 99 й номеръ въ лоттерей. Мнѣ кажет-

ся, маменька, что мы можем помогать бѣднымъ.»

— Милый муженекъ! Да я и помогаю имъ съ радостью. Ты знаешь. . .

»Неправда! Для чего-же ты не хочешь принять къ себѣ бѣдную дѣвушку? Подумай: если-бы мы, послѣ нашей смерти, оставили такое бѣдное, беспомощное дитя и никто въ мѣрѣ не сжалился-бы надъ нимъ — то и въ небесахъ сердце наше спрадало-бы опѣ горести. Генріэтта вѣрно дочь почтенныхъ людей, потому что хоша отецъ ея былъ адвокатъ, но Паспоръ два раза называлъ его, вчера и сегодня, *блаженнымъ*, а Паспоръ всегда говоритъ осматриваясь. Онъ сказалъ-бы: *покойный*, или: *царство ему небесное*, если-бы не считалъ его достойнымъ вѣчнаго блаженства. Онъ наблюдаетъ это больше нежели свѣтскіе титулы: *благородный* и *высокоблагородный*. Да если-бы родители Генріэтты были и не честнѣйшіе люди, то все мы обязаны помогать ей, потому что: *горе тѣмъ, кто не приметъ участія въ судьбѣ ближняго* — такъ написано — гдѣ, право не помню. Не помнишь-ли ты?»

— Любезный, добрый муженекъ! Я право съ радостью взяла-бы къ себѣ эту дѣвушку, но. . .

»Что?»

— Нашъ Вильгельмъ — я должна сказать тебѣ — влюбленъ въ Генріэшту. Это я еще вчера замѣтила.

»Сдѣлай милость, маменька! я-бы также долженъ былъ это замѣтить. Вильгельмъ любитъ Лизу, женится на ней, будетъ съ нею счастливъ — это мнѣ сказала Госпожа Пеперлеше. Да, мой другъ, повѣрь что ты ошибаешься. Вильгельмъ также будешь вѣренъ своей Лизѣ, какъ и тебѣ.«

— Но я знаю навѣрное, что онъ влюбленъ въ Генріэшту.

»Боже мой! Но почему ты знаешь это?«

— Потому что онъ глядѣлъ на нее точно также, какъ ты глядѣлъ на меня, будучи моимъ женихомъ, или глядишь иногда и нынѣ, вспоминая старину.

»Да, да! правда! Но-возможно-ли? Могу-ли я повѣрить? Развѣ молодой человекъ съ ума сошелъ? Я думаю, нѣтъ. Онъ обещалъ Лизѣ вѣчную вѣрность, а что онъ говоритъ, то и дѣлаетъ: въ этомъ онъ точной я!«

— Хорошо! Для чего-же ты хочешь испытывать его? Для чего хочешь взять къ себѣ въ домъ Генріэшту? —

»Такъ, такъ! ты права! Но черезъ недѣлю будетъ разыграна лоттерей, и послѣ свадьбы мы возьмемъ къ себѣ Генріэшту въ Грюнганъ, а Вильгельмъ съ Лизою останутся здѣсь. 99 й номеръ —

— Ахъ этошь проклятый номеръ! —

— Жена, жена! зачѣмъ говорите шакъ? зачѣмъ называете билетъ проклятымъ?»

— Милый, любезный другъ! Мы все могли-бы были счастливы: ты, Вильгельмъ, Генриэшта и я, если-бы не взяли ты этого дочерейнаго билета. Для него ты рѣшился соединить своего сына съ дочерью Аптекаря Но теперь все кончено. —

— Послушай, моя милая! Оставимъ у себя Генриэшту. Я отвѣчаю за все. Повѣрь мнѣ: она принесетъ къ намъ съ собою счастье.

— Развѣ не-счастье! Да! откуда проклятый номеръ —

— Чшо за вздоръ! опять проклятый! Смощри, мой другъ! за твою проклятія судьба накажетъ насъ всѣхъ. Я теперь не удивляюсь, если нашъ билетъ останетса въ пусыхъ. Однакожь, если ты не хочешь принять къ себѣ въ домъ Генриэшту, то я буду давать Паспору денсію на издержки для нея.»

— Ну, это будешь тоже, или еще хуже, нежели взялъ ее къ себѣ въ домъ. —

— Однакожь должно быть шакъ!»

— Чшобы Вильгельмъ каждый день видѣлся съ нею? Нѣтъ, нѣтъ! Лучше я приму ее къ себѣ: тогда, по крайней мѣрѣ, онъ и она будутъ у меня на глазахъ. —

— Браво, браво, жена! ты истинный другъ мой!» вскричалъ Оберъ-форшп-

мейстеръ и объялъ свою супругу, которая на другой-же день сама пригласила Генриэтту и какъ мать приняла ее къ себѣ. -

Кто былъ счастливѣе Вилгельма? Теперь онъ былъ пакъ близко къ той, которая лишила его сердечнаго покая! Онъ всякій день могъ ее видѣть, слышать ея голосъ, иногда прикасаться даже къ ея ручкѣ, или прижать къ своимъ ушамъ ея плашокъ, который прелестная прятала въ свою рабочую корзинку. Все это было уже очень много для безнадежнаго, который шеперь совсѣмъ забылъ и думать о Лизѣ. Дружескій взглядъ Генриэтты былъ для него первымъ блаженствомъ.

Г-жа Биркганъ, съ внутреннимъ смущеніемъ видѣла пламенную, несчастную любовь сына. Она говорила объ этомъ со своимъ мужемъ, но онъ жестоко оспаривалъ истину ея замчаній. Ему казалось это предлогомъ къ тому, какъ-бы отдѣлаться отъ Лизы. Въ первый разъ еще онъ не довѣрялъ сердечной добротѣ своей супруги.

Это заставило Г-жу Биркганъ избрать другое средство для поддержанія домашняго счастья. Прямо, но со всею, вѣжкою осторожностью, какой можно было ожидать шодько отъ ея великодушія, она открыла своей юной подругѣ спрассъ сына, о которой беззаботная, невинная дѣвушка и не помышляла.

«Я почла-бы величайшимъ счастьемъ, милая Генріэтта,» сказала Оберъ форштвейснерша «если-бы ты сдѣлалась супругою моего сына и моею дочерью. Но это невозможно. Она обручена съ другою, обещала ей вѣчную вѣрность и долженъ сдержать свое обещаніе. Вотъ что заставляетъ меня просить тебя, опираясь у него всю надежду, не только на вѣнчанную любовь, но даже на дружбу. Только одно еще можешь излечить его отъ спраски и упрочить ему счастье въ будущемъ его бракъ. Твое холодное и оснорожкое обращеніе съ своимъ сыномъ, есть самое легкое средство къ достиженію нашей цѣли — а шивон прекрасная душевная качества ручаются мнѣ за исполненіе моей просьбы.»

Генріэтта пошчасъ начала просить позволить ей удалиться изъ дома, котораго счастье она разрушаетъ, и въ другомъ мѣстѣ искать себѣ приюта; но не смотря на всѣ свои просьбы, она должна была остаться, потому что Г-жа Биркганъ была неумолима въ этомъ случаѣ.

Какъ ни холодно, какъ ни убійствен-но было обхожденіе Генріэтты съ Вильгельмомъ, однакожь оно не только не могло излечить его отъ спраски, но усил-ло ее. Неудача опыта еще болѣе увелич-лась, когда она поняла, что мать и Генріэтта дѣйствуютъ согласно.

Однажды милая сирота была въ саду, въ зеленой бесѣдкѣ. Входитъ Вильгельмъ — она хотѣла удалиться, но онъ удерживаетъ ее, бросаея къ ея ногамъ и въ самыхъ пламенныхъ выраженіяхъ говоритъ ей о своей любви. Съ благороднымъ негодованіемъ Генріэтта отпалкаваетъ его отъ себя и твердымъ голосомъ говоритъ, что если онъ вздумаетъ ее долже удерживать, то она сей часъ скажетъ обо всемъ его родителямъ. Тутъ же она упрекала его въ невѣрности къ обрученной съ нимъ невестѣ. Но онъ клялся кромъ для него священнымъ, что никогда не любилъ Лизы, что только изъ повиновенія къ родителямъ сдѣлался ея женихомъ; что шенерь это самое селъ для него величайшее несчастье. Генріэтта обо всемъ уже слышала отъ его матери и вѣрно съ воспоргомъ упала бы на грудь прекраснаго, споль любящаго ее юноши, если бы ей не было извѣстно, что рука его принадлежитъ другой.

«Оставьте меня» сказала она плача и стараясь освободиться изъ объятий Вильгельма, который съ горячностью обнималъ ее.

«Разбойникъ!» вдругъ закричалъ Обер-форшмейстеръ и какъ молнія влетѣлъ въ бесѣдку, сжавши кулаки. Вильгельмъ и Генріэтта онѣмѣли отъ ужаса.

«Подумай, Вильгельмъ! что со мною дѣлаешь!» крикнула она, «и твой пестъ, несчастный эшошъ Апшекаръ!» — такъ кричалъ раз-

Когда Оберъ-форштмейстеръ при-
ехалъ въ Грюнганъ, Самуиль находился
уже передъ домомъ Аптекаря и нѣсколько
мѣшковъ было сложено.

«А, Самуиль! Ну, что наши поку-
пи?» — такъ кричалъ Бирганъ еще из-
дали.

— Исполнилъ, все исполнилъ! И при-
везъ вамъ остальныя два шалера. Видите-ли:
я честенъ!

«Вонъ того-то я не воображалъ! Да
это что, Самуиль?» —

— Также заказывалъ Господинъ Сена-
торъ. —

Оберъ-форштмейстеръ прочиталъ над-
писи: «Кардобенедиктумъ, перечная мяша,
курчавая мяша!»

— Васъ монеты... ворчалъ Самуиль.

«Испанскій перецъ!.. Разбой!» вскри-
чалъ Бирганъ, оборотясь къ Аптекарю,
который споялъ подлѣ. «А! шы хочешъ
всѣ поля засѣять эщими вздорами? По-
дожди!»

Тутъ онъ бросился на одинъ мѣшокъ,
разорвалъ его, но не могъ поднять и по-
тому началъ горстями разбрасывать изъ
него сѣмена перечной мяшы. Г-нъ Рольфъ
не зналъ, что дѣлать. Онъ хотѣлъ засло-
нить ошъ гнѣвнаго Оберъ-форштмейсте-
ра свой привозный грузъ — но тщетно!

«Безбожникъ!» закричалъ въ свою оче-
редь Аптекаръ, бросившись на мѣшокъ съ

«ропу и милостивое расположеніе. Оста-
 ваясь долѣе въ вашемъ домѣ, я конечно
 «опнила-бы помощь у многихъ, болѣе меня
 «нуждающихся, и можетъ быть причина-
 «ла-бы вамъ заботы, которыя могутъ на-
 «рушить мирное счастье вашего семей-
 «ства, столь много меня облагодѣтель-
 «ствовалъ. Я помню, что общала на-
 «всегда оставаться при васъ, но это оказа-
 «лось для меня невозможно. За всѣмъ тѣмъ,
 «спрашусь заслужить ваше негодваніе и
 «надѣюсь единственно на вашу любовь и си-
 «ходимость ко мнѣ. Да будетъ всегда
 «такъ счастливо ваше семейство, какъ усер-
 «дны мои о томъ желанія! Простите! Богъ,
 «Который будетъ моимъ помощникомъ,
 «да вознаградитъ васъ за ваши ко мнѣ благо-
 «дѣванія. — — Не изыскивайте будущаго
 «моего пристанища — прошу васъ. Иначе
 «вы нарушите послѣднее спокойствіе мо-
 «ей жизни. Что ни случится со мною, я
 «напишу къ вамъ, и если буду нуждаться
 «въ помощи, то какъ испытанныхъ благо-
 «дѣтелей моихъ, я васъ и вашего супруга
 «буду утруждать моими просьбами. Съ
 «искреннимъ почтеніемъ и благодарностью
 «остаюсь, ваша Генріэтта Эрманъ.»

— Сей часъ осѣдлавъ мнѣ лошадь —
 вскричалъ старый Вирганъ. — Дѣвушка
 дура: какія заботы, какое нарушеніе мир-
 наго счастья? Что за нелѣпость! Я, слава
 Богу, занимаю порядочное мѣсто, имѣю
 десять тысячъ талеровъ наличныхъ, и

что всего лучше, у меня есть еще 99 й номеръ. — и я — помилуй Богъ! не могу прокормить сироту? Сей часъ мнѣ лошадь! Я съеду ее и привезу опять сюда, хоплябы она запрягалась въ мышью нору.»

— Я съ вами, батюшка, сказалъ Вильгельмъ, который не могъ оставаться съ своею матерью — такъ было ему жарко съ нею.

Лошадей подвели. »Ты повзжай на право, черезъ Эйхгорстъ,« сказалъ спарикъ Биркганъ, »а я буду держать вѣвво. Если мы не найдемъ ее — то я, чортъ возьми! я не я!«

Повхали. Каждый изъ нашихъ искаптелей кричалъ, свиспалъ, посылаъ своихъ собакъ искапть слѣда — но Генріэшта не находилась. Поперявъ всю бодрость и надежду, Вильгельмъ на зарѣ возвратился домой. Его еще утѣшала мысль, что можетъ быть ошець былъ счастливѣе въ своихъ поискахъ. Но къ несчастью, дома онъ не нашелъ ни ошца, ни Генріэшты.

»О Боже мой, какая погода!« сказала Госпожа Биркганъ. »Ахъ, сколько мы перлимъ горя и досады ошъ шебя, несносный мальчикъ! Въ эшотъ дождь и бурю бѣдная Генріэшта совсѣмъ замерзнетъ, а кто виноватъ? Ты Вильгельмъ!«

— Право не я, маменька, а 99 й номеръ!

— Мнѣ жаль твоего бѣднаго отца. На немъ одинъ легкій кафтанъ. Каково-же теперь его промочить дождемъ!

— Я повѣду за нимъ, маленька, и повезу ему плащъ. А для Генріэтты дайте свой новый, теплый ридинготъ. —

— Конечно, конечно! — сказала Госпожа Вирганъ: — я уже нищу его. Я-бы желала, чтобъ твой отецъ и Генріэтта! —

— Она здѣсь, здѣсь! — вскричалъ Обер-форшнмейстеръ, ведя Генріэтту за руку! . . . — Мнѣ никто не могъ сказать, куда дѣвалась эта малышка. Даже самъ плутъ Паспоръ, котораго я встрѣтилъ въ роцѣ, твердо и ясно увѣрялъ, что не выдалъ ее. Можетъ быть, въ первый разъ въ жизни онъ солгалъ; но за это мы накажемъ его, потому что она мнѣ призналась, какъ онъ самъ назначилъ ей ту дорогу, на которой я нашелъ ее. Я увидѣлъ Генріэтту въ Букенкопелѣ, подлѣ ручья, гдѣ пустой дубъ: ты знаешь это мѣсто, Вильгельмъ! Лишь только мнѣ блеснуло сквозь дерева ее бѣлое платье, то я, какъ молнія, бросился къ ней. Она побѣжала въ чащу, я соскочилъ съ лошади — и за нею. Тупъ я опять потерялъ было изъ виду мою бѣглянку. Она конечно спряталась бы въ дупло, но пчелы и осы помѣшали. Съ громкимъ крикомъ выскочила она опшуда — и пошчасъ была уже въ моихъ рукахъ. Она заклинала и умоляла меня опшустить ее, но я былъ неумолимъ. Она

вое мнѣ рассказала: она думаетъ, что ея живые у насъ намъ въ пнягость и что мы не въ состояніи ее успокоить, не лишивъ себя какихъ нибудь удобствъ. Я обещалъ взять ее съ собою въ Грюнганъ: тамъ она будетъ у насъ хозяйкой. —

Спарикъ еще нѣсколько времени продолжалъ свой рассказъ. Генріэтта плакала, а Г-жа Биркганъ обнимала ее.

«Милая, несносная дѣвушка! Сколько заботъ ты намъ навѣдала! Какъ ты могла такъ тайно ускользнуть? Кто тебѣ оговорилъ? Признайся: Вильгельмъ?»

Генріэтта покачала головою, и Вильгельмъ обрадовался, что она оправдываетъ его, потому что и передъ этимъ онъ уже выдержалъ частный допросъ отъ своей матери. Теперь онъ еще болѣе любилъ-бы прекрасную дѣвушку, если-бъ это было возможно.

«Послушай, Вильгельмъ,» сказалъ Оберфоршмейстеръ, когда его супруга и Генріэтта ушли во внутреннія комнаты: «я долженъ, по дѣламъ, опять ѣхать въ Мюкенвальде. Помни, что случалось и смотри за дѣвушкой: не снускай ее съ глазъ. Она и опять вѣдь убѣжитъ.»

Вильгельмъ обещалъ смолчать.

«Я хочу,» продолжалъ отецъ, «заказать въ Мюкенвальдѣ желѣзную рѣшетку, которую вставимъ въ окно въ той комнатѣ, гдѣ живетъ Генріэтта. Это для того,

чтобы она не убьжала ночью. А ужъ въ другой разъ убьжишь, такъ будетъ худо.

Г. Биркганъ совсѣмъ хотѣлъ садиться на коня, когда ему подали письмо изъ Мюленвальде.

— А, опть несноснаго Аптекаря! Посмотримъ. Вильгельмъ! прочитай мнѣ письмо.

Вильгельмъ читалъ:

»Благородный Господинъ Оберъ-форштмейстеръ! Высокопочтеннѣйшій брагъ!»

— Начало недурно! Онъ даетъ мнѣ шишуль благороднаго. Далѣе!

»Вчера, своимъ неприличнымъ обхожденіемъ со мною, ты сдѣлалъ меня по-сѣмъшищемъ цѣлаго города. Это тѣмъ обиднѣе для меня, что я Сенаторъ, Директоръ и Главный Аптекарь.»

— Ничего! — перервалъ Оберъ-форштмейстеръ.

»Судя по множеству и величинѣ твоихъ мѣшковъ, вѣроятно ты хочешь весь Грюнганъ засѣять древесными сѣменами. Но этого не будетъ!»

— Право? Посмотримъ! . . Далѣе.

»Но если ты спользуеши неучтиво наспойчивъ, то, чѣмъ умираешь отъ досады — лучше раздѣлимся дружески. Не угодно ли будетъ тебѣ, единожды и навсегда, заплатить мнѣ десять тысячъ талеровъ числѣными деньгами или вѣрными векселями, за мою половину въ лошперейномъ билетѣ No 99-го — однакожь съ тѣмъ ус-

»Ловіемъ, чтобъ пвой Вильгельмъ женился
на моей Лизъ — и я ошступуюсь совер-
шенно!«

— Точно такъ! Прекрасно! Готовъ!
Подайте сюда мои бумаги, мои сельскія
описи и кошелекъ съ Фридрихсдорами.

»Сдѣлайте милость, батюшка, пого-
дите! Пусть лучше Апшекаръ заплашитъ
вамъ десять тысячъ талеровъ: на эту
сумму можно купишь пять-сошь лопше-
рейныхъ билетовъ; потому что нашъ
спѣишь только двадцать талеровъ.«

— Правда, правда! Читай далѣе.

»Ты мой Socius!

— Это что за нелѣнность? Что за Со-
ціусъ? Что это значитъ?

»Ахъ, батюшка! . . .«

— Говори скорѣе! Я хочу знать.

»Socius значитъ обманщикъ, плушь —
словомъ — тотъ кто крадетъ лѣсъ! . . .
Мы въ школѣ называемъ всякаго мошен-
ника — Socius!«

— Какъ, чоршъ возьми! Какъ я Соці-
усъ? — вскричалъ Оберъ-форшшмейстеръ,
и, схвативъ со стѣны винтовку, хотѣлъ
бѣжашъ изъ комнаты — но ему помѣшали:
жена и Генріэпта явились въ дверяхъ. —
»Пусти, мой другъ, пусти!« — ворчалъ
старикъ, стараясь пройти.

Между тѣмъ вошелъ Паспоръ. Оберъ-
форшшмейстеръ въ бранчивыхъ и отрыв-
чатыхъ словахъ разсказалъ ему содержа-
ніе писма и Вильгельмъ уже шрепешалъ

опять наслупающего филологическаго спора съ хранителемъ души своей, за слово Socius.

«Конечно» — сказала Паспоръ, копорый не читалъ письма, «выраженіе Socius очень огорчительно. Хотя оно собственно значить повариха или собесѣдникъ, но я припоминаю, что мнѣ часто случалось его употреблять и въ этомъ смыслѣ, какъ говоришь вашъ сынъ, Г. Вильгельмъ. Однакожь — не забудьте, что Священное Писаніе велико забываетъ обиды.»

Добрый Паспоръ и не подозревалъ, что онъ подливаетъ масла на огонь, ибо его объяснительная рѣчь привела еще въ большій гнѣвъ стараго Биркмана.

— И такъ я плутъ, обманщикъ? Я краду лѣсъ? — вскричалъ онъ.

«Успокойтесь, мой почтеннѣйшій» возразилъ Паспоръ. «Если вы не виноваты, то — —

— Да разумѣется не виноваты! Однакожь я желалъ-бы видѣть, какъ-бы вы поступили, если-бы васъ кто нибудь назвалъ Соціусомъ!

«Если-бы меня кто нибудь бранилъ — я не смалъ-бы отбраниваться.»

— Очень хорошо, дѣлайте что вамъ угодно, а я буду поступать по своему. Помните-ли, что Священное Писаніе запрещаетъ также намъ лгать? Но теперь я все знаю: вы сами указали дорогу Генриэттѣ, когда она бѣжала отъ насъ! Это можно вамъ просиить потому, что вы

мой духовникъ и добрый пріятель, но Аптекарю, этому Соціусу, этому —

«Милый муженеѣ!» сказала Г-жа Бирганъ — «что если-бы ты совсѣмъ опдалъ Аптекарю 99 й номеръ?»

— И съ его прелестною Лизою! Я не хочу, чтобъ она была моею невѣсткою — если шолько Вильгельмъ опкажешся опъ нея, —

«Съ радостью!» вскричалъ Вильгельмъ, бросивъ нѣжный взглядъ на Генріэппу.

— Такъ пиши объ этомъ письмо къ Аптекарю. Возьмь перо, чернила, бумага и сургучъ. Прибавь, что онъ самъ Эрцъ-Соціусъ! Понимаешь?

Вильгельмъ съ восторгомъ написалъ письмо — грамошу на свою свободу.

«Мы такъ долго были счастливы и довольны безъ помѣствьевъ», сказала Оберъ-форштмейстерша, «не уже-ли впередъ не будемъ мы безъ нихъ наслаждаться счастьемъ?»

— Кто думаетъ объ одномъ богатствѣ — сказалъ Паспоръ, принявъ важный видъ — шопъ впадаетъ въ искушеніе и очемъ близокъ къ безумію! — Почтенный отецъ безъ шутокъ боялся золота и серебра и пошому раздалъ все свое добро бѣднымъ, а самъ шерпиль нужду для шого шолько — чтобъ быть чистымъ опъ денегъ и грѣховъ.

Едва успѣлъ Вильгельмъ окончить и послать письмо свое — кошорое, по увѣ-

рению его отца, было напечатано образцовымъ слогомъ — какъ, уже другой посланникъ двился отъ Аптекаря. Г. Рольфъ коротко и ясно извѣщала, что послѣ оскорбленія, претерпѣннаго имъ вчера отъ Г. Биркгага, онъ не хочетъ выдавать свою дочь за Вильгельма; что она выходитъ за мужа за Господина Де Ретт, который сдѣланъ Капитаномъ и принимаетъ Лютеранское исповѣданіе. Къ этому приложилъ Аптекарь извѣщеніе о розыгрышѣ дочерей: шутъ видно было, что 99 й номеръ выигрывалъ — нуль.

«Слава Богу, что десять тысячъ галлеровъ у меня оспаются въ карманѣ!» вскричала Оберъ-форштмейстеръ.

Окончаніе, было, — какъ во всѣхъ романахъ — по формѣ: молодые люди соединились бракомъ — Вильгельмъ съ Генриеттой, Морисъ Le Petit съ Лизой. Слухъ носился, что все они наслаждались счастьемъ и для чего же не шакъ? Люди были добрые.

Съ Нѣмцами

С М Ъ С Ъ

Парижскіе модные обычаи.

Въ именины хозяйина дома, къ нему присылаютъ огромныя корзины, гдѣ прекраснѣйшіе фрукты окружаютъ превосходный ананасъ. Ихъ подаютъ за столомъ, въ окончаніи десерта, — Для поздравленія

госпожи присылають дѣланные цѣпцы: но они должны быть, стоить изящной работы, чтобы ими можно было на другой день убрать чепчикъ или шляпку.

Издашеть Парижскаго Моднаго Журнала, извѣщая своихъ читательей, что нмѣть даже для деревни дѣлають мебель краснаго дерева, подъ лакомъ прибавляеть: „Это очень блестяще, но такъ непрочно!“ Апофеегма новаго рода: кохять прочности *въ модѣ!*

Щеголи носятъ на мизинцѣ перстень, стоить широкій, что онъ обнимаетъ весь нижній составъ пальца. Перстень, выдѣланъ изъ золота, вызолоченъ и одна сторона его изображаетъ фрукты, а другая цѣпочную гирлянду изъ эмалей.

Высокхъ галстуховъ совсѣмъ не носятъ. Бѣлоспоровый воротникъ и рукавныя манжеты нынѣ вышивають и застегивають перломутною пуговкой. Бѣлоспоровыя манжеты рукавовъ вырѣзываются на подобіе вѣтра.

Лорнеты у мужчинъ одинакіе; дамы все еще употребляютъ двойныя. Черная морелевая лента, на которую привѣшивають лорнетъ мужчины, должна быть уже противъ ленты дамскихъ лорнетовъ.

Вагоно Булавокъ, щеголи прикалываютъ къ галстуху небольшой, черной, эмалевой крестикъ, съ золотою сѣткою по краямъ: это *Грегескій крестикъ*.

Парижскія моды (*).

Au spectacle quelques chapeaux de paille de riz sont ornés de rubans de gaze fond blanc à des ins couleur de rose brochés. Ces rubans, au moyen d'entailles, forment alternativement des crevés sur et sous la passe. La calote est entourée de marabonts boiteux, c'est-à-dire couleur de rose d'un côté de l'arrête de la plume, et blancs de l'autre.

En général, les chapeaux que l'on voit au spectacle sont moins grands de passe et moins hauts de forme que les chapeaux destinés au bois, aux Tuileries, à Tivoli, au boulevard de Gand, en un mot à la promenade.

Autre remarque: les merveilleuses placent aussi obliquement sur leur tête, le chapeau de spectacle que celui de promenade; mais le premier est moins en avant que le second. Au spectacle on voit tout le front: à la promenade toute la nuque est à découvert.

Presque toutes les capotes de crêpe crêpé ont la passe et la forme bordés de tresses de paille.

On porte beaucoup de chapeaux de crêpe citron, garnis de rubans blancs, jaunes, bleus ou ponceau, accolés. Une rosette de deux rubans est placée par derrière, au bas de la forme; et les bouts remontant au sommet, vont joindre deux autres rosettes à quatre boucles, qui sont placées de chaque côté de la forme.

La mode d'une jupe sans corrage pareil, portée avec un corset de mousseline claire, d'organdi, ou de tulle, règne toujours parmi les jeunes femmes.

Quelques mousselines imprimés offrent, au lieu des raies, des branches de corail.

Dans les soirées qui ont eu lieu à l'occasion de fêtes ou de noces, nous avons remarqué que les jeunes

(*) По 20 e Сент. Н. С.

personnes portaient des robes d'organdi brodées en coton, et les merveilleuses des robes de fullé brodées à colonnes, avec deux ou trois rangs de volans brodés et séparés par des entre-deux aussi brodés. La ceinture de ces robes était de moire blanche, formait double rosette, et était attachée par derrière avec une boucle en diamans.

Au Champ-de-Mars quelques jeunes gens avaient des bottes à revers de castor gris. *Pavé de Jérusalem* est un dessin à la mode pour les gilets: figurez-vous des losanges couleur de rouille et de différentes grandeurs sur un fond de piqué blanc.

Въ театръ надѣваюшь иногда шляпки бѣлой соломѣ съ газовыми лентами, бѣлыми, на которыхъ вышканы узоры розоваго цвѣта. Сѣмъ лентамъ составляютъ уборку снизу и сверху долей. Тулья окружена марабу, бѣлаго и розоваго цвѣта. Вообще, у шляпокъ, надѣваемыхъ въ театръ, поля бывають не такъ длинны и шульи не такъ высоки, какъ у шляпокъ, надѣваемыхъ въ Тюльери, въ Тиволи, на бульваръ и вообще во время прогулокъ. Другое замѣчаніе: щеголихи надѣвають шляпки *облигески* и въ театръ и на прогулки; но въ первомъ случаѣ онѣ меньше сдвинуты впередъ, во второмъ болѣе. Почти все капошны (шляпки) изъ крепъ-крепе бывають съ соломенными плешушками на шульѣ и на краяхъ долей. Много носятъ шляпокъ креповыхъ лимоннаго цвѣта, украшенныхъ бѣлыми, желтыми, синими или пурпурными лентами. Одна розетка изъ лентъ двухъ цвѣтовъ биваетъ сзади шульи; отъ нее идутъ концы лентъ на верхъ шульи и соединяются съ двумя розетками, находящимися на обѣихъ сторонахъ оной.

Мода: носить одну юбку без корсажа, суканью из прозрачной кисеи, органди или шюма все еще продолжается между молодыми дамами. Тисненая кисея, вытисно полосок, тисненая нить коралловыми вѣтками.

На вечерахъ, бывшихъ по случаю праздниковъ или свадебъ, замѣтили молодыхъ особъ, въ платьяхъ изъ органди, шюмаго хлѣбчатого бунгою и щеголихъ, въ платьяхъ изъ шюма, вытиснаго кораллами, съ двумя или тремя рядами волановъ, вышитыхъ и раздѣленныхъ промежутками, также вышитыми. Поясъ при такомъ платьѣ бываетъ бѣлый морелевый и сзади застѣгнутъ бриллианшовой пряжкой.

Во время конскихъ скачекъ, на Марсовомъ полѣ, нѣкоторые изъ щеголей были въ сапогахъ, съ ошворотами изъ сѣраго бобра. *Иерусалимская мостовая* теперь самый модный узоръ для жилета: представляете себѣ ромбонды, разной величины и ржаваго цвѣта по бѣлому лику.

На приложенной картинкѣ:

Шелковая шляпа. Фракъ суконный, цвѣта Русско-зеленаго, съ бархатнымъ воротничкомъ и золотыми пуговицами. Жилетъ изъ лика. Галстухъ шелковый. Панталоны кашемирные. — *Другой костюмъ:* суконный фракъ съ широкимъ воротничкомъ и открытыми карманами. Панталоны къ нему широкіе.

137
№ 15. Мок. Маеф.

Въ Парижѣ 15 Сентября, 1826.

Digitized by Google

172^u

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ И ИСКУССТВА.

О состояніи, духъ и стремленіи
новѣйшей Польской Поэзіи.

(Окончаніе.)

Донныя публикы новѣйшныя двѣ книжки стихотвореній Мицкевича (*). Въ первой находятся баллады, романсы и разныя стихотворенія. Въ другой, *Гражина*, повѣсть Липовская; поэма, *Мертвецъ* и поэмы *Дяды* часть вторая и часть четвертая. Всѣ стихотворенія Мицкевича доказываютъ талантъ поэта необыкновеннаго. Даръ изобрѣтенія и описаній, глубокое чувство, смелость и возвышенность мыслей, сильное и прекрасное выраженіе (хотя и не всегда свободное отъ погрѣшностей) общими согласіемъ заслав-

(*) Онѣ изданы въ Вильнѣ, въ 1822 и 1823 гг., подъ названіемъ: *Poezye Adama Mickiewicza* (ч. 16).
Послѣ того нѣсколько стихотвореній Г. Мицкевича было помѣщено въ Польскія журналы.

люшь признашь его первымъ Поэтомъ
 Польши. Стихотвореній его не много, но
 они такъ разнообразны и всегда являютъ
 съ такою выродной стѣрою блестящел-
 ный талантъ его, что, кажется, и въ
 рода Поэзіи, въ которомъ Мицкевичъ не
 могъ-бы отличиться отъ другихъ. Кто
 хочетъ видѣть блестящее, легкое и при-
 ятное изображеніе, закрытое какою-то
 инанственностію, пусть прочтетъ *Сви-
 тезлку*; большою важностію и торже-
 ственностію дышетъ баллада *Свитезъ*,
 гдѣ Поэтъ рассказываетъ преданіе о спра-
 шной гибели древняго богатого города.
 Прелестная проза описываетъ балладу
Рыбка. Въ балладѣ, *Лиліа*, Поэтъ возвелъ
 въ прекрасный разсказъ всѣмъ извѣстную
 народную пѣсню о преслупленіи и нава-
 заніи вероломной жены, сохранивъ припомъ
 первобытннхъ пропшшу ея. Веселость и
 живость забавнаго двйствія ознаменована
 двѣ баллады его: *Эже люблю и Госпожи
 Твардоскал*. Мысли, сильнѣйшимъ обра-
 зомъ проникающія въ сердце, находимъ въ
 балладѣ *Дударъ*. Первая книжка сочиненій
 Мицкевича отличаетея стволъ дѣльными и
 стволъ великими достоисствиями, что да-
 же самыя жестокіе прошивники романи-
 ческой Поэзіи принуждены были умолк-
 нушь и сказать: Мы сознаемъ, что Миц-
 кевичъ одаренъ, необходитвенными талан-
 тами; но для чего употребляетъ онъ ихъ
 во зло? Для чего онъ не идетъ пушемъ,

по которому шло столько великих поэмъ? Для чего изыскиваете онъ старыя преданія и простонародные рассказы и ввѣсто того, чтобы возвышать Поэзію, унижаете ее до грубаго простонародія? — Какъ легко отшвычать на такіе упреки! Это и признакъ истиннаго таланта и генія, что онъ не идетъ путемъ подражанія, но самъ для себя творитъ новый родъ и являетъ творенія, изъ которыхъ кришники и подражатели извлекаютъ новыя правила. Если Греки присвоили Поэзіи мифологическія повѣсти, если имъ нравилось изображеніе Дафны, бѣгущей отъ преслѣдованій Аполлона, изображеніе Геркулеса, удушающаго оспервенѣлыхъ змѣй, если свѣдѣніе и веселое воображеніе ихъ, каждую рошу, каждый источникъ населяло божествами, не потому-ли все это, что сіи вымыслы были собственнымъ ихъ народнымъ повѣрьемъ? Такъ народная наша Мифологія, основанная на родныхъ повѣрьяхъ и преданіяхъ, должна имѣть на насъ сильнѣйшее дѣйствіе, нежели обветшалые и тысячу разъ выведенные на сцену Аполлоны, Бахусы, Юпитеры.

Каждому человеку природна грусть о чуждомъ мірѣ, въ которомъ онъ видитъ цѣль свою и находитъ конецъ всѣхъ своихъ спраданій и трудовъ. Еще въ сей жизни онъ хочетъ съ нимъ соединиться, ознакомиться. Воображеніе его

воспалается и всякое уединенное мѣсто, дикій, дремучій лѣсъ, стремнины горы, онъ населяетъ вымышленными существами. Шопотъ листьевъ, шумъ вѣтра, сіяніе мѣсяца приносятъ къ нему желанія и образы милыхъ, незабвенныхъ людей, имъ упраченныхъ и съ которыми надѣется онъ когда нибудь соединиться. Среди вихря сѣмта, это чувство у насъ исчезаетъ; тогда холодный разумокъ часто заставляетъ насъ спыднѣться заблужденіи воображенія и чувствъ сердца. Умъ нападаетъ на нихъ съ насмѣшками, ибо ему легко употребляетъ это оружіе; крайности всегда сближаются и для хладнокровнаго человека ничего не можешь быть смѣшнѣе выраженія сильныхъ чувствъ и восторга разгоряченнаго воображенія. На это прекраснѣйшее ошвѣтъ находимъ въ стихахъ Мицкевича, *Романтизмъ*. Несчастлива дѣвушка, потерявъ своего милаго, бѣжитъ какъ сумасшедшая: ей кажется, что она разговариваетъ съ нимъ, ласкаетъ его и прѣстой народъ, видя и слыша это, восклицаетъ: «Молишься Богу! можешь быть душа его ошзывается на голосъ души навсѣгда съ нею разлученной!» Какой-то старикъ, съ лорнетомъ въ рукахъ, хочетъ вывести народъ изъ этого заблужденія: «Вы ошибаетесь» — говоритъ онъ — «всѣ духи нечто иное, какъ выдумки глупаго простаго народа. Поэты ошвѣчаютъ ему:

Dziewczyna cżute odpowiadam skromnie,
 A gawiedź wierzy głęboko;
 Cżucie i wiara silniéy mówi do mnie,
 Niż mędrca szkółko i oko.
 Martwe znasz prawdy nie znane dla ludu,
 Widzisz świat w przeszku, w każdéy gwiazd
 iskierce;
 Nie znasz prawd żywych, nie obaczysz ouden.
 Miéy serce i patrzaj w serce (*).

Не могу не вспомнить здѣсь неболь-
 шихъ стиховъ Мицкевича, *Мореходецъ*,
 находящихся въ концѣ первой книжки.
 Поэтъ сравниваетъ жизнь человеческую
 съ лодкою, волнуемою непрерывными
 бурями. Чѣмъ больше будемъ читать сіи
 стихи, тѣмъ лучше можемъ оцѣнить и
 величіе изображенія и достоинства поэта.

Уже слава Мицкевича была утверждена
 изданіемъ первой книжки его стихотворе-
 ній, когда явилась вторая книжка и сдѣла-
 лась предметомъ прѣвнѣй живѣйшихъ и
 крипикъ еще болѣе прежняго сильныхъ.

(*.) Въ прозѣ, принужденъ мы передашь прелестныя
 стихи Мицкевича — „Народъ *отринъ* тому, что два
чустеуетъ, ошвѣчалъ я шико, а чувство и
 въра говорятъ мнѣ сильнѣе, нежели стекло и глаза
 мудреца: ты знаешь *мертвил* истины, неизвѣстныя
 народу, ты видишь свѣтъ въ пылинкѣ, въ каждомъ
 лучѣ звѣздъ; но *живил* истины тебѣ неизвѣстны:
 ты не поймешь чуда — и мѣй сердце и смовра въ
 сердце!“

Липовская повесть *Гражина*, исполнена поэтических картинъ. Нѣкоторые критики упрекали Поэма, что *Гражина* написана суровымъ слогомъ; но въ дѣятели Автора надобно вспомнить, что онъ умѣетъ сообразоваться въ слогѣ съ предметомъ сочиненія и начертывая происшествіе, бывшее среди воинственнаго и дикаго Липовскаго народа, онъ не могъ украшать его пою роскошью слога, которою отличаются его баллады и романсы.

Поэма, *Дяды*, основана на суевѣрномъ обыкновеніи Липовскаго народа. Тамъ, въ *Задумный* (*) день, народъ обыкновенно собирается въ пещерахъ или опустѣлыхъ церквахъ, почтивъ память усопшихъ предковъ и совершить призывъ въ нихъ успокоеніе. Всякій признается, что этотъ обрядъ могъ послужить къ вымыслу поэтическому и быть способнымъ къ воспламененію сильнаго воображенія. Мицкевичъ умѣлъ припомъ вѣрнѣйшимъ образомъ удержавъ всѣ признаки народности и пѣсни народныя. Проведемъ два мѣста изъ сей поэмы. Народъ собрался въ часовню, заперли двери, замыкнули окна и спарикъ, управляющій обрядомъ, призываетъ души, которымъ по-

(*) *Задумный* день, родъ нашего Сеника и Родительской Субботы. Тогда служатъ панихиды объ усопшихъ душахъ. *Изд. Т.*

сребра поконць (*). Сначала приближаются двое дьяков, неиспытанных никакой скорби на землѣ и опть того недопускаемых къ наслажденію небесными радостями. После того слѣдуетъ совершенно пропивное видѣніе. Подъ окно часовни прилепаетъ страшный мертвецъ, нѣкогда бывший владѣтель сей деревни, мучитель и пирань своихъ подданныхъ; его окружають пѣвни людей, сдѣлавшихся жертвою его безчеловѣчія и свирѣпости. Никакая призна и мольбы не помогаютъ его мученіямъ — онъ бѣжитъ, произнося сіи достопамятные слова:

Sprawiedliwe są zrzadzenia Boże,
Kto nie był człowiekiem ni razu;
Temu człowiek nic nie pomoże (**).

Четвертая часть Дядювъ есть такое твореніе, которому не было и бесомыслия не будетъ ничего подобнаго. Это спихотвореніе Мицкевича болѣе всѣхъ другихъ встрѣтило себѣ противниковъ и вмѣстѣ съ нѣмъ явилось множество приспращителей его обожателей. Здѣсь Авторъ раскрылъ всю великость своихъ дарованій, и показалъ себѣ превосходнымъ Поэтомъ.

(*) Надобно вспомнить, что Полянъ, слѣдуя Католическому исповѣданію, вѣрять числаницу. *Изд. Т.*

(**) „Справедливъ судъ Божій: кто ни одного раза въ жизни не былъ человѣкомъ, тому человѣкъ не поможетъ!“

Добы вонднѣ: ою часть поэмы, надобно
обращишья къ второй часи Дзядовъ.

Въ стихотвореніи, подь заглавіемъ *Мертвецъ*, Поэтъ изображаетъ юношу, несчастною любовью приведеннаго въ опечаленіе и лишившаго себя жизни. Онъ осужденъ послѣ смерти, ежегодно въ Задушный день вспавать изъ могилы, посещать мѣсто своего пресупленія, видѣти ту, кошорая довела его до сего пресупленія и въ новыхъ мученіяхъ возобновляшь самоубійство.

Во второй часи Дзядовъ, Поэтъ вводитъ эпо ужасное существо, съ расперзанною грудью возставшее изъ могилы, скипающеея около поселянки, нѣкогда столь пламенно имъ любимой. Заклинанія и жертвы не прогоняють его и оно въ безмолвіи елдуеть за милою, оставленною имъ на земль.

Въ четвертой часи, эпотъ жертвецъ приходитъ въ овщенику, нѣкогда бывшему его наставнику, кошорый прославился народному празднованію Дзядовъ и опарается испребиць сей обичай, какъ вредное суевріе.

Слова мертвеца, по видимому не имють связи и подобны словамъ сумасшедшаго, но они горяшь шюю безумною спрашю, кошорая довела его до самоубійства,

они перзалили сердце вознесениемъ: прес-
 злыхъ радостей и мученій (*).

Не знаю, успуныли-ли здѣсь Мицке-
 вичъ какому нибудь выпору въ изображе-
 нии вооперговъ пламенной любви. И въ
 сей-же насипи Дзядовъ, сколько сходимъ
 поэпическихъ картинъ и сильныхъ, но-
 выхъ мыслей! Какъ описано послѣднее про-
 щаніе спрадалца съ его волюбленною,
 како: жемноконучисво производимъ при-
 бытіе его; послѣ долговременнаго опсуш-
 еніа, въ опенескій дощъ, гдѣ все нахо-
 димъ онъ опущимъ и луу, кѣмброй оп-
 далъ онъ все свое существованіе, намѣнивъ
 лсею, супругою другаго! Но въ исчисленіи
 подробностей я долженъ ограничиться о-
 нѣмъ почти ни одного спиха, ни одного
 выраженія, которые не были-бы ознаме-
 нованы признакомъ високаго дарованія и
 не врзывались-бы въ память. Что вооб-
 ще вымысль въ *Дзядохъ* необыкновенный,
 даже дикий; что непрерывные переходы
 опъ одной мысли къ другою, совершенно

(*) Если опзъмъ Г. Дмичевскаго о 4-й части Дзядовъ
 можеть показаться изюпоримъ крайнимъ пре-
 удрастимъ, какъ опзъмъ соотечественника, вос-
 хощеннаго необыкновенными дарованіями перваго изъ
 современныхъ поэтовъ Польши, то пусть голосъ
 человека, чуждаго всякаго пристрастіа въ этомъ
 опношеніи, подтвердитъ жизнь его, раздѣляеюе
 всю Польшю; Русская Словесность не представ-
 ляеть ничего, что бы можно было сравнить съ 4-ю
 частью Дзядовъ Мицкевича. *Мед. Тел.*

противоположной, усомнитесь ли вы; что Авшаръ легко могъ бы и въ-же краснѣе; подробностей помѣстивъ въ твореніи, и въ-чемъ болѣе полнопы порядкѣ — съ этимъ можно согласиться. Но будемъ-ли за это осуждаться? Поэты и останемъ-ли нечувствительными къ его подвигу? Кто же чести справедливо оцѣнить авшара, кто же никогда не долженъ противопоставить ему себя, но долженъ поставить себя на его место, понять, къ чему стремился поэтъ и тогда узнавать, достигъ-ли онъ своей цѣли. Если онъ сдѣлалъ это, если занялъ изображение наше и распробовалъ сердце, не будемъ допрашивать его: для чего шель онъ шель, а не другимъ шель (*).

(*) Здѣсь Г. Дюковскій говоритъ о слогѣ Мицкевича. Отдавая справедливость познаніямъ его въ отечественномъ языкѣ, Кришкя указываетъ на нѣкоторыя несправности. Не смѣемъ оспаривать его, позволивъ только себѣ сказать, что часто сдѣланое нововведеніе кажется съ некривички ошибкою. Какъ ужасались Грамматисты Русскіе, когда Жуковскій въ первый разъ написалъ: *былае, надежда-утѣшитель* и ш. т. Впрочемъ, Г. Дю. говоритъ, что онъ замѣчаетъ несогласности въ слогѣ Мицкевича, не для него, а для величайшаго красноречиваго и величайшаго вѣдѣнаго красноречиваго, но для многочисленныхъ его подражателей. Но и при всемъ томъ, замѣчаніе кришкя о Балладѣ *Тукай*, начатой слогомъ важнымъ, а продолженной слогомъ шудавымъ, кажется намъ несправедливымъ. Такова характеръ этой прелестной пьесы, въ которой безпрерывные переходы отъ шудаваго къ важному, требуютъ безпрерывной череды слоговъ. *Изд. Тел.*

Мы видели, что поэмы и предания Липовскаго народа всего больше доставляли Мидкевичу матеріаловъ для его стихотвореній и примѣръ имъ поданный. Неудобно думать, да насъ, что не надобно почитать ничтожнымъ сего источникъ или пренебрегать имъ: поэтъ, даже берущій изъ него, совсемъ не унижается. Поэзія до позвѣрья прослонародія, какъ думаютъ нѣкоторые критики, а напротивъ возвышается и облагораживается прослонародную Поэзію.

Тамъ же пушемъ, по которому шелъ Мидкевичъ, озадуешь І. Б. Залескій. На родинѣ своей, между Украинскихъ народомъ, онъ находилъ матеріалы для своихъ стихотвореній. Хотя до сихъ поръ мы видели нѣкоторые только опыты его таланта, но можемъ надѣяться, что народная Поэзія найдетъ въ немъ важную подпору. Рыцарская повѣсть, помѣщенная въ *Памятникъ Варшавскій*, баллада *Лябаръ*, стихотвореніе, *Халль французскій*, для котораго Авторъ взялъ жемчужку изъ народной цѣны, являются свѣдѣніемъ значительнаго и наипаче изложеніемъ (*). Литва, Украина, Подолье и Волынь, относительна нашей Поэзіи, общаются не-

(*) Предъ нами было нѣсколько стихотвореній Г-на З. въ Польскихъ журналахъ, и между прочимъ думъ, *Мадера* — показывающая прекрасный талантъ его. *Изд. Т.*

артистическую обильнейшую жизнь наших литератураторамъ, которые обязаны Малой роду Великой Польши. Здесь неумвснно быденбы разсуждать о причинахъ: мы должны только обратиться на это вниманіе нашихъ чонныхъ поэтовъ, которые, воспламеняясь похвальнымъ желаніемъ, етараконди создали ниспопящую Поэзію Польскую. — Вамъчательнвышіе изъ послѣдояателей Мицкевича суть Гг. Одынецъ, Ходзько и Витвицкій. Сочиненія двухъ первыхъ были помѣщаемы въ Виленскіе журналы; послѣдній печаталъ стихотворенія свои въ Памятникъ Варшавскій. Первый томъ собранія его сочиненій уже напечатанъ отдѣльно. — Гг. Одынецъ одаренъ прекраснымъ талантомъ и воображеніемъ. Нѣкоторыя изъ его балладъ можно сравнить съ лучшими балладами Мицкевича, и именно баллады: *Белеславъ Сибялый*, *Подальне*, *Молельцы* и проч. (*).

Гг. Ходзько во многихъ сочиненіяхъ, написанныхъ въ духъ романтической Поэзіи, показалъ отличныя дарованія; но слога его, пребудеть большого исправленія и какъ

(**) Стихотворенія Гг. Одынца изданы въ Вильнѣ, въ двухъ книжкахъ, въ 1825 и 1826 гг., подъ названіемъ: *Rozzyc Antoniego Edwarda Odynca (in 16)*. Въ первой части помещены прекрасный переводъ *Сетяванъ*, Жуковского, разбръкъ близкимъ къ подлиннику. Изд. Т.

намъ дажется, причиною всего этого есть то, что прокъ паданца, а жеманіе оплакивается по чуждымъ выраженіямъ и оборотамъ, а этой вѣрѣ замѣчаніе въ стихотвореніи о немъ о *Болеславі Сибломб*. Желая написать что-бы писатели были за свои собственные судьями своихъ произведеній, а не быша бы вѣдали они, часто вредному, самолюбиво не издавали безъ разбора слова и чуждымъ написано. Въ доказательство ссылаются на баллады и романы Г. Витеншлага, и ихъ мнѣніе въ дѣйствіи сочиненій его: Нельзя удивляться, что Автора въ вѣдѣніи къ дарованій, но въ каждомъ стихотвореніи находимъ неоправданную и несуществующую Путь Романшизма еще непорочнаго, и въ одѣ много на немъ легко можно заблудиться. Между проспономъ и проспономъ народностью, новостью и оригинальностью, воспоргомъ и надушностью, различіемъ весьма невелико. Впрочемъ Г. Витеншлагъ доказалъ, что если онъ, пожелаетъ, можетъ писать хорошо и оригинальнѣе твореніями своими мѣсто между думашю и нашими поэтами. Его баллады *Король и Зелина*, *Рыцарь и Девка* (просто слишкомъ многихъ вопросовъ и дѣлъ), *Ветеръ С. Андрея*, *Матвей и дѣвкѣ сирасъ къ деньгамъ* и наконецъ *Вѣдѣніе мѣста въ другихъ стихотвореніяхъ*, а въ-а тушь въ этомъ удостовѣрять.

Въ Романшизмъ и Классицизмъ, правда, да изящнаго вкуса и основанія, и основанія

одни и тѣ же: они исключаются изъ при-
рода и себѣ соединилоти оба рода Поэзіи.
Классическій или романшикомъ или себѣ
называся; онъ всегда долженъ писать
депривно, уважая чистоту и законы
языка; изображенія его всегда должны
быть естественны. Идти-ли онъ между
просвѣтъ народовъ и обновляетъ древнія
преданія и вышелемы или возвышается изъ
идеалу поэтическихъ вымысловъ, онъ
всегда долженъ говорить ясно и изицно.
Ты писатели во зло употребляютъ имя
Романшизма, которые назвавъ свои сочи-
ненія романшическими, полагаютъ, что
къ сему могутъ они писать, какъ имъ
задумается.

Да простишь меня новѣйшіе перевод-
чики стихотвореній Французскихъ, что
издали собою, духъ и спреженіе но-
вѣйшей Нольской Поэзіи, я обращаю все
вниманіе на писателей самобытныхъ и
чужихъ; некоторые сочиненія свои взяли
изъ родныхъ источниковъ. Переводы, какъ-
бы ни были они хороши, ни мало не спо-
собствуютъ возвышенію нашей Поэзіи и
никогда не поставятъ ее на ту степень,
до которой достигла Поэзія у другихъ на-
родовъ.

Оканчивая разсужденіе о стихотворе-
ніяхъ, бывшихъ въ послѣдніе годы, въ
оцѣдальныхъ собраніяхъ сочиненій и въ по-
временныхъ изданіяхъ, замѣтимъ слѣдую-
щее: языкъ поэты наши спремацца со-

дасть, собственную народную Плезиро; публика одобряеть ихъ предприятие и они достигнууть своей цѣли, если избавиуть Французской разборчивости, которая часто препящешевала смѣлымъ талантамъ дарованія, не выдутьъ въ другую крайность — въ темноту и несчастливенность, часто обезображивающую творенія Нѣмецкихъ поэтовъ. Пржеіе писатели націи могууть научиуть ихъ познавати духъ Польскаго языка. Пустьъ, уважая законъ его, спарашеся они соединять свѣтлоту и живость Романизма ер высоку и истинность классиковъ.

Государственные законы и повеленія Оттоманской Порты.

(Продолженіе.)

Г. Гаммеръ входиуть въ болшия подробности, касательно финансовыхъ законовъ Оттоманскаго государства. Нигдѣ нѣтъ снотъ многихъ и снотъ разнообразныхъ налоговъ, какъ въ Турціи. Въ концы сденія Г-на Г. мы находимъ подати поголовную, поземельную, доданиннуу, личныя пощаникъ, мени, пощаникъ съ възда и вызда, подати удѣльные разнаго рода, прощори по нязебнымъ дѣламъ, пощаникъ ер вассенія съ рошноту бравацннма снотъ

такихъ: чрезвычайнаго оброта, достига
 ну, вѣщей: натурою, въ тараню, подати во
 снняя, подати съ погребленія шабану и
 носелд (множество) другихъ повинно
 сней, какъ: ниспадапъ, шотурю, шипини
 олицъ, овиддана, дошъ, кшоо, замукъ, по
 дати, за переселеніе нзы, одного сандана
 въ другой (слово) ничло, не усколь
 знуло, оны, развешоръ законодатеи.

Всѣхъ шрочи обществѣнныа, доходовъ
 даваа на онкунъ. Вѣкомарыи нзы, ныхъ
 овиддана, ашъ, аукциона, въ, родошъ, олку,
 пшъ (миданри) о, другы, овиддана, въ, по
 жизненное владѣніе, за, нывошну, сумму,
 опданную однажды на всю жизнь: сіи по
 слѣдніа называются *милкапъ*. Годовые
 онкуны сіюль-же древини, какъ Исламизмъ
 и Бенданы на, законахъ Мангошета, мади
 канда, шрч, поставленныа, шипуаи, дорожно
 нове и введены были для удовольворе
 ніа аличности любимцовъ Султана, копа
 рые, одни шолько, исключительно, нми
 пошвуютел, къ, величайшему, ущербу, об
 ществѣнной, казны.

Милканы, милард (удѣльное право), ривд
 нб, да, на, удѣльная, системѣ, существуюн
 ют, на, Воснодъ, о, веска, дриван, вре
 мѣ. Системѣ, сіи, перешла, отъ, предъ
 Седшукъ, въ, роду, Османовъ. Осману,
 родоначальнику, сей, послѣдней, получили
 въ, удѣль, велю, Караши-Тисаръ, снм, по
 слѣднего, государя, изъ, рода, Седшукъ,
 а, Орманъ, снмъ, Османовъ, ривд, на, на, воу

свадныя иль земли участвыкамъ своей по-
 бѣды, подъ названіями *пимаръ* и *сіаметъ*,
 но есль, большыиъ и малыхъ воинскихъ
 лень. Вассаль, *пимарла* или *сиимъ*; поль-
 зовался во всю жизнь свою доходами съ
 опданной ему земли, и передавалъ ее на-
 сѣдникамъ своимъ мужского пола, съ ус-
 ловіемъ, ходящъ самому на войну по вся-
 кому требованію и приводящъ съ собою
 известное количество вооруженныхъ лю-
 дей, сообразное съ доходами его удѣла.
 Названія удѣловъ были, и теперь еще
 супъ, совершенно воинскія, и сами по себѣ
 показываютъ свойство отношеній между
 вассаломъ и владѣтельнымъ государемъ.
 Каждый удѣлъ, *пимаръ* или *сіаметъ*,
 называется *кальдшъ* (сабля), а вассаль
силаем (всадникъ). Войны, выступавшіе
 вассаломъ, называются *дшебелъ* (лапид-
 ки). Округъ, заключающій нѣсколько удѣ-
 ловъ, называется *сандшанъ* (визія); имъ
 начальствуетъ бегъ, передъ которымъ
 носятъ бунчугъ, какъ отличительный
 знакъ его достоинства. Нѣсколько соеди-
 ненныхъ сандшановъ составляли губер-
 нію (*ажалетъ*), которою начальствовалъ
 двукъ или прекъ-бунчужный белербегъ;
 ему подчинены все беги сандшановъ. Сіе
 возможное раздѣленіе Оптоманской Имперіи
 современно ея началу и продолжающа до-
 нынѣ.

Послѣку самая большая часть земель
 Оптоманской Имперіи состоишь изъ удѣ-

ловъ, по надобно знатьъ свойство победительной собственности и верховной власти, по общесвѣтному праву Исламизма вообще и по общесвѣтному праву Османлисовъ въ особенностяхъ.

Европейскихъ публицистовъ затрудняя вопросъ: кто истинный владѣлецъ земель въ государствахъ, водчиненныхъ законодательству Ислама? Они были не согласны въ мнѣніяхъ своихъ, потому что не умѣли дойти до источника исламискаго закона.

Нашъ никакого сомнѣнія, чтобы въ Турціи, равно какъ и въ музультманскихъ государствахъ Азіи, не было дѣйствительныхъ и наследственныхъ помещельныхъ собственности, признанныхъ закономъ; но право собственности основывается только на дѣйствительномъ владѣніи; утвержденномъ или пожалованномъ первыми завоевателями или ихъ преемниками, а не на законномъ документѣ, существовавшемъ до завоеванія.

По словамъ Корана, какъ источника исламискаго законодательства, вся земля принадлежитъ Богу, следовательно принадлежитъ и Халифу, какъ плени Бога и наместнику Его земли: *«Земля принадлежитъ Богу — Онъ отдаетъ ее въ наследство кому хочетъ; владѣніе или владѣтельство принадлежитъ Богу — Онъ отдаетъ ее въ наследство кому хочетъ»*. На сихъ двухъ мѣстахъ Корана основывается рѣшенія

Первые умилые Исламисты, которые, во веки исламистских государств не признают других документов на владение, как только право собственности, утвержденное завоевателем за владениями не-музыльманскими, под условием подати, или пожалованное мусульманам под условием десятины. По их мнению, завоевание далаити иджиджского завоевателя совершенным и единоличным обладателем завоеванных земель и дается ему право оставить ей земли временно владителям под именем наследственной собственности (Milk), с условием платить подать поголовную, поземельную и пошлину с жатвы; или разделить землю между мусульманами, которые должны платить только десятину. Первые Халифы не знали феодальной системы, и потому древние источники исламистского законодательства говорят только о землях подлежащих действительному оброку и десятине (пш и другие наследственные), а не об удьлахъ, владение которыми основывается на правъ собственности, пожалованной государем условно, с темъ, чтобы служить ему в войнѣ.

Когда Султаны Османлиские, по силе права на всеобщее владение, которое даруетъ законъ Ислама всемъ Музыльманскимъ Государямъ, разделили своимъ ситгаибъ, въ видѣ военныхъ удьловъ, почти все завоеванныя земли, а особливо лежа-

идя въ Европу, когда законы особенные определяли отношенія между верховнымъ владычествомъ и его вассаломъ или синаги, также какъ и отягощенія сего последнего къ вассалу (кровоизливанію или откупнику, землѣ, рязжѣ); когда множество князей, опирающихся до поземельныхъ владеній, вынудили *фетиры* или ршениа мусульманъ: тогда собрали сіи законы и сіи ршениа въ одинъ кодексъ, который называется *Каули Тимаръ* и до сего времени существуетъ во всей своей силѣ въ Османской Имперіи.

Дабы лучше дать понятіе о существѣ права собственности въ мусульманскихъ государствахъ вообще, и въ Османской Имперіи особенно, мы представимъ буквальный переводъ деклараціи Дефтердара Мохаммеда-Челеби-Эвменди, которому Селымъ III поручилъ (въ 1566 г.) исправить законы финансовые и привести ихъ въ одинъ общій.

Вся земли государствъ мусульманскихъ могутъ быть разделены на три класса.

1. *Первому* принадлежатъ земли, подверженныя десятинамъ (*Дрси-асирижъ*), пожалованныя Мусульманамъ при завоеваніи и составляющія настоящую ихъ собственность (*Милк*), которыми они могутъ располагать по произволу, то есть, могутъ продать, подарить, или посвятить, благодушными заведеніями. Земли сіи плащаютъ

только десятиному, ибо Мослимы, по закону, не платящъ подати (Charadsch). Земли Гедша и Басора принадлежатъ къ тому разряду.

Во второмъ классѣ заключаются земли, подверженныя подати (*Ersi charadschi*), которыя при завоеваніи османцами были владѣльцамъ не-музульманскимъ условіемъ, чтобы они, кромѣ поголовной подати, платили двойную пощину, именнно налоги поземельные (*Charadschi mukassama*). Сія пощинная подать, различаясь отъ десятины въ томъ, что вмѣсто десятиной доли годовыхъ произведеній, смотря по изобилію, составляетъ восьмую, седьмую, шестую, пятую, четвертую, третью и даже половину произведеній. Поземельная подать составляетъ ежегодную повинность, платимую съ земли, совершенно ея пропитанную.

Земли второго класса, также какъ и первого, составляютъ собственность владѣльцовъ, которые могутъ ихъ продавать, передавать своимъ наследникамъ, или посвящать ихъ на богоугодныя заведенія. Когда Мослимъ покупаетъ землю такого разряда, то онъ обязанъ платить всѣ повинности, которыми она обложена была во время завоеванія, также какъ и владѣлецъ не-музульманскій, ибо сія повинности починаются неоплаченными отъ земли.

Книги закона упоминаютъ только о
 еще двухъ классахъ земли; но есть еще
 и третій классъ, заключающій въ себѣ
 земли удѣльныя (Ersi Memleket). Правитель-
 ство, находя, что раздѣленіе оброчныхъ
 земель между многими владѣльцами, за-
 трудняетъ сборъ податей, разумно за-
 благо, владѣніе сими землями оставивъ
 государству, а подданнымъ отдавая ихъ
 только въ пожизненное владѣніе за указа-
 ныя подати. Земли Османской Имперіи
 принадлежатъ къ сему классу и назы-
 ваются землями государственнымъ или
 землями казенными. Они отдаются въ
 пожизненное владѣніе, и пока владѣтель
 обрабатываетъ прилежно, и платитъ
 предписанныя подати, земля не можетъ
 быть у него отнята. Земли переходятъ
 по праву въ наследство мужскаго пола;
 съ прекращеніемъ мужскаго поколѣнія онѣ
 обращаются опять въ казну; впрочемъ
 онѣ ни какимъ образомъ не могутъ быть
 проданы и всякая сдѣлка по сему поводу
 почитается недействительною.

И такъ *сипаги* суть испинаные вассалы,
 которымъ Султанъ даетъ лены,
 прѣбудя за то военной службы; *Сипаги*-же
 сами отдаютъ части сихъ земель на от-
 купъ *Раажилъ*, за разныя повинности.
 Многочисленныя учрежденія, относящія-
 ся до удѣловъ, о которыхъ Г-иъ Г. гово-
 ритъ въ своемъ Сочиненіи, показываютъ
 многочисленность злоупотребленій, по-

спешенно вравшихся въ удаленную отъ сего-
му Османлисовъ; но какъ они не соспав-
ляють опдично любопытнаго, то мы
пропустимъ ихъ.

Кажется, что законодашела Османли-
кге почитали весьма важнымъ все оп-
носящееся къ придворному этикету. Указы,
назначающие спешени не только боль-
шихъ государственныхъ чиновниковъ, но
и всѣхъ безчисленныхъ придворныхъ слу-
жителей; постановленія, предписывающія
каждому опдѣлу сихъ служителей особую
одежду; указы, назначающие порядокъ,
въ какомъ, при всѣхъ торжественныхъ
аудіэнціяхъ, разные чиновники допуска-
ются къ цѣлованію руки Султана; на-
конецъ, указы, по которымъ обществен-
ные чиновники должны дѣлать одинъ дру-
гому церемоніальныя посвященія во время
праздника Байрама, и проч.: все это за-
нимаетъ довольно значительное мѣсто въ
Османскомъ кодексѣ узаконеній. Не лзя
сказать, чтобы обыкновенія сіи введенны
были мало помалу суепностію придвор-
ныхъ, и впоследствии приобрѣли нѣко-
торую важность, хотя впрочемъ не освя-
щены никакимъ закономъ; напротивъ,
это учрежденія законодательныя, ешомъ-
же священныя, какъ и учрежденія, опнося-
щіяся до жизни и имущества граждаиска-
го. Могаммедъ Завоеватель, царство-
вавшій съ 1451 по 1482, обнародовалъ по-
дробное учрежденіе церемоніала, который

должно наблюдать при Дворѣ Константинопольскомъ, Сулейманъ Законодатель (1520 — 1566) сдѣлалъ многія къ нему прибавленія и возвелъ въ чинъ Государственнаго Секретаря *Тешрифадши* или Оберъ-Церемоніймейстера. Всѣ сіи различныя учрежденія соединены были въ одно собраніе Ахмедомъ-Эфенди, Оберъ-Церемоніймейстеромъ при Султанѣ Ахмедѣ III, и обнародованы подъ названіемъ *Тешрифатизада*. Г-нь Г. дѣлаетъ изъ него довольно большую выписку; но, опасаясь упомянуть чиншателей, мы скажемъ только, что въ немъ съ величайшею подробностію описаны костюмы главныхъ государственныхъ чиновниковъ, также разныхъ классовъ чиновниковъ и офицеровъ придворныхъ, отъ визиря до поваровъ и до дровосѣковъ — ничто не забыто: ни форма, ни обшивка, ни подкладка, ни цвѣтъ, ни матерія! Степени или чины различаются особенно головнымъ уборомъ. Турбанъ или *дулбендъ*, бывающій въ четырехъ различныхъ родахъ, назначенъ исключительно для Мослимовъ; Греки, Армяне и Жиды носятъ повязки чернаго или темнаго цвѣта и шапки, обложенныя овечьею шкурою; военные носятъ родъ касокъ, украшенныхъ перьями; каски сіи украшены иногда алмазными хохолками, которые Султанъ раздаетъ въ награду воинамъ; оплывшимся какимъ-либо важнымъ дѣломъ, какого-бы чина они ни были.

Въ Турціи, женщины существуютъ, такъ сказать, въ общественнаго порядка, и пошому учрежденія объ этикетѣ ни мало до нихъ не касаются. Въ гаремахъ онѣ могутъ одѣваться какъ угодно; но имъ не позволяется выходить иначе, какъ завернувшись въ большой суконный плащъ, съ большимъ воротникомъ, который скрываетъ совершенно все лицо и называется *фетрадиб*. Принуждены будучи являться въ общество только въ семь одѣвній, онѣ постарались украсить его шипьемъ, бахромами, шнурками и проч., и нашли способъ, по сему предмету, пышность довести до того, что законодатели принуждены были ограничить ее законами противъ мотовства.

Легко понять, что въ землѣ, гдѣ этикетъ играетъ столь большую роль, шипулы составляютъ весьма важный предметъ, и дѣйствительно шипулы Султана и всѣхъ важныхъ государственныхъ чиновниковъ утверждены положительными законами при Мохаммедѣ II, и до сего времени оспались шаками, исключая шипулы Султана, въ которомъ сделаны небольшія убавленія послѣ пошери нѣкоторыхъ провинцій, завоеванныхъ прежде въ Венгрии и Персіи. Желая дать понятіе о величинѣ сихъ шипуловъ, мы представляемъ здѣсь нѣкоторые.

Вотъ шипулы Султана Селима III, какъ онѣ написаны въ началѣ мирнаго прака-

паша, заключеннаго въ Сциснговъ, въ 1791 году :

»Я, |служитель государствъ и областей славнѣйшихъ и спранъ и городовъ счастливейшихъ, служащихъ *Киблю* (*) миру и великимъ жертвенникомъ роду человѣческому, а именно: Мекки достопочтенной, Медины знаменитой, Иерусалима Святаго, въ копоромъ заключается священная ограда мечети *Алаксса* (храмъ Соломона); Государь прехъ большихъ столицъ, предметовъ зависти всѣхъ Царей земныхъ, а именно: Ишамбола, Эдрены и Бруссы; Государь земнаго рай Сирия, Египта единственнаго и несравненнаго, всей Аравии, Африки, Барки, Кайреана, Галеба, Ирака Арабскаго и Персидскаго, Лаассы, Дилема, Ракка, Моссула, Шерсола, Дيارбекра, Сулькадрижа, Эрзерума, Сиваса, Адны, Карамана, Вана, Мавришанн, Абиссинии, Туниса и обоеихъ Триполей, Кипра, Родоса, Крита, Мореи, Моря Благо и Моря Чернаго, съ ихъ островами и берегами, областей Анаполи и Ромели, Багдада — жилища благоденствія, Земли Курдовъ и Греции, Турции и Тамарии, Черкасии и Кабардерии, Грузии и Дешшъ-Кипчака, всѣхъ городовъ и покоднй за-

(*) Слово *Кибла*, или *Кеблэ*, означаетъ часть свѣта, къ копорой Мусульманы обращаются во время своей молитвы.

висящихъ оупь Ташарія, всей Босніи, Българда — дома свяшой войны, Сербіи со всіми ея крѣпостями и замками, всей Албаніи, Валлахіи и Молдавіи съ ихъ дорогами и крѣпостями; я, правосудный Пади-шахъ (*) и побѣдоносный Шегиншахъ (**) безчисленныхъ мѣстъ и городовъ, Сулпанъ, сынь Сулпана, Хаканъ (***) , сынъ Хакана, Сулпанъ Селимъ, сынъ Хана, сынъ Сулпана Мусшафы-Хана, сына Сулпана Ахмета-Хана; я, Шахъ, ко-его дипломъ на верховную власть подписаю блисшательнымъ именемъ обладателя двухъ часпей свѣта, и коего Халифскій папешъ украшенъ великолѣпнымъ шипуломъ обладателя двухъ морей.“

Титулъ Великаго Визиря, означенный въ шомъ-же мирномъ праптанъ, не шполь обширенъ, но еще великолѣпнѣе Сулпанскаго. »Достопочтеннѣйшій Визирь, совѣтникъ, заслуживающій величайшія похвалы, на коего возложена обязанность управлять народами, устроющій дѣла государственныхъ съ рѣдкою прозорливостію, учреждающій важнѣйшія выгоды человеческого рода и всегда достигающій своей цѣли; полагающій основанія царства и его благоденствія и утверждаю-

(*) Имя сіе составлено изъ двухъ Персидскихъ словъ: *Паді*, значущаго хранитель, и *Шахъ*, король.

(**) *Шегиншахъ* или *Шаганшахъ*, царь царей.

(***) *Хаканъ*, шипуль владѣтелей Ташарекскихъ.

цій столпы его великоліпія и високаго его жребія; возносяцій на высочайшую степень славу перваго изъ всѣхъ царствъ и правяцій степенями Халифатства, Юссуфъ Паша, осыпанный милостями своего повелителя, величайшій изъ Визирей, достопочтеннѣйшій Генералиссимусъ, полномочный, неограниченный (да продлишь Богъ его счастье, и да процвищешь его власть!).

Тишуль Муфтия не менѣе громокъ. »Мудрецъ, высшій всѣхъ глубочайшихъ мудрецовъ, превосходный изъ всѣхъ людей превосходнѣйшихъ; умѣющій разрѣшать всѣ сомнѣнія о вѣрѣ и оканчивать всѣ споры; ключъ къ извѣстіямъ истины, блестящій фонарь сокровищъ познаній.» —

Кажется, сихъ образчиковъ довольно для понятія о слогахъ Опшоманской канцеляріи, и можно замѣтить, что онъ не оплывается ни простотою, ни крапкостью.

Церемоніаль, который должно наблюдать при общественныхъ праздникахъ, составляешь предметъ, которымъ законодатель занимался очень много. Праздники, ежегодно бывающіе, суть: Бараймъ (Тебрикюдъ), которымъ оканчивается великій постъ или Рамазанъ; праздникъ рожденія Магомета (Мевлуди-неби) и праздникъ посвященія его одежды (Ширке шерифъ). Праздникъ Байрама есть родъ большого придворнаго торжества. Въ последние

цать дней Рамазана великіе государственныя, чиновники церемоніально посѣщаютъ другъ друга. Въ шестой день, Султанъ даетъ торжественную аудіенцію, на которой всѣ служащіе при Дворѣ, какого-бы чина ни были, отъ Великаго Визиря до послѣдняго поваренка, допускаются къ мѣстованію руки Султана. День оканчивается обѣдомъ, разными играми и пушечною пальбою; но все это происходитъ во внутренности Серая. День рожденія Магомета празднуется 12 го числа мѣсяца Ребіулевведя (Rebiulewwe) въ мечети Ахмеда. Султанъ, въ сопровожденіи всего Двора, отправляется въ сію мечеть, слушаетъ дохвальную рѣчь Магомету, и въ честь его поетъ гимны по-Арабски и Турецки; въ то же время торжественно вручаютъ ему отъ имени Меккскаго Шерифа на письмо, съ которымъ Султанъ ежегодно отправляетъ подарки въ Мекку съ большимъ караваномъ. При концѣ церемоніи Султанъ раздаетъ кафшаны или почетныя плащя премоу главнымъ пѣвичимъ Рейсъ-Эффендію и Кизляру-Агасси, начальнику черныхъ евнуховъ, котораго только въ семъ одномъ случаѣ показываетъ публично. Праздникъ посвященія одежды Магометовой бываетъ 15 го числа Рамазана. Султанъ, также въ сопровожденіи всего Двора, входитъ въ сей день въ залу Императорскихъ сокровищъ, гдѣ сохраняется черное плащье изъ верблю-

жъей шерсти, которое, какъ говорится, носилъ Магомешъ. Его вынимаютъ изъ борака оболочекъ, сдѣланныхъ изъ драгоцѣннѣйшихъ матерій и даютъ цѣловать всѣмъ присуществующимъ. На сихъ праздникахъ все происходитъ съ самымъ малочислымъ эпикетомъ: яспюмы предписаны, степени тщательнѣе наблюдаются и все представляется болѣе видъ шаткошной работы, нежели общественнаго увеселенія. Тоже бываетъ при чрезвычайныхъ праздникахъ, какъ-то: при рожденіи дѣвѣй Султана, при бракосочетаніи Принцессъ крови, при восшествіи на престолъ новаго Султана, и проч. Все разчислено такъ, чтобы поразило воображеніе зрителей великолѣпнѣе; но выключая нѣсколькихъ фокусниковъ, борцовъ и танцовщиковъ по канату, которые пробѣгаютъ по улицамъ и показываютъ свое искусство, ничто не возбуждаетъ общественной радости.

Число должностныхъ всякаго рода, входящихся при особѣ Султана, совершенно соглашается съ эпикетомъ, какимъ онъ себя окружаетъ, и превосходитъ число служителей, какое можно видѣть при Дворахъ Европейскихъ. Мы должны-бы были далеко распространить предѣлы нашей статьи, если-бы, захотѣли описать подробно всѣ ихъ должности — удовольствуемся общимъ понятіемъ.

Дворъ Султана раздѣляется на внѣшній и внутренній; первый заключаетъ въ себѣ всѣхъ чиновниковъ, назначенныхъ для служенія Султану; второй, чиновниковъ, назначенныхъ для служенія въ Гаремъ, собственно такъ называемомъ. Первымъ опдѣленіемъ начальствуетъ *Капу-Агасси* или начальникъ бѣлыхъ евнуховъ; вторымъ *Кизляръ-Агасси* или начальникъ черныхъ евнуховъ. *Капу-Агасси* (шипуль сей можно перевести: Оберъ-Гофмейстеръ Султана) охраняетъ особу государя, какъ въ военное ему сокровище; онъ вездѣ сопутствуетъ ему и въ мирное и въ военное время, выключая только, когда Султанъ ѣздитъ на охоту. Подъ его начальствомъ находясь: камердинеры, назначенные, сохраняющіе казенныя драгоценныя вещи, мундшенки, пригопавляющіе для Султана прохладительныя напитки, кашемеланы и слуги, занимающіеся низшими должностями, Султанская кухня (ежегодные расходы при Могаммедѣ IV (1648—1687 гг.) простирались до милліона Турецкихъ піастровъ, не считая въ помѣчь часть поставки вещей натурою), Султанская кочюшня, Султанскій садъ (за которымъ надзираетъ *Боспанджи-Баши*, начальникъ серальской стражи), Султанская соколиная охота, иманы, лекаря, хирурги, астрономы, профессора и секретари, служащіе при Дворѣ, наконецъ *Капиджи-Баши* или *Каммергеры*, которые сопровождаютъ

иностранныхъ посланниковъ на публичныя аудіэнціи и отвозящъ. Визирямъ или Пашамъ Султанскіе фирмацы, какъ съ возвыщеніемъ милоспей, такъ и съ приказами лишающъ ихъ жизни или имѣнія; вслучае немилоспи они наказывающъся. шодъко ссылкою или лишеніемъ ибущества, но выпода сія уравниваещъся опасностями, которыми они подвергающъся со спорны Пашей, привозя имъ смертныя приговоры. Гвардейскій корпусъ серала также подчиненъ Капу-Агвеси; его составляютъ *каиджи* (*kaidschi*) или привратники, охраняющіе вышнія ворота серала; число ихъ простирается почти до двухъ тысячъ; *бостанджи* (*bostandschi*), числомъ болѣе пяти тысячъ, отправляющіе должности садовниковъ, гребцовъ и артиллеристовъ; *балладжи* (*baladschi*), или дровосѣки; солаци (*sokk*) или свѣрѣльцы, исправляющіе должности пшдохранителей и раздѣленные на четыре роты, по сту человекъ въ каждой; *пейки* (*peik*), отборные люди изъ всей гвардіи, отъ двадцати до тридцати человекъ, отличающіеся красотою своихъ мундировъ, вышитыхъ золотомъ, и наконецъ *гауши* или швейцары и *милеферрики* (*muleferrika*) или гофъ-фурьеры. Нѣмые, употребляемые для исполненія смертныхъ приговоровъ, пребующихъ сокровенности, карлы, служащіе для забавы Султана, и музыканты, составляютъ также часть вышняго Султанскаго Двора.

Изъ числа чиновниковъ различныхъ классовъ; некоторые пользуются особенными привилегіями, независящими отъ ихъ обыкновенной должности и кошорыми они обязаны бывають, или благосклонности Султана, или своему мѣсту. Таковы, на примѣръ: *мабеинджи* (*mabeindschi*) или повѣренные, имѣющіе великій входъ; *араб-агалары* (*arab agalar*), имѣющіе исключительное право подавать Султану просьбы; *рикиабб-агалары* (*rikiab agalar*) или спременные, поддерживающіе спремья, когда Султанъ садится на лошадь; наконецъ *култукъ везирлери* (*kultuk vezireri*), визири плеча, поддерживающіе Султана, когда онъ садится на лошадь или входитъ въ лодку.

Внутреннимъ дворомъ Султана, или Гаремомъ, начальствуетъ *Кизлярб-Агасси* (Ага женщинъ), который называется также *Аге дари сеадегъ*, т. е. Ага дома блаженства. Онъ начальникъ черныхъ евнуховъ (которые почти всею родомъ изъ Абиссиніи, и простирающа до чепырехъ сотъ), надзираетъ надъ женами Султана, поведѣваетъ всеми людьми, находящимися въ ихъ услугахъ, сопровождаетъ Султана, при выѣздахъ его и занимаетъ должность главногo правителя всехъ челоуѣколюбивыхъ заведеній и доходовъ мечетей. Онъ, обыкновенно, въ великой довѣренности у Султана, по произволению своему назначаетъ и смѣняетъ министровъ и губернаторовъ, имѣетъ большое вліяніе на

участъ сыновей Султанскихъ, почитаемыхъ наследниками престола, и на важнейшія рѣшенія. При всемъ томъ, онъ рабъ по закону и получаетъ свободу единственно при выходѣ изъ Серая, что случается всегда только вслучаѣ немилости.

Извѣстно, что по уставамъ Исламизма, каждый Мусльмъ можетъ имѣть четырёхъ законныхъ женъ. Султаны Османлискіе присвоили себѣ право имѣть семь жень, которымъ они даютъ большіе доходы. Ихъ называютъ *Даденд*, а по степени своей именуются онѣ: первая, вторая, третья и т. д. Всѣ прочія женщины въ Гаремѣ суть невольницы и невольницы невольницъ; число ихъ неограничено. Типуль *Султанш* принадлежитъ только матерямъ, сестрамъ и дочерямъ Султана; мать царствующаго Султана называется *Султана Валидѣ* (Султанша-мать); изъ жень Султана, которая родитъ перваго сына, называется *Шассеки Султана* (любимая Султанша).

Гаремъ служилъ шемницею для наследниковъ престола, которыхъ воспитывали подъ строгимъ надзоромъ, въ комнатѣ, называемой *кафесѣ* (кѣныка); имя это дается рѣшечатымъ окнамъ Гарема. До Сулеймана I, Султаны имѣли обыкновеніе давать сыновьямъ своимъ губерніи въ Азіи, дабы они приучались къ дѣламъ. Отъ сего происходило, что тотъ, кто наследовалъ отцу своему, не могъ располагать по своей волѣ жизнью братьевъ. Для изъ-

бжанія сего неудобства Сулейманъ I приказалъ, чтобы впредь сыновья Султановъ заключаемы были въ Гаремъ; законъ сей былъ одною изъ причинъ, послужившихъ къ упадку Османской Имперіи. Извѣженное и рабское воспитаніе дѣтей Султанскихъ въ якъ дѣвчачь, ни мало не приготавливаетъ ихъ къ прудной наукѣ царствованія. Всѣ знанія ихъ ограничиваются чтеніемъ Корана и хвощисей Имперіи; наполненныя увеличенными описаніями обширности и величія Турціи и бранными восклицаніями противъ христіанскихъ державъ. Тѣлесныя упражненія имъ запрещены; но сообразно съ текстомъ Корана и съ изустными преданіями Магомета, дѣтей Султанскихъ заставляють учиться какому нибудь механическому искусству или ремеслу, дабы привести ихъ въ состояніе прокормить себя трудами рукъ своихъ. Принцессы крови не страшатся бинъ умерщвленными, когда братъ ихъ восходитъ на престолъ. Султанъ отдаетъ ихъ иногда въ замужство за Визирей или другихъ знатнѣйшихъ государственныхъ чиновниковъ, которые дѣлаются тогда рабами женъ своихъ. Если у нихъ родится дѣти мужскаго пола, то они должны задушить ихъ полчася послѣ рожденія.

(Оконч. въ слѣд. книжкѣ.)

II. КРИТИКА.

Труды и Записки Общества Историкъ и Древностейъ Россійскихъ. Часть III. Книга I. М. 1826 г. в 8.

(Окончаніе.)

Къ изслѣдованіямъ о Русскихъ Древностяхъ принадлежащъ еще слѣдующія статьи: *О литныхъ собственныхъ именахъ у Славяноруссовъ* (соч. Митрополита Евгенія). На сей предметъ, донынѣ мало обращено было вниманія; а чѣмъ сильнѣе и обстоятельнѣе можемъ мы вникнуть въ исторію языка древнихъ Славянъ, если не разсмотримъ ихъ именъ собственныхъ, какія Исторія и Географія намъ сохранила? Почтенный Авторъ хорошо изложилъ перемѣну именъ въ Россіи, въ новѣйшія времена; причину сего и причину, по которой давали у насъ по два имени; но собственно до именъ Славяно-Русскихъ, его разысканія касаются слегка и весьма поверхностно. Говоря о Славянскихъ именахъ, онъ утверждаетъ, что съ самаго появленія Славянъ въ Европѣ, мы находимъ между ними *Межемира, Борислава, Родислава, Властемира, Прибыслава, Примыслава.* Ссылка сдѣлана на Стришперъ (Met. populor. Т. II. 5 и 126). Но тутъ надобно сдѣлать различіе. Славяне V-го и Славяне IX и X вѣковъ, не одно и тоже. Мы думаемъ, что первобытные Славяне не имѣли громкихъ именъ на *миръ* и *славу*: оба сія окончанія, кажется, заняли они въ послѣдствіи отъ Германцовъ и Скандинавовъ. Всѣ имена приведенныя Авторомъ (громъ *Межемира*) суть име-

на *Сербскихъ Царей*, не ранѣе VII и послѣдующихъ столѣтій, даже XI-го. Въ предшествовавшихъ же VII-му вѣку (V и VI-мъ), мы встрѣчаемъ *Хильбуда*, *Мудока*, *Идариза*, *Келасагста*, *Андрагаста*, *Адрагаста*, *Пирагаста*, *Невула*, *Гелула* (*): вошь древнія, настоящія Славянскія имена! Имена Русскія: *Жданъ*, *Истома*, *Невтжа*, *Замятта*, были не имена собственно, но, или прозванія или сокращенія именъ христіанскихъ. Предки наши были охотники искажать имена своими уменьшительными и увеличительными. Мнѣніе Тацциева, что имена давались у насъ вспарину при достригахъ, на 7-мъ году, кромѣ того, что ничѣмъ не подтверждается, опровергается еще самою нелѣпностью своею, ибо невозможно было предать нашимъ до семи лѣтъ бышь *безыменными*. Вообще, желательнo-бы, чтобъ кто нибудь принявъ на себя трудъ подробнѣе сообразить и разсмотрѣть древнія собственныя имена Славянъ, Варяговъ и Рускихъ, причины ихъ и разныя обстоятельства, къ тому относящіяся. — *О разныхъ родахъ придегъ у Славяноруссовъ* (соч. Митрополита Евгенія). Сія статья, содержа любопытныя извѣстія (на прим. о клятвѣ съ положеніемъ земли на голову), далеко не удовлетворяетъ своему назначенію, ибо, почтенный Авторъ: 1-е, не дѣлаетъ различія между клят-

(*) *Мезамирѣ*. (*Мегамиросъ*) встрѣчается въ половинѣ VI вѣка, но не было-ли это званіе, ибо *Мегамиромъ* (можетъ быть *Мегамиромиѣ*) назывался посоль Антхонъ къ Аварамъ, братъ *Келасагста* и сынъ *Идариза*. Его имя легко производится отъ *межу* и *мирѣ*. Вошь еще догадка: и въ послѣдствіи имени на *мирѣ* и *олаву*, не давались-ли епископѣмъ *Кильзамъ* и знающимъ людямъ?

воду, привагою и судом; испытаніе желѣзомъ, водою и полеванье (или поединки) были совсѣмъ не присяги, а испытанія или судъ. 2-е. Авторъ не объясняетъ всѣхъ подробностей своего предмета, которыя можно найдти въ разныхъ историческихъ и палеографическихъ нашихъ памятникахъ, или въ существующихъ доннынъ обрядахъ и обычаяхъ. Такъ изъ древней присяги Руссовъ, въ X вѣкѣ, Авторъ упустилъ замѣчательную клятву: *да будемъ золоты, яко же золото* и что Руссы клали при пошнѣ на землю *обручи* (вѣроятно золотыя кольца). О *стрѣлахъ* и *панцыряхъ*, упоминаемыхъ Авторомъ, летописи не говорятъ ни слова; изъ новѣйшихъ же временъ, Авторъ не упомянулъ о *чрезвычайной присягѣ*, производимой у насъ торжественно, съ похороннымъ звономъ и со свѣчею въ рукѣ клянущагося; забыты также мнѣнія народа Русскаго о присягахъ, наприм. прекрасная поговорка Русскихъ: *горе идущему, горе и ведущему*, и проч. и проч. Наконецъ — 3-е, статья сія заключаетъ нѣсколько ошибокъ и немаловажныхъ, какъ-то:

Авторъ говоритъ, что испытанія желѣзомъ и водою введены въ Россію изъ Германіи, ибо въ Швеціи они начались, будто-бы, съ 986 года; откуда-жъ взята такая *тогдашняя* хронологія? Изъ Локценевыхъ Древностей Шведо-Готскихъ — но стоить-ли ашось Авторъ доверію? Откуда онъ взялъ 986-й годъ (*)? Мы видимъ, что въ 1016 году говорится объ этомъ испы-

(*) Локценій жилъ въ половинѣ XII вѣка. Книга его *Antiquitatum Sveogothicarum* (Упсала, 1647 г.) имѣетъ достоинство нашего Синодсиса.

жанинъ въ Россіи, какъ о дѣлѣ совершенно невѣстномъ. У древнихъ Скандинавовъ это былъ древнѣйшій обычай, изъ чего должно заключать, что онъ взятъ нами изъ Скандинавіи, и гдѣ находится у насъ слѣды его *Германскаго* происхожденія?

Авторъ говоритъ, что поединки введены у насъ съ *Руссагою Правдою*; но развѣ Ярославъ выдумалъ свою *Русскую Правду*? Онъ только собралъ бывшее до него, и поединки, какъ доказательство правоты, были также въ числѣ древнѣйшихъ обычаевъ Скандинавскихъ.

Авторъ замѣчаетъ, что въ Россіи были какія-то, будто-бы донынѣ необъясненныя, присяги: *Богородицею, къ Воинну кресту съ Псковъ и на скалью*. Первое очень понятно. Авторъ ссылается на событіе 1175 года, когда Владимірцы клялись *Богородицею* (*). Надобно вспомнить, что каждый изъ Русскихъ городовъ имѣлъ свой особенный священный залогъ, къ которому изъявлялъ преимущественное почтеніе: такъ Новгородцы клялись Св. Софією; Москвитяне присягали предъ образомъ Владимірской Богоматери и мощами Св. Чудотворцовъ Московскихъ (**); Зарядцы особенно благоговѣли предъ образомъ Св. Николая. Владиміръ украшался знаменитою иконою *Богородицы Златоверхой*, въ послѣдствіи перенесенною въ Москву и названною Владимірскою. Въ лѣтописи

(*) Кенигсб. Лѣт. Нест. стр. 256.

(**) На примѣръ, Царю Борису въ 1508 г. они души свои дали у Прес. Богородицы и у цѣлбоносныхъ гробовъ Вел. Чудотворцевъ. И. Г. Р. Т. XI, примѣч. 4.

когда-же находимъ: *Ярополка Князя въ Владиміръ ни отолѣ въ Святѣй Богородицѣ посадиша* (*). Вошь и объясненіе: Владиміръцѣ присягали предъ образомъ Богоматери, споль благоговѣйно ими обожаемымъ. Что касается до другихъ словъ, Авторомъ приводимыхъ, шо сія слова находимъ въ донесеніи пословъ Шестунова, Топищевъ и Тиунова, посланныхъ для переговоровъ съ Шведами въ 1586 г. изъ Пскова (**). Они пишутъ, что предлагали Шведамъ съѣхаться къ Волгину кресту или на Скамью. Шведы ошибчались и въ то, что должно съѣхаться на рѣкъ Плюсь, гдѣ прежде съѣзжались, откуда Шведы, могушь отъѣзжаться въ Ругодевь, а Рускіе въ Гдовъ — „а къ Волгину кресту и на Скамью не могли. Нѣмецъ уговоришь, чѣшобы Государя ихъ послы приѣхали къ намъ, ходопомъ живомъ къ Волгину кресту или на Скамью — Явно, что Волгинъ крестъ и Скамья были имена какихъ нибудь мѣстъ или урочищъ, а не роды приѣлаз. Замѣшимъ, что Волгинъ крестъ могъ означать мѣсто, гдѣ спользъ крестъ, по преданію повѣствованный Св. Ольгою; сію Великую Книжницу частью называющъ лѣтописи наши Волга, по ошибочному произношенію.

Но всего болѣе изумились мы, читая, что «кулачный бой въ простомъ народѣ и нынѣ еще употребляется оправданіемъ въ рѣшеніи ссоръ и распрей (стр. 83).» Не ужели драка есть оправданіе и рѣшеніе ссоръ и распрей? — И (стр. 82), что *Владиміръ Мономахъ сражался на поединкѣ съ*

(*) Кенигсбергск. Лѣт. стр. 257.

(**) Вивлюэика, Т. XII, стр. 63 и слѣдъ.

Генуэзскимъ Воеводою!! Не уже ли эта сказка Сприковскаго сбиѣшь каковонибудь замѣчанія, когда мы знаемъ, что Генуэзцы поселились въ Крыму, лишь 200 сличкомъ, послѣ *Момохага*?

Историческій взысканіи на правехъ въ Россіи (соч. И. В. Васильева). Авторъ старался собрать что извѣстно объ этомъ наказаніи, которыми взыскивали встарину долги съ неплатящихъ должниковъ. Выдача головою и правехъ долго были въ Россіи оспашками грубыхъ законовъ первыхъ обществъ. Никакое званіе не избавляло отъ сихъ наказаній. Такъ, славный Князь Д. М. Пожарскій *выданъ былъ головою* по случаю спора о мѣстничествѣ съ бояриномъ Салтыковымъ, чрезъ 16 мѣсяцовъ послѣ освобожденія Москвы (*). Впрочемъ, вразсужденіи взысканія долговъ, законы у всѣхъ народовъ были, болѣею частію, строги. У насъ былъ правехъ: должника съели публично каждый день, иногда въ печеніи одного и двухъ мѣсяцовъ и пошохъ отдавали неплательщика заимодавцамъ до *яскуна*. Онъ и семейство его должны были зарабатывать свой долгъ. И. И. Голиковъ (сочинитель Исторіи Петра Великаго), въ юности своей, вмѣстѣ съ пресарьямъ опшомъ, за неплатежъ, отданъ былъ въ работники заимодавцу своему. ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II уничтожила правехъ и выдачу головою и въ заработку. Одинъ почтенный Археологъ, разсуждая съ нами о статьѣ Г. Васильева, замѣтила что онъ могъ-бы воспользоваться лѣтописью Желяборскаго, напечатанною у Туманскаго; что о пра-

(*) Собр. Госуд. Гражд. Т. III. стр. 90.

уже пишешь еще известный Принц Буххау, в своей *Moscoviae ortus etc.*, и что любовныя подробности ешь еще в сапиряхъ Кашемира и в одной изъ проповѣдей Гедсона Кривовокаго. — Наконецъ, мы должны упомянуть о сшахъ: *О скудельницахъ или убогихъ домахъ въ Россіи* (соч. И. М. Снегирева) — сшахъ прекрасно обработанной. Погребеніе верныхъ, утѣшеніе скорбящихъ, посѣщеніе болящихъ и призрѣніе сиранныхъ были подвиги благотворительности, особенно уважаемые нашими предками. «Если кости валяются гдѣ, великазда шому человеку, который погребешъ ихъ» — говорилъ Епископъ Нифонъ, еще въ XII вѣкѣ. Впослѣдствіи, учреждены были для погншихъ *напрасною смертію*, для умершихъ, сиранныхъ и безродныхъ, особыя скудельницы или убогіе дома, гдѣ шѣла ихъ складывали и въ известное время хоронили и пѣли панихиды. Отъ этого составились потомъ народныя празднества въ Семичъ. И. М. Снегиревъ собралъ любовныя подробности, касательно убогихъ домовъ.

Три сшахъ въ Трудахъ Общества — *Поясненіе двухъ мѣстъ въ описаніи Кіевскихъ древностей* (стр. 164) — *Замѣчаніе на статью о Владимірскихъ древностяхъ* (стр. 169) и *Поясненіе сей статьи* (стр. 172) суть *Антикритика*: въ объясненіи на сшахъ, прежде помѣщенныя. А. А. Писаревъ оправдывается въ показаніи о восьми перенесеніи мощей Св. Ольги въ Десятинную церковь, о чѣмъ изъявилъ сомнѣнію одинъ Кривичъ (*Библиографическіе Листы*, 1825 г. No 9). Неизвѣстная особа замѣчаетъ, что въ I-мъ Томѣ Трудовъ Общества, въ сшахъ о Владимірскихъ

древностей», сказано, будто гробъ Князя Θεодора, брата Александра Невскаго и гробъ матери ихъ Θεодосіи, оба находятся во Владимірѣ, въ Георгіевской церкви, когда въ самомъ дѣлѣ сіи особы погребены въ Новгородѣ, въ Георгіевскомъ монастырѣ. К. Θ. Калайдовичъ поясняетъ, что въ Владим. Георгіевской церкви точно находятся надписи, постановленныя будущи надъ ихъ гробами: но открывається, что сіи надписи ложны. При семъ случаѣ приводитъ Г-нъ К. любопытное свидѣніе о другой подобной ошибкѣ.

СТАТИСТИКА. *Отрысокъ изъ моего журнала, писаннаго въ Вяткѣ, 1811 года (Н. З. Хишрово).* Замѣчанія о городѣ Вяткѣ и его Мѣстныихъ достопамятностяхъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ КРИТИКА. *О Юго-Западной Россіи (соч. Г-на Орлая).* Объ этой статьѣ говорить было-бы излишне. Сочинитель общается подробнѣйшія извѣстія въ подтвержденіе разныхъ мнѣній своихъ.

Въ заключеніе, скажемъ подробнѣе о славѣ: *Объясненіе двухъ лѣтъ въ Несторовой Лѣтописи (соч. М. П. Погодина).*

Что лѣтопись Несторова драгоценна, по ея простотѣ, незамѣливости, удивительной точности, сравненіи съ первоначальными лѣтописями другихъ народовъ — въ этомъ должно согласиться. Но въ тоже время, кто оспоришь, что лѣтопись Несторова должна подвергаться строгой критикѣ, не только вразсужденіи словъ, но и вразсужденіи смысла самаго? Если мы и очистимъ некъсь сей лѣтописи отъ всего лишняго и ей не принадлежащаго, то на самый очищенный шекль Нестора должно смотрѣть, не какъ на Исторію,

но какъ на грубое повѣствованіе, подверженное всѣмъ недостаткамъ своего вѣка.

Шлецерь, первый, ясно раскрылъ заимствованія Нестора у Византійцовъ. По слѣдамъ Шлецера, многія открытія сдѣланы впоследствии довольно удачно. Такъ, недавно П. М. Спроевъ открылъ источникъ вставки о Бришандахъ, Амазонкахъ и проч. (*). Недавно мы имѣли случай открыть и удостоверить, что основаніе лѣтосчисления Несторова почво взято изъ Византійцовъ и что Россійскія происшествія подведены Несторомъ подъ взятую у Византійцовъ хронологію, такъ какъ полагалъ Шлецерь (**). Такимъ критическимъ испытаніямъ

(*) См. о семъ статью его (Сѣв. Арх. 1826 г. No 11): *О Византійскихъ лѣтописателяхъ Нестора*. Вспомни прибавить о лѣтописателѣ нами отъ К. Ф. Калайдавича, что Георгій, упоминаемый Несторомъ и открытый Г-мъ Спроевымъ, есть Георгій Гамаршала, котораго приготовилъ къ изданію знаменитый Эллинистъ Французскій Граве. См. пред. къ книгѣ: *Исторія Лева Діакона* (Русск. переводъ. Спб. 1820 г. стр. XVI). Г. Спроевъ омыскалъ въ Лѣтописи Георгія всю космографію Нестора — драгоценная находка! Какъ обрадовался-бы ей Шлецерь!

(**) Подробное извѣстіе объ этомъ будетъ помѣщено въ Трудѣ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Мы обращаемъ вниманіе на Лѣтопись Никифора Патріарха (Nisephori Patriarchae Sropolitani, *Breviarium Chronographicum*, etc.), помѣщенную въ *Scriptis scriptorum Historiae Byzantinae* (Парижъ. 1645 и слѣд. Т. VI.). Эта лѣтопись была переведена при самомъ началѣ христіанской вѣры въ Россіи. Спискокъ ея, хранящійся въ Синодальной Библиотекѣ, относится къ XIII вѣку. Никифоръ родился въ 758 году, былъ придворнымъ чиновникомъ Греческихъ Императоровъ, потомъ постригся въ монашество и возведенъ въ санъ Патріарха. Левъ Арменскій свергнулъ его, и Никифоръ окончилъ въ уединеніи, въ 828 г. См. Versuch einer kritischen Literatur der russischen Geschichte, соч. I. Ф. Буле (М. 1810 г. ч. 1.

должно теперь подвергать Несторову льшописъ, съ сей стороны должно смотрѣть на сей важный матеріалъ для Исторіи Русской. И потому, мы съ удивленіемъзираемъ на тѣхъ изыскателей, которые вынѣ споятъ за каждое слово Несторовой льшописи, предполагая въ ней вездѣ самую строгую историческую точность и Нѣмецкую, пѣть сказанъ, осмошрительность.

Повторяемъ, что по сравненію съ другими первоначальными и современными своими писателями-иностранными, Несторъ великъ, и даже по для насъ имѣетъ свое достоинство, что онъ являетъ намъ вѣкъ свой, какъ онъ былъ, безъ всякихъ зашпѣй. Но возможно-ли утверждаемъ, что Несторъ имѣлъ точныя топографическія и гидрографическія познанія, что онъ писалъ съ критическою точностію? Намъ кажутся всѣ его географическія описанія

спр. 23.) Не можемъ при семъ случаѣ не подтвердить желанія, изъявленнаго ученымъ Буле, ш. с. чтобы, не полагаясь на сдѣланныя Спришперомъ выписки, наши изслѣдователи занимались сами сочиненіями Византійцевъ, извѣстными подъ именемъ *Согрус ег. Нія. Византинае*. Всѣ сии сочиненія изданы съ Лашинскимъ переводомъ, слѣдственно, удобны для ученаго изслѣдователя и не знающаго Греческаго языка: Спришперъ, издавъ *Метогіас роріологит*, принесть ими много добра; но къ сожалѣнію, послѣ изданія его книги, наши изслѣдованія часто ограничиваются маленькимъ извлеченіемъ, изданнымъ на Русскомъ языкѣ (*Извѣстія Визант. Исторіковѣ*, Спб. 1770-1775 г. 4 части) и часто доходятъ до отрожныхъ *Метогіас роріологит*, Спришпера, мы думаемъ, что достигли *вс plus ultra*, въ то время, какъ *тридцать девять томовѣ*, въ листѣ, изъ конхъ выбиралъ Спришперъ, представляють еще обильную жемчугу ирудольбивоу и опычному изслѣдователю.

любопытны и важны; но никогда не подумаешь ни доказывать, что летописец знает достоверно то что пишет онъ о шомъ или другомъ мѣстѣ. Вотъ какъ должно смотрѣть на Несторовъ летописецъ:

Сочинитель его имѣлъ предъ собою подлинники или переводы нѣсколькихъ Греческихъ летописей; зналъ преданія о населеніи народовъ въ Россіи; слышалъ рассказы самовидцовъ о топографіи Россіи и другихъ земель и все это записалъ, можетъ быть пользуясь при томъ нѣкоторыми письменными источниками Русскими. Порядокъ летописи его слѣдующій:

Сначала онъ предлагаетъ Византійскую космографію. Къ ней прибавляетъ свои собственныя географическія извѣстія вообще (*Пушкинскій списокъ*, изд. *Общ. Ист. и Древ. М. 1824 г. стр. 2, строка 9 и до 25-й*). Потомъ опять идутъ историческія извѣстія Византійцевъ, съ прибавленіемъ общей Исторіи Славянъ (*стр. 3 и 4*); далѣе географическое извѣстіе о Руси въ Грецію и преданіе о бытности въ Россіи Св. Апостола Андрея — вѣроятно оба чужія. Здѣсь слѣдуетъ *частная Исторія Славянъ Русскихъ* и подтвержденіе прежде доказаннаго общаго извѣстія географическаго, взятое уже *частно* къ Россіи, ибо прежде упоминалось оно вообще, въ отношеніи къ цѣлому свѣту. Тутъ сдѣлано обращеніе опять къ общей Исторіи Славянъ, которая выше того прервана словами: *Сѣли суть Словени по Дунаеву, а здѣсь начинабшя: »Словенску же языку, якоже рекохомъ, живущу на Дунаѣ.»* — Здѣсь исчислены всѣ общія, прежде и послѣ бывшія, переселенія народовъ, такъ, что и объ Уграхъ, при Олегѣ шедшихъ мимо Кіева, здѣсь уже сказано. Снова начинается *частная*

Исторія Славянъ Россійскихъ, или собственно *Полянь*, какъ древнихъ жителей Днѣпровскаго берега, ибо все другое съ 4-й страницы ничто иное было, какъ вставка въ Исторію Полянъ, которая составляетъ главный предметъ Нестора, къ которому онъ уже два раза обращается, говоритъ: *Полянамъ-же, жившимъ, особо по зорамъ своимъ* и потомъ — *Полянамъ-же живущимъ особо и володѣющимъ роды своими*; а здѣсь одна и таже формула, въ предшій разѣ — *Поляномъ-же живущимъ особо, якоже рекомъ* (стр. 7). Слѣдуетъ описаніе нравовъ Славянъ Россійскихъ, выписка изъ Византійцовъ о нравахъ народовъ вообще и ц. А.

Изъ сего слѣдуетъ: что изъясненіе Несторомъ на стр. 2, о народахъ, живущихъ въ Афетовой части, неупомянутыхъ Греками, было вообще въ отношеніи къ цѣлому міру, а повтореніе сего-же извѣстія на стр. 6 частное, въ отношеніи къ Руси. И тамъ и здѣсь, лѣтописецъ исчисляетъ вѣскольکو именъ, безъ всякаго порядка и точности.

Г. Погодинъ думаетъ иначе. Въ словахъ, слѣдующихъ послѣ космографіи Византійцовъ: *Въ Афетовѣ-же части сядяшъ Русь, Чудь и вси языци, Мера, Муромъ, Весь, Мордва, Заводочьская Чудь, Пермь, Печера, Ямь, Оугра (Югра?), Ливва, Зимѣгола, Корсь, Сѣпъгола, Любь (Ливь?)* — онъ не находитъ безпорядочнаго исчисленія народовъ, но точный порядокъ, утверждаетъ, что *Русь поставлена здѣсь какъ собирательное имя, означающее народы Славянскихъ, составившихъ Русское Государство*. Здѣсь вѣшь, говоритъ Г-нь П., исчисленія племенъ *Славянскихъ (Полянъ, Древлянъ, etc.)*,

слѣд. слово *Русь* замѣняетъ здѣсь *Славянь Русскихъ*. Но во первыхъ, собирательное имя, *Славяне*, споймъ у Нестора выше, между *Иллирією* и *Лухоцією*; во вторыхъ, почему, черезъ семь спрокъ, опять упоминается *Русь*, между Варягами и соплеменниками ихъ Англянами Урманями, Шведами; въ третьихъ, если неупоминаніе имени въ семь мѣстъ, есть доказательство Руссо-Славянизма, почему не упомянуты здѣсь *Нарова* и *Черемисы* — развѣ они были Славяне, что Несторъ, заключивъ подь словомъ *Русь*, *всѣхъ Русскихъ Славянь* и особо исчисливъ всѣхъ не-Славянь, живущихъ въ Руси, молчитъ о сихъ народахъ? Что изъ сего слѣдуетъ?

Лѣтописцу хотѣлось сказать нѣсколько именъ народовъ, неупомянутыхъ Византійцами и живущихъ въ Афѣсовой части. Онъ начинаеть *Русью*, какъ народомъ важнымъ въ его глазахъ, ибо сей народъ далъ названіе его отечеству (*); потомъ упоминаеть Чудь и прибавляетъ: и *вси языци* (т. е. и всѣ другіе языки, какъ-то) — слѣдуетъ исчисленіе *народовъ живущихъ по-сю сторону Варяжскаго или Балтійскаго моря*, исчисленіе не полное: кромѣ двухъ, выше упомянутыхъ нами народовъ, самъ лѣтописецъ, объясняя вслѣдъ за ними мѣсто жительства Чуди, прибавляетъ *Ляховъ и Пруссовъ*. Потомъ слѣдуетъ исчисленіе заморскихъ народовъ и между ими *Русь* исчисляется снова, и въ доказательство, что все сіе исчисленіе было безъ

(*) „Отъ тѣхъ прозвася Русская земля Новгородци, ими суть людье Новгородци отъ рода Варяжска, преже бо бѣша Словени.“ Пучик. стр. 12.

порядка и безъ полноты, лѣтописецъ прибавляетъ,
послѣ Фряговъ — и прочіи.

Послѣ сего, мы не имѣемъ нужды опровергать
доказательствъ почтеннаго изслѣдователя, желая
ему доводовъ болѣе сильныхъ.

Мнѣніе Г. П., о словѣ *Русь*, есть изъясненіе
одного мѣста въ Несторовой Лѣтописи. Изъясне-
ніе другаго мѣста состоитъ въ слѣдующемъ.

Сказавъ о расселеніи Славянъ и разныхъ перво-
начальныхъ происшествіяхъ, Лѣтописецъ начинаетъ
лѣтосчисленіе: „Въ лѣто 6360, Индикта 15
день, началу Михаилу царствовать, началъ
прозывать Русская земля, о семъ бо утѣдохомъ,
яко при семъ Царѣ приходиша Русь на Царьградъ,
якоже пишется въ лѣтописаньи Грегестемъ,
также ошсѣдѣ почнемъ и числа положимъ.“ Какъ
должно думать разумѣнь: это началось въ 6360 г. —
царствованіе-ли Михаила, или названіе Руси? Всѣ
разумѣли — царствованіе Михаила, ибо Не-
сторъ ниже сего говоритъ: „На преднѣе возвра-
тимся, скажемъ что ся удѣи лѣша си, якоже
преже потали блжхъ первое лѣто Михаиломъ,
и по ряду положимъ числа.“ Попомъ описываетъ
онъ событія съ 6361 по 6369 годъ, и въ семъ
только году поспавляетъ *пришествіе Руск въ
Новгородъ*. Довольно-ли ясно?

Г. Погодинъ вздумалъ однакожь доказывать,
что подъ 6360-мъ годомъ должно полагать начало
царствованія Михаила, а не начало Руск. Мы
сказали, что никто этому и не противорѣчилъ.
О чемъ-же забота? Г-нъ П. утверждаетъ, что
одинъ знаменитѣйшій изслѣдователь думаетъ со-
всѣмъ иначе. Кто этошъ изслѣдователь? — Шле-

церь!! Онъ говоритъ: »Въ лето 852, Индикта 15, при началѣ царствованія Михаила, началось имя Русской земли (Ит. З. 852, Indict 15, da Michael zu regiren anfang, fing der Name Rußland an).“ — Но какъ-же иначе сказать? Сколько ни рассмотримъ, находимъ, что Шлецеръ говоритъ такъ, какъ должно и не можемъ опираться въ словахъ его никакого прошиворчія. Что-же доказалъ Г-нъ П.?

Гораздо значительнѣе замѣчаніе Г-на П. о несправедливомъ показаніи года въ Летописи Нестора, ибо Михаилъ началъ царствовать не съ 852 году. Но изслѣдованіе сего вопроса завлекло-бы насъ въ пространное разсужденіе, а спашья наша и безъ того, можешь быть, мнѣннѣе показаніемъ единicomъ продолжительною. Что дѣлать! Мы увлечены занимательностью предметовъ, заключающихся въ разсматриваемой нами книгѣ. Желаетъ, чтобы подобныя книги чаще появлялись въ нашей Литтературѣ.

Н. П.

III. БИБЛЮГРАФІЯ.

Богемская Литтература ().*

Изъ Праги, мы получили слѣдующія извѣстія о новыхъ произведеніяхъ Чешской Литтературы.

Профессоръ *Влеславъ Клицера*, въ Кролевцѣ (Königingrätz), какъ извѣстно уже по Исторіи Богемской Литтературы Г-на Юнгмана (VII, 367), на 1825 годъ издалъ Драматическій Альманахъ. Вслѣдъ за симъ таковой-же *Almanach dramatických her* (od Wácl. Klícery) изданъ на 300 стр. въ 12. Нынѣ продолженіе сего изданія на 1827 г. допечатывается.

Проф. *Ив. Святополкъ Пресль*, въ Прагѣ, продолжаетъ изданіе своего большаго Ботаническаго сочиненія, которое начато имъ въ 1820 г. — Онъ-же печатаетъ нынѣ Механику.

(*) Сія статья сообщена намъ отъ Г. Кеплена. Мы почли-бы пріятнѣйшею обязанностью, помѣщать всѣ извѣстія о Литтературѣ народовъ Славянскихъ, какія почтенный Г. Кепленъ сообщалъ ошечественной публикѣ въ *Библиографическихъ Листахъ*, къ общему сожалѣнію прекратившихся съ прошедшимъ годомъ. Сія извѣстія можно называть драгоценными, ибо Литтература Богемцовъ, Сербовъ и другихъ Славянскихъ народовъ (съ малыми исключеніями для Русскихъ и Польской) донынѣ еще не составляетъ отдѣла Библиографіи и тѣмъ менѣе Кришки, въ Журналахъ Нѣмецкихъ, Французскихъ и Английскихъ и потому, ограничиваясь тѣми областями, гдѣ существуетъ, опасается она для другихъ народовъ неизвѣстною. Въ семъ случаѣ, пріятно было-бы видѣть, что Рускіе берутъ на себя трудъ, о которомъ другіе Европейцы еще не подумали. Изд. Г.

Проф. *Седлачекъ* издалъ *Физику на Богемскомъ языкѣ*.

Г-нъ *Махатекъ* издалъ: *Horatii Flacci de arte poetica liber, quem interpretatione atque notis criticis et aestheticis illustravit et vernaculo tum Germanorum tum Bohemorum versu reddidit S. C. Macháček. Praga, Kronberger et Weber. 1827. XII и 148 с. въ 8.* Переводъ очень хорошъ. — Сей-же Сочинитель издалъ переведенныя имъ оперы: *Донъ Жуанъ*, *Швейцарское семейство*, *Севильскій Цырюльникъ*, которыя весьма одобрены публикою.

Г. *Челаковскій* издаетъ нынѣ III-ю книжку своего собранія *Словенскихъ народныхъ пѣсень (Słowanské národní písně)*. Первая книжка, какъ извѣстно, издана имъ въ 1822-мъ, а вторая въ 1825 г.

Библиотекаръ Чешскаго Народнаго Музея, *Влацлавъ Ганка (Wacław Hanke)*, печатаетъ 3-ю книжку своей *Богемской Истории* въ лицахъ: *Historie Česká w Lithografických Obrazích obznamenána*. Изданіе сей *Истории* начашо въ 1824 г., въ 4. Въ сей 3-й книжкѣ, *Богемская Исторія* доведена до прекращенія рода *Пржемыслава*.

Сей-же почтенный литераторъ напечаталъ 17-мъ писменіемъ: *Zalmowe Swatého Dawida w rymach od Girjho Streuse, 1827. 294 с. въ 12. и Stara Powěst o Stogmjrowi a Brunswjkwowi, 1827 г., на 48 с. въ 12.*

П. К.

Русская литература.

178. *О военных поселеніяхъ*. Спб. въ Типографіи Штаба военныхъ поселеній. 1825 г. in 4. II и 32 стр.

Сію важное для Россійскихъ статистиковъ и вообще для занимающихся Политическими науками, сочиненіе, содержишь полное показаніе о сущности и системѣ военныхъ поселеній въ Россійской Имперіи. Оно раздѣлено на *четыре отдѣленія*, изъ коихъ, въ 1-мъ заключается *общее понятіе о военныхъ поселеніяхъ и пригинахъ ихъ установленія*; во 2-мъ, *правила утрежденія военныхъ поселеній*; въ 3-мъ изъясняются *выгоды, приобретаемыя поселенцами, въ замѣнъ возлагаемой на нихъ обязанности военной службы* и наконецъ, въ 4-мъ *общія государственныя пользы военныхъ поселеній*. Извлекаемъ главнѣйшія объясненія о семъ важномъ государственномъ постановленіи, попому наиболѣе, что въ послѣднее время издано было въ иностранныхъ государствахъ множество книгъ о семъ предметѣ, въ которыхъ большею частію находяшся извѣстія несправедливыя и неполныя.

»Военныя поселенія суть часть общаго народонаселенія, особенно опредѣленная къ составленію воинскихъ сухопутныхъ силъ, къ ихъ пополненію и содержанію.

»Причины, побудившія Правительство приступить къ сему установленію, суть слѣдующія :

»А. *Неудобства рекрутскихъ наборовъ*. »Рекрутскіе наборы первоначально введены были въ Россіи, какъ единственное, въ тѣ времена возмож-

ное средство къ сепаратизму и пополненію войскъ. Средство сіе и въ самомъ началѣ его затруднительное, въ послѣдствіи съ расширеніемъ предѣловъ Имперіи и съ необходимымъ приумноженіемъ воинскихъ ея силъ, сопровождалось весьма важными, ежегодно возрастающими неудобствами. *Первое* изъ сихъ неудобствъ есть *неуравнительность*. Воинская служба пребуешь извѣстныхъ и точныхъ условий лѣтъ, роста и сложенія. Не всѣ семейства, рекрутской очереди подлежащія, могутъ удовлетворить симъ условіямъ. Часто семейство, числомъ рабочихъ рукъ сильное, не представляеть ни одного годнаго рекрута, и тяжесть сей повинности съ сильнаго переходить на семейство слабое. Такимъ образомъ рекрутскіе наборы, въ собственномъ смыслѣ, объмлють не все вообще народонаселеніе, но падають на нѣ только семейства, кои имѣють людей, къ тому способныхъ. Случай, а не раскладка уравнительная рѣшишь болѣею частію жребій сей повинности. 2 е. *Разрывъ родственныхъ связей и братскихъ союзовъ*. Рекрутскіе наборы, отдѣляя людей отъ родины, переводя ихъ въ края, часто отъ нихъ отдаленные, разрываютъ всѣ родственныя ихъ связи, разлучають ихъ съ женами и дѣтьми малолѣтними, отшоргають ихъ отъ всего прежняго ихъ бытія и вводяшь ихъ въ бытіе новое, съ воспитаніемъ ихъ и навыками совершенно несогласное и часто имъ прошивоположное. — Сими изыясняются нѣ примѣры ожесточенія, кои при рекрутскихъ наборахъ, къ сожалѣнію, не рѣдко были примѣчены, а именно: часто для избѣжанія сей повинности люди повреждають себя члены, рубяшь пальцы, уродують себя разнообразно, и всѣ

міры сурогости, Правительствомъ противъ за сего приемлема, оспаются большею частию безуспѣшны. 3. *Трудность распределенія и развода рекрутъ.* Распределеніе или сводъ рекрутъ по полкамъ и корпусамъ представляетъ другія затрудненія. При всемъ наблюденіи смежности, не возможно избѣжать дальнихъ переходовъ; ошюда не только пошера времени, но — что всего важнѣе, неминуемый ущербъ въ состояніи здоровья ошъ трудныхъ и дальнихъ переходовъ и ошъ перемѣны ошечественнаго климата. Ошюда болѣзни и смертность, поспигающая рекрутъ прежде, нежели утвердятся въ нихъ навыки воинской жизни и окрѣпнеть ихъ сложеніе. 4. *Безпріютность въ отставкѣ.* Воинъ, окончивъ положенныя дѣла службы, возвращается въ своясы. Но тамъ, по большой части, не находятъ ошъ ни родственныхъ связей, ни собственности. На родинѣ, все для него чуждо и ошъ принужденъ бываетъ влачить ошщадокъ жизни или бобылемъ безпріютныхъ, или наемнымъ рабочникомъ. 5. *Вредъ земледѣлію и народонаселенію.* Если повинность сія споль тяжостна для частныхъ лицъ, ее несущихъ, то не менѣе она обременительна и для всего Государства. — Ошпоргая ошъ семействъ, числомъ рабочихъ рукъ малосильныхъ, лучшую ихъ подору, она часто приводитъ ихъ въ совершенное изнеможеніе; ошягощая селенія сиротами, умножаетъ число бѣдныхъ, вредитъ земледѣлію и промышленности. — Преграждая брачныя союзы болѣнію рекрутской очереди, или дѣлая ихъ бесплодными разлукою, она вредитъ народонаселенію и способствуетъ разврату.

Б. Затрудненія въ способахъ продовольствія войскъ. 6. Тяжесть для государственныхъ доходовъ. Съ того самаго времени, какъ устанавлены въ Европѣ постоянныя арміи, содержаніе ихъ въ мирное время содѣлалось важнѣйшимъ и доселѣ еще первѣйшимъ вопросомъ для всѣхъ правительствъ. Расположеніе войскъ внутри государства, всегда болѣе или менѣе опредѣляется положеніемъ границъ и системою ихъ обороны. Тамъ, гдѣ сообразно сей системѣ должны быть расположены войски, нѣтъ удобныхъ земель, или нѣтъ пухныхъ къ воздѣланію ихъ заведеній; тамъ напротивъ, гдѣ есть избытокъ земель и гдѣ можно было-бы устроить заведенія, не могушь быть съ удобностію расположены войски. Общественныя работы, какъ-то: устройство дорогъ и каналовъ, если-бы они и могли быть соображены съ порядкомъ военной службы и военными изысками, рѣдко могушь быть соображены съ строгими правилами граничнаго расположенія. Такимъ образомъ вся тяжесть содержанія войскъ во время мира, равно почти какъ и во время войны, упадаетъ на государственныя доходы, и нѣтъ исцѣщаешь, или, по крайней мѣрѣ, умаляешь способы другихъ частей управленія. Между нѣмъ 7. **тяжесть для жителей.** Самое кваршированіе войскъ внутри государства бременить города постоянно, полагаешь преграду ихъ устройенію, а селенія измущаешь подводами и разными повинностями, необходимо съ нѣмъ сопряженными.

»Неудобства столь очевидныя и затрудненія столь важныя не могли быть давно уже не примѣчены и не измѣрены. Но необходимость Государственной обороны, и войны, почти непрерывныя,

недостаткомъ средствъ замѣнить рекрутскіе наборы, трудность перемѣнить образъ продовольствія войскъ — все сіе заставляло удерживать порядкомъ вещей, доселѣ введенный. Но когда, по окончаніи знаменитой отечественной войны, Всевышній благословилъ Россію славнымъ миромъ, и когда миръ сей несть съ собою всѣ вѣроятности, всѣ заложныя его продолженія, тогда Правительство признало возможность, а потому и долгъ, обратиться къ устройству лучшей системы составленія войскъ и ихъ содержанія.

Два главные мысли приняты въ семь дѣлъ основаніемъ :

1. Въмѣсто неуравновѣшенной рекрутской повинности, всѣ части Имперіи шагошащей, сосредоточить способы составленія войскъ въ извѣстные и опредѣлительные Округи, и тѣмъ освободить всѣ другія союзнія отъ рекрутства, кромѣ рѣдкихъ случаевъ войны чрезвычайной. 2. Населеніе сихъ Округовъ составится изъ прежнихъ ихъ обывателей и изъ войскъ; первымъ замѣнить обязанности, вновь на нихъ возлагаемыя, соразмѣрными имъ выгодами; вторымъ доставивъ поземельную осядлость и слѣдовательно способы продовольствія и семейственной жизни, безъ ущерба и перемѣны въ воинскомъ ихъ устройствѣ. На сихъ двухъ мысляхъ основано все устанавленіе военныхъ поселеній; изъ нихъ происходятъ всѣ его правила. Основанія сихъ правилъ просты; но подробности ихъ весьма многосложны. Составить изъ двухъ разнородныхъ частей — изъ крестьянъ старожиловъ и изъ людей военныхъ — одно цѣлое, привести первыхъ въ военное положеніе, не разстроивая ихъ хозяйства и собственно-

спии, привести въпорыхъ въ состояніе всѣдлости, не разстроивая порядка службы — въ семь соешо-
ипшъ важный вопросъ сего установленія. Легко мо-
жно представить всю обширность, всѣ трудности
сего предпріятія, но непоколебимость принятыхъ
началь, незыблемость плана, постоянство усилій и
твердый, ни чѣмъ несовратимый взоръ на будущее,
взоръ непрерывно устремленный на важныя государ-
ственныя пользы, должны превозмочь, какъ и дѣй-
ствительно уже на самыхъ опытахъ превозмогли всѣ
трудности и шѣмъ удостоверили удобность при-
нятыхъ началь и успѣхъ будущаго ихъ исполненія.

Два разные періода должно различать въ семь
установленіи: одинъ въ первоначальномъ его устрой-
ствѣ, другой въ послѣдствіи. Въ первомъ, состав-
ныя его частіи, не бывъ еще сближены и приведены
въ единообразіе, пребываютъ каждая особенныхъ пра-
вилъ; во второмъ, различіе частей исчезаетъ; все
населеніе военнаго округа приемлетъ видъ одного
цѣлаго, представляетъ одинъ военный составъ,
управляемый единообразно. Первый періодъ есть
самъ по себѣ преходящій; каждый годъ, каждый по-
чти мѣсяць, каждый успѣшный шагъ въ семь учре-
жденіи, слагая разнородныя его частіи, изглаждая
ихъ различіе, приводитъ все къ единству, уско-
ряетъ второй періодъ, въ коемъ не будешь уже ни
спарожилость, ни вновь поселенныхъ воинство, но
одно войско поселенное, съ свойственнымъ ему во-
еннымъ раздѣленіемъ на арміи, корпусы и дивизіи.

»Правила первоначальнаго устройства для
коренныхъ обывателей суть: 1. Сохранить всю
собственность ихъ неприкосновенною. 2. Испра-
вить и усмирить ихъ дома, и дополнить всѣ по-

нребности сельскаго хозяйства на счетъ казенный. 3. Въ тѣхъ Округахъ, кои землею недоспашочны, надѣлить поселенія землею, или посредствомъ новыхъ расчисшоекъ, или покупкою на счетъ казенный. 4. Упрочить поселеніямъ сіи земли навсегда въ безоброчное пользование, съ одною обязанностію службы. 5. Освободить ихъ навсегда отъ всѣхъ казенныхъ податей и общихъ земскихъ повинностей. 6. За симъ всѣхъ способныхъ счищать въ воинской службѣ и, расчисливъ ихъ по полкамъ, не отлучая отъ домовъ и сельскихъ ихъ работъ, пріучать поспешенно къ дѣйствительной службѣ; неспособныхъ по лѣтамъ оставить отъ нее свободными; дряхлымъ и увѣчнымъ доставить покой и призрѣніе; малолѣтнимъ дѣтямъ дать воспитаніе, назначенію ихъ приличное.

»Правила первоначальнаго устройства для войскъ поселенныхъ сущь: 1. Сохраняя общій составъ и раздѣленіе арміи, доставить каждому полку, къ поселенію назначаемому, въ Округѣ его поселенія оубдлость безоброчную и водвореніе, отъ Правительства устроенное. 2. Соединить военно-служащихъ съ ихъ семействами, инвалидамъ доставить призрѣніе, малолѣтнимъ дѣтямъ воспитаніе. 3. Въ каждомъ Округѣ устройши поземельныя хозяйства и сообразить число ихъ такъ, чпобъ опредѣляя первоначально хозяевъ изъ старожиловъ, въ послѣдствіи, когда все населеніе Округа приведено будешь въ одинъ составъ, одна опредѣленная часть полка состояла изъ хозяевъ и составляла неподвижную основу поселенія; а прочія части, содѣйствуя ей въ трудахъ, получали отъ нее продовольствіе и соразмѣрныя выгоды.» — За симъ изъясняется внутреннее устройство воен-

нихъ поселеній, до совершенномъ распространеніи ихъ на всю армию, составъ, управленіе, учрежденіе и проч. Въ заключеніи книги изложены:

»Выгоды, приобретаемыя поселенными въ казенныя возлагаемой на нихъ обязанности военной службы. Казенные крестьяне, пользуясь землею и угодьями въ определенномъ количествѣ, не въ полную собственность, но изъ оброка имъ ошъ казны надѣляемыми, несутъ въ обыкновенномъ ихъ сословіи слѣдующія подати и повинности: 1) подать подушную; 2) подать оброчную; 3) повинность реяршскую; 4) повинности денежные земскія; 5) разныя земскія повинности, отправляемая натурою; 6) повинности волостныя.

»Съ обращеніемъ крестьянъ въ военное поселеніе, шже самыя участки земли, на коей они жили, остаются въ ихъ пользованіи, но съ слѣдующимъ различіемъ: 1. Участки сіи, часто недостаточныя, расширяются или новыми расчисками, или покупкою на казенное владеніе. — 2. Всѣ подати и повинности, выше сего означенныя, навсегда съ нихъ слагаются. Сверхъ сего: 3. Дома ихъ и все надворное строеніе, часто вешное, или прочно не употребляется, или вновь устрояется казеннымъ владеніемъ. — 4. Недостатки сельскаго ихъ хозяйства въ домашнемъ и рабочемъ скопѣ и прочихъ потребностяхъ дополняются и приводятся въ избыточное положеніе казеннымъ пособіемъ. — 5. Случаи неурожая, оскудѣнія, или даже непомерной дороговизны въ хлѣбѣ, преграждаются сильными общественными запасами, а пожары, часто цѣлыя селенія и все произведеніе многолѣпныхъ трудовъ истребляющіе, предупреждаются устройствомъ

нужныхъ къ тому заведеній. — 6. Всѣ роды за-
конныхъ приобретений, всѣ источники промышлен-
ности, не только остаются для нихъ опверстны-
ми и собственностью ихъ сохраняется неприкосно-
венною; но трудолюбіе и дѣятельность получаютъ
еще новое поощреніе ко всѣмъ полезнымъ предприя-
тіямъ, учрежденіемъ заемнаго денежнаго капита-
ла. — 7. Дѣти военныхъ поселенъ, въ службѣ да-
же и въ опдаленныхъ полкахъ состоящія, возвра-
щаются въ нѣдра ихъ семействъ и, кромѣ воен-
ныхъ походовъ, остаются всегда съ ними нераз-
лучными. — 8. Дѣти ихъ малолѣтныя всѣ вос-
питываются и обучаются въ военныхъ поселеніяхъ
на казенномъ иждивеніи. — 9. Дѣти совершенно-
лѣтныя и къ службѣ приуготовленныя, вступаютъ
и проходятъ оную также неразлучно съ ихъ семей-
ствами. — 10. Немошныя, увѣчныя и вообще къ
службѣ и работѣ неспособныя, получаютъ покой и
призрѣніе въ устроенныхъ для сего заведеніяхъ, а
больныя пользуются въ гофшпиталяхъ. — 11. Во-
обще въ военныхъ поселеніяхъ имущества частныхъ
лицъ могутъ быть не равныя; трудолюбіе и про-
мышленность будутъ всегда и вездѣ имѣть свои
права на выгоды и преимущества, но соединеніемъ
всѣхъ средствъ, выше сего означенныхъ, въ воен-
ныхъ поселеніяхъ не можетъ и не должно быть:
ни сиротъ безпріютныхъ, ни старости безпомощ-
ной, ни дряхлости оставленной, ни нищеты праз-
дной, ни разврата нравовъ, шерпинаго безъ средствъ
исправленія.

*»Общая государственная польза военныхъ
поселеній. Установленіе военныхъ поселеній пред-
ставляетъ слѣдующія вообще для Государства важ-*

ныя пользы: 1. Возобновленіе воинскихъ силъ изъ среды сего сословія, и слѣдовательно постепенное уменьшеніе, и наконецъ совершенная отпѣна рекрутскихъ наборовъ, кромѣ рѣдкихъ случаевъ войны чрезвычайной — важное для всего Государства облегченіе. По сіе время освобождены уже отъ рекрутскихъ наборовъ слѣдующіе уѣзды: Новгородской Губерніи, *Новгородскій*; Могилевской Губерніи, *Климовецкій*; Слободско-Украинской Губерніи, *Волжанскій, Зміевскій, Купянскій, Старобѣльскій и Изюмскій*; Херсонской Губерніи, *Херсонскій, Елисаветградскій Александрійскій Ольвiопольскій*; Екашеринославской Губерніи, *Верхнеднѣпровскій*. О семъ послѣдовали Высочайшіе Указы Правительствующему Сенату: 1818 года Августа 26, 1821 года Декабря 12 и 1825 года Февраля 18.

2. Способы продовольствія войскъ собственными ихъ трудами, и слѣдовательно постепенное сокращеніе, и наконецъ совершенное пресѣченіе сей обширной части государственныхъ издержекъ, — важное для государственной экономіи приращеніе. 3. Способы размѣщенія войскъ во время мира удобные и на случай войны, съ положеніемъ границъ сообразные, безъ отягощенія прочихъ сословій различными необходимыми потребностями военного квартированія — важное для всѣхъ сословій облегченіе. 4. Возможность безъ сягосши Государству содержать воинскія его силы въ соразмѣрности съ величіемъ Имперіи и пространствомъ ея предѣловъ — важное и необходимое условіе продолжительнаго мира и спокойствія. 5. Нравственное усовершеніе воинскаго сословія приличнымъ воспитаніемъ, семейственною жизнью, правильнымъ распределеніемъ времени въ

трудахъ , пресѣченіемъ случаевъ къ разврату — важное ручательство ревностной службы , твердое основаніе всѣхъ подвиговъ воинскихъ. 6. Усовершеніе способности къ службѣ свойственнымъ ей образованіемъ и съ малолѣтства приобретеннымъ навыкомъ въ ея упражненіяхъ , въ точномъ исполненіи ея обязанностей , въ строгомъ сохраненіи воинскаго порядка. 7. Усовершеніе благосостоянія служащихъ , свободное пользованіе всеми произведеніями трудовъ своихъ , семейственныя и родственныя связи во время мира , увѣренность въ безбѣдномъ и покойномъ состояніи семействъ во время похода , возвращеніе къ нимъ въ домашній свой бытъ изъ похода , воспитаніе дѣтей подъ своими глазами , участіе въ ихъ успѣхахъ и добромъ поведеніи , добрый примѣръ родителемъ , наконецъ вѣрное призрѣніе въ снаростяхъ и больницахъ — всѣ сіи существенныя выгоды составляютъ неотъемлемое достоинствѣ воинскаго сословія въ поселенномъ его состояніи.

1826.

113. Dem Andenken ALEXANDERS des Geseigneten , gewidmet von J. B. Petrosilius , Lehrer der Deutschen und Lateinischen Litteratur an der praktischen Handlungs-Academie zu Moskau. M. 1826 F. in 4, 8 стр.

114. Dem Andenken ELISABETHS Russlands unvergeßlicher Kaiserinn , von J. B. Petrosilius , Lehrer etc. M. 1826 г. in 4, 8. стр.

115. Festgesang Ihren Majestäten dem Kaiser ALEXANDER dem Ersten und der Kaiserinn ALEXANDRA FEODOROVNA zur Krönungsfeier ehrfürchtvoll

bargebracht von Johann Bernhard Petrosillus; Lehrer etc. M. 1826 г. in 4,9 сгр.

116. *De l'influence des lumières sur la condition des peuples.* Discours lu le 20 Mai 1826, dans l'Assemblée solennelle de l'Université IMPERIALE de St. Pétersbourg; par M. de Gourouff. Conseiller d'État, Recteur de l'Université etc. Спб. 1826 г. in 4. 28 сгр.

117. *Речь о дѣйстви просвѣщенія на состояніе народовъ*, произнесенная въ торжественномъ собраніи ИМПЕРАТОРСКАГО Санктпетербургскаго Университета, Ректоромъ онаго, Статскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ де-Гуровымъ, 20 Мая, 1826 года. Перев. съ Французскаго языка Проф. Ник. Бушырскимъ. Спб. 1826 г. in 4. 28 сгр.

Сія Речь Г. Ректора Сибургскаго Университета заключаетъ въ себѣ многія важныя извѣстія, касаемою успѣховъ просвѣщенія въ Россіи. и въ то же время содержитъ сильное и краснорѣчивое защищеніе выгодъ и благъ просвѣщенія, кошорыя, эгонизмъ и невѣжество стремятся иногда оспоривать, указывая на злоупотребленія наукъ и ложныя системы просвѣщенія. Сказавъ о необходимости его, Г. де Г. обращается къ сямъ обвиненіямъ и опровергаетъ ихъ благодѣтельнымъ примѣромъ Монарховъ Россіи, всегда постоянно стремившихся къ распространенію и увеличенію просвѣденія. «Счастливы мы, что находимся подъ кровомъ Правитель-ства, умѣющаго въ полной мѣрѣ цѣнить достоинство челоуѣка, непрестанно трудящагося надъ устройеніемъ его благополучія и желающаго, при сохраненіи установленныхъ отношеній между раз-

лучшими классами общества, содѣйствовать къ постепенному и соразмѣрному усовершенію умственныхъ способностей.»

Обращаясь потомъ къ важной обязанности Университета, какъ высшаго училища юношества, Г. де Г. говоритъ объ образѣ воспитанія у Древнихъ —

«Сія простота и вмѣстѣ дикость нравовъ Древнихъ, не совмѣстны съ настоящимъ положеніемъ образованныхъ народовъ. Мы требуемъ, какъ я уже сказалъ, и познаній, и правственности. Первые подраздѣляются и бывають различны по различію состояній; послѣдняя никогда не измѣняется и остается пою-же для всехъ; послѣдняя, при необходимомъ содѣйствіи Святой Вѣры, распространяется въ обществѣ и обращаетъ въ привычку шотъ духъ правосудія, умеренности и благорасположенія; который, можешь быть сильнѣе законовъ, поддерживаетъ порядокъ и питаетъ ермасіе между семействами и лицами.» — За симъ Г. де Г. обращается къ Университету Сибургскому: «Инымъ не вѣрится, что нѣкоторыя изъ наукъ философскихъ преподаются въ семъ заведеніи; они конечно забыли, что истинное ученіе никогда не бываетъ опасно и что сіи науки необходимы для того или другаго рода службы. Сверхъ того всѣ познанія человѣческія неразрывными сопряжены между собою узамъ. Словесность, Науки, Искусства — сими тремя общими названіями обыкновенно означаютъ ихъ совокупность. Но сей простой оборотъ не ясно показываетъ существующее между ними сщъпленіе. Надлежитъ раздѣлить ихъ на многія вѣтви и даже на многія, одна другой касающіяся

спросили, и раздроблять без числа, дабы видѣть удивительное взаимное соединеніе; коронко, вот познанія наши споспѣшествуютъ успѣхамъ другъ друга, и ежели одно погибнетъ, то и прочія вспяшь обратившись заставляешь. Правда, нныя кажутся неподвижными, между тѣмъ какъ близкія, или ближайшія къ нимъ, преусиживаютъ; но сіе происходитъ опъ того, что умъ человѣческой не успѣлъ еще усмотрѣть, какъ содержащая новыя открытія къ открытіямъ наукъ, неподвижными пребывающихъ. Время покажетъ существующее отношеніе послѣднихъ къ первымъ. — Скажутъ, что напрасно преподается Метафизика, ибо съ того времени, какъ въ ней упражняются, ш. е. въ теченіи четырехъ тысячъ лѣтъ, изобрѣтено множество ошво сишемъ, изъ которыхъ ни одна не воспроизводила надъ всѣми прочими. Но Метафизика давно уже названа школою упражненія разума: томъ, едва примѣтные послѣдствія ошвлеченныхъ положеній усматриваются не иначе, какъ съ великимъ вниманіемъ, а такимъ образомъ немовѣрно изошряются умшвенныя способности, и молодые люди пошомъ дѣлаются способными съ успѣхомъ заниматься науками почными и положительными. Сверхъ того, не бесполезно, думаю, знашь самыя нелпныя догадки философвъ о предметахъ, надъ которыми они столько вѣковъ трудились и къ которымъ непрестануть возвращаешь. Такимъ образомъ избавляются они опъ труда ошашъ выдумывать уже существующія предположенія. — Но уважатъ ли подобную пользу люди, ушрашенные минувшими бѣдствіями Европы? Они, приписывая послѣднія успѣхамъ образованія, считаютъ благоразум-

нымъ основаніи просвѣщеніе, да не разольется
 оно между народами повсемѣстно. Осподадимъ всю
 справедливость ихъ побужденіямъ, происпекающимъ
 безъ сомнѣнія изъ чистаго сердца и любви къ че-
 ловѣчеству. Но въ поже время, не попустимъ ослѣ-
 плишься наблюденіями ошибочными, умствованиями
 неосновательными. — Человѣкъ свыше одаренъ
 способностями, которыя не иначе созрѣваютъ, какъ
 посредствомъ образованія. Онъ неограничивается,
 подобно безсловеснымъ животноымъ, ошъ вѣка одно-
 образнымъ удовольвореніемъ чувствъ, по непрелож-
 ному внутреннему побужденію. Опличаясь разсуд-
 комъ и стремленіемъ къ совершенству, онъ всегда си-
 лился преуспѣвать, непрерывно старается всеми
 возможными средствами улучшить существованіе
 свое и приумножить благополучіе. Возможно-ли ос-
 щанавливать сіе влеченіе и желать того неподвиж-
 наго состоянія, въ кошоромъ особенными обстоя-
 тельствами, хотя удерживаются общества неиз-
 вѣстное время, однако не остаются навѣки. —
 Обращаясь мысленно къ вѣкамъ пропекшимъ, замѣ-
 чаемъ мы два достопамятные событія: съ одной
 спороны, жестокость и варварство неоплучно
 повуцсцвуютъ невѣжеству; съ другой, человѣкъ
 не иначе избавляется ошъ сего бѣдственнаго со-
 стоянія, какъ по мѣрѣ очищенія умственныхъ сво-
 ихъ способностей. — Ошъ чего-же нѣкоторыя съ
 упорствомъ продолжаютъ защищать невѣжество?
 Ошъ того, что они обманулись въ причинахъ
 бѣдствій, коихъ спрашатся, или ошъ коихъ по-
 сшрадали; ошъ того, что увлекаясь мнѣніемъ и
 ложною корыстью, они приписали излишнему зна-
 нію, причиненное ошчасти однимъ ошсущстві-

земь истиннаго просвѣщенія. Ужаснѣйшіе злодѣи, бичи народовъ, всегда были грубѣйшіе невѣжды. Апшилы и Тахмасъ-Кулы-Ханы, разнесшіе смерть и опустошеніе по вселенной, не умѣли даже читать. Гнусные преступники, безпрестанно вооружающіе противъ себя правосудіе, не принадлежатъ-ли вообще къ простому народу, который ничему не обучается? Сего недовольно: писатели, изъ любви къ человечеству вникавшіе въ дѣйствіе законовъ и другихъ еще причинъ на благоправіе народовъ, замѣтили, что число преступниковъ убываетъ шѣмъ менѣе, чѣмъ народъ просвѣщеннѣе. Такова Англія въ отношеніи къ Шотландіи, Германія къ Испаніи! — И такъ, нравственность, а еще болѣе благоденствіе и безопасность людей налагаютъ на нихъ обязанность образоваться. При настоящемъ положеніи Европы, не возможно быть ни одному народу безъ просвѣщенія, ниже оставаться въ небреженіи то, которое уже списано. Уклоняющійся отъ онаго, при быстрыхъ успѣхахъ всѣхъ родовъ познаній и въспѣвшей промышленности, наконецъ, по необходимости утратилъ-бы свою славу, свое богатство; даже политическое свое существованіе. Знаніе составляетъ силу: оно даетъ новыя мысли; оно творитъ новыя искусства; оно существующимъ уже, доводитъ до совершенства, совершенствуюсь, будучи пренебрегаемо, подвергается опасности народъ, въ необходимыхъ торговыхъ и политическихъ связяхъ находящійся съ сосѣдственными народами. Такъ, судьба наша зависима отъ знанія. Благопоторное дѣйствіе онаго не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Сіе дѣйствіе ошутимельнѣе даже нынѣ, чѣмъ прежде, пошому что гораздо

»большому числу лицъ сообщается, и поному, что
 »знание нынѣ гораздо болѣе обращаетъ средства
 »и усилія свои на улучшение предметовъ общеплез-
 »ныхъ.»

Изъяснивъ благія дѣйствія просвѣщенія въ Рос-
 сии, и то, что въ благоразумной мѣрѣ, всѣ званія
 гражданъ необходимо должны участвовать въ про-
 свѣщеніи, Г. де Г. заключаетъ такъ: «Давно за-
 мѣчено, что для исправленія людей надлежало
 »только ихъ просвѣтить и что порокъ всегда былъ
 »обманчивый расчетъ. Повѣрьте, что мы не опла-
 »живали-бы тѣхъ бѣдствій, которыя служили пред-
 »логомъ къ порицанію просвѣщенія, ежели-бы юноше-
 »ство напоено было онымъ въ большей степени,
 »ежели-бы, до вступленія въ свѣтъ, выслушало раз-
 »судительное объясненіе правилъ нравственности,
 »безъ сомнѣнія преподаваемыхъ ему духовными настав-
 »никами въ малолѣтствѣ, ибо кромѣ Вѣры, честная,
 »исстинная Философія учитъ насъ благоговѣть предъ
 »законами, предъ государственными постановленіа-
 »ми, особливо предъ Монархомъ, коего благополучіе,
 »слава и самое существованіе неразлучно сопряжены
 »со всеми благами отечества. — Будемъ-же увѣре-
 »ны, что перевороты происходятъ не отъ про-
 »свѣщенія, но вообще отъ мѣстныхъ причинъ,
 »мудрою политикою предотвращаемыхъ, и часто
 »еще отъ дерзости честолюбія, дѣйствующаго подъ
 »предлогомъ общаго блага. — Невѣжество гораздо
 »болѣе благоприятствуетъ народнымъ волненіямъ,
 »ибо не трудно обольстить людей, негражданинскихъ
 »ни малѣйшаго образованія и непредвидящихъ, како-
 »выми бѣдствіями угрожаетъ имъ испроверженіе поряд-
 »ка. Сколько разъ заговорщики дѣлали просподуди-

«мощь орудіями своихъ злоумышленій! Какъ часто
 «чернь собиралась вокругъ невѣжественнаго мяшеж-
 «ника и приводила въ препеть все государство! —
 «Будемъ-же считатьъ ничтожными всѣ обвиненія
 «извѣстныхъ писателей, не престающихъ воору-
 «жаться противъ распространенія проевѣщенія. На-
 «прошивъ того, въ отношеніи къ народамъ, оно
 «подобно Нилу, который, гдѣ ни протекаетъ, вез-
 «дѣ водами своими плодотворитъ землю. — Воз-
 «благодаримъ Вѣнценосцевъ, кои не щадили никакихъ
 «усилій, дабы водворить познанія между нами! Насоя-
 «щій Преемникъ могущества ихъ и великихъ мыслей
 «не желаетъ шакже, чтобы науки опъ насъ опrekli-
 «ся, чтобы на пупи своемъ оспановились. Онъ не
 «желаетъ, чтобы Россія, давно воинской славы пре-
 «исполненная, Россія, гдѣ по манію Его, тысячи
 «являясь героевъ, оспавалась (чуждою другаго рода
 «славы, славы наукъ и художествъ, которые только
 «и могутъ сдѣлать незабвенными побѣды и всѣ великіе
 «и прекрасные подвиги. . . . Послѣдуемъ высокому
 «и мудрому Его указанію, и Россія займетъ мѣсто
 «въ ряду народовъ просвѣщенныхъ міра.»

118. *Разсужденіе о суточныхъ и годовомъ
 движеніяхъ земли*, сочиненное ИМПЕРАТОРСКАГО
 Московскаго Университета Кандидатомъ Физико-
 Математическаго Отдѣленія Николаемъ Зерновымъ
 для полученія степени Магистра. М. 1826 г. id 8.
 76 стр. съ чертѣжемъ.

119. *Физико-Математическое разсужденіе
 о явленіяхъ въ волосныхъ трубкахъ*, сочиненное
 ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета
 Кандидатомъ Физико-Математическаго Отдѣленія

Иваномъ Григоровичемъ для полученія степени Магистра. М. 1826 г. in 8. 47 стр.

120. *Руская Математическая Энциклопедія*. Книжка II. *Основанія Геометрии*. М. 1826 г. in 16. 233 стр. съ VI таблицами, на коихъ находидься 129 Геометрическихъ изображеній.

Это продолженіе того прекраснаго труда, копорымъ занимаешя почтенный Профессоръ Московскаго Университета, Д. М. Перевощиковъ и о копоромъ уже сообщена была рецензія въ Телеграфъ (ш. IX. 114). Таже ясность и простая система въ изложеніи науки, копорыми отличаетя первая книжка сей Энциклопедіи, заключающая *Ариметику*, отличаютъ и сію вторую книжку, содержащую въ себѣ *Основанія Геометрии*. Намъ пріяшно извѣстны чашаселей, что послѣдующія книжки сего собранія будутъ выходить одна за другою безъ замедленія.

121. *Простое и ясное наставленіе выдѣлывать селитру безъ всякихъ особенныхъ заведеній, а въ обыкновенныхъ домашнихъ посудинахъ, изданное для пользы градскихъ и сельскихъ жителей*, I. В. Тромсдорфомъ, Профессоромъ Химіи въ Эрфуртѣ. Къ сему присоединенъ способъ Французскаго селитроваренія, сочиненія Г. Дёлондра. Спб. 1826 г. in 8. 67 стр.

Оздѣльно напечатанная статья изъ *Журнала Мануфактуръ*, издав. въ Спбургѣ. Она содержитъ систематическое и ясное показаніе о выдѣлываніи селитры и потому можетъ быть полезна для занимающихся симъ дѣломъ.

122. *Собраніе Россійскихъ законовъ о Медицинскомъ управленіи, съ присовокупленіемъ, во первыхъ, краткаго обозрѣнія устройства въ Россіи*

Врачебной части. и во многих постановлений Правительства по предмету наук Медицинской, Фармацевтической, Ветеринарной и принадлежащих къ нимъ Судной Медицины и Полициі Медицинской. Съ 1640 по 1826 годъ включительно. Составилъ, служащій Лейбъ-Гвардіи ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА въ Уланскомъ полку, 8-го класса Докторъ Медицины Е. Петровъ. Свб. 1826 г. вѣ 4. XXX, XXXIV и 578 стр.

Изданіе книгъ, въ которыхъ находимъ собраніе законовъ, относительно одного какого нибудь предмета, всегда казалось намъ дѣломъ весьма полезнымъ. Составяете для медика, военнаго человѣка, купца, крестьянина, книгу, въ которой нашель-бы онъ узаконенія, непосредственно къ нему относящіяся: доставивъ ему средства знать свои обязанности и избавивъ его отъ труда рыться въ соннѣ томовъ и искать въ нихъ того, что ему надобно (если онъ еще имѣеть случай видѣть всѣ сіи томы), вы окажете ему не малую услугу. Г. Петровъ посвятилъ досуги отъ службы собранію законовъ, вообще относящихся къ врачамъ и медицинскимъ чиновникамъ и чувствуя пользу сего собранія, рѣшился издать его. Онъ присовокупилъ весьма любопытное историческое извѣстіе объ устройствѣ врачебной части въ Россіи. Число всѣхъ узаконеній, помѣщенныхъ въ собраніи Г. Петрова и заключающихъ въ себѣ періодъ времени съ 1640, по Іюнь мѣс. 1826 г., простирается до 128. Всѣ сіи узаконенія помѣщены вполнѣ и даже разныя медицинскія замѣчанія, при нихъ ондѣльно приложенныя (на примѣръ, О шотландскомъ ладѣжѣ, при указѣ 1764 г., Января

д.) , напечатаны вполнѣ Издателемъ. Три любиминые указа 1640 , 1706 и 1712 г. , взятыя изъ архива Коммисіи составленія законовъ , напечатаны здѣсь въ первый разъ. Въ началѣ книги находится роспись узаконеній , къ медицинскому управленію относящихся , изъ коей видно , что кромѣ помѣщенныхъ Издателемъ , около 200 узаконеній имъ пропущено и между ними суть важныя , которыя должно бы помѣстить. Издатель говоритъ , что иныхъ оныхъ не могъ опыскать , находя о существованіи ихъ только извѣстія въ разныхъ книгахъ , которыя имъ означены ; помѣщеніе-же другихъ почелъ оныхъ непознаннымъ. Но едва-ли можно сказать это объ указахъ и учрежденіяхъ , на прим. 1807 г. Января 8 дн. , 1811 г. Сентября 23 дня , 1812 г. Января 27 д и п. п. Трудъ Г. Петрова приноситъ честь его свѣдѣніямъ въ узаконеніяхъ по медицинскому управленію и недостатки онаго легко могутъ быть исправлены при второмъ изданіи. Намъ кажется , должно помѣщать въ частныхъ собраніяхъ законовъ , по какому-либо предмету , все что къ сему предмету относится. Книга въ такомъ случаѣ необходимо увеличивается , но читатель , имѣя оную , можетъ обойтись безъ всякихъ другихъ юридическихъ пособій , а это важно.

123. *Село Рождество - Монастырщина и поле Куликова.* Соч. М. Н. Маморова. М. 1826 г. изд. 12. 34 стр.

Сочинитель нарочно ѣздилъ на Куликово поле , прославленное побѣдою Дмитрія , ѣздилъ за пѣнъ , чтобы описать его и — описалъ такъ , что могъ-бы и до ѣзды туда. Онъ самъ сознается , что книга

его *»не составляет труда, для ответственной исторіи полезнаго.«* Мы согласны съ сочинителемъ.

«Я описалъ его» (поле Куликово) — говорить Сочинитель — «сообразуясь съ преданіями; можетъ быть для историка не заслуживающими особеннаго вниманія, но за то для обыкновенныхъ любителей старины довольно важными.» Но сподобятъ-ли такіе обыкновенные любители старины, чтобы для нихъ писать? Для чего-же и ихъ вводить въ заблужденіе, рассказывая то, что недостойно вниманія Исторіи?

Соч. въ Синописи ищетъ историческихъ свѣдѣній; изъ преданій (но какія преданія чрезъ 445 лѣтъ?) выводитъ догадки; рассказываетъ, что 8-го Мая, 1825 года, ровно въ четыре часа утра, сопровождаемый Епифанскимъ Исправникомъ Пановымъ, онъ прибылъ на поле Куликово; какъ метатель, будучи внутри всѣхъ достопамятностей Куликовскихъ, слышалъ, казалось, адскій свистъ Татаръ и ржаніе ихъ коней дикихъ, etc. etc.

124. Пустынникъ Сен-Жерменскаго предмѣстія, или замѣчанія о нравахъ и обычаяхъ Французовъ, въ началѣ XIX столѣтія. Соч. Г. Кольне, служащее продолженіемъ собранію Французскихъ нравовъ Г. Жуи. Пер. съ Французскаго А. О. Ч. 1. Спб. 1826 г. in 12. 148 стр.

Французскій Литтераторъ Кольне принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые наклепываютъ на себя шаланшы. Рѣшившись быть литтераторомъ, но не смѣя пускаться на поприще трагедіи, комедіи или эпопеи, по призыву дру-

гихъ, болѣ смѣлыхъ — онъ захопѣвъ сдѣлаться Панаромъ или чѣмъ нибудь на эшо похожимъ — началъ пѣсенками, спешками и въ 1813 г. явился съ поэмою: *Искусство обѣдать въ городѣ* — названіе показываешь изящество, предмета! Испершья шуточки, изысканные описки, личные намеки и иногда веселосшь по волѣ или неволѣ. — шакова была его поэма. Авторъ уменъ безъ вкуса, весель безъ разборчивости, не сполько сочиняешь, сколько помнишь сочиненное другими, и спрашивъ шуточки, не выбирая ихъ — шакъ говорили о швореніи Г. Кольне современные кришники. Авторъ видѣлъ свою неудачу и перемѣнилъ занятіе. Жуи восхищаль шогда всѣхъ своими описаніями нравовъ; Г. Кольне приошаль къ многочисленнымъ его подражателямъ и началъ описывать нравы. Впрочемъ, все подвергалось его кришическимъ замѣчаніямъ: и нравы и новья книги. Кое-какъ скопилось два тома его спашеекъ и онъ выдалъ ихъ въ прошломъ 1825 году, подъ громкимъ названіемъ: *«Пустышники Сенъ-Жерменскаго предмѣстія, сочиненіе Г. Кольне, Авшора Искусства обѣдать въ городѣ, служащее продолженіемъ описанія нравовъ Французскихъ, Г-на Жуи.»* Мало чипывали мы книгъ скучнѣе эшого продолженія швореній Жуи и невольню вспомнили стихъ Кашулла, переведенный Лебренемъ, кошорый давно уже поднесли Г-ну Кольне его соошечесшвенники:

Gardez-vous d'un sot rire; il n'est rien de si sot;
 Вошь что говорили, они еще Г-ну Кольне: *«Въ шумливомъ родѣ ешь шакже общія мѣста, какъ и во всѣхъ другихъ родахъ; мошенничество подьячаго, шарлатанство»*

шанство доктора, бѣдность и прозорливость ученаго педанта, суть источники шутокъ исчерпанные, въ которыхъ, около двухъ вѣковъ насмѣшливость и веселость, комедія и сатира не переславали брать, и забавники нашего времени, желающіе сказать что нибудь объ этомъ, копають рудники совершенно изрытые и мало скажутъ намъ чего нибудь блестящаго, привлекательнаго и остраго. Они будутъ похожи на большую часть нѣмѣцкихъ стихотворцовъ, которые улаживаютъ свои стихи не иначе, какъ взявъ полъ-стиха у какого нибудь предшественника, которые пишутъ не для памяти, а изъ-памяти, оспарятся острою другихъ и веселостью своею одолжены воспоминанію о читателѣ. Горе тому шутилку, который въ шуткахъ передразниваетъ другаго, а не шутитъ самъ ошъ себя!

«Впрочемъ» — говорилъ Автору, тотъ-же Кришакъ — съ нѣкоторою живостью, съ нѣкоторою веселостью, съ рѣшительностію бытъ тѣкимъ и насмѣшливымъ, выславляйте читателямъ старыя каршины, немного поновленные, немного подкрашенные, и — васъ стануть читать, хвалить даже . . . но долго-ли проживете вы? — Вопросъ не рѣшенъ еще. Авторъ, не заботясь о будущемъ, смѣло называетъ свою книгу *продолженіемъ сочиненій Жум* и — ее переводятъ на Русскій языкъ.

Изъ книги, красиво напечатанной, наружностію совершенно сходной съ Аншенскимъ Пустыникомъ, на Русскомъ языкѣ вышла поневѣкъ книжечка, напечатанная довольно плохо, въ которой помещено 10 изъ 26 статей, въ подлинникѣ составляющихъ первую часть Сень - Жерменскаго пустыни-

ника. И такъ, Переводчикъ выбралъ лучшее? Богъ знаетъ. Лучшія сказы Кольне относятся къ политическимъ обстоятельствамъ Франціи: онѣ не могли быть занимательны для Русской публики. Ихъ выпустилъ Переводчикъ и представилъ Русскимъ читателямъ остальное. Переводъ довольно хорошъ.

125. *Ужасные гости.* Повѣсть въ стихахъ. Сочиненіе А. В. Иванова. Спб. 1826 г. in 8. 15 стр.

Въ самомъ дѣлѣ *ужасные!* Жилъ былъ старикъ съ внучкой и внукомъ; къ нему пришли разбойники, выпили вино, взяли что было и хотѣли убить старика, какъ вдругъ — приѣхалъ атаманъ разбойниковъ, *Ринальдо-Ринальдони*, разспрашивалъ прехъ челоуѣкъ, которые грабили и били старика, а его отпустилъ невредима. О стихахъ упоминаеть не нужно. Самъ Авшоръ говоритъ:

Здѣсь нѣтъ Поэта вдохновенна,
Я къ Пинду дерзко не нарина,
Одинъ полетъ воображенна
Перомъ неопытнымъ година.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛЪТОПИСИ.

Извѣстія изъ Англій. Чрезвычайное множество банкротствъ, остановка въ торговлѣ и безпокойства между фабричными, которые остаются безъ работы и безъ хлѣба — вошь что тревожишь донынѣ умы всѣхъ Англичанъ. Считаютъ, что въ первой половинѣ сего года число банкротствъ въ Англии простиралось до 1641. Важнѣйшее изъ нихъ было Банкира Гольдсмиша. Въ 1824 г. онъ получилъ дохода отъ своихъ оборотовъ болѣе 12 милліоновъ рублей (на наши деньги) и считался первымъ богачемъ послѣ Ротшильда. Онъ не перенесъ своего бѣдствія и умеръ отъ горести, чрезъ нѣскольکو дней. Знаменитые Лондонскіе книгопродавцы: Робинзонъ и комп., обанкротились въ Январѣ на 400 т. ф. ст. Это разстроило богатаго Эдинбургскаго книгопродавца Констабля, издателя романовъ В. Скопша. При семъ случаѣ В. Скопшъ лишился болѣе нежели половины всего своего состоянія. — Не смотря на всѣ мѣры, принимаемыя Правительствомъ и благотворительными людьми, дабы облегчить участь бѣдныхъ работниковъ, лишенныхъ пропитанія, и не доводить ихъ до ошчянія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были возмущенія, какъ отъ неимѣнія работы, такъ и отъ того, что фабриканты принуждаютъ рабочихъ къ уменьшенію платы за трудъ ихъ. Въ одномъ Манчестерѣ болѣе 23,000 семействъ питаются подаемъ. Все доводитъ къ оправданію истинной системы Политической Экономіи, которую такъ упорно донынѣ опровергали Англинскіе Министры!

Между тѣмъ Лондонъ непрерывно распространяется и украшается. Подземная дорога подъ Темзою производится дѣятельно подъ руководствомъ Брунеля. Торжествомъ механики было опущеніе, на 90-футовъ въ землю, башни, подъ прикрытіемъ коей работники копаютъ землю и дѣлаютъ стѣны. Опусшившись съ башнею на 40 футовъ, должно было сражаться съ величайшими затрудненіями.

На Ковентгарденскомъ Театрѣ, восемнадцать разъ сряду, играна была опера *Оберонъ*, для коей музыка сочинена славнымъ Веберомъ. Друриленскій Театръ, 29-го Апрѣля, давалъ, въ первый разъ, новую, великолѣпную, волшебную оперу, *Аладдинава лампада*. Англинскій композиторъ и директоръ музыки Бишопъ, нѣсколько мѣсяцовъ напрягалъ всѣ свои силы, желая превзойдти въ ней Вебера, однакожь не имѣлъ успѣха и его пьеса, представлявшая три раза, оставлена.

Ученыя извѣстія. На островѣ Вознесенія заведена Англинская колонія и сей, доннынъ дикій, необитаемый островъ, начинаетъ бытъ пристанищемъ для кораблей.

Неаполитанскіе ученые непрерывно занимаютъся развершываніемъ и чтеніемъ Геркуланскихъ рукописей. Сочиненія Филодема о Риторикѣ и Нравственности уже готовы къ напечатанію; также, двѣ книги Эпикура, о Природѣ; сочиненіе Хризиппа о Судьбѣ, и еще три сочиненія Карниско (Carnisco) Полиспрата и Эпикура. Замѣчательно, что Филодемъ приписываетъ Теофрасту сочиненіе о Полишикѣ, которое доннынъ всѣ почитали Аристошеле-

вымъ. Впрочемъ, сія извѣстія пребуиють подиверженія.

Въ одномъ журналѣ утвряюшь, что въ 22-хъ Нѣмецкихъ Университетсахъ, находишь 1045 Профессоровъ, и что изъ каждаго 250 п. жителей въ Германіи, 227 человекъ посвящаютъ себя ученому званію. Мы худо доувряемъ такимъ расчепамъ, ибо журналистъ не объявляетъ, откуда онъ взялъ основаніе ихъ.

Извѣстный знатокъ Китайскаго языка и литературы Китайской, Моррисонъ возвратился въ Англію. Пишуть, что онъ привезъ съ собою болѣе 10-ти тысячъ Китайскихъ книгъ и рукописей.

О новыхъ сочиненіяхъ В. Скотта. Значительная потеря, понесенная В. Скоптомъ, нисколько не привела его въ уныніе. Онъ объявилъ, что ни онъ кого не приметъ помощи, издавъ книгу: *Разсужденіе о монетной перемѣнѣ и другихъ обстоятельствахъ, касательно Шотландіи*, и рѣшился заняться прилежаніемъ другими своими сочиненіями. Онъ принужденъ былъ однакожь, по причинѣ стѣснительныхъ обстоятельствъ, продать часть движимаго своего имѣнія. Недавно въ честь его выбили въ Эдинбургѣ медаль. В. Скоптъ болѣе всего занятъ теперь Исторією Наполеона. Недавно онъ писалъ къ нашему пошту - воину Д. В. Давыдову. Утвряя его въ своемъ глубокомъ уваженіи и извѣщая о своемъ предпріятіи, онъ просилъ сообщать ему нѣкоторыя подробности, касательно опечесавенной войны 1812 года, въ которой Давыдовъ былъ гибелью непріятелей. В. Скоптъ между прочимъ пишетъ, что поршреть Давыдова находишь въ его

кабинетъ. Надобно знать, что на семь портретъ Давыдовъ изображень въ томъ видѣ, въ какомъ водил онъ храбрыя полки свои на поиски противъ враговъ — въ Русскомъ кафтанѣ и въ бородѣ! Во всей Европѣ съ нешерпѣниемъ ждуть общаею В. Скоптомъ Исторіи Наполеона. И кѣмъ изъ современниковъ имѣешь болѣе права изобразить жизнь этого необыкновеннаго человѣка?

Мнѣніе Нѣмецкаго Рецензента объ изданіи Басень И. А. Крылова. Въ Геттингенскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ (1826 г., No 150 й) помѣщена слѣдующая статья о Басняхъ И. А. Крылова, изданныхъ въ прошедшемъ году въ Парижѣ, съ Французскими и Италіянскими переводами.

«Сочинитель сего извѣстія не знаетъ Русскаго языка. Ему препоручено написать для нашихъ листовъ извѣстіе о замѣчательномъ собраніи Басень Г. Крылова потому, что долго не было-бы объ ономъ объявлено, если-бъ мы спали ждали для исполненія сего человѣка, знающаго Русскій языкъ. Литтературная достопамятность, подобная настоящей, занимательна уже и потому, какъ достигъ Графъ Орловъ до изданія оной. Баснописецъ Г. Крыловъ, Статскій (?) Совѣтникъ и Библиотекаръ въ С. Петербургѣ, почитается въ числѣ Корифеевъ Русскаго Парнасса, между современными Русскими Певцами. По имени онъ извѣстенъ уже и въ Россіи. Но чтобы заслуги его были признаны и иностранцами, Графъ Орловъ, самъ извѣстный, хорошій Французскій писатель (особенно по своему политическому сочиненію о Неаполѣ), вводитъ Крылова въ обшир-

Ч. X. No 16.

Ц

ный кругъ Европейской публики совершенно необыкновеннымъ образомъ. Восемьдесятъ пять Басень Крылова на Русскомъ языкѣ, красиво напечатанныя въ Парижѣ, Дидошовскими литперами, являющіяся вмѣстѣ и во Французскихъ и въ Италіянскихъ сшихахъ, которыми занимались, ни болѣе ни менѣе какъ восемьдесятъ восемь литператоровъ, поэтовъ и стихотворицъ. Безъ уваженія къ Издателю и безъ обширныхъ связей его, это предпріяніе никогда не могло-бы состояться. Славныя и не-славныя имена находятся здѣсь въ пестрой смѣси, одно подлѣ другаго. Между ними являющіяся: Графъ Сегюръ, Графъ Дарю, Каріонъ Низасъ (военный писатель), Графъ Буасси д' Англа, Ноэль (Филологъ), Поэтъ Казимиръ Делавинъ, Жуи, Андриё, Пикарь, далѣ Герцогъ Бассано (Савари), а между дамами даже одна Принцесса — Сальмъ. Впрочемъ ни одно изъ преложеній сихъ Басень, не значить перевода съ Русскаго подлинника. Всѣ онѣ сначала были переведены Г-мъ Издателемъ, слово въ слово, съ Русскаго языка во Французскую прозу и пошомъ предложены всѣмъ желавшимъ передѣлывать ихъ во Французскіе или въ Италіянскіе стихи. Мы, для которыхъ, также какъ для Французскихъ и Италіянскихъ перелагателей, подлинникъ составляетъ однѣ Русскія буквы, не имѣемъ передъ собою буквального прозаическаго перевода, а пошому еще менѣе можемъ судить, перешло-ли къ намъ при этомъ переселеніи что-либо изъ прославляемой прелести и простоты оригинала, и даже, не пошерпѣло-ли какихъ перемѣнъ самое изобрѣтеніе, въ иныхъ мѣстахъ — однакожъ, изобрѣтеніе кажется, по крайней мѣрѣ въ основныхъ чертахъ, постоянно свое у Русскаго Баснописца,

если только Рецензентъ можетъ произнести такой приговоръ, не смѣя хвалиться что онъ прочиталъ всѣ донинѣ напечатанныя Басни и прочитанное все помнить. Изобрѣшеніе у Крылова не вездѣ отличнѣе остроумно и точно, но также и не перехитрено, не перемудрено такъ, какъ во многихъ новѣйшихъ басняхъ. Оно большею частію сообразно дѣтскому уму настоящей Езоповой Басни, и исполнено просаго, здраваго, понятнаго нравоченія. Желая придать изобрѣженію поэтическое или кажущееся поэтическимъ выраженіе, въ слогъ Французскіе перелагатели явно имѣли передъ глазами Лафонтена и Флоріана, а Италіянскіе Пиньотти и Берпола. Въ нѣкоторыхъ изъ Италіянскихъ подражаній Басни стали вдвое и втрое длиннѣе противъ оригинала. Также и родъ стиховъ здѣсь со всѣмъ удаляется отъ стиховъ Русскихъ, которые, кажется, ближе къ обыкновеннымъ Французскимъ стихамъ въ басняхъ. Все собраніе, какъ намъ кажется, есть родъ жапвы басенъ, какой еще никогда не бывало и вѣроятно не скоро будешь. Оба предисловія, Французское Г-на Лемонше и Италіянское Г-на Сальфи, содержатъ, частію одни и шѣ же, частію каждому особенныя извѣстія. Оба рассказываютъ исторію сего переложенія Басенъ Крылова. Оба упоминаютъ объ участіи, какое принимала въ сѣмъ предпріятіи покойная супруга Г. Орлова, отличавшаяся своимъ умомъ. Г. Лемонше набрасываетъ также, конечно не полный, абрисъ расцвѣтанія Русской Литтературы отъ Петра I го до Екатерины II и нынѣшняго состоянія сей Литтературы. При этомъ онъ дѣлаетъ замѣчанія о языкѣ и литтературѣ басни у нѣкоторыхъ другихъ Европей-

скихъ народовъ и о Езоповой Баснѣ вообще. Г. Сальфи, пользуясь симъ случаемъ, повпоряетъ часть извѣстій о Литтературѣ Италіанской Басни, которая уже помѣстилъ оны въ своемъ Продолженіи извѣстнаго сочиненія Женгене.»

Разныя извѣстія Во Французской Палатѣ Депутатовъ, по случаю проэкта объ уменьшеніи пошлинъ на чай, былъ забавный споръ. Депутатъ Дюморенъ съ жаромъ возсталъ противъ этого и требовалъ напротивъ увеличенія пошлины, чтобы хотя дороговизною снраваться уменьшишь постепенно возрастающее допрѣбленіе чаю во Франціи «Переспаньте, Мм. Гг., смѣяться» — говорилъ оны — „кто могъ думать, когда изъ Индіи прислали Карлу II два фунта чаю, и поваръ Герцогини Монтмушь, не зная, куда употребить его, сдѣлалъ изъ него соусъ, кто могъ думать тогда, что эта гибельная правда причинитъ столько бѣдствій и потомъ будетъ доставлять Англіи по 50 милліоновъ годоваго дохода? И думалъ-ли Карлъ II, что эта правда покишитъ у его преемниковъ обширныя области Американскія? Да, Мм. Гг., оны чего загорѣлась Американская война? Въ Бостонѣ сожгли грузъ чаю и вспыхнуло возмущеніе! Подъ именемъ революціи, это бѣдствіе перешло въ Европу, опустошило Францію, Испанію, Германію, лишило Испанію Америки. . . . Природа оидѣлила насъ неизмѣримыми морями отъ чаю, но мы създили за нимъ, привезли его — на что? Развѣ вѣтъ у насъ прекрасныхъ вишь, хорошихъ водокъ, славнаго пива? Послѣдуемъ примѣру предковъ; они не пили чаю — перестанемъ и мы пить чай: будемъ наслаждаться собственными произведеніями, не станемъ

плащить денегъ за эту вредную праву, отъ употребленія которой можемъ потерять нашу веселость, нашъ опкровенный, любезный характеръ и получишь тяжелый спайнъ со всеми его спрранностями. Шольё, Шапель, Панаръ, Ваде, Пиронъ и всѣ наши поэмы XVII и XVIII вѣка, не пили чаю и — услажденные сокомъ винограда, пѣли радости и счастіе! Тогда Французы не знали еще грустной политики! Если употребленіе чаю сдѣлается болѣе общимъ, нашъ характеръ измѣнится, огромные чайники заступятъ мѣсто веселыхъ буфетовъ и Французъ, съ чашкою чаю въ рукѣ, съ нрубкою въ другой, сдѣлается скучнымъ и мрачнымъ. . . . Всеобщій кохотъ былъ ознаменованъ рвѣ Г. Шюморена.

НЕКРОЛОГЪ. И. В. Ф. Маршалъ - Биберштейнъ. Мы извѣщали читателей нашихъ о смерти знаменитаго Гофмана, скончавшагося 5 Марта, нынѣшняго года, въ Москвѣ; но не прошло еще полугода послѣ сего, какъ Россія лишилась другаго Бонаника, въ Харьковѣ, Барона Фридриха *Маршалъ - Биберштейна*; коего заслуги особенно Русскихъ расшеній споль уважены и славны въ улономъ свѣтѣ. Окончивъ курсъ наукъ въ Спунгардской Каролинской Академіи, Маршалъ - Биберштейнъ 26 лѣтъ отъ роду вступилъ въ Россійскую военную службу 1792 года. Находясь въ Крыму 1793 и 1794 года и занимаясь тамъ по стараспи своей изслѣдованіемъ расшеній, онъ познакомился съ славнымъ Палласемъ; съ его одобренія былъ отправленъ съ Графомъ Зубовымъ 1796 г. въ Персію,

для изслѣдованій по части Естественной Исторіи; но послѣдую преградились скоро война съ Персами, то Биберштейнъ возвратился въ 1797 г., чрезъ Москву въ Петербургъ, гдѣ издалъ любопытныя извѣстія о странахъ Каспійско-Кавказскихъ, между устьями Терека и Кура лежащихъ, на Французскомъ языкѣ (*Tableau des provinces situées sur la cote occidentale de la mer Caspienne, entre les fleuves Terek et Kour.* St. Pétersbourg. 1797. in. 4.) Сочиненіе сіе, коимъ онъ положилъ начало Ботаническихъ изслѣдованій своихъ о Крымѣ и Кавказѣ, умноживъ и описавъ лючшіе рѣдчайшія Каспійскія растенія, издалъ потомъ на Нѣмецкомъ языкѣ (*Marschall von Bieberstein's, Beschreibung der Laedder am kaspischen Meer, zwischen den Flüssen Terek und Kur.* Frankfurt. 1800. in 8.). Растенія Крымскія исчислены сперва были Габлицомъ (1785 г.), потомъ Палласомъ (1794 г.); изъ Кавказскихъ-же послѣ Гмелина и Гильденшtedта многія хорошо изслѣдованы *М. И. Адамсомъ*, путешествовавшимъ при Графѣ Мусинѣ-Пушкинѣ. Его Капалогъ помѣщенъ въ Журналъ Вебера и Мора; послѣ всѣхъ путешествовалъ по Кавказу, Грузіи и Крыму *Стефанъ*, напечатавшій свои извѣстія въ Трудахъ Московскаго Общества Испыш. Природы и сообщившій многія растенія Биберштейну. Но полнымъ извѣстіемъ о семъ предметѣ ученый свѣтъ обязавъ Биберштейну. Для сего онъ дѣлалъ нѣсколько путешествій самъ, и имѣлъ многихъ корреспондентовъ. Второе его путешествіе въ Кавказскія страны было совершено 1798 г.; въ 1802 и 1805 годахъ онъ путешествовалъ по Грузіи; къ частнымъ посвѣщеніямъ Кавказа и Крыма имѣлъ средства и поводъ, будучи опредѣленъ Главнымъ Инспекторомъ шелко-

водства, **ИМПЕРАТОРОМЪ ПЕТРОМЪ Великимъ** заведеннаго. Въ 1804 году онъ предпринялъ путешествіе въ Германію и Францію для приобретенія свѣдѣній и знакомствъ съ лучшими ботаниками Европы. Въ сіе время онъ часто посѣщаль знаменитаго Кювье, соученика своего, но что всего важнѣе, имѣлъ случай видѣть находящееся въ Парижскомъ Музѣ собраніе Восточныхъ, Кавказскихъ и Крымскихъ растений Турнефорша и Вальяна. — Такимъ образомъ, имѣя всѣ средства для полнаго и почнаго узнанія сей части, онъ издалъ весьма важное сочиненіе, содѣлавшее его славу и содѣлавшееся классическимъ въ библіотекахъ ботаниковъ — это *Крымско-Кавказская Флора*, въ двухъ томахъ, 1808 (*Flora Taurico-Caucasica, Charkoviae* 1808. Tom. I p. 428, Tom II. pag. 478 in 8), къ коей потомъ издалъ прибавленіе (*Tomus III supplementum*. 1819 г. p. 654); кромѣ сего, нѣкоторыя извѣстія его помѣщены въ Трудахъ Московскаго Общества Испытателей Природы. — Флора сія содержитъ описаніе подробное расшеній явнотрачныхъ; шайнотрачныя же онъ собирался издать; но посреди полезныхъ и достойныхъ трудовъ зашла его кончина, на 60 году возраста.

Въ заключеніе скажемъ, что послѣ него осталось превосходное собраніе отечественныхъ растений, которое, какъ мы слышали, оцѣнено Стевеномъ болѣе нежели въ 15 тысячъ рублей. Желательно, чтобы сей классическій и единственныи въ своемъ родѣ Гербарій былъ приобретенъ для Россіи.

О П Е Ч А Т К И

№ XV.

<i>Напечатано</i>	<i>считать.</i>
197—16— Staatsferfassung	Staatsverfassung
214—12— го Превосходительства	Его Превосходительства.
216—20— и веновошское	ивеновошское
219—27— гривна	гривна
263—33— 21 Юня, 1825 г.	23 Юня, 1826 г.
264—12— Белев	Белев:

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

Турецкая пьеса (*).

Прекрасенъ первый лучъ востока
 Въ красѣ блистательной своей;
 Прекрасны Гуріи пророка (**) —
 Но ты , Гюльнара ! ихъ милѣй.

Мила звѣзда въ зыбляхъ ээира ,
 При дымѣ утренней росы ;
 Прекрасна роза Кашемира (***) —
 Твой-жъ пѣвнпелный красы.

Прекрасенъ въ кладахъ Истакара (****)
 Кипящій искрами алмазъ ;
 Но что сравнишь , о Гюльнара !
 Съ огнемъ твоихъ прелестныхъ глазъ ?

(*) Сія пьеса взята изъ Романтической Трагедіи, Корсерѣ, сочиненія В. Н. Олина, которая въ скоромъ времени будетъ напечатана.
 (**) Дѣвы Магомешанскаго рая.
 (***) Кашемирскія розы, въ Восточной Позаи, почитаются самыми лучшими.
 (****) Истакарѣ — казна и несмѣшныя сокровища Султановъ или Халифовъ, царствовавшихъ, по мнѣнію Восточныхъ жителей, еще до Адама.

Къ Пѣвцу Эды.

И я гусарь! Мечты мой
 Стремилась къ міру наслажденья;
 Меня на оргіи свои
 Умчали сердца заблужденья.

Не духъ-ли горняго селенья
 На крестъ могильный, въ забытыи,
 Облокопившись и сія
 Меланхолической красой,
 Предстала въ молчаньи предо мной?
 Не ты-ли, Эда молодая?
 Ахъ Эда, милого пѣвца
 Безцѣнно-милое созданье!
 Еще земное-ли отраданье
 Въ чертахъ небеснаго лица?
 Цѣлую дернъ передъ тобою!..
 Проходятъ здѣсь пѣвней градою
 Моей порочной жизни дни —
 И боль раскаянья, взгляни,
 Струится пламенной слезою.
 Внемли! я кляшвою свяшою
 Дружусь съ невинностью земной,
 Печаленъ мигъ моей побѣды;
 Спасенъ я, но — цѣною Эды!
 Уже-ли жертвою шакой
 Мы искупаемъ нашу младосць,
 Развраща пѣвницу! Уже-ль,
 Любовь невинная и сладосць
 Твоей любви, въ меня досель
 Воспорговъ чистыхъ не вселяли!

Безмолвное кладбище — ахъ!
 Сюда, гдѣ сердца хладный прахъ,
 Гдѣ стонетъ жизнь — меня умчали
 Порывы жизненнаго дня;
 Сей крестъ могильный, для меня
 Вось крестъ спрадальческой печали!

Баронъ Розенъ.

† *М е л о д і я.*

(Подражаніе Бейрону.)

Какъ утренней порой
 Блестящъ роса на лили молодой,
 Такъ слёзы на очахъ прекрасныхъ заблистали!
 Но улыбнулась ты — съ рёсницъ онъ пропали,
 Во взорахъ разлился непрсиджимый свѣтъ,
 Который блескъ сафира замигаетъ!
 Какъ въ шучахъ, вечеромъ, примѣненъ легкій слѣдъ —
 Когда на Западъ лучъ солнца догараетъ —
 Такъ отражается всегда въ душѣ моей
 Улыбка радости — огонь пивейкъ очей!

Ротгевъ.

Мысли и замѣчанія Наполеона Бона- парте (*).

Однажды, Наполеонъ ниспалъ вслухъ Эсхилову трагедію, *Агамемнонъ*, и удивлялся необыкновенной силѣ ея, соединенной съ удивительною простотою. Онъ давалъ замѣтить поспешенность ужаса, который можно почестъ опличительною чертою швореній Эсхила, сего фпца трагедіи. «Въ его швореніяхъ,» замѣтилъ Наполеонъ, «блеснула та искра, опъ которой горитъ видимый нами прекрасный свѣтъ.» Послѣ Агамемнона, Наполеонъ взялъ Софоклова Эдипа, читалъ его съ большимъ удовольствіемъ и очень сожалѣлъ, что не велѣлъ представить сей трагедіи на Сень-Клудскомъ театръ. Наполеонъ хотѣлъ нѣкогда видѣть Греческую трагедію на сценѣ, какъ она есть, съ древними костюмами и со всѣми принадлежностями театра древнихъ. Тальма спорилъ противъ сего предпріяшя и На-

(*) „Полагая,“ пишешь неизвѣстная Особа, доставившая намъ сію сташью „что мнѣнія такого чловѣка, „каковъ былъ Наполеонъ, любопышны во всѣхъ ош- „ношеніяхъ, въ бытность мою въ Парижѣ, а вы- „бралъ изъ разныхъ книгъ, изданныхъ сотоварищами „Наполеона, бывшими вмѣстѣ съ нимъ на островъ „Св. Елены, разныя мысли его и замѣчанія. Пре- „проводаю къ вамъ образчикъ и если вамъ годяш- „ся мои выписки, охотно сообщу продолженіе ихъ.“
Мы усердно просимъ объ этомъ. *Изд. Тел.*

Наполеонъ жалѣлъ, что не переспорилъ его. «Я не хотѣлъ вводить въ моду такія зрѣлища или исправлять ими нашъ театръ — избави Богъ! Нѣтъ! я хотѣлъ только судить о впечатлѣніи древнихъ формъ на наши новѣйшія расположенія.» Наполеонъ думалъ, что это доставило-бы зрителямъ пріятнѣйшее удовольствіе. Онъ спрашивалъ самъ себя: какое произвели-бы дѣйствіе при нынѣшнемъ нашемъ вкусѣ, Коринѳей и Греческіе хоры?

Перейдя потомъ къ Эдипу, Вольперу, онъ очень хвалилъ его: въ этой пьесѣ находилъ онъ прекраснѣйшую сцену Французскаго театра. Что до недостатковъ ея, на примѣръ, смѣшной любви Филоклетта, Наполеонъ винилъ въ этомъ не Вольпера, но нравы его времени и тогдашнихъ актрисъ, предписывавшихъ законы авторамъ. Впрочемъ, Наполеонъ хвалилъ Вольпера очень рѣдко. Корнель восхищалъ его. Наполеонъ читалъ и перечитывалъ Корнелевы трагедіи. Расинъ также былъ его любимцемъ. Прочитавъ въ одинъ вечеръ нѣсколько сценъ изъ Ифигеніи, Баязета и Митридата, Наполеонъ сказалъ: «Расинъ писалъ превосходныя трагедіи, но все у него находимъ какую-то непрерывную припорность, вѣчную любовь, вездѣ его сладкій поцѣл и великолѣпную внѣшность — но онъ не виноватъ: таковъ былъ его вѣкъ. Любовь тогда и послѣ, была упражненіемъ každого,

«Такова участь всѣхъ праздныхъ обществъ. Намб, нѣкогда было думать о любви! прибавилъ онъ смѣясь. »Кстати о великомъ военномъ планѣ Расинава Митридаша: онъ хорошъ въ поэтическомъ разказѣ, а въ самомъ дѣлѣ это была бы безмысленная глупость.»

Наполеонъ удивлялся, что у Римлянъ не было трагедій. «Правда,» сказалъ онъ — «трагедія не могла ихъ распрогань: имъ надобны были кровавые цирки. Битва гладіашоровъ, сраженіе людей съ дикими звѣрями, разумѣется, были спрацише всѣхъ нашихъ прагическихъ сценъ — и вошь единственныя трагедіи, которыя могли разшевелишь спальныя нервы и грубую кровь Римлянъ! Впрочемъ, у нихъ были однакожь опыты трагедій, на примѣръ, сочиненія Сенеки. А въ его Медеѣ, скажемъ мимоходомъ, странное дѣло: хоръ явно предвѣщаетъ открытіе Америки за 1400 лѣтъ! Новый Тифонъ, сынъ земли, говоритъ хоръ, пойдешь въ будущихъ вѣкахъ на Западъ и откроешь опдаленныя страны; земля Оуле не будетъ уже границею міра!» Памяшь Наполеонова была необыкновенна.

Читая въ Гомеровоѣ Одиссеѣ описаніе сраженія Улисса съ Ирусомъ, на порогѣ собственнаго Улиссава дворца и обонхъ въ нищенскомъ одѣянніи, Наполеонъ оуждалъ эшопъ эпизодъ и находилъ его жалкимъ, грубымъ, неприличнымъ и недостойнымъ

Царя. Впрочемъ, сказавъ все худое про
эпизодъ, я угадываю, почему онъ
особенно мнѣ не понравился: я ставлю себя
на мѣсто Улисса и чувствую, что по-
слабѣннй дуракъ побѣдилъ-бы меня. Не у
всякаго генерала и не у всякаго Царя, плеча
такъ широки, какъ у его гренадеровъ
или гвардейцовъ. Правда, добрый Гомеръ
оштрачиваетъ неуспѣхъ битвы, дѣлан
всѣхъ своихъ героевъ силачами, а въ наше
время совсѣтъ не такъ: куда-бы дѣвались
мы всѣ, продолжалъ онъ, обводя глазами
всѣхъ приутопивавшихъ — если-бы жи-
ли въ то доброе время, когда сила руки
была жезломъ правленія. Вотъ мой Новер-
ра (каммердинеръ Наполеона) былъ-бы Ца-
ремъ всѣхъ насъ. Да, надобно согласиться,
прибавилъ онъ — что просвѣщеніе дѣлаешь
все для думи и покровительствуешь ей
исверженно на счетъ плъма!

Наполеонъ часто говаривалъ о могуще-
ствѣ общественнаго мнѣнія. Онъ описы-
валъ однажды, таинственноснъ его хода,
своенравіе, прихоти его опредѣленій. Ош-
туда, онъ перешелъ къ тонкости прили-
чій Французскихъ, къ похвальной взыска-
пельности Французскихъ нравовъ, къ
умѣнью и легкости, съ какою возвращаетъ
она права свои, если кто нибудь осмѣ-
лился ихъ пренебрегать.

Моя система была: смѣшивать всѣ
роды заслугъ и каждой давать одно и по-
же всеобщее награжденіе. Я хотѣлъ дать

Талльмъ креститъ Почетнаго Легіона и —
 организованъ, боюъ прихошей Французскаго
 народа, боюъ *сдѣланнаго*, эполю спрашна-
 го во Франціи! Я хошъмъ сдѣлать малень-
 кій опытъ и далъ орденъ Желѣзной Коро-
 ны Крессентини. Орденъ быль чужестран-
 ный; получившій его тоже чужестранецъ:
 мой престоупокъ могъ бытъ не замѣченъ,
 не могъ, по крайней мѣрѣ, сдѣлаться вред-
 нымъ для правительствва и самое большое
 зло — могъ навлечь на меня нѣсколько глупыхъ
 насмѣшекъ. Судите послѣ этого о
 владычествѣ мнѣнія и свойствѣхъ его —
 я раздавалъ скипетры — предъ мною всѣ
 сгибались — и въ то же время я не имѣлъ
 власти дать прощую ленту; ибо послѣ
 увидѣлъ, что опытъ мой быль очень неудач-
 ливъ. — Точно такъ, — сказалъ Наполеону
 одинъ изъ присутствовавшихъ — въ Пари-
 жѣ сдѣлало эпо. спрашннй шумъ: въ го-
 сядинныхъ кричали, злословіе работало
 ужасно и дѣлало чудеса. Но, вообразите,
 что на одномъ изъ блестящихъ вечерахъ
 Сень Жерменскаго предмѣстія, всеобщее
 негодование было опровергнуто однимъ
 осырымъ словомъ. «Эло, ужасно, кричалъ
 какой-то говорунъ, эпо. поруганіе вѣдьмъ!
Et quel avait pu être le titre d'un Grossier! —
 Вдругъ прелестная Г-жа Ж. вскадываетъ съ
 своего мѣста, величественнымъ голосомъ
 и съ самымъ неагральнымъ выраженіемъ
 спрашиваетъ говоруна: *«Et sa blessure donc,
 Monsieur, pourquoi la comptez vous? Тупъ разда-*

ся такой хохотъ, загремѣли такія рукоплесканія, что бѣдная Г жа Ж. пришла въ замѣшательство отъ своего триумфа. Наполеонъ хохоталъ слыша этотъ анекдотъ въ первый разъ и послѣ самъ неоднократно его рассказывалъ.

Желая чипать чтонибудь для препровожденія времени, Наполеонъ взялъ поѣму *Карлъ Великій*, сочиненную братомъ его Люціаномъ Бонапарте. Онъ прочиталъ, разбирая, первую пѣснь, потомъ пробѣжалъ нѣсколько другихъ, говорилъ о предметѣ, о планѣ. «Сколько поперяннаго жаруда, ума, времени!» сказалъ Наполеонъ — «что за смѣсь вкуса и безвкусія! Двадцать тысячъ стиховъ, изъ которыхъ иные, можетъ быть, не дурны, но все это такъ безцвѣтно, безъ цѣли, безъ слѣдствія. Видно, что авторъ напаянулъ свой восторгъ и худо поддержалъ его. Какъ Люціанъ, при его умѣ, не вспомнилъ, что Вольперъ, герой Поэзіи и языка Французскаго, въ Парижѣ, въ центрѣ святилища, не выдержалъ подобнаго предпріятія? Какъ осмѣлился думать Люціанъ, что можно написать Французскую поѣму, внѣ Франціи и не въ Парижѣ? Онъ написалъ исторію въ стихахъ, а не эпическую поѣму, Эпосъ должна заключать не исторію какогонибудь человѣка, но исторію страны или событія. И что за предметъ онъ взялъ? Какія вѣдь варварскія имена? Не ужели онъ хотѣлъ своею поѣмою спослѣ-

шествовать утверждению религія? Поэма его пахнет пѣмъ краемъ, гдѣ она писана. . . Какъ можно посвящать двадцать тысячъ стиховъ неслѣпости не-нашего вѣка, предрасудкамъ, какиѣ самъ авторъ не можешь имѣть, мнѣніямъ, которыя не могутъ быть его мнѣніями? Это значитъ унижить свой талантъ! Не уже-ли ничего не можъ онъ сдѣлать лучше? У него есть умъ, легкость, дѣльность, шрудодлюбіе. Въ Римѣ былъ онъ среди богатыхъ матеріаловъ, которые могли удовольствоваться всѣмъ разысканіямъ; онъ зналъ Испаліанскій языкъ, могъ писать. У насъ нѣтъ хорошей. Исторіи Испаліанской: его дарованія, положеніе, знаніе дѣлъ, званіе, могли сдѣлать его писателемъ блестящимъ, классическимъ — трудъ его былъ-бы истиннымъ подаркомъ литературному міру и могъ обезсмертить его. Напротивъ, что значитъ его Поэма? Что она принесетъ ему? Книга сгніетъ въ пыди библіюшекъ, а автору много что достанется какое нибудь замѣчаніе, а можешь быть и насмѣшка въ біографическомъ или литературномъ словарѣ. Если уже Люціанъ не могъ избавившись отъ несчастнаго своего жребія, не могъ не писать стиховъ, вопль что было-бы достойно его, прилично и умно: онъ долженъ былъ переписать свою поэму, какъ можно красивѣе, украсить ее богатыми рисунками, великопнымъ переплетомъ,

иногда показывать ее дамамъ, отъ времени до времени прочитывать по отрывку и оставить ее наследникамъ, съ самымъ строгимъ повелѣніемъ — не печатать ее никогда. Тогда всѣ увѣрились-бы, что онъ пишетъ стихи для собственнаго своего наслажденія.»

«Дайте Иліаду» — сказалъ Наполеонъ, откладывая въ сторону поэму своего брата — станемъ читать ее попохоньку, чтобы лучше можно было удивляться Гомеру.»

Говоря о Географіи, Наполеонъ особенно остановился надъ Азіею. Потомъ перешелъ онъ къ географическому положенію Россіи, говорилъ объ удобствахъ, съ какими можетъ она имѣть предпріятія въ Индію и Китай, о безпокойствѣ, какое должна имѣть отъ этого Англія, о числѣ войскъ, потребныхъ для сего дѣла Россіи, о времени отправленія, дорогъ, какую надобно взять, богатствъ, какія Россія приобрететъ, и проч.

Наполеонъ распроспранился потомъ, вообще объ удивительномъ положеніи Россіи, противъ всей Европы и безмѣрныхъ средствахъ сего государства. «Это могущество, сидящее подъ полюсомъ; оно прилегло къ вѣчнымъ льдамъ, копорые всегда, вслучаѣ нужды, защищаютъ его. Европейцы могутъ нападать на Россію только въ печеніе трехъ или четырехъ мѣсяцовъ въ году, а Рускіе на Европу цѣлый годъ. Какая выгода! Нападающіе на

Россію встрѣпятъ шамъ ужасы, спрада-
 нія, пущыни, природу дикую или мер-
 твую, а Рускіе, чѣмъ даље пойдушь въ
 Европу, тѣмъ удобнѣе и лучше будешь
 походить ихъ. Кромѣ сихъ физическихъ об-
 стоятельствъ, представьте себѣ много-
 численное народонаселеніе и какой народъ:
 храбрый, суровый, пылкій! Не возможно
 не содрогнуться — прибавилъ Наполе-
 онъ — когда подумаешь объ этой громадѣ,
 на которую нельзя напасть ни съ боковъ,
 ни сзади, а только спереди, которая без-
 наказанно можетъ громить Европу, поглот-
 щаетъ все если побѣдитъ и удаляется въ
 средину льдовъ, въ страны ужаса и смер-
 ти, вслучаѣ неудачи и все это дѣлается
 съ удобствомъ — при малѣйшемъ опдыхѣ
 и новыхъ способахъ грянуть снова. Это
 Лернейская гидра, это Антей, который
 возобновляетъ свои силы, падая на землю!
 Надобно схватить этого Антея и заду-
 шить въ рукахъ, не допуская его оправить-
 ся — но гдѣ найти Геркулеса? Только
намѣ можно было думать, что мы *можемъ*
осмѣлиться и надобно согласиться, что
 мы осмѣлялись на это весьма неловко.

Разговаривая о снахъ, предчувствіяхъ,
 видѣніяхъ и о томъ, что Англичане назы-
 вають *двойнымъ зрѣніемъ* (double sight), пере-
 брали всѣ извѣстные объ этомъ рассказы
 и дошли до вѣдьмъ и мертвецовъ. Наполе-
 онъ сказалъ въ заключеніе: »Все это вздоръ
 и шарлатанство, такъ какъ бредни Кал-

люспро, Месмера Галля, Лафатера и другихъ, и все уничижается однимъ, весьма простымъ разсужденіемъ: это *можетъ быть*, но — этого нѣтъ. — Шарлатаны обыкновенно говорятъ умно и разсужденія ихъ могутъ быть справедливы, оболъспительны, только выводы ихъ ложны, ибо нѣтъ явленій, оныя подтверждающихъ. Месмеризмъ сущій вздоръ. А эпитъ черепословъ Галль — что за неспособность! Я старался ее уничижить. Не уже-ли природа такъ бѣдна? Если бы она выражалась головными шишками, мы были-бы не то, что есть. Нѣтъ! Тайны природы болѣе тонки, болѣе нѣжны и болѣе непостижимы. До сихъ поръ, мы ихъ не знаемъ. Горбунъ, уродъ — великій человекъ; красавецъ — дуракъ! Огромная голова съ большимъ мозгомъ — не заключаетъ ни одной идеи и маленькая одарена великимъ умомъ! Посмотрите-жь на Галля — онъ все относитъ къ головѣ — и вопъ вамъ сильнѣйшее доказательство противъ него: онъ приписалъ нѣкоторымъ шишкамъ склонности и пороки, которыя происходятъ не отъ природы, а отъ общественной жизни и ея условій: куда-бы дѣвался его органъ воровства, если-бы не было собственности? Органъ пьянства, если-бы не дѣлала вина? Органъ честлюбія, если-бы не было общества? Таковъ и шарлатанъ Лафатеръ съ его физиогномикою. Довѣрчивость заключается въ нашей природѣ — скажи намъ что нибудь и мы

июшчасъ захопимъ имѣть опредѣленныя понятія, вмѣсто того, чѣобы какъ можно осперегаться опъ эшого. Я много думалъ о фізіогноміи, испытывалъ и — практика моя была довольно велика. Увѣряю васъ, что наружность челоуѣка ничего не значить, что надобно осперегаться опъ заключеній по фізіогноміи; одно средство узнавать людей: разсматривать ихъ, испытывать, заставлятъ дѣйствовать. Вотъ въ чемъ я соглашаюсь: есть такіа безобразныя рожи, что самый сильный умъ бѣжитъ опъ вслрвчи съ ними и опъращеніе чувствуетъ къ нимъ, не смотря на всѣ убѣжденія разума.»

Наполеонъ не вѣрилъ случаю. »Его выдумали дураки,« говорилъ онъ. »Великія дѣла никогда не были слѣдствіемъ случая и счастья. Они происходятъ опъ генія и расчета. Рѣдко неудающся великимъ людямъ самыя опасныя ихъ предпріятія. Посмотрите на Александра, Цезаря, Аннибала, Великаго Гуспава — имъ всегда удавалось: не уже-ли опъ счастья они сдѣлались великими людьми? Нѣтъ! Будучи великими людьми, они умѣли управлять счастьемъ. Разсмотрите причины ихъ успѣховъ и вы увидите, что они все дѣлали для приобретения ихъ. Александръ, едва вышедшій изъ дѣтства, покоряетъ съ горстью людей чашъ свѣта — что-жъ были его победы? Простое нашествіе, удача? Нѣтъ! У него все было глубоко разочшено, опъ-

важно выполнено, мудро сдѣлано. Онъ является великимъ воиномъ, великимъ полководцемъ, великимъ законодателемъ. Къ несчастію, когда достигнулъ онъ зенита славы и успѣховъ, голова у него повернулась или сердце испортилось. Онъ началъ съ душою Траяна, кончилъ съ сердцемъ Нерона и нравами Геліогабала. Цезарь началъ поздно: юность, проведенная въ лѣноспии и шалостяхъ, не помѣшала ему однакожь, показать потомъ душу самую дѣятельную, самую высокую, самую прекрасную. Характеръ Цезаря, одинъ изъ самыхъ любезныхъ характеровъ въ Исторіи. Цезарь завоевалъ Галлію и Римъ: не ужели случаю и прослому счастію одолженъ онъ былъ своими великими воинскими дѣяніями? А эпопъ Аннибаль, опважнѣйшій изъ всѣхъ, можетъ быть, всѣхъ болѣе достойный удивленія, столь смѣлый, столь увѣренный, обильный на средства, который въ двадцать шесть лѣтъ повялъ то, что едва понять можно, сдѣлалъ, что почти сдѣлать было невозможно, который, опказавшись опъ всякаго сообщенія съ своимъ народомъ, идетъ между народами враждебными или неизвѣстными, коихъ должно побѣждать, эпопъ человекъ, который переходилъ Пиренеи и Альпы, почитавшіяся непреходимыми и приходилъ въ Италію, заплативъ половиною войска за приобретеніе июлька мѣста, гдѣ должно сражаться, за одно июлько право сра-

жашься, который, послѣ того занимаетъ Италію, ходитъ по ней и управляетъ ею шестнадцать лѣтъ, нѣсколько разъ доводитъ ужасный, могущій Римъ на два пальца отъ гибели и только тогда выпускаетъ свою добычу, когда воспользовались его урокомъ и перенесли войну къ нему въ домъ. Не уже-ли его дѣла были прихоти случая, благосклонность счастья? Великій человекъ! онъ долженъ былъ обладать крѣпкою душою, имѣть высокое понятіе о своемъ искусствѣ сражаться, онъ, который юному побѣдителю своему, именуешь себя послѣ Александра и Пирра! Всѣ сія великіе полководцы древности и всѣ, кто послѣ достойно шелъ по слѣдамъ ихъ, дѣлали великіе подвиги, соображаясь съ правилами и естественными основаніями науки, т. е. справедливо соображая и сравнивая средства съ послѣдствіями, усилія съ препятствіями. Они успѣвали по правиламъ, какъ-бы ни опажны были впрочемъ ихъ предпріятія и ни велики успѣхи. Они не пересчитавали постоянно изъ войны дѣлають истинную науку. За то они сдѣлались нашими образцами и только подражая имъ, мы можемъ къ нимъ приближиться. Счастью приписывали мои великія дѣла и непременно припишутъ мои неудачи — моимъ погрѣшностямъ; но я оправдаюсь. . . .

• Можешь быть, я достанусь на драку крикунамъ - писателямъ; но я не буду

ихъ жертвою: они изломають зубы о гранишь. Памяшь обо мнѣ вся сосшоишь изъ дѣлъ и словами ее не уничтожатъ. Если-бы Фридрихъ Великій, или кто ему подобный рѣшился писать прошивъ меня — это дѣло другое: тогда наспало-бы время мнѣ оправдывашься; а всѣ *не такіе*, пусть пишушь какъ хопяшь умно — они будутъ спрѣляшь холосшными зарядами — я переживу — и кто захочетъ бышь великъ, пошь меня похвалишь. . . .

Продолжая разговоръ, Наполеонъ говорилъ о Густавѣ - Адольфѣ и Конде — у копораго, военныя знанія — сказали онъ, казались какимъ-шо инспинкпомъ. Природа произвела Конде выученнымъ; Тюреннъ, напрошивъ, образовался шрудомъ и наукою. Вотъ это сдѣвалось по прихоти случая, что Конде оставилъ повѣль себя великихъ учениковъ, а Тюреннъ не оставилъ ни одного — надобно-бъ бышь напрошивъ: не всегда ошь училеша зависишь имѣшь хорошихъ учениковъ — шупъ вмѣниваешся природа: сѣмена растушь толь-ко въ хорошей землѣ. Говоря о Принцѣ Евгениі, Марльборугъ, Вандомъ, Наполеонъ выше всѣхъ поспавилъ Фридриха Великаго: »Онъ былъ превосходный такшикъ; »солдашы были у него наспоющія машины и — какъ часшо люди оказываются въ послѣдствіи не швѣмъ, чѣмъ кажущся они сначала! И часшо-ли знаютъ они сами, что будутъ? Фридрихъ, при началъ убѣ-

«жалъ отъ готовой побѣды — и во все
воспальное время его жизни; кто посту-
палъ неуспрашимѣ, хладнокровнѣ, без-
спрашнѣ Фридриха Великаго!»

(Продолженіе можетъ быть.)

Служанка Марія

(Истинный анекдотъ (*)).

Есть умы, такъ сказать, дико вос-
пламеняемые соревнованіемъ. Есть души
счастливыя: въ самыхъ неблагопріятныхъ
обстоятельстввахъ онѣ далеко бросающъ
высокій блескъ и достигаютъ успѣховъ
необыкновенныхъ. Доказательство — эта
бѣдная служанка, которой занимательную
повѣсть рассказалъ намъ однажды Док-
торъ Корона.

Этотъ Докторъ (его уже нѣтъ въ на-
шемъ мірѣ) былъ самъ человекъ оменъ
ученый. Онъ спалъ несчастливъ отъ влія-
нія какихъ-то полимическихъ происше-
ствій и былъ принужденъ оставить Ита-
лію, свое опечесство. Корона поселился въ
Парижъ: тамъ умѣли оцѣнить достоин-
ства и паланты, которыми отличался
онъ въ своемъ званіи. Онъ былъ особенно

(*) Описанный Докторомъ Алиберомъ, Авторомъ
Убогаго Петра и Кураме, двухъ повѣстей; уже
переданныхъ нами нашимъ читателямъ.

замѣчательнѣе своею огромною ученостью и прелестнымъ искусствомъ въ разсказываньи анекдотовъ. О чемъ-бы ни спросили — неиспощимая память всегда помогала ему и онъ восхищалъ всѣхъ. Однажды вечеромъ, когда мы собрались къ нему насладиться неисчерпаемою прелестью его разговоровъ, онъ разсказалъ намъ слѣдующее происшествіе.

У одного изъ знаменитѣйшихъ Римскихъ ваятелей была служанка, *Марія*. Она рѣдилась въ ничтожной хижинѣ, отъ бѣдныхъ и непросвѣщенныхъ родителей, но отличалась пріятностію въ поступкахъ и благородствомъ въ обхожденіи. Представляла себѣ молодую крестьянку, не прекрасную, но съ необыкновенно-выразительною фizioномією; одаренную удивительною живостію во взглядѣ и вмѣстѣ скромную, пламенную къ ученью, внимательную къ разговорамъ и не забывающую ничего; бѣспро исполняющую домашнія работы для того, чтобы послѣ предаться занятіямъ, болѣе достойнымъ; всегда задумчивую, но мгновенно переходящую отъ мечтательной молчаливости къ краснорѣчію энтузіасма — недоступную ни къ какимъ слабостямъ кокетства и щеславія — и вы будете имѣть истинное понятіе объ этой чудной женщинѣ, которой имя было назначено для Исторіи. Увѣряю, что скрытно слушая великихъ людей, которые вечерами при-

хаживали къ ея господину разговаривашь — она узнала всѣ тайны Искусства.

Всего удивительнѣе въ ея испорціи эта спраскъ къ славѣ, овладѣвшая Марією въ самомъ низкомъ изъ званійъ человѣческихъ. Прежде всего она ощутила живѣйшее удивленіе къ произведеніямъ славнаго чело-вѣка, своего хозяина; но скоро начала испытывать муку желанія — заслужить нѣкогда хвалы чело-вѣка, котораго почи-шала она предметомъ общаго уваженія и почтенія. Она прибѣгла къ слѣдующей выдумкѣ: ввѣривъ свое намѣреніе одному очень искусному художнику, который хаживалъ къ ея господину, она умолила его давать ей скрышно уроки, въ крашкіе часы, остававшіеся у него свободными отъ собственныхъ занятій. Доктору Коронѣ, о которомъ я упомянулъ выше, ввѣрили эту важную тайну, и съ тѣхъ поръ онъ объявилъ себя меценатомъ Маріи. Эпощъ просвѣщенный филантропъ хотѣлъ даже помогать ей въ издержкахъ на ученье продолжительное и пребующее большихъ расходовъ. Съ своей стороны, прилежная Марія употребляла всѣ старанія и совершенно пользовалась одолженіями обонхъ своихъ благодѣтелей. Она никогда не выходила изъ этого спрасшнаго соревнованія, которое покорило ее совершенно, котораго оспановить было ей невозможно. Дѣятельность ея не знала отдыха. Невѣдомое стремленіе, казалось, направляло всѣ

умственныхъ способности ея къ той почетной цѣли, кою она желала достигнуть.

Марія одарена была однимъ изъ тѣхъ могущественныхъ воображеній, въ коихъ вся природа какъ-бы отражается. Странно изумлялись, встрѣчая высокія качества въ такой особѣ, которая не получила никакого первоначальнаго образованія. Она сама говорила, что существованіе ея началось только съ тѣхъ поръ, когда предалась она изученію ваянія. Никогда не лѣзя было заставить ея въ недѣлительности. Желаніе успѣха было основною мыслию всѣхъ ея дѣйствій. Если чувствовала она охлажденіе восторга, то спѣшила въ Ватиканъ, гдѣ возобновлялось ея вдохновеніе. Ея часто встрѣчали въ Римскихъ церквахъ, гдѣ она старалась постигнуть высокія мысли великихъ художниковъ, созерцая ихъ образцовыя произведенія. Цѣлые часы проводила она у подножія древнихъ статуй, и то, на что другіе зирали холодно, въ ней возбуждало движенія самыя сильныя.

Служанка Марія изучала ваяніе не какъ искусство, но какъ науку. Она совсѣмъ перемѣнилась съ самою той минуты, когда оставила поля и пришла обитать въ классической странѣ генія. Всѣ истины постигались въ ея душу съ первой встрѣчи ея съ ними. Только безплодные умы могутъ холодно созерцать развалины Рима. Все

поржественно въ эпохѣ вдохновительномъ городѣ: въ немъ все возвеличиваетъ душу благороднѣйшими, прогательнѣйшими воспоминаніями. Его колонны, обелиски, мавзолеи, саркофаги — все, все краснорѣчиво говоритъ художнику - наблюдателю, и изъ могилы столькихъ знаменитыхъ мертвецовъ исходитъ пламя вдохновенія, электризирующее живыхъ.

Воля есть драгоцѣннѣйшій даръ генія. Можно сказать — она есть залогъ успѣха. Марія воспоржествовала надъ всеми затрудненіями въ искусствѣ, казалось, несообразномъ со слабостью ея пола — и не удивительно: она была движима самою могущественною изъ нравственныхъ силъ — энтузіазмомъ. Прежде клеветали на эту достойную художницу: увѣряли, что любовь особенно способствовала невѣроятнымъ усиліямъ ея заслужить публичное поржество и удостоиться похвалы своего господина; но Марія была одушевляема желаніемъ благороднѣйшимъ. Впрочемъ, въ самомъ изученіи Изычныхъ Искусствъ есть нѣчто священное: оно просвѣтляетъ душу и освобождаетъ ее отъ всѣхъ земныхъ побужденій. Марія была недослушна отряпкамъ общимъ и только въ лонѣ добродѣтели почерпала она потъ жаръ, который долженствовалъ ее обезсмертить.

Есть истинны скрываемыя; есть истинны, которыхъ ищемъ въ сирахахъ опдаленныхъ; онѣ неизгладимо вѣзываютъ

едь въ нашей памяти. Марія, которая подслушивала, такъ сказала, подлѣ каждой двери, слышала, какъ господинъ ея разсуждаетъ со своими учениками о достоинствѣ нравственнаго выраженія въ искусствахъ. Она жадно стремилась ко всѣмъ впечатлѣніямъ, которыя могли привести душу ея къ великимъ послѣдствіямъ, и потому не шарадила ни одного слова. Однажды, за столомъ, когда праздновали именины ея господина, завязался важный споръ между собесѣдниками, о преимуществѣ ваянія передъ живописью. Марія служила при столомъ и была при этомъ любопытномъ спорѣ; онъ былъ для нея поучителенъ. Ея ревность увеличилась особенно, когда при ней говорили о могуществѣ ученія и о высшихъ качествахъ, какими отличались противоположные таланты Микель-Анджело и Рафаэля.

Повторяли, что гений есть въ большей или меньшей степени принадлежность шеривна. Марія была необыкновенно постоянна въ своемъ намѣреніи и всѣ часы, которые могла сберечь отъ прочихъ занятій, она употребляла на окончаніе изящнаго произведенія, долженствовавшаго удивить всѣхъ знающихъ. Наконецъ, послѣ двухъ дѣтъ скрыпной, но неутомимой работы, Марія выставила ошатную Минервы, которую можно было почесть одушевленною. Это произведеніе не имѣло всѣхъ цѣнокосней искусства — но

было оживляемо: всею силою души, всею выразительностию идеала.

Черезъ въсколько дней, рѣшились собраться для произнесенія суда и для врученія пальмы первенства одному изъ среды множества соревнующихъ художниковъ. Здѣсь всего любопытнѣе было то, что господинъ Марія предсѣдательствовала въ этомъ достопамятномъ засѣданіи. Всѣ осмыслили похвалами ешпацию Минервы, тайно присланную на состязаніе и показывавшую необыкновенный талантъ художника; но никто не подумалъ додобривантъ, что это есть произведеніе женщины. Между тѣмъ Марія, подъ завесою неизвѣстности, въ скромной одеждѣ, которую носила она въ своемъ низкомъ званіи, являлась до той галлерей, гдѣ образцовое произведеніе ея было выставляемо върамя любопытныхъ. Удивленная сама собою, упоенная славою и счастьемъ, она въ полной мѣрѣ наслаждалась похвалами, которыя сказаны были о ея трудѣ. Ни одно замѣчаніе не возмутило ея триумфа. Всѣ зрители были восхищены: прощали таланту, который скрывается.

Прибавимъ, что Марія наслаждалась еще большимъ счастьемъ, когда возвратившись въ домъ своего господина, она услышала, какъ онъ, среди своихъ друзей, съ восторгомъ хвалитъ увѣнчанную ешпацию. Онъ ни какъ не могъ угадать, кто была наснопящій творецъ сего невѣдомаго произведе-

мія. Онъ полагалъ, что это долженъ быть одинъ молодой художникъ, подававшій самыя счастливыя надежды и спрашившійся бытъ признаннымъ. Но удивленіе, внушаемое нами, часто производило прещепаніе нервовъ, которому не лзя пропившись. Марія не могла слушать сихъ единодушныхъ похвалъ, не распрогавшись до слезъ — и такимъ образомъ тайна ея была открыта. Ея господинъ, который никогда не думалъ, чтобы она могла учиться Изящнымъ Искусствамъ — нѣсколько времени былъ неподвиженъ отъ внезапнаго восхищенія. Но щупъ онъ ночинительно поздравилъ Марію съ приобретеннымъ успѣхомъ и объявилъ, что никакъ не хочетъ быть ея господиномъ. Онъ хотѣлъ даже, съ этакъ поръ, унепреляшь всѣ средства къ усовершенствованію ея въ просвѣщеніи, и вмѣстѣ ея занятій назначилъ свою мастерскую. Марія, смущенная, не находила словъ для выраженія того, что происходило въ ея душѣ. Радость Коринны, въ то время какъ ее проводжали въ Капполой — была конечно не живѣ радости Маріи.

Но — и кто не пожалѣеть о несчастномъ случаѣ! — Марія не долго наслаждалась выгодами столь блестящаго пріума. Она пробѣла на одну минушу и погибла какъ комета. Отъ чрезмѣрной работы и непрерывныхъ занятій, она получила чахотку и векоръ пала подъ бре-

менемъ своихъ трудовъ и измуреній. Дюпюрь Корона, дѣлательно участвовавшій въ доставленіи ей успѣховъ, испощилъ все средства и заботы — но онъ не могъ избавить отъ смерти это сердце чистое и благородное, предназначшее для одной славы. Вскорѣ лавры, увѣнчавшіе Марію, были увиты погребальнымъ крепомъ. Все, знавшіе эту необыкновенную женщину, горестно плакали. Корона рассказала намъ ея исторію, желая показать всю вѣдливость примѣра надъ великимъ шансомъ. Не онъ насъ заставилъ это пламенное сиреженіе къ Изящнымъ Искусствамъ, эта горячка летѣтъ за другими, которая влѣстствуетъ нашими вечерами, возмущаетъ насъ во онѣ я заставляешь опрещиться къ высокому и прекрасному въ оладствіе цѣлмои природы нашихъ способностей. Геній есть даръ Неба; но онъ всцыхиваетъ еще случаи, отъ соревнованія.

II. С М Ъ С Ъ.

Литтературныя извѣстія.

Двѣнадцатый, послѣдній томъ Исторіи Государства Россійскаго — *послѣднее* твореніе незабвеннаго Карамзина: — въ скоромъ времени будетъ напечатанъ. Въ немъ проишествія доведены до времени великихъ подвиговъ Минина и Пожарскаго. Систематическая, но азбучному порядку расположенная, Роспись достопамятѣйшихъ предместовъ и собищенныхъ именъ, находящихся во всѣхъ цѣляхъ

шпахъ Исторіи Гос. Росс., по согласію и желанію самаго Исторіографа, приготовленная П. М. Спроевымъ; немедленно поступить въ печать, по выходѣ 12-го тома. Она необходима для занимающихся Отечественною Исторіею и для тѣхъ, кто желаетъ обзорѣть отдѣльно какое нибудь происшествіе или предметъ, въ текствѣ или примѣчаніяхъ обширнаго творенія Карамзина. Роспись сія раздѣляется на четыре разсѣла: 1-й собственныхъ именъ, 2-й географическихъ названій, 3-й примѣчательныхъ предметовъ (index rerum) и 4-й монастырей и церквей отдѣльно.

А. С. Пушкинъ, находящійся нынѣ въ Москвѣ, вскорѣ издастъ *Вторую Главу Евгенія Онегина* и стихотвореніе: *Графъ Нулинъ*. Мы не будемъ предупреждать сужденія читателей, касательно сихъ новыхъ и прелестныхъ произведеній. Пожелаемъ, чтобы также вскорѣ изданы были другія важнѣйшія творенія Пушкина: *Позма*, *Цыганы* и Трагедія, *Борисъ Годуновъ*. Можетъ быть, вскорѣ Отечественная Словесность обогатится еще Трагедіею другаго Автора.

Будущій годъ грозитъ намъ Альманашинымъ наводненіемъ.

On dit, et sans horreur, je ne puis le redire.

— *Двадцать девять* Альманаховъ, съ названіями Ботаническими, Астрономическими, Историческими, Мифологическими, будутъ изданы въ Петербургъ и Москвѣ. По выходѣ каждаго, мы будемъ извѣщать нашихъ читателей, а между тѣмъ предупредимъ ихъ, что *Сверные Цветы* будутъ продолжаемы и на будущій годъ. Извѣстнѣйшіе Литтераторы участвуютъ въ составленіи сего

Альманаха; издание его будетъ также хорошо, какъ в нынѣшняго года. А другіе Альманахи? спросить насъ чиншеали. — Не знаемъ, Мн. Гг.! Что было, что видѣли, что будетъ, что увидимъ.

Парижскія моды (*).

Les fleurs à la mode sont des roses, des pervenches, des dahlia, des oeillets d'Arabie panachés, des fleurs de grenadier, des gerbes d'or, des oeillets d'Inde. On porte en outre de la verdure, ou feuillage sans fleurs, du chêne, par exemple.

L'oeillet d'Arabie est une fleur que les modistes emploient pour les plus beaux chapeaux et pour les plus jolis bonnets du soir. Cet oeillet ressemble au dahlia pour la disposition des feuilles, mais il est moins plat et a les couleurs de l'oeillet.

Quelques merveilleuses font placer sur des chapeaux de paille de riz des fleurs à longue tige, qui entourent le bas de la forme et se balancent au moindre mouvement.

Sur beaucoup de chapeaux de paille d'Italie, il y a non seulement des boucles de rubans accolés, mais des rosettes de quatre couleurs; par exemple, des rosettes couleur de rose et bleues sur la forme, et des rosettes jaunes et blanches sur la passe.

Les modistes commencent à employer du satin pour garnir les capotes de gros de Naples: les biais et les rosettes qui entourent la forme sont moitié en gros de Naples moitié en satin, et la passe est doublée de satin.

La mode des volans est si répandue, que l'on en garnit même des redingotes. Nous avons vu plusieurs redingotes d'étoffe de Lyon, garnies du haut en bas, de deux rangs de volans. Ces volans n'étaient pas dentelés.

Sur quelques robes fond vert ou bleu sont imprimés de petits papillons ou des coquillages.

(*) По 30 Сентября, 1826 г.

Ce que l'on appelle *ruban grec*, est un ruban de gaze satiné, rose, blanc, vert ou jaune, sur lequel sont imprimés une croix grecque et des branches de myrte et d'olivier. Ces rubans servent de noeuds et de ceinture aux canezous; on en fait aussi des rosettes et des brides pour les bonnets de lingère et même pour les bonnets parés.

Habit vert à collet de velours, gilet jaune par dessus un gilet blanc, cravate anglaise à raies ou à points, pantalon gris en poil de chèvre, bottes à bout pointu, gants vert-monstre, chapeau à bord cintré; voilà le costume d'un élégant à la promenade.

Quelques merveilleux mettent leur chapeau tout-à-fait sur l'oreille droite, et ont, du côté gauche, deux grosses touffes de cheveux crépés.

Вонъ цвѣтны, которые нынѣ въ модѣ: розы, *гробъ-трава* (бараннокъ), даля, махровыя Арабскія гвоздики, гранаты, *золотой смоль* и бархатцы (Индійскія гвоздики). Кромѣ того, носятъ вообще зелень, ш. е. листья безъ цвѣтновъ, на примѣръ листья дуба. Арабская гвоздика употребляется для прекраснѣйшихъ шляпокъ и самыхъ красивыхъ, нарядныхъ чепчиковъ. Она похожа на далю расположеніемъ листковъ, но цвѣты ея, болѣе плоскіе, похожи цвѣтомъ на обыкновенныя гвоздики. — Нѣкоторыя щеголихи носятъ на шляпкахъ изъ бѣлой соломы цвѣтны, съ длинными сшебельками, окружающіе низъ шульи: они качаются при малѣйшемъ движеніи. — На многихъ Испанскихъ соломенныхъ шляпкахъ носятъ не только баятики изъ разноцвѣтныхъ, одна съ другою сложенныхъ лентъ, но еще розетки четырехъ цвѣтновъ, на примѣръ: на шульѣ двѣ, розоваго и голубаго, а на поляхъ двѣ розетки, желтаго и бѣлаго цвѣтновъ. — Модистки начинаютъ употреблять ашласъ для уборки гроденанлевыхъ каноповъ (шляпокъ): косыки и розетки, окружающія шулью, бывающъ, половина изъ гроденанля, половина изъ ашласа; подъ подбиваются ашласомъ.

Мода на уборку платьевъ воланами такъ распро-
страняется, что ими убирають даже рендегошъ.
Замѣтили много рендегошъ, изъ Лионской шелко-
вой матеріи, убранныхъ съ верху до низу двумя ря-
дами волановъ, не-зубчатыхъ. — Дѣлають платья
изъ матеріи зеленого или голубаго цвѣта, выписнен-
ной мошьяками или раковинками. — *Грегескими*
лентами называють ленты изъ апласисаго газа,
розовыя, бѣлыя, зеленыя или желтыя, на которыхъ
выписнены кресты и вѣтки миршовой и оливныя.
Сіи ленты употребляютъ для баншовъ и поясовъ съ
канзу; изъ нихъ-же дѣлають розетки и завязки для
чепчиковъ просыхъ и даже нарядныхъ.

Зеленый фракъ съ бархатнымъ воротникомъ;
желтый, на бѣломъ жилетѣ; Англинскій галстухъ
съ полосками или мушками; перчатки цвѣта зелена-
го, шляпа съ выгнутыми полями — вотъ нарядъ
щеголя на прогулку.

Иногда щеголи надѣвають шляпу на правое ухо,
и въ такомъ случаѣ на лѣвой сторонѣ головы волоч-
сы вбивають въ два большіе пука.

На приложенныхъ картинкахъ:

Креповая шляпка, убранныя газовыми лентами
и марабу. Шелковое платье со складками. Тюлевая,
вышитая мантилья. Шпильблешы изъ шерстяной ма-
шеріи, съ перломутовыми пуговками.

На 2 й картинкѣ. 1 е Шляпа гроденацкая;
убранныя пучками перьевъ — 2 е газовый шюр-
банъ — 3 е блондовый чепчикъ.

Voyage d' Orenbourg à Boukhara, etc. Путешествіе изъ Оренбурга въ Бухарію, въ 1820 году, чрезъ степи, простирающіяся на Востокъ отъ моря Аральскаго и древняго Яксарта, опис. Барономъ Е. Мейендорфомъ. Парижъ. 1826 г. - - 231

III. БИБЛИОГРАФІЯ.

Исландская Литшерашура XIX вѣка. - 57
 Богемская Литшерашура. - - - 315
 Русская Литшерашура 1825 и 1826 годовъ. - - - 61, 143, 239 и 317

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Возобновленное искусство передвигать здания — Плата за сожженія Лорда Байрона — Проектъ о новой области Соединенныхъ Штатовъ — Запрещеніе азартныхъ игръ въ Америкѣ — Докторъ Францъ, правитель Парагвая — Стереотипія — Годовое потребление приласовъ въ Лондонѣ — Число женщинъ, сгорѣвшихъ съ мужьями своими въ Индіи — Мыши-работницы — Нового рода музыка. - - 86

Нынешнее состояніе Персіи — Новая путешествія — Водолазныи колоколь. 171

Географическія извѣстія: островъ Борнео, Новая Зеландія и Отанги — Новая путешествія — Эйбожъ, Датскій Поэтъ — Ученныя извѣстія — Новое открытіе — Статистическія извѣстія. - - 257

Извѣстія изъ Англіи — Ученныя извѣстія — Митингъ Нѣмецкаго Рецензента объ изданіи Басенъ И. А. Крылова — Разныя извѣстія. - - - 342

Некрологія: Николай Ивановичъ Фуссъ — Иоаннъ VI, Король Португаліи и Императоръ Бразиліи — Г. Адамсъ и Т. Джефферсонъ — Лудовикъ Гавриилъ Сюше — Иванъ Северинъ Фатеръ — Иоаннъ Генрихъ Фоссъ — Лантье — Дж. Пинкертонъ — Петръ Эдуаръ Лемонте — Гер-

цогиня Флоридія — Балзди — Дасифъ
 Фрауенгоферъ — Лудовикъ, Антоизъ, Францъ
 Маршанжи — Лудовикъ, Эвораъ, Лешива-
 де-ла Туръ — Ландоизъ — Графъ Бржеорій
 Владимировичъ Орловъ — Василій Алек-
 сеевичъ Лешинъ — И. Е. Ф. Маршалъ
 фонъ-Биберштеттъ. 93, 178, 262 и 35а

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія.

Астафѣва В. И. —	Лилетъ - - -	62
Баратынскаго Е. А. —	Д. В. Давыдову	55
Бороздинъ И. П. —	Къ Цинцин (Проперціева Элегія) - - -	4
Г. О. Н. —	Жатва - - -	3
З—ва И. . . —	Вечеръ на моръ	60
Лешинна Н. . . —	Страждущей красавицъ	8
Олнна В. Н. —	Турецкая пѣсна -	133
Орлова В. И. —	Къ Валеріи - - -	5
	Къ Вакху - - -	99
П *** — —	Закрытый источникъ (изъ соч. Шиллера) -	102
Барона Розена —	Греческая героиня	56
	Госка по юности	100
	Къ Пьвцу Эды -	134
Ротчева А. Г. —	Къ В. А. Жуковскому	61
	Мелодія (подр. Байрону)	135
Сумарокова —	Фіалка и Шапка (басня)	7
Хрулева. . . —	Романъ - - -	9

Проза.

Монна (пов. соч. I. Бонапарте)	- - -	11
99 й номеръ въ лѣтсрѣхъ (повѣсть)	63 и 107	
Служанка Марія (пов. соч. Алибера)	- - -	150
Мысли и замѣчанія Наполеона Бонапарте		136

?

II. СМЪСЪ:

Разлиа извѣстїа.	- - -	45 и 87
Модныя обичаи.	- - -	49, 94 и 128
Лондонскїа моды.	- - -	50
Литтературныя извѣстїа.	- - -	91 и 158
Парижскїа моды (на Французскомъ и Русскомъ азыкахъ).	- - -	51, 95, 130 и 160

Къ сей частѣ принадлежатъ: карти *Панама-скаго перешейка* и *шесть* картинокъ Парижскихъ дамскихъ и мужскихъ модъ.

MAR 29 1934

